
66

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТІИ

ТОМЪ III

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1897

НАРОДНАЯ МОНАРХІЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА I. Конституціонные декреты собранія передъ судомъ общественнаго мнѣнія . . . . 1—78

ГЛАВА II. Проекты контръ-конституціи . . . . 79—128

ГЛАВА III. Зарожденіе республиканской партіи во Франціи 129—194

ГЛАВА IV. Бѣгство въ Вареннъ и его политическія послѣдствія 195—222

ГЛАВА V. Монархія или республика? . . . . 223—292

ГЛАВА VI. Завершеніе конституціи и пріемъ ея королемъ. 293—304

ГЛАВА I.

Конституціонные декреты собранія передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

§ 1.

Недовольство конституціонными декретами собранія проявилось впервые вслѣдъ за рѣшеніемъ въ отрицательномъ смыслѣ вопроса объ устройствѣ верхней палаты и отказомъ королю въ абсолютномъ вето. Еще въ концѣ лѣта 1789 года Мерси Аржанто въ письмахъ къ Іосифу II [1]) заявлялъ, что собраніе въ своихъ политическихъ требованіяхъ идетъ гораздо далѣе англійской конституціи и что своими декретами оно «роетъ могилу для монархіи».

13 іюля того же года Капелло въ донесеніи венеціанскому сенату говоритъ, что обѣщанное Франціи возрожденіе ставитъ короля въ опасность потерять престолъ и уступить напору торжествующей демократіи [2]).

Одновременно Моррисъ предсказывалъ неизбѣжную гибель дворянства, въ случаѣ король не рѣшится поддержать его; въ разговорахъ съ Лафайетомъ онъ пророчилъ торжество демократіи и гибель свободы. Самъ Лафайетъ, по его словамъ, признавалъ безуміе своей партіи, заявляя въ то же время о готовности умереть съ нею. «Я рекомендую ему, пишетъ Моррисъ

---

1) Correspondance secrète du comte de Mercy Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince Kaunitz. Письма отъ 23 іюля и 3 авг. 89 г., стр. 258 и 260.

2) I dispacci degli ambasciatori veneti alla Corte di Francia durante la Rivoluzione editi da Massimo Kovalevsky, v. I. Torino, 1895 г. стр. 33.

въ своемъ дневникѣ отъ 3 іюля, сохранить за дворянствомъ какую-нибудь роль въ конституціи, какъ единственное средство обезпечить свободу народа. Но французы такъ прониклись американскими идеалами, что не хотятъ ничего, кромѣ демократіи съ наслѣдственнымъ главою вмѣсто президента. Фактически вся власть уже въ рукахъ національнаго собранія. Конституція удержится только въ томъ случаѣ, если дворянство будетъ допущено къ участію въ раздѣлѣ суверенитета. Иначе Франція вернется къ абсолютной монархіи или выродится въ республику. Но мыслима ли демократія во Франціи? Я думаю, скажу болѣе, я увѣренъ, что нѣтъ, развѣ измѣнится самый характеръ націи» [1]).

Когда 13 сентября, по возвращеніи изъ Лондона, Моррисъ отправился въ клубъ и узналъ о рѣшеніи собранія—установить систему единой палаты и относительное вето короля, впечатлѣніе, произведенное на него этимъ извѣстіемъ, было такъ сильно, что въ дневникѣ того же дня сдѣлана была слѣдующая отмѣтка: «это значитъ идти широкой дорогой къ анархіи и къ той худшей изъ тираній, какую представляетъ деспотизмъ господствующей партіи въ народной палатѣ» [2]). Недовольство начинало сказываться въ отдѣльныхъ провинціяхъ при видѣ противорѣчія, въ какомъ мѣры собранія стояли къ требованіямъ наказовъ.

Не позже, какъ 20 августа 89 года, сестра Людовика XVI (madame Elisabeth) сообщала въ письмѣ къ госпожѣ де-Бомбель ходившіе при дворѣ слухи, будто Беарнъ, Виварэ и даже Артуа открыто заявили о своей готовности повиноваться только королю [3]). Мѣсяцъ спустя, когда собраніе уже успѣло высказаться противъ періи, пожизненнаго сената и абсолютнаго вето, Моррисъ, передавая разговоры салоновъ, говоритъ о возможномъ бѣгствѣ короля. «Общественное мнѣніе, прибавляетъ онъ, начинаетъ высказываться энергично противъ національнаго собранія. Многіе изъ тѣхъ, кто относился къ нему съ молчаливымъ недовѣ-

---

[1]) См. Diary and letters of Gouverneur Morris, стр. 100, 101, 104, 105, 114, 115, 116.

[2]) Ibid, стр. 154.

[3]) F. Feuillet de Couches, Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Томъ III, стр. 190.

ріемъ, въ настоящее время открыто высказываютъ, что лежитъ у нихъ на душѣ» [1]).

Представивъ въ депешѣ отъ 29 августа мрачную картину современнаго положенія Франціи: нивеллирующую политику законодательнаго корпуса, безсиліе исполнительной власти и перерывъ въ дѣятельности судовъ, Капелло въ слѣдующей затѣмъ (отъ 31 авг.) пишетъ о сильныхъ общественныхъ броженіяхъ какъ во всей странѣ, такъ и въ столицѣ, и объ открытой враждебности, какую многіе питаютъ къ представителямъ націи. Въ Парижѣ распространена была брошюра съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Спасите насъ или, по крайней мѣрѣ, самихъ себя». Анонимный авторъ въ обращеніи къ депутатамъ предупреждалъ ихъ, что своими мѣропріятіями они одинаково готовятъ гибель себѣ и странѣ. «По истинѣ можно сказать, прибавляетъ Капелло, что собраніе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ почву подъ ногами. Общественное мнѣніе отшатнулось отъ него, видя, что все въ немъ говоритъ о безпорядкахъ и внутреннихъ несогласіяхъ. Какая-нибудь дюжина депутатовъ, надѣленныхъ опаснымъ даромъ слова, вертитъ большинствомъ, какъ ей вздумается. Въ дебатахъ болѣе метафизики, нежели здраваго смысла, болѣе самолюбія, нежели любви къ родинѣ» [2]).

14 сентября 89 года Капелло говоритъ уже о неизбѣжности контрреволюціи. «Происшедшій переворотъ, пишетъ онъ, вызоветъ новый; я не могу предсказать времени, когда онъ случится, но, несомнѣнно, вскорѣ. И всѣ мы будемъ еще его свидѣтелями» [3]).

21 сентября тотъ же Капелло доводитъ до свѣдѣнія сената, что Нормандія, возмущенная поведеніемъ своихъ депутатовъ, сдѣлала королю предложеніе принять его и поставить въ его распоряженіе 60.000 человѣкъ [4]).

Шведскій дипломатъ Сталь-Гольштейнъ пишетъ, что аристократическая партія, доведенная до отчаянія конституціонными декретами собранія, озабочена только тѣмъ, чтобы дискредити-

1) Diary, отъ 16 и 18 сент., стр. 154 и 157
2) Депеша за № 196, стр. 57 моего изданія.
3) Депеша за № 198, Ibid. стр. 62.
4) Депеша за № 199. Ibid., стр. 62.

ровать его въ глазахъ общества; она поэтому всячески побуждаетъ депутатовъ дѣлать нелѣпость за нелѣпостью. Ей удается достигнуть своей цѣли, и недовольство сказывается уже во многихъ провинціяхъ, съ Нормандіей во главѣ [1]).

Руководителями общественнаго недовольства явились журналисты. Ривароль въ своей «Національной политической газетѣ» и Малэ дю Панъ въ своемъ «Британскомъ Меркуріи» всячески старались поставить на видъ обществу вредъ, причиненный дѣлу революціи неправильнымъ рѣшеніемъ вопроса объ устройствѣ народнаго представительства и объ участіи короля въ законодательствѣ. Первый пускался въ длинныя разсужденія о природѣ монархической формы правленія и необходимости строгой комбинаціи въ ней отдѣльныхъ видовъ власти. «Англія,— писалъ онъ,—болѣе мудрая и болѣе счастливая, чѣмъ вся древность, за исключеніемъ одной только Спарты, устройство которой отражается въ ея собственномъ, открыла ту конституцію, которая одна способна обезпечить благополучіе великой и могущественной націи. Власти раздѣлены въ ней между народомъ или общинами, сенатомъ или верхней палатой и королемъ. Въ то время какъ общины держатъ сторону демократіи, а верхняя палата высказывается въ пользу аристократическихъ прерогативъ, король безъ вреда можетъ обнаруживать стремленіе къ деспотіи; благодаря этому соперничеству, устанавливается смѣшанный образъ правленія; различныя силы, изъ которыхъ складывается правительство, взаимно умѣряютъ другъ друга, что нисколько не мѣшаетъ энергіи государственной власти, а только придаетъ ей большую устойчивость».

«Изъ этого видно, продолжаетъ Ривароль, что хорошая конституція возможна только при дѣйствіи трехъ силъ. Законодательная власть должна, какъ въ Англіи, принадлежать совмѣстно народу, сенату и королю; правительство же, другими словами, дѣятельная власть всецѣло должна быть сосредоточена въ рукахъ монарха. Далеко не случайностью можно объяснить происхожденіе такого порядка. Его потребовала сама природа вещей,

---

1) Депеша отъ 17 сент. 89 года. Correspondance diplomatique du baron de Staell-Holstein, стр. 126.

знаніе которой одно должно руководить нами, какъ велѣніе разума. Спрашивать, почему для постоянной конституціи необходимы три элемента, такъ же нелѣпо, какъ ставить вопросъ, почему въ музыкѣ нужно семь тоновъ, въ лучѣ—семь цвѣтовъ, и каждый силлогизмъ составляется изъ трехъ положеній. Насколько верхняя палата необходима въ монархіи, продолжаетъ Ривароль, видно изъ того, что уничтоженная Кромвелемъ она возникла снова съ реставраціей. Безъ нея король, въ постоянномъ соперничествѣ съ общинами, могъ бы или править неограниченно, какъ Кромвель, или пасть, подобно Карлу I. На престолѣ возможенъ въ такомъ случаѣ только призракъ дѣйствительнаго правителя или тиранъ. Комбинація двухъ палатъ съ королевской прерогативой имѣетъ то счастливое преимущество, что при ней законъ всегда издается большинствомъ двухъ противъ одного; тогда какъ при одной палатѣ въ родѣ національнаго собранія съ его 1200 человѣкъ, законъ можетъ быть нерѣдко дѣломъ 601 противъ 599. Другимъ счастливымъ результатомъ той же комбинаціи надо считать, что монархъ, надѣленный исполнительной властью, въ то же время является частью законодательной, благодаря абсолютному вето. Не имѣй онъ такого права, и участіе его въ верховной власти было бы немыслимо: Король сдѣлался бы не болѣе, какъ коммиссаромъ, уполномоченнымъ палаты. Отъ вето, брошеннаго на ту или другую сторону вѣсовъ, зависитъ движеніе политической машины. Вето—это защитительное оружіе въ рукахъ короля, оружіе, которой никогда не можетъ служить для цѣлей наступленія. Король, будучи частью конституціи, не имѣетъ основанія отказывать в законѣ, полезномъ для конституціи. Его разумъ всегда требуетъ того же, что и личный интересъ; когда онъ препятствуетъ прохожденію закона, враждебнаго прерогативѣ, его противодѣйствіе всегда падаетъ на законъ, противный конституціи. Нація сказала депутатамъ: «столкуйтесь съ королемъ и дайте намъ конституцію и добрые законы». Что значило такое обращеніе, какъ не то, что она желаетъ оставить за королемъ участіе въ законодательствѣ, что она желаетъ монархіи. Этотъ повелительный мандатъ: «вы не сдѣлаете ничего безъ участія короля и его санкціи», прямо велъ насъ къ принятію англій-

скихъ порядковъ. Но что сдѣлало національное собраніе? Оно декретировало сперва, что Франція монархія, что личность короля неприкосновенна, а корона наслѣдственна въ мужской линіи въ порядкѣ первородства и съ исключеніемъ женщинъ. Но вслѣдъ затѣмъ оно же постановило, что народное представительство будетъ постояннымъ, что оно должно состоять изъ одной только палаты и что законодательная власть принадлежитъ всецѣло этой палатѣ, такъ что хотя депутаты и провозгласили, что Франція монархія, но это вѣрно только въ томъ случаѣ, если подъ монархіей разумѣть демократію. Верхомъ двоедушія или невѣжества надо признать поэтому такое заявленіе. Это значитъ обманывать и короля, и націю. Правда лежитъ въ томъ, что корона не болѣе, какъ тѣнь, и что подпись Людовика XVI, встрѣчаемая на декретахъ собранія, или безполезна или ничтожна сама по себѣ. Я объявляю передъ лицомъ Европы, что національное собраніе убило королевскую власть, что во Франціи нѣтъ другого суверена, кромѣ палаты, да еще городской думы, избирательныхъ собраній округовъ, кофеенъ и клубовъ Палерояля. Вотъ они мои законодатели, мои короли! Они требуютъ восторженнаго служенія и горе тому, кто въ эпоху революціи, не желая воздвигать эшафотовъ, не хочетъ въ то же время строить и алтарей! Всюду, гдѣ существуетъ соединеніе властей, господствуетъ деспотизмъ; но такого соединенія и требуютъ декреты національнаго собранія. Хотя 1-я статья конституціи и гласитъ: «нѣтъ власти выше закона», но 8-я передаетъ эту власть собранію. Какую счастливую перемѣну вызвала бы во Франціи конституанта, если бы, упразднивъ министерскій деспотизмъ, она дала откровенное признаніе истиннымъ основамъ монархіи; но вмѣсто этого законадатели предпочли замѣнить деспотизмъ одного деспотизмомъ всѣхъ.»

«Тѣла остаются въ покоѣ, пока ихъ центръ тяжести не измѣненъ. Франція, которую привели въ движеніе, но которой не сумѣли придать прочной опоры, обречена на всѣ конвульсіи анархіи, пока не впадетъ снова въ деспотизмъ или не разложится на федеративные кантоны, подобные швейцарскимъ. Вамъ не избѣжать одного изъ этихъ двухъ исходовъ. Къ чему скрывать истину? Франція такъ, какъ ее устроили, не доживетъ и до

третьяго созыва народнаго представительства: она или сдѣлается монархіей, по образцу Англіи, или выродится въ деспотію, и это будетъ вашей виной, господа депутаты. Да, вамъ мы будемъ обязаны личнымъ деспотизмомъ, и этотъ деспотизмъ еще предпочтутъ вашему. Достаточно будетъ королю получить армію или арміи получить короля, и Франція искупитъ ваши ошибки и ваши преступленія. Да, въ клеветѣ на революцію лежитъ ваше преступленіе, въ томъ, что вы заставили ее дать ядовитый плодъ. Вы такъ унизили эту революцію передъ потомствомъ, что она будетъ проклинаема изъ вѣка въ вѣкъ, и мы предпочтемъ покой дѣйствительнаго рабства мучительнымъ движеніямъ ложной свободы. Но почему не уничтожить самое имя монархіи, разъ рѣшились отказаться отъ всѣхъ ея преимуществъ? Почему не объявить Францію республикой или даже народной анархіей? Это было бы откровеннѣе и достойнѣе. Разъ вы рѣшились пренебречь вашими полномочіями, пренебрегайте ими до конца. Лучше уничтожить послѣдніе слѣды королевской власти, чѣмъ унижать ее. Если Людовикъ XVI относится, повидимому, равнодушно ко всему, что вы дѣлаете, то сама нація не можетъ послѣдовать его примѣру. Нельзя совершить преступленія противъ монархіи, не совершивши его также противъ націи. Пойди король заодно съ вами, онъ сдѣлался бы столь же преступнымъ. Нація не можетъ помириться съ главою безъ діадемы и съ діадемой безъ блеска. Она покрылась бы позоромъ передъ лицомъ Европы. Какая нужда политическому тѣлу въ исполнительной власти, поставленной въ необходимость постоянно отступать передъ законодательнымъ корпусомъ? Монархъ, на котораго со всѣхъ сторонъ сыпятся оскорбленія, служитъ только къ униженію своего народа» [1]).

Съ неменьшей строгостью относился къ первымъ конституціоннымъ декретамъ собранія Малэ дю Панъ; и онъ считалъ нужнымъ знакомить французовъ съ основами англійской конституціи, популяризируя съ этой цѣлью книгу Делольма. Вмѣстѣ

---

1) A. Rivarol. Journal politique national. №№ IV, V, VII, VIII, IX, XIII (второй серіи). Смотри Oeuvres choisies de A. Rivarol par M. de Lescure (томъ II), стр. 186—194; 221—227; 263—266

съ тѣмъ онъ открылъ на страницахъ «Французскаго Меркурія» горячую полемику съ «тѣми декламаторскими статьями, которыя за послѣднія десять лѣтъ старались убѣдить публику, что нѣтъ свободы внѣ демократіи, нѣтъ тамъ, гдѣ народъ не является центромъ всего, администраторомъ, верховнымъ судьею и обычнымъ реформаторомъ всѣхъ властей, гдѣ онъ считаетъ нужнымъ установить границы собственному деспотизму созданіемъ мудрыхъ противовѣсовъ» [1]). Самъ Малэ какъ нельзя лучше высказалъ свою политическую программу и свое отношеніе къ вырабатываемой собраніемъ конституціи въ дружескихъ письмахъ къ Мунье, главному, какъ мы видѣли, вожаку англомановъ. «Одного заявленія, что въ ближайшихъ номерахъ Меркурія я займусь разборомъ вашихъ «Разсужденій о правительствѣ, въ какомъ нуждается Франція», да еще нѣсколькихъ похвалъ по адресу проекта, изготовленнаго руководимымъ вами конституціоннымъ комитетомъ, пишетъ онъ 17 сентября 1789 года, достаточно было для того, чтобы навлечь на меня громы Палерояля. Нѣсколько фанатиковъ пришли заявить мнѣ именемъ націи запрещеніе говорить о васъ и вашихъ книгахъ. Но это не мѣшаетъ тому, что я по прежнему вижу свой долгъ въ ознакомленіи общества со всѣми тѣми великими вопросами, которые рѣшаются нынѣ собраніемъ нерѣдко въ теченіе одного дня, тогда какъ цѣлымъ вѣкамъ не удалось сдѣлать этого прежде. Я печатаю поэтому въ Меркуріи ваши мотивы почти дословно. Они должны произвесть впечатлѣніе на провинціи, гдѣ метафизическія словопренія имѣютъ меньше вліянія, чѣмъ здѣсь. Если анархія, въ которой мы находимся, не поглотитъ насъ, придется вернуться къ тѣмъ монархическимъ основамъ, какія установлены вами. Нѣтъ другого выбора: или національное собраніе захватитъ всѣ власти, или народъ низвергнетъ національное собраніе и присвоитъ себѣ самому законодательство. Это случится даже весьма скоро, ибо, когда безъ достаточной подготовки на смѣну деспотизму являются демократическіе принципы, неизбѣжно устанавливается въ обществѣ нена-

---

[1]) Mémoires et correspondance de Mallet du Pan par A. Sayous. Парижъ. 1851, II, стр. 176.

вить ко всякому порядку, ко всякой власти, ко всякой разумной мѣрѣ. Вы слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить, что возмущенные деспотизмомъ народные ораторы и писатели теряютъ изъ виду, что свобода можетъ подвергнуться опасности со стороны не одного короля. Всѣ они подобны въ этомъ отношенiи тѣмъ дикарямъ, которые, чтобы защититься отъ холода, протягиваютъ руки въ пламя. Они чувствуютъ невыгоды существующихъ злоупотребленiй и не понимаютъ всѣхъ неудобствъ проводимыхъ ими реформъ. Когда при установленiи этихъ реформъ не имѣешь другого руководителя, кромѣ метафизики, не избѣжать необходимости попятнаго движенiя. Но сколько зла приходится сдѣлать въ промежутокъ! Ваши демократы не только не имѣютъ опыта народныхъ учрежденiй, но они не хотятъ даже допустить ссылокъ на этотъ опытъ. Съ равнымъ пренебреженiемъ относятся они и къ примѣрамъ, и къ авторитетамъ. Они смотрятъ на политическiе вопросы такъ, какъ смотрѣли на нихъ въ эпоху перваго зарожденiя политики. Люди для нихъ булыжники. Они опредѣляютъ ихъ размѣры и устанавливаютъ между ними геометрическiй порядокъ; они изгнали изъ общества страсти и пороки: для нихъ люди—подобiя небесныхъ духовъ, готовыхъ повиноваться одному разуму, т. е. слову учителя. Посмотрите, съ какимъ презрѣнiемъ относятся они къ англiйской конституцiи, не вѣдая ни ея пропорцiй, ни ея пружинъ, ни ея дѣйствительныхъ недостатковъ. Они обнаруживаютъ полное незнанiе тѣхъ второстепенныхъ учрежденiй, которыя опредѣляютъ въ Англiи свободный и правильный ходъ всей политической машины, несмотря на нѣкоторыя несовершенства общаго плана. Они съ ужасомъ относятся ко всякому равновѣсiю властей и думаютъ, что свобода требуетъ насильственнаго переноса власти, а не ея регулированiя. Дѣло для нихъ сводится къ уничтоженiю всѣхъ преградъ народнаго самодержавiя» [1]).

Отождествляя свои интересы съ интересами партiи, потерпѣвшей пораженiе въ вопросѣ о верхней палатѣ и королев-

---

[1]) См. письмо Малэ дю Панъ къ Мунье отъ 17 сент. 1789 года. (Le comte d'Herisson, Autour d'une révolution (1789—1799), стр. 9—14.

скомъ вето, Малэ дю Панъ произноситъ ей слѣдующій панегирикъ. «Въ системѣ, защищаемой этой партіей, въ полномъ соотвѣтствіи съ вѣчными основами всякой монархіи, которая стремится обезпечить не только свободный порядокъ установленія законовъ, но и ихъ мудрость и прочность, создающая ихъ власть является раздѣленной. Наоборотъ, исполнительная всецѣло соединяется въ рукахъ монарха. Въ лицѣ его признается не только власть верховнаго, независимаго и единственнаго главы исполненія, но и всѣ атрибуты и функціи короля. Въ виду этого онъ объявляется составной частью законодательной власти; его санкція признается необходимой, и независимость его вето обезпечена. Превосходство его надъ всѣми прочими властями, какъ единственнаго представителя народнаго суверенитета, признана въ такихъ формахъ, которыя обезпечивали бы величіе его власти и поддержку ей со стороны общественнаго мнѣнія. Какъ глава правосудія, онъ не устраняется отъ участія въ выборѣ его органовъ и въ преслѣдованіи политическихъ преступленій. Какъ глава управленія, онъ соединяетъ подъ своимъ начальствомъ всѣхъ администраторовъ; послѣдніе обязаны повиноваться его законнымъ приказамъ, что не мѣшаетъ народу участвовать въ ихъ избраніи, а законодательному корпусу высказывать сужденіе объ ихъ дѣйствіяхъ. Начальство короля надъ войскомъ не находитъ противовѣса въ существованіи независимой отъ него національной гвардіи. Министерская отвѣтственность устроена такимъ образомъ, чтобы служить защитою законамъ и свободѣ, не ослабляя въ то же время правительственной дѣятельности и не подчиняя ея агентовъ законодательному корпусу. Чрезмѣрное подчиненіе сдѣлало бы ихъ рабами демагоговъ, готовыхъ наложить цѣпи и на короля, и на частныхъ гражданъ. Отмѣняя сословное представительство, наша партія желала удержать за высшими классами различія, не нарушающія свободы, собственности и политическаго равенства. Этимъ она надѣялась устранить возможность прямыхъ столкновеній между народомъ и монархомъ и заинтересовать эти посредствующія звенья въ свободѣ и прочности конституціи. Имѣлась въ виду также и другая цѣль: умѣрить, по возможности, вліяніе надменной аристократіи богатства, не имѣющей за собой ни рожденія, ни заслугъ, ни чув-

ства чести, ни общественнаго духа». Такъ какъ обширная имперія не можетъ обойтись безъ судебныхъ палатъ, рѣшено было ихъ устройство, и магистратура получила ту независимость и то достоинство, какія необходимы для отправленія ея важныхъ функцій. «Ей создали помощниковъ въ лицѣ уголовныхъ присяжныхъ, настоящихъ присяжныхъ—перовъ судящихся. Если въ Англіи требуется отъ нихъ 20 фунтовъ стерлинговъ земельнаго дохода, то во Франціи, въ виду національныхъ особенностей и новизны учрежденія, можно бы возвысить этотъ цензъ и до тридцати. Имѣя въ виду, что Франція—страна земледѣльческая, что только недвижимые собственники заинтересованы въ сохраненіи закона и порядка, несутъ главное бремя налоговъ и одни отличаются тѣмъ независимымъ характеромъ, какой необходимъ въ народныхъ уполномоченныхъ, наша партія поручила имъ однимъ функціи представительства и доступъ въ нижнюю палату. Демагоги теряли подъ собою всякую почву. Нація избавлялась отъ того бича, какой представляетъ злоупотребленіе парламентскимъ краснорѣчіемъ, безумная поспѣшность рѣшеній, тиранія большинства и неизбѣжная узурпація единой представительной палатой права считаться выразительницей общей воли. Въ государствѣ устанавливался регуляторъ въ лицѣ верхней палаты, составленной изъ избранныхъ депутатовъ дворянства и духовенства, изъ крупныхъ собственниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто оказалъ значительныя услуги государству. Отъ короля зависѣло призвать тѣхъ и другихъ въ этотъ сенатъ» [1]).

Политическая программа конституціоналистовъ - англомановъ вполнѣ удовлетворяла Малэ дю Пана; 14 марта 90 года онъ писалъ главному вожаку партіи, Мунье: «ваши принципы даже до открытія генеральныхъ штатовъ казались мнѣ единственной разумной срединой между двумя зіяющими безднами, деспотизмомъ и анархіей» [2]).

«Мои политическія убѣжденія, значится въ статьѣ, напечатанной во Французскомъ Меркуріи, установились раньше революціи, но революція дала имъ новый смыслъ и новую силу.

---

1) Mercure, octobre, 1791 г., № 40.
2) D'Herisson, стр. 95.

Ревностный поклонникъ началъ англійской конституціи, я думаю, что они одни мыслимы въ государствѣ съ обширной территоріей, желающемъ сохранить у себя монархію. Они одни примиряютъ требованія свободы и права власти, народное вліяніе и подчиненіе закону. Благодаря правильно организованному противовѣсу властей, послѣднія лишаются возможности преступить положенныя имъ границы. Интересъ каждой—противиться узурпаціи остальныхъ, препятствовать ниспроверженію конституціонныхъ основъ, благодаря присвоенію того, что принадлежитъ ей одной. Безъ этихъ противовѣсовъ, освященныхъ опытомъ, безъ раздѣленія законодательной власти и единства исполнительной, представительный образъ правленія кажется мнѣ свободной ареной для столкновенія партій. Онъ долженъ выродиться или въ буйную демократію, разъ народу удастся овладѣть прямымъ участіемъ во власти, или въ гнетущую всѣхъ аристократію, разъ собраніе сумѣетъ усыпить его. Вотъ почему смѣшанные образы правленія одни отвѣчаютъ человѣческой природѣ, обезпечивая одинаково справедливость законовъ и ихъ стойкость. Они одни въ частности могутъ держаться при томъ упадкѣ общественной нравственности, до котораго дошли современные народы». Малэ дю Панъ думаетъ, что въ пользу его мнѣнія говоритъ не только авторитетъ Монтескье, но и Руссо. «Нужно ли настаивать на этомъ? пишетъ онъ. Тѣ же мысли были высказаны человѣкомъ, сужденія котораго любятъ приводить въ наше время, искажая ихъ, однако, до неузнаваемости. Я разумѣю Руссо, который, указавъ необходимыя условія демократіи, тѣмъ самымъ призналъ ее невозможной въ нашей средѣ» [1]).

Цѣлая фаланга газетчиковъ и памфлетистовъ развивала на разные лады мысли сторонниковъ англійской конституціи, не обнаруживая, впрочемъ, той талантливости и той цѣльности взглядовъ, какой отличаются только что приведенные публицисты. Такъ, напримѣръ, анонимный авторъ открытаго письма къ Неккеру, появившагося въ приложеніяхъ газеты «Point du jour» (Заря), указывая на добровольныя пожертвованія, сдѣ-

---

[1]) A. Sayous. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan, стр. 220 и 221.

ланныя уже дворянствомъ и духовенствомъ, восклицалъ: «неужели вы уничтожите эти сословія, необходимыя всякой монархіи, сословія, при отсутствіи которыхъ деспотъ, какъ въ Турціи, имѣетъ возможность напасть на народъ съ оружіемъ въ рукахъ? Довольствуйтесь равенствомъ налоговъ, отказомъ высшихъ сословій отъ денежныхъ преимуществъ, довольствуйтесь правомъ согласія на налогъ, періодичностью генеральныхъ штатовъ, возможностью представить въ лицѣ вашихъ депутатовъ противовѣсъ двумъ высшимъ сословіямъ, соединеннымъ въ одной камерѣ. Французы! вы созданы для монархіи, вы всегда боготворили своихъ королей; клянитесь же передъ небомъ и отчизной удержать скипетръ въ рукахъ династіи, которая съ такою славою въ теченіе столькихъ вѣковъ управляетъ вами. Изгоните изъ вашихъ умовъ эти безумныя, эти неосуществимыя надежды обратить Францію въ рядъ республиканскихъ округовъ. Этотъ бурный образъ правленія невозможенъ между вами по причинамъ столько же физическимъ, сколько и нравственнымъ. Не теряйте изъ вида, что въ XVIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху крайней разнуздапности и изнѣженности нравовъ, въ имперіи съ 25 милліонами подданныхъ можно установить только кантоны, лишенные всякаго центральнаго тяготѣнія и всякой гармоніи. Подобно Декартовскимъ вихрямъ, они взаимно поглотили бы другъ друга, и въ результатѣ получился бы великій и непроницаемый хаосъ [1])».

Если въ вопросѣ объ устройствѣ періи или пожизненнаго сената болѣе радикальные журналы, какъ, напримѣръ, издаваемый Мирабо «Courier de Provence», высказывались отрицательно, какъ одинъ человѣкъ, то по вопросу о королевскомъ вето мнѣнія передовой печати оставались раздѣленными.

Маркизъ де-Казо, вліяніе котораго на Мирабо указано было нами въ одной изъ предшествующихъ главъ, говоря, что вето верхней палаты можетъ служить только къ поощренію подкупа, въ то же время отстаивалъ неограниченность королевскаго. «Идея монархіи, пишетъ онъ, необходимо предполагаетъ такой образъ

---

[1]) IV-ème suite au suplément du Poiut du jour. Un patriote A. M. Necker au moment de son arrivée.

правленія, при которомъ король не можетъ ничего установить или измѣнить, не условившись предварительно съ представителями націи, а представители націи въ свою очередь не могутъ сдѣлать ни того, ни другого безъ согласія короля»[1]. Тѣхъ же приблизительно мыслей держится и пишущій въ журналѣ Мирабо публицистъ Салавиль. Еще въ маѣ 1789 года онъ помѣщаетъ въ «Courier de Provence» рядъ статей, въ которыхъ протестуетъ рѣшительно противъ проекта соединенія высшихъ сословій въ особую камеру, проекта, представленнаго епископомъ Лангрскимъ. Этотъ протестъ вполнѣ отвѣчалъ тѣмъ мыслямъ, какія высказаны были самимъ трибуномъ за годъ до революціи, когда онъ, опредѣляя свою задачу на будущихъ штатахъ, говорилъ о желаніи добиться коалиціи короля и народа противъ привилегій. «Борьба съ привилегированными сословіями и привилегіями—таково мое знамя», писалъ онъ. «Привилегіи полезны, когда онѣ направлены противъ короля, но онѣ никуда не годятся, когда мѣсто короля занимаетъ нація. Мы должны поэтому остаться монархистами. Лично самъ я монархистъ, и монархистъ искренній. Чѣмъ была бы республика, составленная изъ тѣхъ разнообразныхъ аристократій, которыя грызутъ насъ по частямъ? Очагомъ самой дѣятельной тираніи». Идеалъ Мирабо—единая національная камера и, рядомъ съ нею, сильная исполнительная власть, ее контролирующая. Низшими органами этой власти являются избираемые муниципалитеты. Мирабо на столько остается вѣренъ идеямъ физіократовъ, что планъ Тюрго о самоуправленіи мелкихъ городскихъ и сельскихъ общинъ подъ руководствомъ королевскихъ чиновниковъ всецѣло вошелъ въ его систему. Свобода печати и отвѣтственность министровъ являются ея необходимымъ дополненіемъ[2]. Расходясь со сторонниками англійской конституціи въ вопросѣ о пользѣ верхней палаты, Мирабо въ то же время примыкалъ къ нимъ въ своей защитѣ королевскаго вето. Онъ печаталъ въ «Courier de Provence» (№№ 2 и 5 сентября 89 г.) слѣдующую апологію англійской кон-

---

[1] Simplicité de l'idée d'une constitution et de quelques autres qu s'y rapportent.

[2] de Loménie. T. IV, стр. 123—139.

ституціи: «Столѣтіе счастья и спокойствія создало въ пользу Англіи пристрастіе, какимъ не пользуется въ равной мѣрѣ ни одна политическая теорія. Отказать въ уваженіи ея конституціи только потому, что она не создана народомъ-философомъ, такъ же нелѣпо, какъ пренебречь компасомъ потому только, что его открытіемъ мы обязаны случаю. Конечно, эта конституція имѣетъ свои недостатки, но какъ бы велики они ни были, уже то обстоятельство, что съ теченіемъ времени она не только не подверглась порчѣ, но, наоборотъ, значительно усовершенствовалась; что нигдѣ личная свобода — крайняя цѣль народныхъ стремленій, не окружена большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ Англіи; что энергія, изобрѣтательность, знанія и таланты нашли въ ней благопріятныя условія для развитія; что, начиная съ пера и оканчивая простымъ гражданиномъ, всѣ готовы пролить кровь въ защиту существующихъ порядковъ, позволяютъ сомнѣваться въ той опасности, какую будто бы представляетъ взаимное вето короля и палатъ, допускаемое англійской конституціей» [1]).

Иначе смотрѣло на отношеніе короля къ народному представительству большинство депутатовъ; они высказывались, какъ мы видѣли, противъ абсолютности королевскаго вето. Неудивительно, если и въ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу, къ ожидаемому рѣшенію относятся, какъ къ чему-то, имѣющему опредѣлить собою всю будущую судьбу націи. «Будемъ ли мы свободны, или намъ предстоитъ остаться рабами»? такъ начинаетъ свой отчетъ о преніяхъ по поводу королевскаго вето, «Французскій Курьеръ» 4 сентября 89 года.

«Французская нація поперемѣнно боролась въ теченіе столѣтій съ феодальной аристократіей и съ министерской тираніей; овладѣетъ ли она, наконецъ, тѣмъ суверенитетомъ, который долженъ принадлежать ей? Вотъ въ двухъ словахъ къ чему сводятся всѣ разсужденія о королевской санкціи» [2]).

Но, возставая противъ всякаго подобія палаты лордовъ и абсолютности королевскаго вето, публицисты самыхъ крайнихъ фракцій продолжали оставаться сторонниками монархіи. Никто

---

[1]) Ibid., стр. 428, 429.

[2]) Numero 61 du Courier français, du vendredi 4 septembre 1789 года.

другой, какъ Маратъ, въ памфлетѣ, изданномъ въ 1789 году подъ заглавіемъ: «Конституція или проектъ декларацiи правъ въ связи съ планомъ государственнаго устройства, справедливаго, мудраго и свободнаго», еще заявлялъ, что единственнымъ образомъ правленія во Франціи можетъ быть монархія, что личность короля священна и что отвѣтственными за его дѣйствія можно сдѣлать только министровъ» [1]).

Другой радикалъ, Мануэль, которому суждено будетъ играть далеко не второстепенную роль въ насажденіи во Франціи республики, высказывалъ еще въ это время слѣдующія мысли: «король имѣетъ свою прерогативу, какъ высшіе классы свои привилегіи; народъ одинъ имѣетъ права. Благоденствіе народовъ создало права королей, Скипетръ вручается имъ для того, чтобы они приводили законы въ дѣйствіе». Но тотъ же Мануэль спѣшилъ прибавить: «король предлагаетъ законы, даетъ имъ свою защиту, но онъ не вправѣ создавать ихъ лично. Обществу принадлежитъ право регулированія своихъ интересовъ. Нація должна установить, какъ принципъ, что ни король, ни министры не будутъ имѣть другой силы, кромѣ той, какую дастъ имъ законъ. Штаты обязаны добиться того, чтобы всѣ агенты администраціи, всѣ тѣ, кто подлежитъ соблазну придворныхъ— министры, губернаторы и т. д., зависѣли отъ ихъ выбора и подлежали ихъ цензурѣ. Самое большее, если для судебныхъ должностей допущена будетъ несмѣняемость; и все же ихъ слѣдуетъ оставить подъ контролемъ генеральныхъ штатовъ. Если видѣть въ дворянскомъ званіи лишній стимулъ къ общественному служенію, то надо постановить, что имъ позволено награждать только добродѣтели и таланты. Дворянство не должно быть наслѣдственнымъ. Рождаешься человѣкомъ, а не дворяниномъ. Дворянская привилегія—продуктъ заблужденія» [2]).

Тщетно дворянство ссылается на грамоты и титулы, столь же старинные, какъ сама монархія. Мануэль въ открытомъ письмѣ къ графу Артуа отъ 23 іюня 89 года говоритъ: «Знаете ли вы, что ду-

---

[1]) Ibid., стр. 17 и 43.

[2]) A mes concitoyens, 1789 годъ (стр. 2, 3, 12, 13, 14). См. Lettres de P. Manuel, l'un des administrateurs de 1789, sur la révolution, recueillies par un ami de la constitution. Paris (l'an troisième de la liberté).

маетъ о нихъ одинъ англичанинъ? (намекъ на доктора Прайса). Онъ сравниваетъ ихъ съ плёмпудингомъ. Одинъ замѣсилъ тѣсто, другой прибавилъ къ нему яицъ, третій сахару, четвертый винограду—и вотъ вамъ исторія французскаго дворянства» [1]). Великій процессъ авторитета и свободы неизбѣжно будетъ потерянъ королями, которые вступятъ въ споръ съ народомъ, защищая привилегіи дворянства, «Пора, пишетъ Мануэль въ мнимомъ посланіи англійскаго короля къ французскому, чтобы народъ, просвѣщенный Монтескье, Руссо, Вольтеромъ, Мабли, Рейналемъ, вернулъ свои права. Какъ могли вы забыть ту истину, что монархія такой порядокъ правленія, при которомъ одинъ повелѣваетъ то, чего всѣ желаютъ. Неужели вы думаете, что я стану сокрушаться надъ вашей участью потому только, что вамъ придется играть ту же роль, что и я? Неужели она не способна удовлетворить вашихъ желаній, когда она едва вамъ по силамъ? Развѣ не достаточно для нашей славы рѣшенія вопросовъ о войнѣ и мирѣ, права заключать международные союзы, принимать и посылать пословъ, назначать на всѣ должности и въ арміи, и во флотѣ. Вѣдь никто, какъ я, можетъ изъ матроса сдѣлать адмирала; отъ меня зависитъ дать санкцію законамъ, и никто, кромѣ меня, не издаетъ административныхъ регламентовъ. Правда, я не могъ бы избить ни одного изъ моихъ конюховъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ прибѣгъ бы къ закону, который сильнѣе меня; но не слѣдуетъ ли считать добромъ то благородное сопротивленіе, которое ставитъ намъ на видъ нашу несправедливость? Одни дурные граждане могутъ быть добрыми рабами. Хотя наборъ войскъ зависитъ отъ меня, но мои же войска отказали бы мнѣ въ повиновеніи, если бы я вздумалъ, по примѣру Карла I, при ихъ содѣйствіи, вымогать налоги съ подданныхъ. Развѣ солдаты не принадлежатъ націи больше, чѣмъ мнѣ, націи, которая даетъ средства на ихъ содержаніе?» [2]).

Изъ сдѣланныхъ выдержекъ нетрудно прійти къ заключенію, что въ передовой печати мы далеко не находимъ на первыхъ

---

[1]) Ibid., стр. 16—21. Lettre a monseigneur comte d'Artois sur la séance royale. Le 23 іюня 1789 года.

[2]) Ibid., стр. 22—25. Lettre du roi d'Angleterre au roi de France sur les états généraux.

порахъ сторонниковъ республиканскихъ порядковъ, мало этого, что ея требованія въ первые мѣсяцы, слѣдовавшіе за взятіемъ Бастиліи, не предполагали даже необходимости тѣхъ мѣръ къ ограниченію исполнительной власти, къ какимъ прибѣгло собраніе при выработкѣ конституціи. Такъ, напримѣръ, Мануэль допускаетъ возможность сохраненія за королемъ права войны и мира, назначенія на всѣ должности въ арміи и во флотѣ, выбора судей и тому подобное.

Республиканскія ученія не находятъ еще въ это время другого истолкователя, кромѣ Камилла Демулена. Самъ Робеспьеръ, сознаваясь, что онъ въ свое время былъ монархистомъ, говоритъ: «республика вкралась между партіями неизвѣстно какъ» [1]). Гораздо позже того времени, какое мы имѣемъ въ виду, Робертъ, впервые вздумавшій произнесть имя республики, встрѣчалъ еще въ якобинскомъ клубѣ дружный отпоръ. «Мы не республиканцы», слышалось со всѣхъ сторонъ, и собраніе просило оратора вычеркнуть это слово изъ его рѣчи [2]). Самъ Демуленъ не могъ найти издателя для брошюры «Свободная Франція» и долженъ былъ предпринять печатаніе на собственныя средства. Да и его республиканизмъ еще на столько неопредѣленъ, что можетъ считаться не болѣе, какъ отголоскомъ мыслей, высказанныхъ Мабли въ трактатѣ «О правахъ и обязанностяхъ гражданъ». Я удивляюсь, почему біографы Демулена ни разу не задались мыслью сопоставить то, что онъ говоритъ о монархіи съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ трактата Мабли. «Всякій образъ правленія, при которомъ должности наслѣдственны или только пожизненны, противоположенъ цѣли, какую ставитъ себѣ общество. Онъ содержитъ въ себѣ коренной недостатокъ, который портитъ и заражаетъ всѣ частныя учрежденія, какъ бы хороши они ни были. Я не сомнѣваюсь, что давши себѣ отчетъ во всѣхъ слабостяхъ человѣческой природы, во всѣхъ ея безуміяхъ и страстяхъ, и познакомившись съ исторіей, вы признаете истиной, приложимой ко всѣмъ временамъ и ко всѣмъ странамъ, слѣдующее положеніе: исполнительная власть не должна быть

---

1) Michelet. T. II. Histoire de la révolution française. нов. изд., стр. 358.

2) Ibid., стр. 360.

вручаема никому иначе, какъ временно... Повсюду и во всѣ времена наслѣдственная или пожизненная должность обращала въ деспотизмъ и тиранію даже весьма ограниченную на первыхъ порахъ власть... Если и признать, что пожизненность должности не грозитъ наступленіемъ немедленнаго рабства, то она имѣетъ то неудобство, что ставитъ государство въ зависимость отъ старческой дряхлости его управителя. И сколько отъ этого вытекаетъ злоупотребленій и безумствъ! Но наслѣдственная должность еще хуже. Родиться великимъ—достаточная причина, чтобы оставаться малымъ всю свою жизнь. Съ самаго дѣтства жертва лести и лжи, упоенный въ юности удовольствіями и страстями, человѣкъ доходитъ до зрѣлаго возраста, не научившись даже мыслить, а въ старости остается ему только прозябать среди гордости и предразсудковъ придворныхъ. Нѣкоторые правители надѣлены были талантами, но ни одинъ изъ нихъ не зналъ своихъ обязанностей и не былъ достоинъ выпавшей ему доли. Если и удастся привести нѣсколько исключеній, то все же нельзя будетъ на трехъ, четырехъ примѣрахъ построить систему общественнаго благополучія, какъ неразрывно связаннаго съ монархіей [1]).

Не то же ли говоритъ Демуленъ, когда, приведши длинный списокъ отдѣльныхъ царствованій, начиная отъ Филиппа IV Красиваго и оканчивая Людовикомъ XIV, онъ восклицаетъ: «развѣ факты не говорятъ за себя и не доказываютъ, что монархія — сквернѣйшій образъ правленія? Какъ? въ теченіе пятисотъ лѣтъ можно было насчитать всего три короля, по истинѣ достойныхъ престола! И рѣшаются утверждать, что королевская власть всего болѣе отвѣчаетъ интересамъ Франціи! Дорогіе сограждане! Свобода должна быть великимъ благомъ, если Катонъ рѣшается скорѣе распороть свои внутренности, чѣмъ подчиниться тирану. А между тѣмъ, у какого короля можно найти столько доброты и столько героическихъ качествъ, сколько было ихъ въ Цезарѣ, диктатуры котораго Катонъ не хотѣлъ терпѣть. Нація должна управлять сама собой, по примѣру Америки, по примѣру Греціи. Таковъ единственный образъ

---

[1]) Mably, Collection des oeuvres, томъ XI, стр. 287 и слѣдующія.

правленія, подобающій людямъ и, въ частности, французамъ нашего вѣка.

Не смѣются ли надъ здравымъ смысломъ тѣ, которые уподобляютъ монархію отеческому управленію? Отецъ начальствуетъ надъ дѣтьми потому, что онъ отецъ, что дѣти все отъ него получили, что сама природа является ручательствомъ его любви къ нимъ и накопленной опытомъ мудрости.

Народный образъ правленія, единственно подобающій людямъ, въ то же время самый мудрый. Онъ не знаетъ возможности другого интереса, кромѣ народнаго, и, такъ какъ общественныя добродѣтели то же, что привязанность къ общимъ интересамъ, то демократическое правленіе всегда будетъ правленіемъ добродѣтельнымъ.

Изъ двухъ качествъ, особенно желательныхъ во главѣ государства, добродѣтелей и таланта, мы по крайней мѣрѣ всегда будемъ обезпечены въ первомъ. Такимъ образомъ, демократическому правительству могутъ недоставать только таланты, но все же не въ большей мѣрѣ, чѣмъ монархическому.

Жаловалась ли когда-нибудь Франція на ихъ отсутствіе, даже въ то время, когда большинство ихъ пропадало для нея безплодно? Сравните начальниковъ, назначаемыхъ народнымъ выборомъ, съ тѣми, какихъ хотятъ придворные. Были бы мы разбиты, если бы нами командовали только выборные генералы, или втоптаны въ грязь, если бы выборъ министровъ лежалъ въ нашихъ рукахъ? Я объявляю себя поэтому открыто въ пользу демократіи. Да что и возражать противъ того, что доказано примѣрами Греціи, Швейцаріи и Америки».

Полемизируя съ противниками, Демуленъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду ходячее утвержденіе, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Франція, мыслима одна только монархія. Въ доказательствѣ противнаго онъ обнаруживаетъ несомнѣнную оригинальность. «Говорятъ, что демократія возможна только въ маленькихъ городахъ, какъ Аѳины или Женева, что она мыслима на островѣ, какъ Англія, или въ горной мѣстности, какъ Швейцарія, или наконецъ, въ странахъ, отдѣленныхъ океаномъ отъ народовъ завоевательныхъ. Дорогіе сограждане! но вѣдь одно то обстоятельство, что эти мѣстности были поперемѣнно свободными и рабскими, уже показываетъ, что не одному поло-

женію обязаны они благами свободы. Кто не видитъ, что эти примѣры взаимно лишаютъ другъ друга силы и значенія? Если Англія окружена морями, то того же нельзя сказать о Женевѣ; если Аттика мала, то Америка обширна; если въ Швейцаріи есть горы, то ихъ нѣтъ въ Голландіи; если Америка нуждается въ защитѣ океана, то не доказываетъ ли это, что незначительность территоріи не только не способствуетъ республиканскому режиму, но, наоборотъ, противорѣчитъ ему. Если государство мало, имъ легче овладѣть. Но обширная страна, какъ Франція, обращенная въ республику, не нуждалась бы ни въ барьерѣ морей, ни въ крѣпости Альпъ: свобода сдѣлала бы ее непобѣдимой.

Возражаютъ, что части этого единаго цѣлаго могли бы разъединиться и что намъ предстоитъ сдѣлаться цѣпью небольшихъ республикъ. Я не могу представить себѣ неизбѣжности этого разложенія. Къ чему намъ нарушать единство? Къ чему быть бретонцами, беарнцами, фламандцами? Вѣдь подъ небомъ не будетъ болѣе прекраснаго имени, какъ французы. Этому имени, уже столь извѣстному, придется всѣмъ пожертвовать. Вамъ, достойные представители націи, выпало въ удѣлъ уничтожить всѣ тѣ преграды, которыя раздѣляютъ еще провинціи; отъ васъ зависитъ соединить насъ во едино подъ знаменемъ конституціи, которая бы обезпечила общее счастье и заставила насъ чествовать 89 годъ, какъ евреи праздновали годъ освобожденія отъ ига Фараонова [1]). Мы превзойдемъ англичанъ, которые гордятся своими учрежденіями и готовы надругаться надъ нами за наше рабство».

Но, выставляя республиканскую программу, даетъ ли ей Демуленъ иное содержаніе, чѣмъ то, какое демократической монархіи ставило большинство членовъ національнаго собранія? Нимало. Его политическій идеалъ лежитъ, правда, въ томъ господствѣ большинства надъ меньшинствомъ, къ которому сводится сущность демократіи. Но никто изъ журналистовъ не поддерживаетъ энергичнѣе извѣстное заявленіе Мирабо объ опасности самодержавнаго собранія и необходимости поставить ему опредѣленныя границы.

---

[1]) La France libre, въ Oeuvres de Camille Desmoulins, изд. M. Jules Claretie, томъ I, стр. 116—127.

Вотъ къ чему приблизительно сводятся выставляемыя Демуленомъ практическія требованія. Общая воля одна можетъ быть закономъ, но выразителями ея не могутъ быть всѣ; необходимы поэтому уполномоченные, необходимы представители; выборъ ихъ рѣшается большинствомъ. Большинство же призвано высказываться по всѣмъ интересующимъ націю вопросамъ. Воля большинства или, что то же, воля націи—законъ. Нація не нуждается въ санкціи своего верховнаго делегата: его дѣло повиноваться; такимъ образомъ всякое вето разъ навсегда осуждено. Но самодержавіе націи не равнозначительно съ ея всемогуществомъ. Большинство, призванное выразить ея волю, не можетъ предпринять ничего противъ естественнаго права. Самодержавіе націи и главенство большинства не ведетъ необходимо за собою неограниченности полномочій ея представителей. Демуленъ требуетъ, чтобы собраніе подчинялось націи и видитъ средство къ этому въ установленіи повелительнаго мандата. «Необходимо, говоритъ онъ, чтобы всякій избирательный округъ имѣлъ возможность отозвать своего представителя, чтобы ему въ такой же мѣрѣ принадлежало право удаленія его, какъ и назначенія».

Но внѣ этого чисто демократическаго требованія, трудно открыть въ разсужденіяхъ Демулена что-либо, идущее наперекоръ или далѣе конституціонной программы собранія.

Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ объ устройствѣ представительства. Демуленъ, разумѣется, высказывается въ пользу однокамерной системы. «Греки, говоритъ онъ, всего лучше понимали свободу, но въ чемъ находили они ее, какъ не въ сословномъ равенствѣ (égalité de conditions)». Не нужно намъ болѣе сатраповъ, маговъ, наслѣдственныхъ должностей! Да не знаетъ болѣе Франція другого дворянства, кромѣ личнаго. Какъ могутъ честолюбцы убаюкивать себя химерами и увѣрять, что мы допустимъ существованіе верхней камеры?» [1]).

Возставая противъ нея, Демуленъ, очевидно, вполнѣ солидаренъ съ большинствомъ собранія. Но, можетъ быть, онъ

---

[1]) Réclamation en faveur du Marquis de saint Hurugue, Oeuvres, стр. 205.

расходится съ нимъ въ вопросѣ объ избирательномъ цензѣ? Положеніе, что волю націи выражаетъ всегда большинство, что меньшинство не въ правѣ ссылаться въ свою пользу на разумъ, такъ какъ разумъ требуетъ, чтобы воля меньшинства уступала волѣ большинства [1]), все это даетъ право предполагать, что въ лицѣ Демулена мы встрѣчаемся со сторонникомъ всеобщаго права голосованія. Но это не вѣрно. Предвидя то возраженіе, какое можетъ быть сдѣлано противъ исключительнаго господства большинства, онъ утверждаетъ, что послѣдствіемъ защищаемаго имъ порядка не можетъ быть раздѣлъ собственности, проведеніе, какъ онъ говоритъ, аграрнаго закона. Выше общей воли стоитъ естественный законъ, подъ защитой котораго находится признавшій собственность общественный договоръ; Демуленъ не отступаетъ поэтому передъ мыслью прямого ограниченія имъ самимъ выставленнаго принципа — всемогущества большинства. «Люди, впервые собравшіеся въ общество, говоритъ онъ, поняли, что первоначальное равенство не можетъ существовать долго; они постигли также, что въ тѣхъ народныхъ собраніяхъ, которыя смѣнятъ настоящее, всѣ члены государственнаго сообщества не будутъ имѣть одинаковаго интереса въ сохраненіи общественнаго договора, дающаго гарантію собственности. Вотъ почему они озаботились поставить низшій слой общества въ невозможность нарушить общественный договоръ. Съ этою цѣлью законодатели исключили изъ политическаго сообщества тотъ классъ лицъ, который въ Римѣ называли пролетаріями, признавши, что задачей послѣднихъ—производить дѣтей и содѣйствовать одному размноженію. Изъ нихъ образовали они особую центурію, не имѣющую никакого вліянія на народное собраніе. Удаленные отъ государственныхъ дѣлъ тысячью нуждъ, въ постоянной зависимости отъ другихъ, члены этой центуріи никогда не могутъ властвовать надъ государствомъ. Одно сознаніе своего приниженнаго положенія удаляетъ ихъ отъ собраній. «Неужели же слуга въ правѣ подавать голосъ вмѣстѣ съ господиномъ, а

[1]) La minorité ne peut pas invoquer la raison; comme chacun soutient qu'elle est de son coté, c'est la raison elle-même qui veut que la raison du petit nombre cède à la raison du plus grand (La France libre, томъ I, Oeuvres, стр. 84).

нищій рядомъ съ тѣмъ, который дастъ ему подаяніе [1])?» Такимъ образомъ, хотя Демуленъ не говоритъ открыто о необходимости установленія избирательнаго ценза, но его точка зрѣнія, очевидно, та же, что и національнаго собранія. Подобно ему, онъ готовъ принять различіе активныхъ и пассивныхъ гражданъ и устранить отъ голосованія всѣхъ тѣхъ, кто не находитъ достаточнаго обезпеченія въ собственномъ трудѣ.

Что касается до другихъ требованій Демулена, то они опять-таки не выходятъ изъ сферы тѣхъ, удовлетвореніе которымъ дали декреты конституанты. «Не надо болѣе магистратуры, покупаемой деньгами, говоритъ онъ, дворянства, достигаемаго тѣмъ же путемъ, дворянства, передаваемаго потомству; не нужно болѣе денежныхъ привилегій,—привилегій наслѣдственныхъ. Отмѣнимъ королевскіе приказы объ арестѣ (lettres de cachet), право короля издавать административные регламенты и произвольные запреты судьямъ заниматься разбирательствомъ извѣстныхъ дѣлъ. Отмѣнимъ также тайну уголовныхъ процессовъ. Свобода торговымъ сдѣлкамъ, свобода совѣсти, свобода письму, свобода рѣчи. Конецъ министрамъ-угнетателямъ, министрамъ-грабителямъ, конецъ интендантамъ—этимъ вице-деспотамъ провинцій... Отмѣнимъ королевскій совѣтъ, который самъ столько отмѣнилъ. Уничтожимъ парламенты, столько регистрировавшіе и декретировавшіе на своемъ вѣку, вызвавшіе столько развалинъ и столько надъ нами командовавшіе. Да погибнетъ самая память о нихъ! Конецъ также произвольному суду маршаловъ Франціи, вотчинной юстиціи и всякаго рода исключительной подсудности. Одинъ законъ да будетъ для всѣхъ. Да подвергнется истребленію вся эта армія доносчиковъ, инспекторовъ полиціи, и да наложатъ позорное клеймо шпіона на каждаго, кто посмѣетъ выдать гражданина. Да положенъ будетъ также конецъ другому, не менѣе омерзительному шпіонству, я разумѣю вскрытіе писемъ, и да будетъ тайна ихъ нерушима... Народы! вы не должны болѣе платить королевскихъ поборовъ, а только подати національныя, и ни одного динарія сверхъ годовыхъ потребностей государства. Все будетъ національнымъ: казна, армія,

[1]) La France libre. стр. 85.

гражданская милиція, магистратура, священство. Добродѣтели, голосъ народный, уваженіе согражданъ, откроютъ доступъ ко всему. Дворянство, богатство, милость монарха потеряютъ всякое значеніе. Въ нашихъ рукахъ будетъ провинціальное управленіе, муниципальные совѣты, постоянное національное собраніе. Оно будетъ рѣшать вопросы войны и мира, завѣдывать договорами и посольствами. Fiat! Fiat!»[1]) такъ заканчиваетъ Демуленъ перечень требуемыхъ имъ реформъ. И одного взгляда на дѣло революціи достаточно, чтобы убѣдиться, что намѣченныя имъ реформы совпадаютъ съ декретами собранія.

Что доказываетъ это? То ли, что законодатели Франціи подчинились требованіямъ палерояля и его краснорѣчивѣйшаго выразителя, или, что программа этихъ первыхъ провозвѣстниковъ республики существенно не расходилась съ идеаломъ демократической монархіи? Я думаю, и то, и другое. Я думаю, что памфлеты Демулена даютъ лишнее право утверждать то единство доктрины, о которомъ я говорилъ въ одной изъ первыхъ главъ, единство, которое одно даетъ возможность понять быстроту, съ какой было выполнено дѣло революціи. Это же единство доктрины объясняетъ и довольство, съ какимъ большинство приняло конституцію 1791 года. Говоря, что англичане будутъ со временемъ завидовать французамъ, Камиллъ Демуленъ повторяетъ то же, что на разные лады твердили не только Дюпоры, Барнавы, Ламеты, но и Лафайетъ, заявлявшій, къ немалому изумленію Морриса, что французская конституція далеко оставляетъ за собою англійскую и американскую, и Сіейсъ, думавшій, что ею положено начало разумнаго государственнаго устройства для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. За Демуленомъ и его сторонниками надо признать только преимущество большей прозорливости, болѣе сознательнаго отношенія къ той конечной цѣли, къ которой должно было повесть выполненіе поставленной собраніемъ программы. Они видѣли, что результатомъ ея будетъ установленіе республики, и имѣли смѣлость высказать это съ самаго начала. На оборотъ большинство якобинцевъ еще считали возможнымъ говорить о республикѣ, какъ

---

[1]) La France libre, заключительная глава. Oeuvres, томъ I.

о своего рода злѣ [1]). Одно упоминаніе о возможности ея въ будущемъ казалось имъ такимъ же запугиваніемъ, какъ обѣщаніе близкаго банкротства [2]).

§ 2.

Въ предшествовавшемъ очеркѣ мы старались показать, какое впечатлѣніе произвели въ странѣ и печати первые конституціонные декреты собранія. Антагонизмъ однихъ и фанатическая приверженность другихъ значительно усилились послѣ событій 5 и 6 октября. Партія конституціоналистовъ, въ лицѣ Мунье и Лалли Толандаля, признала свои полномочія прекращенными съ момента фактическаго плѣна короля и торжества парижской черни. Оба депутата поспѣшили оставить собраніе не безъ скрытой мысли поддержать начинавшееся въ провинціи броженіе и руководить ея недовольствомъ. Въ письмѣ къ Черутти отъ 21 октября 89 года, напечатанномъ де Болье въ газетѣ, «Assemblée nationale», Мунье слѣдующемъ образомъ объясняетъ мотивы своего поведенія. «Я думалъ, что, провозгласивши нѣкогда изъ глубины моей провинціи нѣсколько полезныхъ истинъ, я долженъ былъ вернуться въ нее съ тѣмъ, чтобы обнародовать тѣ, которыя нынѣ однѣ могутъ спасти мою родину. Открытое заявленіе ихъ въ Парижѣ или Версали немыслимо: анархическій деспотизмъ не допустилъ бы ихъ обнародованія. Не думайте, что я намѣренъ вредить тому, что сдѣлано полезнаго національнымъ собраніемъ, или содѣйствовать сепаратизму провинцій. Вѣрьте, что я съ величайшимъ рвеніемъ буду защищать публичную свободу, но я желаю, чтобы собраніе было независимо, т. е. чтобы люди добродѣтельные, но скромные, не были поставлены въ необходимость получать законъ отъ демагоговъ. Я буду настаивать на пересмотрѣ нѣкоторыхъ статей конституціи. Я не отказываюсь отъ своего званія депутата, имѣя въ виду вернуться въ собраніе, какъ скоро

[1]) Enfin, nous demanderez-vous, français, où nous voulons vous conduire? mais vous qui doutez, sachez que c'est à la banqueroute que nous vous menons et à la république.

[2]) См. Памфлетъ, озаглавл. Les chefs des jacobites aux français, 16 février 89. Aulard. La societé de Jacobins. Томъ I, стр. 8.

голосованіе въ немъ сдѣлается свободнымъ» [1]). Одновременно и Капелло, и Сталь-Гольштейнъ сообщали въ своихъ депешахъ, что Мунье намѣренъ побудить временную коммиссію провинціальныхъ штатовъ къ созыву сословнаго представительства Дофинэ; это чрезвычайное собраніе должно было высказаться открыто противъ недавнихъ рѣшеній народнаго представительства и того вліянія, какое демагоги пріобрѣли въ немъ, благодаря поддержкѣ столичной черни и переносу резиденціи въ Парижъ. «Мунье, пишетъ Сталь - Гольштейнъ, готовъ зажечь все королевство, только бы добиться установленія двухъ палатъ и абсолютнаго вето» [2]). Примѣру Мунье и Лалли Толандаля послѣдовалъ рядъ другихъ депутатовъ; они также добровольно оставили національное собраніе и удалились въ свои провинціи. Въ числѣ ихъ однимъ изъ первыхъ былъ стразбургскій уполномоченный, Жанъ де Тюркгеймъ. Въ письменномъ донесеніи, на имя городской общины, онъ объясняетъ причины, побудившія его къ этому шагу. «Подчиняя свои дѣйствія даннымъ имъ полномочіямъ, ваши депутаты, пишетъ онъ, видѣли свою задачу скорѣе въ реформѣ злоупотребленій, нежели въ ниспроверженіи существующаго во Франціи правительства. По этой причинѣ мы не считали нужнымъ часто всходить на трибуну, да и трудно было добиться слова отъ этихъ сотенъ болтливыхъ адвокатовъ, которые вносили въ нашу среду скорѣе сѣмена безпорядковъ, нежели лучи просвѣщенія. Не легко было также высказывать свои мнѣнія при томъ полномъ отсутствіи свободы, которое вызвано было допущеніемъ въ собраніе толпы народа, жадно слѣдившей за нашими дебатами, и присвоеніи клубами, засѣдавшими въ палерояльскихъ кофейняхъ какого-то права судить наше поведеніе и мстить намъ за мнимыя обиды народу». Излагая исторію національнаго собранія за первые мѣсяцы его существованія, Тюркгеймъ говоритъ: «кто постоянно мѣшалъ правильному ходу дѣлъ? Небольшая группа людей, столковавшихся между собою и поставившихъ себѣ задачей все ниспровергнуть вопреки даннымъ имъ полномочіямъ. Я не отрицаю, прибавляетъ онъ, тѣхъ

---

1) Assemblée nationale, № 24. (Variété).

2) Депеша 22 окт. 89 года Corresp. diplomat., стр. 141.

благодѣяній, какія національное собраніе пролило на народъ и на все человѣчество. Вступленіе къ деклараціи правъ написано языкомъ благороднымъ и возвышеннымъ; трижды счастлива та страна, законодатели которой придерживаются такихъ высокихъ принциповъ и признаютъ ихъ для себя обязательными. Точное исполненіе общаго желанія всѣхъ наказовъ не имѣть болѣе произвольныхъ налоговъ, но исключительно подати, свободно вотированныя представителямиціи, на дѣлаетъ честь храбрости и мудрости собранія. Съ похвалою надо также отнестись къ нѣкоторымъ другимъ реформамъ, какъ-то: къ усовершенствованію уголовныхъ законовъ, къ отмѣнѣ налога на соль, къ установленію общаго пропорціональнаго обложенія, наконецъ къ отмѣнѣ феодальнаго порядка, съ тою оговоркой, однако, что декреты 4 августа не отнеслись съ достаточнымъ уваженіемъ къ праву собственности и, взамѣнъ вознагражденія предпочли грабительство. Но отъ этихъ счастливыхъ пріобрѣтеній я долженъ, къ сожалѣнію, перейти къ болѣе печальнымъ сторонамъ дѣятельности собранія. Сколько безпорядковъ вызвало оно въ настоящемъ! сколько заботъ для будущаго! Я ограничусь указаніемъ трехъ главныхъ пунктовъ, которые всего лучше объяснятъ причину моего недовольства и личнаго неучастія въ мѣрахъ, принятыхъ за послѣдніе мѣсяцы. 1) Ваши наказы высказывали желаніе, чтобы Франція была монархіей, чтобы король пользовался въ ней полнотой исполнительной власти, а нація—свободой отъ всякаго произвола, чтобы поэтому законы были результатомъ соглашенія между монархомъ и представителями. Но все время собраніе дѣйствовало наперекоръ этимъ принципамъ, отказывая королю во всякомъ участіи и парализуя постоянно его исполнительную власть. Въ августѣ и сентябрѣ пряняты были рѣшенія, противныя королевской прероготивѣ, и монархія была удержана только по имени подъ названіемъ «королевской демократіи»—прозвище, придуманное ей нѣсколькими вожаками. Но республика въ 25 милліоновъ человѣкъ необходимо должна быть республикой бурной, въ которой нѣсколько краснорѣчивыхъ и смѣлыхъ демагоговъ будутъ рѣшать все, въ которой столица тиранически станетъ править провинціями, гибнущими въ конвульсіяхъ анархіи. И такъ, деспотизмъ одного низвергнутъ для того только, чтобы усту-

пить мѣсто деспотизму массъ. Но этого ли желали провинціи? 2) Ваши наказы ставили на видъ обезпеченіе права собственности. Не есть ли государство естественный защитникъ правъ гражданина, и какое изъ нихъ въ интересахъ общественнаго спокойствія нуждается въ большемъ уваженіи, чѣмъ собственность? Но капиталисты и банкиры, привлекши на свою сторону толпу адвокатовъ, ежечасно приносятъ въ жертву интересы землевладѣльцевъ; они озабочены только выгодами спекулянтовъ, собственниковъ движимаго капитала и кредитныхъ бумагъ. Адвокаты въ настоящее время—законодатели Франціи, адвокаты, все имущество которыхъ сводится къ способности болтать обо всемъ съ нѣкоторою легкостью, не вникая въ глубь дѣла. Питая свое воображеніе исключительно абстрактными системами, вычитанными изъ книгъ, они лишены знанія жизни, безъ котораго не можетъ обойтись, однако, законодатель, разъ онъ не имѣетъ въ виду создавать учрежденій для жителей луны. Они хотѣли все уничтожить, чтобы положить всему новыя основы, и все для того, чтобы создать абсолютную демократію, философское и химерическое равенство, о которомъ мечтали поэты. А между тѣмъ легко было предвидѣть, что естественное неравенство способностей и нравственныхъ силъ скоро поведетъ къ созданію новаго и болѣе тяжкаго рабства и взамѣнъ аристократіи дворянства и духовенства возникнетъ аристократія капиталистовъ и богатыхъ. Ихъ вліяніе съ каждымъ днемъ будетъ возрастать подъ эгидою королевской демократіи, по мѣрѣ увеличенія и усиленія имущественной нужды, зависимости бѣдныхъ отъ богатыхъ». Это мѣсто въ донесеніи Тюркгейма заслуживаетъ особаго вниманія. Я не знаю другого одновременнаго свидѣтельства, въ которомъ бы такъ опредѣленно высказывался взглядъ, что послѣдствіемъ насильственнаго разрушенія феодализма и политическаго преобладанія высшихъ сословій будетъ торжество капиталистовъ. Точка зрѣнія Тюркгейма, разумѣется, одностороняя. Онъ не видитъ, что предсказываемый имъ переворотъ подготовляемъ былъ давно, что гораздо ранѣе всякихъ перемѣнъ въ законодательствѣ и управленіи, естественное накопленіе богатствъ и быстрый ростъ машиннаго производства, а также первыя попытки къ созда-

нію кредита съ гарантіей не земельной, а движимой собственности, уже повели къ упроченію въ лицѣ такъ называемыхъ финансье, обыкновенныхъ откупщиковъ налога и правительственныхъ банкировъ, фактическаго преобладанія богатой буржуазіи; но при всемъ томъ нельзя не признать за Тюркгеймомъ большой прозорливости. Ривароль и Малэ дю-Панъ высказывали одни туманныя опасенія на счетъ наступающаго торжества «аристократіи» или «олигархіи» собранія. Они ставили ихъ въ связь съ отказомъ королю въ абсолютномъ вето, а крупному землевладѣнію—въ верхней палатѣ. Но ни одинъ не видѣлъ, что результатомъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ національнымъ собраніемъ къ уничтоженію феодализма, устраненію различій дворянской и не дворянской собственности, легкому обращенію земель на рынкѣ и поощренію спекуляцій, благодаря замѣнѣ монетнаго франка бумажной ассигнаціей, будетъ торжество той денежной аристократіи, о которой говоритъ Тюркгеймъ

3) Замѣна монархическаго образа правленія королевскою демократіей и исторически сложившагося преобладанія высшихъ сословій экономическимъ господствомъ буржуазіи не исчерпываютъ собою причинъ недовольства Тюркгейма. «Данные вами наказы, говоритъ онъ, уполномочивали насъ отстоять тѣ «вольности и свободы», тѣ податныя преимущества и тѣ спеціальные виды обложенія, какими пользовалась городская община Страсбурга, въ виду ея старинной политической автономіи. Ваши наказы призывали насъ также къ охраненію историческихъ привилегій Эльзаса, но въ ночь съ 4 на 5 августа отъ насъ потребовили, чтобы всѣ провинціи отказались отъ своихъ преимуществъ. Когда въ ближайшія затѣмъ сессіи сдѣланныя пожертвованія подверглись болѣе внимательному разсмотрѣнію и облечены были въ форму декретовъ, я нѣсколько разъ пытался встать въ защиту правъ моего города; я хотѣлъ изложить особенности нашей области, совершенно неизвѣстныя моимъ коллегамъ и сослаться на силу торжественно заключенныхъ договоровъ. Когда послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось добиться слова и я приступилъ къ защитѣ вашихъ правъ,—мои заявленія приняты были такъ худо, что я не рѣшился болѣе говорить въ столь шумномъ собраніи».

Но всѣ эти причины, по собственному сознанію Тюркгейма, не побудили бы его къ добровольному выходу изъ числа представителей, если бъ не событія 5 и 6 октября. «Я увидѣлъ, пишетъ онъ, скамьи депутатовъ занятыми пьяными торговками, а трибуны вооруженными бандами, нашу почетную гвардію распущенной, и шумную, бушующую толпу занимающей всѣ входы и выходы; я увидѣлъ жилище президента, которое должно быть ненарушимымъ святилищемъ для народа, осажденнымъ толпою; я увидѣлъ, среди ночи, 20000 человѣкъ съ сорока пушками входящими въ Версаль и осаждающими королевскій дворецъ. А на слѣдующее утро окровавленныя головы гвардейцевъ предстали предо мною на оконечностяхъ пикъ. Жестокая участь постигла ихъ въ передней королевы потому, что они хотѣли остаться вѣрными присягѣ. Въ собраніи на всѣхъ лицахъ я прочелъ признаки ужаса и только въ глазахъ немногихъ искрилась радость и ненависть. Я узналъ наконецъ, что лучшій изъ королей, всѣми оставленный и движимый только своимъ мужествомъ, вмѣстѣ съ державной семьею, подъ эскортою вооруженной толпы, долженъ быть препровожденъ въ столицу, чтобы найти въ ней блестящую тюрьму.

Все это показалось мнѣ предвѣщающимъ конецъ монархіи. Ни мои полномочія, ни моя совѣсть не позволяли мнѣ, старому французскому патріоту, освятить своимъ присутствіемъ столь печальныя событія, и я поспѣшилъ оставить Версаль и прибыть сюда. Моя обязанность заявить вамъ, что ни король, ни собраніе не пользуются болѣе свободой; что вырванный изъ рукъ монарха манифестъ доказываетъ только величіе его души и готовность забыть собственныя обиды, чтобы не увеличивать народныхъ бѣдствій; моя обязанность сказать вамъ, что образъ правленія радикально измѣненъ во Франціи, наконецъ, что со всѣхъ сторонъ подкапываются подъ ваши привилегіи, права и вольности; отъ городовъ и провинцій требуется полный отказъ отъ всѣхъ ихъ преимуществъ» [1]).

---

[1]) Rapport fait à la commune de Strasbourg sur la situation de l'Assemblée nationale en Octobre, au moment où je la quittai, par Jean de Turckheim, exdéputé de Strasbourg aux Etats generaux.

(L'Alsace pendant la révolution française par Rodolphe Reuss (стр. 249 и слѣд. Paris. 1881).

На ряду съ депутатами, стремившимися поднять провинціи противъ Парижа, надо поставить и нѣкоторыхъ епископовъ.

Епископъ Трелье открыто призывалъ свою паству къ возстанію, и послушные его голосу поселяне, вооруженные палками и косами, стали стекаться на соборную площадь съ цѣлью открытаго сопротивленія.

Недовольство провинцій, впервые вызванное декретами 4 авг., отмѣнившими мѣстныя вольности, усиленное мѣрами къ ограниченію правъ короля въ законодательствѣ и администраціи и, еще въ большей степени—насильственнымъ перенесеніемъ его резиденціи въ Парижъ и угрожающей диктатурой столицы, нашло вскорѣ новую пищу въ предстоящей отмѣнѣ мѣстныхъ парламентовъ.

Обращаясь къ своему исконному праву отказывать въ регистраціи несогласнымъ съ законами декретамъ, парламентъ въ Мецѣ первый опротестовалъ постановленіе, которымъ собраніе временно прекращало сессіи верховныхъ палатъ вплоть до проведенія судебной реформы.

Его примѣру вскорѣ послѣдовали парламенты Руана и Ренна. Въ числѣ прочихъ мотивовъ, выставленныхъ въ протестѣ послѣдняго, встрѣчается заявленіе, что бретонцы, — нація, вступившая добровольно въ союзъ съ Франціей, что въ томъ договорѣ, который связалъ ихъ судьбы, формально было выговорено, что не только новые налоги, но всякія перемѣны во внутреннемъ устройствѣ подлежатъ обсужденію и рѣшенію провинціальныхъ штатовъ.

«Духовенство, дворянство и парламентъ, пишетъ въ своемъ донесеніи Капелло, пользуются въ Бретани большимъ вліяніемъ. Изъ 42 городовъ, какихъ насчитываетъ эта провинція, 31 уже высказались въ пользу парламента, и ходитъ слухъ, что при дальнѣйшемъ упорствѣ національнаго собранія въ проведеніи своихъ декретовъ, бретонцы намѣрены отдѣлиться отъ Франціи и образовать самостоятельное государство» [1]).

Этотъ сепаратизмъ сказывался не въ одной только Бретани, но также въ Нормандіи и Лотарингіи. Въ своемъ дневникѣ, говоря о протестѣ обоихъ провинціальныхъ парламентовъ, Мецскаго и

[1]) Депеша Капелло отъ 11 янв. 1790 года.

Руанскаго, Моррисъ 17 ноября 89 года передаетъ содержаніе ходячихъ разговоровъ, поводъ къ которымъ даютъ эти послѣднія попытки отстоять мѣстную автономію. «Церковь, магистратура и дворянство, говоритъ онъ, эти три посредствующіе класса между королемъ и народомъ, одинаково страшные нѣкогда и тому и другому, обращены теперь собраніемъ въ непримиримыхъ враговъ революціи. И это въ то время, когда самъ народъ въ силу ни на чемъ не основанной подозрительности добровольно связалъ королю руки и ноги. Немного времени потребуется для того, чтобы объединить эту оппозицію. Но разъ объединенная, она не преминетъ стать подъ знамя короля, и тогда прощай, демократія!»

Въ Нормандіи броженіе такъ велико, что графъ Люксембургскій говоритъ Моррису о возможности ея отдѣленія. Недовольство постепенно овладѣваетъ и другими провинціями, въ томъ числѣ Фландріей; жители Камбрэ открыто говорятъ о необходимости созвать провинціальные штаты для противодѣйствія собранію. Самъ Моррисъ такъ серьезно смотритъ на новое положеніе, созданное оппозиціей провинцій, что въ разговорѣ съ тѣмъ же графомъ Люксембургскимъ высказываетъ увѣренность, что, опираясь на Нормандію, Пикардію, Фландрію, Шампань и Эльзасъ, Людовику XVI не трудно будетъ снова объединить подъ своею властью все королевство. Декретъ, отмѣняющій пенсіи, еще увеличилъ число недовольныхъ, и, говоря объ этомъ, Капелло въ депешѣ отъ 4 января 1790 года пускается въ тѣ же пессимистическія предсказанія на счетъ возможности тѣснаго союза между всѣми, кто пострадалъ отъ революціи. «Провинціи, пишетъ онъ, такъ недовольны мѣрами собранія, что держатъ въ столицѣ болѣе 200 человѣкъ для контроля за его дѣйствіями». Изъ корреспонденціи эмигрантовъ и въ частности той, которая происходила между графомъ де-Водрэлемъ и графомъ Артуа, можно заключить, что роялисты возлагали также большія надежды на недовольство Навары, готовой будто бы прекратить дальнѣйшій платежъ налоговъ, и примыкающихъ къ Пиренеямъ провинцій Беарна и Бигоры [1]). Наконецъ, уже въ началѣ февраля

---

[1]) См. Письмо графа Водрэля изъ Рима отъ 13 и 20 февр. 1799 года.

Ліонъ, по слухамъ, готовъ былъ принять въ свою среду эмигрантовъ и стать во главѣ контрреволюціи [1]).

Надо имѣть въ виду эти факты, чтобы понять причину, по которой враждебная революціи партія вознамѣрилась въ концѣ 89 и началѣ 90 года организовать возстаніе провинцій. Это рѣшеніе принято было, впрочемъ, не сразу.

Покинувшій Францію вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи и пораженіемъ реакціоннаго министерства графъ д'Артуа, подъ впечатлѣніемъ событій 5 и 6 октября, которыми общественное мнѣніе Европы сразу было возстановлено противъ Франціи, обратился съ письмомъ къ брату Маріи Антуанетты, императору Іосифу II, и ходатайствовалъ о военномъ вмѣшательствѣ. «Собираются уничтожить, писалъ онъ изъ Монкальери (близъ Турина) 12 окт. 89 года, лучшую монархію въ мірѣ; ее хотятъ обратить въ постыднѣйшую изъ всѣхъ демократій; чтобы добиться этого, не останавливаются ни передъ какими преступленіями и ввергаютъ страну въ полнѣйшую анархію. Всѣ средства считаются дозволенными, чтобы унизить главу династіи. Шагъ за шагомъ отнимаютъ у него законный авторитетъ. Его заставляютъ скрѣплять своей подписью рѣшенія, противныя его обязанностямъ и принципамъ. Наконецъ, овладѣвъ имъ силою, влекутъ его въ столицу, какъ плѣнника. Королева ежедневно слышитъ самыя страшныя угрозы. Варварство доходитъ до открытыхъ оскорбленій; ей бы пришлось дрожать за свою жизнь, если бы мужество, унаслѣдованное ею вмѣстѣ съ кровью, не устраняло всякую мысль о страхѣ. Ваше величество, вы знаете цѣну тѣхъ правъ, какія даетъ вамъ титулъ монарха. Вамъ извѣстны обязанности вѣрнаго союзника; наконецъ, вы братъ, и чувство брата сливается въ вашей душѣ съ чувствомъ чести...

«Я позволю себѣ еще одно замѣчаніе: интересъ французскаго короля—интересъ всѣхъ монарховъ; всѣ они должны ожидать общей съ нимъ участи, если сами не поспѣшатъ освободить того, кого можно упрекнуть только въ излишней добротѣ и мягкости. Такимъ образомъ во имя самаго нѣжнаго изъ всѣхъ чувствъ, а также во имя чести и сильнѣйшаго изъ интересовъ

[1]) Correspondance intime, стр. 103 и 116. Ibid., стр. 102.

Вашего Величества, позволяю себѣ съ упованіемъ просить не только вашихъ совѣтовъ, но и самой дѣятельной и могущественной помощи» [1]).

Этотъ призывъ иностраннаго правительства къ вмѣшательству во внутреннюю политику, извѣстіе о которомъ не замедлило распространиться въ Парижѣ, по словамъ тайнаго корреспондента польскаго двора, вызвалъ не мало опасеній. Защитники стараго порядка высказывались за вмѣшательство и пророчили скорое появленіе въ Ліоннэ и Дофинэ иностраннаго войска. Переговоры, какіе одновременно, не безъ тайнаго содѣйствія сардинскаго двора, графъ Артуа старался завязать съ Испаніей и различными дворами Италіи, давали поводъ къ слухамъ, что сорокъ тысячъ испанцевъ и двадцать тысячъ итальянцевъ не замедлятъ войти въ предѣлы Франціи. Тѣ, которыхъ называли аристократами, твердо вѣрили въ неминуемость контрреволюціи; сплошь и рядомъ устраивались пари, что этотъ переворотъ совершится не позже одного мѣсяца [2]).

Не только въ Парижѣ происходили тайныя совѣщанія между сторонниками контрреволюціи, но и въ провинціяхъ южной Франціи, напримѣръ, въ Тулузской сенешоссеи, дворянство открыто призывало народъ къ возстанію [3]). Категорическій отказъ Іосифа II графу Артуа и недоброжелательное отношеніе, съ которымъ народныя массы приняли сдѣланное къ нимъ эмигрантами воззваніе, вскорѣ положили конецъ всей этой агитаціи. «Считаю нужнымъ высказать свое мнѣніе съ обычной откровенностью, писалъ Іосифъ II графу Артуа; оскорбленное чувство и задѣтая честь могутъ вызвать временную слѣпоту на счетъ характера средствъ, къ которымъ благоразуміе велитъ прибѣгнуть, но дружба не позволяетъ отказать въ спрашиваемомъ совѣтѣ; вотъ почему я считаю себя призваннымъ поставить на видъ вашему королевскому высочеству, что какъ бы печальны ни были событія, вызванныя за послѣднее время въ средѣ генеральныхъ штатовъ обсужденіемъ конституціи и устройствомъ

[1]) См. Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau, стр. 275.

[2]) См. de Lescure. Correspond. secrète, томъ II. Письма изъ Парижа отъ 28 окт. и 3 ноябр. 89 года, стр. 395, 396.

[3]) Ibid. Письма отъ 7 и 26 ноября, стр. 397 и 403.

финансовъ, со стороны короля не слышится никакой жалобы, никакого протеста; напротивъ, всѣ офиціальныя данныя даютъ право заключить, что онъ въ полномъ единодушіи съ націей по всѣмъ уже рѣшеннымъ ею вопросамъ. Какое же право имѣетъ лицо постороннее предпринимать какія-нибудь мѣры или подымать голосъ противъ того, что было рѣшено и санкціонировано самой несомнѣнной изъ всѣхъ властей, какія существуютъ въ мірѣ, королемъ, дѣйствующимъ заодно съ націей въ лицѣ ея законныхъ представителей? Я, разумѣется, ни демократъ, ни аристократъ, но это не мѣшаетъ мнѣ сказать, что высказываемыя истины не допускаютъ возраженія, и что ваше высочество заодно съ князьями, признавшими необходимымъ удалиться изъ Франціи, не болѣе, какъ частные граждане, правда, весьма почтенные, но не образующіе изъ себя никакого самостоятельнаго тѣла въ государствѣ, что Вы поэтому не имѣете никакого права сопротивляться тому, что было рѣшено королемъ и націей. Если вы любите Францію, короля, королеву и все, что отъ нихъ зависитъ, а въ вашей любви я не сомнѣваюсь, то вы не упустите изъ рукъ единственнаго средства возвратить всѣмъ имъ спокойствіе и счастье; вы соединитесь съ ними и положите конецъ этой оппозиціонной партіи, которую, не знаю почему, называютъ аристократической. Слабая сама по себѣ, она не въ силахъ сдѣлать того добра, къ которому стремится, и ея солидарность проявляется пока только въ дѣланьи зла. Нельзя отказаться отъ мысли, что этому духу партій надо приписать всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ королевство и частныя лица въ немъ. Распущеніе министерства (Неккера), собраніе войскъ около Парижа, заставили повѣрить тѣмъ возмутительнымъ замысламъ, какіе приписывались этой партіи и которые доселѣ продолжаютъ пугать народъ. А это побудило національное собраніе поспѣшить принятіемъ мѣръ, осуществленіе которыхъ ему самому кажется затруднительнымъ. Это же вызвало временную пріостановку функцій исполнительной власти и терпимость по отношенію къ открытому разгулу... Не въ междоусобной же войнѣ провинцій съ провинціями или провинцій со столицею думаете вы найти средство къ прекращенію столькихъ бѣдствій и къ облегченію участи короля? Это было бы роковымъ заблужде-

ніемъ. Вы бы только погубили его, даже въ случаѣ успѣха, ибо какой цѣною достигнуто было бы это благо, и чего можно ожидать отъ современной слабости партіи! Положитесь на меня, мой братъ, и послушайтесь голоса вашего друга, голоса короля и націи, не откажитесь ни отъ единаго шага къ прекращенію современной розни, вернитесь на родину вмѣстѣ съ прочими принцами крови, положите конецъ ходячему мнѣнію о существованіи какой-то враждебной націи аристократической партіи, постарайтесь содѣйствовать за одно съ другими благу государства, подчиняя вашъ образъ мыслей тому, котораго держится пользующееся авторитетомъ большинство. Время, которое все выясняетъ, которое ослабляетъ страсти и предразсудки, постепенно приведетъ все въ порядокъ» [1]). По словамъ Мерси-Аржанто, это письмо въ такой же мѣрѣ вызвало при дворѣ Людовика XVI сочувствіе и одобреніе, въ какой посланіе графа Артуа произвело раздраженіе и недовольство. «Королева, пишетъ австрійскій дипломатъ, всею душею сочувствуетъ данному Вашимъ Величествомъ отвѣту; она довольна тѣмъ урокомъ, какой получилъ въ немъ графъ Артуа, и надѣется, что Ваше письмо откроетъ ему, наконецъ, глаза на его роковое заблужденіе» [2]). Эти ожиданія оправдались, если не по отношенію къ главѣ французской эмиграціи, то, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ. Подъ вліяніемъ кардинала де Берни, французскаго посла въ Римѣ, Водрэль, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ графа Артуа, эмигрировавшій одновременно съ нимъ изъ Франціи, но основавшійся въ Римѣ, всячески старался убѣдить своего царственнаго корреспондента въ необходимости отказаться отъ иноземной помощи и сосредоточить всѣ свои надежды на недовольствѣ провинцій. Сообщая ему о недоброжелательствѣ, съ какимъ, по отзыву прибывшихъ эмигрантовъ, Эльзасъ и Лотарингія относятся къ диктатурѣ столицы, онъ совѣтовалъ ждать подъема провинцій. «Иноземныя войска, пишетъ онъ, только вызвали бы не нужный страхъ и породили бы

---

1) См. Correspond. secrète de Mercy—Argenteau, томъ II, стр. 277 и слѣд.

2) Письмо Мерси къ Іосифу отъ 18 ноября 89 года. Corresp. secrète, томъ II, стр. 282.

во всѣхъ добрыхъ французахъ основательное нежеланіе примкнуть къ дѣлу, проводимому иностранцами. Необходимо навести справки, какія провинціи остались вѣрными королю, сохранили преданность старымъ учрежденіямъ. Въ эти провинціи вамъ самимъ надо будетъ поспѣшить, чтобы объединить всѣхъ благомыслящихъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Этимъ вы въ состояніи будете избѣжать междоусобной войны; только не дѣлайте ничего для самого себя, а все для короля». «Изъ провинцій, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, надо ждать медленнаго, но дѣйствительнаго средства противъ всѣхъ современныхъ бѣдствій отечества. Я боюсь, что сомнительная помощь иностранныхъ державъ болѣе повредитъ возстановленію порядка, нежели мудрое выжиданіе событій. Всякій починъ извнутри государства законенъ; все, что придетъ извнѣ, покажется преступнымъ». И Водрэль съ радостью сообщаетъ объ адресѣ, посланномъ городомъ Ліономъ въ провинціи и заключавшемъ въ себѣ призывъ поддержать короля противъ тираніи столицы» [1]).

«Иноземное вмѣшательство, пишетъ тотъ же Водрэль 12 ноября 89 года, предсказывая то, что не замедлитъ случиться три года спустя, объединитъ всю націю и усилитъ въ ней этотъ духъ свободы, это пристрастіе къ независимости, которые и теперь уже проявляются съ одного конца королевства до другого. Дѣло обошлось, разумѣется, не безъ конспираторовъ, сѣявшихъ деньгами и возмущавшихъ толпу. Но надо согласиться, что немало людей усвоило современные принципы безкорыстно тѣмъ легче, что философія за послѣднія 20 лѣтъ только ихъ и проповѣдывала. Ошибки правительства усилили вѣру въ эти принципы, увеличивая поводы къ недовольству; пройдетъ немало времени прежде, чѣмъ безумцы согласятся снова подчиниться законному авторитету. Къ тому же я боюсь опасностей, которымъ подвергнется король и вся его семья, оставаясь въ плѣну у столицы, въ томъ случаѣ, если иностранныя державы, по вашему настоянію, вмѣшаются во внутреннія дѣла. Да и союзники наши не рѣшатся на это, не получивъ приглашенія отъ самого короля.

---

[1]) Письма отъ 17 и 19 сент., 21 окт., 7 ноября (Corresp. intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois). томъ I.

Что же касается до враждебныхъ или соперничающихъ съ Франціей правительствъ, то ихъ вмѣшательство не только опасно, но и преступно» [1]). Но если всѣ надежды контръ-революціи должны быть устремлены на провинціи, то очевидно значеніе, какое можетъ имѣть распространеніе въ ихъ средѣ правильныхъ взглядовъ путемъ газетъ и брошюръ. Водрэль громко привѣтствуетъ появленіе каждаго новаго памфлета, направленнаго противъ собранія и въ защиту идей контръ-революціи.

12 ноября 89 года онъ съ радостью сообщаетъ о только что появившейся брошюрѣ графа д'Антрега, озаглавленной «Рѣчь члена національнаго собранія къ своимъ товарищамъ». Это сочиненіе, пишетъ онъ, прекрасно составлено и заключаетъ въ себѣ вѣрные принципы.

Еще съ большей похвалой относится онъ къ другой брошюрѣ, изданной будущимъ академикомъ Феранъ [2]). — «Ничтожество и деспотизмъ собранія, называющаго себя національнымъ».

Объ этомъ памфлетѣ, принадлежащемъ перу человѣка, близкаго графу Артуа и пребывавшаго при его дворѣ въ Туринѣ, Водрэль выражается, какъ объ образцѣ стиля и здраваго разума (chef d'oeuvre de raison et de style) [3]). «Немало, прибавляетъ онъ, издается подобныхъ же трактатовъ; со всѣхъ сторонъ начинаютъ писать противъ анархіи и преступленій, противъ посягательствъ на собственность и ниспроверженія законовъ. Но какой прокъ получается отъ этого? Страхъ, патріотическія лантерны, измѣна министровъ королю, тайное золото, распространяемое въ толпѣ, клеветы на всѣхъ желающихъ порядка, оживленіе нѣкогда знаменитой «Chambre ardente» (огненной камеры) въ лицѣ политическаго суда «Châtelet», и прежде всего плѣненіе королевской семьи и насильственное удержаніе ея въ ничтожествѣ продолжаютъ леденить всѣ сердца. У меня осталось, сознается онъ, мало надежды, и въ моей ужасной отчизнѣ я вижу только смѣлость и преступленіе съ одной стороны, боязнь и низость—съ другой [4]).

---

[1]) Ibid. Письмо 12 ноября 89 года.

[2]) Письмо 13 февр. 90 года.

[3]) Письмо 13 февр. 90 года.

[4]) Письмо 19 дек. 89 года.

Упомянутыя Водрэлемъ брошюры являются первыми провозвѣстниками организованнаго нападенія на принципы революціи со стороны приверженцевъ стараго порядка.

Брошюра д'Антрега могла тѣмъ больше расчитывать на успѣхъ, что авторомъ ея былъ человѣкъ, обратившій на себя еще недавно всеобщее вниманіе личною близостью къ Руссо и горячими нападками на дворянство [1]). Признавая себя почти офиціальнымъ выразителемъ мыслей женевскаго философа, д'Антрегъ продолжалъ ссылаться на его принципы даже при защитѣ абсолютнаго вето короля. Репутація же его, какъ авторитетнаго писателя противъ дворянства, была такъ прочно установлена, что самъ Демуленъ считалъ нужнымъ заимствовать у него слѣдующее изреченіе: «дворянство — величайшее изъ существующихъ на землѣ бѣдствій» [2]).

Каково же было удивленіе, когда этотъ, можно сказать, отступникъ снова вернулся въ ряды еще недавно преданной имъ партіи и въ опроверженіе внутренней политики собранія выставилъ демократическую по характеру теорію повелительнаго мандата. Доказывая съ полнымъ основаніемъ, что наказы единодушно высказывались въ пользу монархическаго образа правленія, д'Антрегъ видѣлъ въ обязательности депутатскихъ инструкцій залогъ будущей побѣды надъ всѣми, какъ онъ выражается, удачными преступленіями, уже совершенными собраніемъ. Можно было упразднить монархію, можно было сдѣлаться виновникомъ опустошенія родины, но только подъ условіемъ быть измѣнникомъ народу, нарушающимъ довѣріе уполномоченнымъ, который, говоря именемъ народа, въ то же время топчетъ въ грязь данные ему наказы. Это положеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, является исходнымъ пунктомъ полемики роялистовъ съ дѣятелями учредительнаго собранія. На ней въ частности построена будетъ аргументація Калонна, главнѣйшаго изъ политическихъ писателей этой партіи и вожака эмиграціи.

---

[1]) См. Cherest. La chute de l'ancien regime, томъ II, стр. 202 и слѣдующія

[2]) La France libre. Oeuvres, изд. Кларти, томъ I, стр. 93.

Д'Антрегъ послѣдовательно разбираетъ всѣ ошибочныя на его взглядъ рѣшенія собранія. Обвиняя Мирабо въ измѣнѣ монархическимъ принципамъ, ставя его во главѣ всѣхъ заговорщиковъ, онъ приписываетъ его интригамъ рѣшеніе въ отрицательномъ смыслѣ вопроса объ особомъ представительствѣ высшихъ сословій. Изъ двухъ золъ — чудовищной конституціи, выработанной Сіейсомъ и Таржэ, или англійской конституціи, такъ мало отвѣчающей физическимъ условіямъ Франціи, установленіе которой притомъ немыслимо безъ страшныхъ несправедливостей и чудовищныхъ насильствъ, лучше было бы все-таки, думаетъ д'Антрегъ, остановиться на послѣднемъ.

Англійская конституція по крайней мѣрѣ можетъ служить защитой престолу и дастъ ему средства къ противодѣйствію. Если д'Антрегъ, наравнѣ съ дворянствомъ провинцій, высказался противъ пэріи и пожизненнаго сената, то исключительно изъ желанія не играть въ руку врагамъ, не дать возможности заговорщикамъ овладѣть мѣстами въ верхней палатѣ и торжествовать свою побѣду надъ обездоленнымъ ими дворянствомъ.

«Могутъ существовать правительства, говоритъ онъ, при которыхъ дворянство не имѣетъ вліянія; но не можетъ существовать монархіи безъ дворянства. Въ преданности ей лежатъ первыя обязанности дворянъ и долгъ ихъ присяги. Жить возлѣ престола и погибнуть вмѣстѣ съ королемъ—таково ихъ призваніе. Прерогативы ихъ священны, такъ какъ онѣ одновременно и ихъ обязанности». Нельзя отказаться отъ невольнаго изумленія при чтеніи этихъ строкъ. Странно звучатъ эти положенія Монтескье въ устахъ человѣка, еще недавно объявлявшаго дворянство величайшимъ изъ бѣдствій.

Менѣе удивительно найти подъ перомъ бывшаго друга Руссо нападеніе на философію XVIII вѣка, которую онъ обвиняетъ во всѣхъ безуміяхъ, совершенныхъ національнымъ собраніемъ. «Во Франціи, пишетъ онъ, основою революціи были примѣненные на практикѣ принципы тѣхъ философовъ и безбожниковъ, которые въ теченіе цѣлаго столѣтія изобрѣтали средства къ уничтоженію религіи и разрушенію престола. Ихъ покушенія направлены были противъ цѣлаго міра; несчастіе всего человѣческаго рода было цѣлью ихъ трудовъ. Чтобы достигнуть ея, рево-

люціонеры сдѣлали изъ своихъ философскихъ аксіомъ основу для законовъ. Разъ приняты будутъ принципы, изложенные въ деклараціи вымышленныхъ правъ человѣка, всѣ троны неизбѣжно падутъ. Если новая конституція и тиранія французской черни упрочатся, мы несомнѣнно погибнемъ, но съ увѣренностью, что мстителями за насъ сдѣлаются со временемъ всѣ короли Европы».

Д'Антрегъ предвидитъ то возраженіе, какое можетъ быть сдѣлано ему, какъ поклоннику Руссо; онъ спѣшитъ предупредить его слѣдующимъ, не лишеннымъ остроумія, пріемомъ: «я не безъ цѣли, пишетъ онъ, употребляю терминъ «народная тиранія», такъ какъ одной изъ аксіомъ новѣйшей философіи считается, что самодержавіе принадлежитъ народу, что всякая власть происходитъ отъ него, что онъ не можетъ предписать несправедливости, ибо, такъ какъ забота о собственномъ благополучіи для него — первый законъ, то все, что онъ признаетъ полезнымъ, тотчасъ же становится справедливымъ. Эти принципы, изложенные въ «Общественномъ договорѣ» Руссо въ связи со второстепенными мыслями, способными устранить всѣ вытекающія изъ нихъ опасности (qui y sont unies à toutes les idées accessoires qui devoient en éloigner le danger) комментированы были демагогами національнаго собранія такимъ образомъ, что это ученіе человѣка, способнаго заблуждаться, сознающагося даже въ томъ, что онъ часто заблуждается, но искупавшаго свои ошибки добротою сердца, равною его генію, превратились въ политическую систему, достойную Картуша и Мандрена (двухъ знаменитыхъ въ XVIII в. разбойниковъ). Когда найдется народъ, подобный тому, какой Руссо имѣетъ въ виду въ своемъ «Общественномъ договорѣ», народъ, свободный отъ страстей и демагоговъ, руководимый вождями, полными добродѣтели и лично ни въ чемъ не заинтересованными, и этотъ народъ займется выработкой своей конституціи, тогда и только тогда найдутъ себѣ осуществленіе мечты «Общественнаго договора». Этотъ трактатъ, повторяю, не болѣе, какъ романъ дивнаго генія, который, видя людей испорченными, наполнилъ своими химерами выдуманный имъ міръ и надѣлилъ законами лицъ, вызванныхъ къ жизни его воображеніемъ. Нужно было все не-

вѣжество заговорщиковъ и вся ихъ недобросовѣстность, чтобы обратить въ ядъ творенія человѣка, написавшаго: «свобода была бы куплена слишкомъ дорогою цѣною, если бы потребовала крови хотя одного человѣка». Чтобы обратить его сочиненія въ бичъ для Франціи, надо было схоронить въ своемъ сердцѣ всѣ фуріи ада. Никто другой, какъ Руссо, возражая противъ нѣкоторыхъ нововведеній, предложенныхъ аббатомъ Сенъ-Пьеромъ, выражался слѣдующимъ образомъ: «велика опасность привесть въ броженіе тѣ громадныя массы, которыя составляютъ собою французскую монархію. Кто въ силахъ удержать начавшееся потрясеніе или предвидѣть его послѣдствія? Если бы всѣ преимущества новаго порядка были несомнѣнны, то какой человѣкъ съ здравымъ смысломъ не рѣшился бы на отмѣну старинныхъ обычаевъ и принциповъ и не надѣлилъ бы государство иною формою, чѣмъ та, какая держалась въ немъ въ теченіе тринадцати вѣковъ. Если современное правительство Франціи есть результатъ вырожденія, то надо ждать исправленія его отъ силы вещей и времени. Человѣческая мудрость не въ состояніи придумать ничего другого».

Во второмъ изданіи своей брошюры [1]), отъ 10 января 92 года, д'Антрегъ сопровождаетъ эти выдержки слѣдующимъ разсужденіемъ: «если бы Руссо привелось жить въ наши дни, національное собраніе вмѣсто того, чтобы прославлять его, приказало бы его зарѣзать. Не сдѣлай оно этого, оно не избѣжало бы другой чести, вполнѣ его достойной — оно ускорило бы его естественную кончину. Я призываю въ свидѣтели друзей Руссо, всѣхъ, кого онъ зналъ и любилъ столько же, сколько меня. Пусть они скажутъ, не умеръ ли бы онъ отъ скорби, узнавъ о тѣхъ комментаріяхъ, какіе Робеспьеръ даетъ его твореніямъ, или отъ позора, которымъ покрылъ его декретъ собранія отъ 21 декабря 1790 года, постановившій перенесть его прахъ въ Пантеонъ [2]). Сочиненіе д'Антрега было не болѣе,

[1]) Первое вышло осенью 91 года.

[2]) Въ первоначальной своей редакціи брошюра д'Антрега озаглавлена: «Discours d'un membre de l'Assemblée Nationale à ses codeputés». Позднѣе авторъ развивалъ тѣ же мысли въ брошюрѣ: «Adresse à l'ordre de la noblesse de France», появившейся сперва въ ноябрѣ 91 года съ

какъ одной изъ сотенъ брошюръ, наводнившихъ собою Францію въ періодъ отъ 6 октября 1789 г. до бѣгства короля въ Вареннъ, и старавшихся провести тотъ взглядъ, что конституанта присвоила себѣ незаконную власть, а составляемая конституція противорѣчитъ волѣ народа. Александръ Ламетъ разсказываетъ, что эти брошюры продавались нерѣдко у самаго входа въ собраніе. О принятіи какихъ-либо мѣръ противъ печати не было и рѣчи. Это не мѣшало патріотамъ Палерояля принимать на себя добровольно роль «мстителей народныхъ обидъ» и даже предупреждать возможность появленія тѣхъ или другихъ «оскорбительныхъ для націи статей и памфлетовъ» категорическимъ заявленіемъ издателямъ, что ихъ печатные станки будутъ разбиты и сами они не избѣжатъ непріятныхъ для себя послѣдствій. Энергію памфлетистовъ въ осадѣ конституціи сдерживала также немало зависимость ихъ отъ немногихъ издательскихъ фирмъ, монополизировавшихъ въ это время въ своихъ рукахъ періодическую печать. Озабоченные прежде всего финансовой стороной предпріятія, многіе изъ издателей печатали одновременно нѣсколько рѣзко противоположныхъ другъ другу газетъ, расчитанныхъ на то, чтобы удовлетворить вкусамъ всѣхъ партій. Такъ, напримѣръ, Панкукъ, собственникъ Монитера, органа, выражавшаго собою мнѣнія большинства собранія, выпускалъ также въ свѣтъ тотъ «Французскій Меркурій», въ которомъ Малэ-дю-Панъ продолжалъ свою систематическую войну съ принципами 89 года и вызванной ими конституціей. Въ письмахъ Малэ къ Мунье не разъ встрѣчаются откровенныя заявленія, что, при всемъ желаніи, онъ не можетъ рѣшиться на тотъ или другой шагъ, напримѣръ, на открытый панегирикъ его взглядовъ, изъ боязни повредить интересамъ фирмы [1]).

множествомъ опечатокъ и переизданной затѣмъ самимъ авторомъ 10 янв. 92 года. Я пользовался этимъ послѣднимъ изданіемъ, какъ передающимъ всего полнѣе мысли автора.

[1]) Смотри письмо Малэ дю-Пана отъ 18 сент. 89 года (Hérisson, Autour d'une révolution стр. 11) Mais je dois compte du Mercure à son propriétaire; il a été, ainsi que l'imprimeur, l'objet des mêmes menaces, et je n'ai pu dans l'instant braver des dangers qui ne m'étaient plus personnels.

Эта фактическая зависимость отъ издателей и патріотовъ Палерояля объясняетъ намъ причину, по которой наиболѣе рѣзкія нападки на конституцію находили выраженіе себѣ въ анонимныхъ брошюрахъ, авторы которыхъ, получая деньги изъ лагеря роялистовъ, въ то же время оставались свободными отъ тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія могла имѣть для нихъ ярость якобинцевъ.

Къ числу такихъ памфлетовъ надо отнести тотъ, который изданъ былъ 16 февраля 90 года подъ заглавіемъ: «Главы якобинцевъ къ французамъ». Памфлетъ этотъ интересенъ для насъ тѣмъ, что въ немъ впервые конституція объявлена дѣломъ якобинцевъ и вся отвѣтственность за обрушившіяся и грозящія Франціи бѣдствія возлагается на членовъ этого патріотическаго клуба. «Счастливые успѣхи увѣнчали преступные замыслы, пишетъ авторъ, и національное собраніе смѣлыми шагами идетъ къ упраздненію монархіи и провозглашенію банкротства. Со всѣхъ сторонъ шлютъ ему благодарственныя письма и адресы, изготовляемые обыкновенно для провинцій въ самомъ клубѣ якобинцевъ. Провинціи получаютъ ихъ изъ клуба и отсылаютъ собранію». Подобно д'Антрегу, авторъ памфлета выбираетъ исходнымъ пунктомъ своей аргументаціи явное противорѣчіе, въ какомъ рѣшенія собранія стоятъ къ наказамъ избирателей.

«Слабые и робкіе французы, пишетъ онъ, говоря именемъ главъ якобинизма, въ своихъ наказахъ вы высказывали желаніе конституціи, подобной той, какую имѣютъ англичане, этотъ рабскій народъ, котораго позоритъ его трусость, котораго унижаетъ его нищенство и энергія котораго пала у подножія престола. Въ безсмысленной простотѣ своей вы дерзали предписать вашимъ делегатамъ рабское повиновеніе даннымъ вами полномочіямъ. Выполненіе этого требованія, пожалуй, сдѣлало бы васъ счастливыми, но обезпечило ли бы оно наше собственное счастье? Хорошо, что между нами нашелся апостолъ, который съ ранней молодости свободенъ отъ всѣхъ предразсудковъ чести, добродѣтели, совѣсти. Послушные краснорѣчивому слову епископа отэнскаго (Талейрана), мы поспѣшили объявить ничтожными наши полномочія и заодно съ ними и наши клятвы. Свободные впредь отъ вашихъ назойливыхъ желаній, мы задались дѣломъ созданія новой конституціи.

«Вы любили вашего короля, вы уважали его добродѣтели, вы соединяли съ стремленіемъ къ свободѣ подлое желаніе—сдѣлаться свободными безъ преступленія; вы хотѣли монархіи и конца злоупотребленіямъ, но, отмѣняя ихъ и сохраняя королевскую власть, вы оставляли безъ всякаго вознагражденія ту массу искателей, которые потому только покинули падавшій деспотизмъ и перешли на сторону свободы, чтобы получить должную за то мзду. Вы хотѣли такимъ образомъ невозможнаго; вы требовали отъ насъ забвенія нашихъ интересовъ и заботъ о вашихъ. Предоставь мы вамъ свободу выбора, все было бы потеряно. Надо было зажечь ваше воображеніе, отуманить вашъ разумъ, довести васъ до бреда, чтобы сдѣлать васъ фанатичными и жестокими. Вашъ фанатизмъ необходимъ былъ для нашихъ проектовъ, ваша жестокость—для нашего существованія; надо было запугать нашихъ противниковъ, чтобы сдѣлать ихъ столь же презрѣнными и низкими, какъ мы сами. Надо было внести смуту въ умы, и мы издали декларацію правъ. Она льстила всѣмъ честолюбіямъ, она служила всѣмъ заговорамъ. Ея благодѣтельная темнота была нашей первой побѣдой. Если бы не ярость противниковъ, эта декларація была бы перломъ созданія. Каждая строфа въ этомъ дивномъ псалмѣ сдѣлалась бы своего рода оракуломъ. Вы бы поняли ее въ одномъ смыслѣ, но въ одинъ прекрасный день мы бы объяснили ее вамъ въ другомъ. Совершивши великое дѣло ея редакціи, мы задались мыслью о конституціи. Отвергнуто было всякое дѣленіе законодательнаго корпуса, сказать правду, потому, что на нашъ взглядъ вамъ нужны не представители, а повелители. Мы готовы были также призвать въ союзники банкротство въ надеждѣ, что оно вооружитъ милліонъ рукъ противъ нашихъ враговъ; но въ то время, какъ мы уже собирались дать имъ желательное направленіе, ваша глупая привязанность къ престолу продолжала подымать его выше нашихъ декретовъ. Тогда мы сознали невозможность ниспровергнуть его въ вашемъ мнѣніи, не сдѣлавъ этого предварительно фактически. Это жестокое открытіе заставило насъ подвергнуться многимъ опасностямъ, но, несмотря даже на невѣроятную трусость нашего главнаго предводителя (намекъ на Лафайета), мы рѣшились на рискованное предпріятіе 5 и 6 октября. О, какой

день! Сколько энергіи обнаружили Мирабо Барнавъ, Шапелье, Дюпоръ, епископъ отэнскій, и вы, великій Вольнэ! Все служило намъ въ этотъ день. Нигдѣ мы не встрѣчали препятствій, кромѣ того, какое ставила намъ воля ненавидимаго нами Бога, который насмѣялся надъ нашимъ заговоромъ. Начиная съ 8 часовъ утра, мы пришли къ печальному сознанію, что тронъ сохранилъ своего представителя. Поставленные въ необходимость оставить за нимъ физическую жизнь, мы рѣшили приготовить ему смерть политическую, смерть медленную и позорную. Вотъ почему мы и перевезли его въ Парижъ. Предшествуемый окровавленными головами своихъ защитниковъ и окруженный палачами, король силою введенъ былъ въ свою столицу. Но новыя опасности возстаютъ передъ нами. Цѣлый потокъ статей и памфлетовъ льется на насъ, и преступленія наши раскрываютъ глаза всѣмъ.

«Плѣнъ короля, его послушаніе, его дѣйствующая, какъ машина, санкція, все это представлено авторами ихъ въ такомъ правдивомъ видѣ, что по неволѣ пришлось убѣдиться въ опасности, какую представляетъ для насъ та самая свобода печати, которой мы столькимъ обязаны» [1]).

Эта опасность особенно обнаружилась съ того момента, когда въ какихъ-нибудь пятнадцать дней разошлось двѣнадцать тысячъ экземпляровъ отпечатаннаго въ Лондонѣ двухтомнаго сочиненія Калонна подъ заглавіемъ «О положеніи Франціи въ настоящемъ и будущемъ» [2]). Этотъ авторъ, сочиненіемъ котораго не разъ пользуется Бёркъ, сумѣлъ удачно сгруппировать всѣ тѣ постановленія собранія, которыя идутъ открыто въ разрѣзъ съ наказами избирателей. Не заявляя себя врагомъ всякой реформы, настаивая даже на необходимости нѣкоторыхъ изъ тѣхъ нововведеній, которыми задалось собраніе, въ частности суда присяжныхъ, Калоннъ съ большимъ искусствомъ и не безъ краснорѣчія раскрываетъ скорбную лѣтопись тѣхъ актовъ насилія, какіе совершены были парижской чернью, и доказываетъ, что собра-

---

1) Aulard. (Société des jacobins. Les chefs des jacobins aux français du 16 fevr. 89 г.), стр. 1 и слѣдующія.

2) Смотри письмо Малэ дю-Пана къ Мунье 4 декабря 90 г. D'Herisson, Autour d'une rèvolution, стр. 156.

ніе подпало вліянію демагоговъ; послушное ихъ голосу, оно ведетъ французскую монархію къ неминуемой гибели. «Говоря постоянно о свободѣ, пишетъ онъ, современники оживили проскрипціи Марія и Суллы, доносы Нероновъ и Тиберіевъ, ужасы всѣхъ вѣковъ варварства. Изъ-за свободы король и королева насильственно уведены были изъ дворца и черезъ трупы убитыхъ гвардейцевъ препровождены въ Парижъ въ неволю. Изъ-за свободы принцы крови, знатнѣйшія фамиліи королевства и болѣе 200,000 гражданъ принуждены были выселиться.

«Безчисленный рядъ безнаказанныхъ убійствъ и опустошеній, непрекращающійся страхъ грабежа и всѣ излишества народной тираніи—таковы предвѣстники этой дурманящей всѣмъ головы свободы. О нація, извѣстная своимъ остроуміемъ, любезностью, великодушіемъ и страдающая только недостаткомъ разсудительности! долго ли продлится твоя слѣпота? долго ли будешь ты еще игрушкой въ рукахъ интригановъ, энтузіастовъ или невольной жертвою тѣхъ депутатовъ, которые дѣйствуютъ такъ, какъ будто въ данныхъ имъ наказахъ не значилось ничего, кромѣ слѣдующаго: «ступайте и разрушьте все, откройте войну противъ короля, духовенства, дворянства, магистратуры, всего класса земельныхъ собственниковъ; щадите только парижскихъ капиталистовъ и биржевыхъ игроковъ; внѣ этого вы свободны все ниспровергнуть; уничтожьте сословія и обязательства, принятыя по отношенію къ нимъ, отмѣните силу договоровъ и частныхъ соглашеній, разорвите грамоты, обезпечивающія провинціальныя вольности; завершите финансовое разореніе, обложите земли непосильнымъ налогомъ; но все это подъ условіемъ, чтобы изъ накопленныхъ вами развалинъ поднялось зданіе новой конституціи, настолько новой, чтобы ей не было ничего подобнаго въ прошедшемъ» [1]). Рисуя на первыхъ же страницахъ своей книги картину современной Франціи, Калоннъ говоритъ о взятомъ въ плѣнъ королѣ, о королевствѣ, данномъ на разграбленіе, о безсиліи администраціи, о безмолвіи правосудія, безнаказанности преступленій, судебномъ преслѣдованіи добродѣтели и

[1]) De l'état de la France par M. de Calonne. Londres, octobre 1790 г. préface (стр. XIII и IX).

невинности». Повсюду царствуетъ, говоритъ онъ, мрачный терроръ, безчеловѣчные раздоры и самая темная подозрительность. Доносы открыто поощряются. Шпіонство и интрига находятъ себѣ награду, и нѣтъ гражданина, обезпеченнаго въ сохраненіи собственности и чести. Таковы плоды революціи, таковы видимыя послѣдствія того «возрожденія», о которомъ такъ торжественно заявлялось міру. Имѣлось въ виду обезпеченіе разумной свободы; взамѣнъ ея ввели ничѣмъ несдерживаемый разгулъ. Обѣщали защиту собственности, а на дѣлѣ нарушили ее. Хотѣли ограничить различные виды власти и кончили ихъ смѣшеніемъ. Обѣщали возстановить финансы и только ухудшили ихъ положеніе... Дворянство шло на отмѣну своихъ денежныхъ привилегій—предпочли отмѣнить само дворянство. Духовенство соглашалось на многія пожертвованія для возстановленія кредита, предпочли присвоить себѣ несправедливо его земли. Подъемъ народнаго благосостоянія ставился главною, вѣрнѣе, единственной цѣлью для созыва собранія, но никогда нищета народа не была больше, какъ со времени этого созыва. Всякому бросается въ глаза, что, желая реализировать неосуществимую теорію первобытныхъ правъ человѣка, подкопались подъ всѣ устои, что система, нивеллировавшая общественныя состоянія, уничтожила самыя основы повиновенія, упразднила всѣ элементы публичной власти и лишила государство всякой внутренней поддержки. Религія, которая служитъ ему первой опорой, подвергается открытому нападенію въ лицѣ ея служителей. Дворянство, мужественно отстаивавшее всегда престолъ и отечество, доведено до отчаянія и ждетъ своего упраздненія. Магистратура, такъ доблестно защищавшая не разъ права націи, получила смертельный ударъ; армія, испорченная подкупомъ, ослабленная дезертерствомъ, не признаетъ болѣе своихъ начальниковъ; въ государствѣ нѣтъ ни кредита, ни денежнаго обмѣна, ни даже признаковъ существованія монеты; торговля и промышленность въ полномъ застоѣ. Столица, пребываніе въ которой сдѣлалось въ такой же мѣрѣ опаснымъ, въ какой оно нѣкогда было привлекательнымъ, взамѣнъ прежняго своего благосостоянія и блеска, видитъ только бѣдность и нищету. Населеніе ея уменьшилось на одну треть, и треть оставшихся

еще доведена до необходимости просить милостыню. Провинціи потеряли и тѣ источники благосостоянія, которыми онѣ прежде пользовались, и тѣ права, какія были признаны за ними торжественными соглашеніями.

Франція потеряла сразу всякое значеніе въ Европѣ; ея политическое вліяніе исчезло, и мѣсто, занимаемое ею на картѣ, по вѣрному выраженію одного изъ лучшихъ умовъ Англіи (Бöрка), является «пустопорожнимъ» [1]).

Въ своей критикѣ конституціонныхъ декретовъ Калоннъ доказываетъ, что отказъ королю въ абсолютномъ вето уничтожилъ единственную преграду къ самовластію собранія, что быть исполнительнымъ агентомъ народныхъ представителей — не значитъ быть королемъ, и что монархія поэтому фактически отмѣнена во Франціи. Повторяя извѣстное положеніе Монтескье объ умѣряющемъ вліяніи дворянства, авторъ утверждаетъ, что отказомъ въ установленіи верхней палаты собраніе нарушило силу конституціонныхъ принциповъ, что то же сдѣлано ею въ вопросѣ о правѣ объявлять войну и заключать миръ; что избраніе судей народомъ въ такой же мѣрѣ вредитъ интересамъ разумной юстиціи, какъ и твердости монархическаго начала; а проведенное собраніемъ военное устройство уничтожаетъ дисциплину и лишаетъ короля фактическаго начальства надъ войскомъ. Личная свобода и безопасность страдаютъ отъ узурпаціи законодательной властью функцій исполнительной, отъ присвоенія ею права распоряжаться военными силами и вмѣшательства въ ходъ администраціи. Не находитъ также для себя гарантій въ новой конституціи и собственность: въ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, въ отмѣнѣ феодальныхъ правъ, въ уничтоженіи церковной десятины сказывается прямое отрицаніе принципа ея неприкосновенности. Калоннъ упрекаетъ депутатовъ въ томъ, что, отмѣнивъ продажу должностей, они не приняли до сихъ поръ дѣятельныхъ мѣръ къ ихъ выкупу. Самое уничтоженіе пенсій кажется ему рѣшительнымъ посягательствомъ на право частной собственности. «Можно ли повѣрить, такъ заканчиваетъ онъ свою обвинительную рѣчь противъ собранія, что

[1]) Ibid., стр. 5—8.

среди столькихъ развалинъ, столькихъ неудачныхъ затѣй, столькихъ односторонних, проникнутыхъ духомъ партіи рѣшеній, въ тотъ самый моментъ, когда все государство вопіетъ противъ вызванныхъ въ немъ безпорядковъ, собраніе имѣетъ дерзость утверждать, что сдѣланное имъ должно оставаться неизмѣннымъ, что, будучи учредительнымъ, оно вправѣ по собственному выбору измѣнять основы конституціи и создать новый образъ правленія, въ которомъ будущія законодательныя палаты ничего не должны измѣнять». Калоннъ посвящаетъ цѣлую главу доказательству той мысли, что національное собраніе не призвано быть учредительнымъ, что цѣль, съ которой оно было созвано, не даетъ ему права считать себя таковымъ. Наконецъ сознавая, повидимому, самъ недостаточность своей аргументаціи, онъ аппелируетъ къ авторитету Руссо и доказываетъ, что ни одно представительное собраніе не вправѣ связывать воли націи, не можетъ создавать неподлежащихъ отмѣнѣ законовъ. Это было бы, справедливо замѣчаетъ онъ, ниспроверженіемъ всѣхъ идей Руссо, антиподомъ того, чему учитъ этотъ философъ - законодатель, изъ котораго сами члены собранія сдѣлали себѣ оракула [1]).

«Чѣмъ ближе мы знакомимся съ характеромъ той ложной конституціи, какую предлагаютъ намъ, продолжаетъ онъ, тѣмъ больше мы находимъ причинъ отказать ей въ той незыблемости, на которой настаиваютъ ея творцы. На каждомъ шагу мы убѣждаемся, что она несогласна съ принципами монархіи и вообще практически непримѣнима [2])». По мнѣнію ея критика, конституція искусственно дробитъ Францію на 83 штата; она грозитъ поэтому ввергнуть страну въ то положеніе, въ какомъ она была до момента объединенія подъ эгидой монархической власти. Но что же дѣлать всѣмъ истиннымъ друзьямъ отчизны? Калоннъ совѣтуетъ измѣнить конституцію легальнымъ путемъ. Онъ предлагаетъ заняться пересмотромъ уже принятыхъ рѣшеній, удержать въ силѣ согласное съ наказами и отмѣнить все остальное. «Но, если бы, говоритъ онъ въ заключеніе, не послѣдовало ожидаемаго просвѣтлѣнія, если бы всякая надежда на

[1]) Ibid., томъ II, стр. 139.
[2]) Ibid., стр. 157.

возможность пересмотра была потеряна и эмигрировавшимъ принцамъ пришло на умъ созвать подъ свое знамя всѣхъ вѣрныхъ присягѣ французовъ, чтобы вернуть королю его независимость, возстановить авторитетъ власти и прежній блескъ французской монархіи, не повергая въ то же время націи въ рабство, а напротивъ, обезпечивая выполненіе всѣхъ ея желаній, — въ такомъ случаѣ вѣчнымъ позоромъ, тѣмъ самымъ, какимъ грозилъ законъ Солона, будутъ покрыты тѣ, кто изъ ложнаго страха или по низкой апатіи предпочтутъ остаться въ бездѣйствіи, всѣ, кто не перестанетъ подчиняться тираніи Барнавовъ, Ламетовъ, Петіоновъ, Мирабо, Робеспьеровъ и имъ подобныхъ и не поспѣшитъ подъ знамя Бурбоновъ съ цѣлью добиться свободы, порядка, спокойствія подъ эгидой законнаго авторитета, умѣряемаго справедливымъ противовѣсомъ властей. Что касается до меня, прибавляетъ бывшій министръ, то мой выборъ сдѣланъ; на него указываетъ мнѣ и мое рожденіе, и святость присяги; если выполненіе налагаемыхъ ею обязательствъ есть преступленіе, я готовъ быть преступникомъ» [1]). И Калоннъ остается вѣрнымъ данному слову и спѣшитъ на помощь къ братьямъ короля, несмотря на обезпеченное положеніе, какое доставила ему въ Англіи весьма удачная во всѣхъ отношеніяхъ женитьба. Съ легкой душою побуждаетъ онъ принцевъ къ веденію съ трудомъ скрываемыхъ интригъ съ Англіей, Испаніей, разными дворами Италіи и къ довольно низкому искательству передъ Екатериной II. Его совѣты такъ опрометчивы, что даже личные друзья, въ родѣ Водрэля, послушные голосу опытности, говорившей устами кардинала Берни, всячески убѣждаютъ принцевъ не поддаваться его совѣтамъ.

«Никто не любитъ Калонна больше меня, пишетъ Водрэль, никто въ такой мѣрѣ не убѣжденъ въ его талантахъ, въ его изобрѣтательности, въ его геніи и вѣрности; но не слѣдуетъ терять изъ виду ту силу, какую имѣетъ общественное мнѣніе; надо помнить, что никакой успѣхъ немыслимъ безъ поворота въ немъ, а этого можно достигнуть только при мудромъ и медленномъ ходѣ; но какъ въ такомъ случаѣ выдвигать впередъ

---

[1]) Ibid., стр. 226 и 226 тома II.

человѣка, оклеветаннаго общественнымъ мнѣніемъ; предубѣжденіе короля и королевы противъ него очень сильны; не будутъ ли они непреодолимымъ препятствіемъ къ принятію мѣръ, инспираторомъ которыхъ явится Калоннъ» [1]). Эти слова содержали въ себѣ пророчество. Ближайшій совѣтникъ Маріи Антуанеты, Мерси, въ составленныхъ для нея докладныхъ запискахъ еще въ маѣ 1790 года предупреждалъ ее противъ легкомыслія и необдуманности проектовъ, затѣваемыхъ въ Туринѣ въ интересахъ конртреволюціи. Въ числѣ ихъ фигурировалъ одно время планъ тайнаго похищенія короля и королевы. Мерси отказывался вѣрить, чтобы графъ Артуа имѣлъ въ немъ какое-либо участіе; виновникъ такого замысла, говорилъ онъ, поистинѣ достоинъ смертной казни [2]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ приходятъ въ Парижъ извѣстія о прибытіи бывшаго генералъ-контролера въ Туринъ и о предстоящемъ открытіи въ этомъ городѣ большого собранія аристократовъ. Калоннъ вскорѣ становится въ такой же мѣрѣ главнымъ совѣтникомъ эмиграціи, говоритъ Сорель, въ какой Кондэ былъ главной ея шпагой. Его политика, продолжаетъ тотъ же историкъ, отличалась крайней непослѣдовательностью и опрометчивостью. Оптимизму не было границъ. Онъ увѣрялъ, что Питтъ готовъ дать десять милліоновъ на дѣло контрреволюціи и поставить въ ея распоряженіе англійскіе корабли, что Густавъ III поспѣшитъ ей на помощь со своимъ флотомъ, а Екатерина II постарается заключить миръ съ Турціей, чтобы направить свои войска на Рейнъ. Въ декабрѣ 90 года, по его совѣту, графъ Артуа долженъ былъ предпринять открытый походъ во Францію. Сардинскій король обѣщалъ послать войска въ Дофинэ. Кондэ долженъ былъ дѣйствовать въ направленіи къ Ліону. Расчитывали на немедленное возстаніе въ Эльзасѣ, на помощь Австріи и Испаніи. Но испанскій дворъ хранилъ глубокое молчаніе, а Австрія категорически отказывала во вмѣшательствѣ. Услыхавъ о томъ, что готовилось, Людовикъ XVI послалъ курьера въ Туринъ съ пись-

---

[1]) См. Corresp. intime du comte de Vaudreuil. Письмо изъ Рима 28 ноября 89 г., стр. 39.

[2]) См. Corresp. de Mercy-Argenteau, томъ II, стр. 303.

мами къ Виктору-Амедею и графу Артуа. Онъ всячески отклонялъ ихъ отъ задуманнаго плана. Одновременно королева писала своему брату, императору Леопольду: «это значило бы все потерять, поставить себя и другихъ въ величайшую опасность. Надѣюсь, что эти соображенія остановятъ ихъ; одни вѣдь мы способны судить на мѣстѣ о томъ, какой моментъ и какія обстоятельства всего удобнѣе для выхода изъ бѣдствій, окружающихъ насъ и наполняющихъ горемъ всю Францію. Тогда и только тогда, дорогой братъ, я буду надѣяться на вашу дружбу и прибѣгну къ вашей помощи» [1]). Такимъ образомъ, ясно сказывалась рознь между мѣрами, затѣваемыми въ Туринѣ съ цѣлью положить конецъ революціи, и личной политикой королевской семьи. Эта рознь не замедлила выступить весьма наглядно въ двухъ вскорѣ наступившихъ фактахъ. Заговоръ Маркиза де-Фавраса, во-время открытый, побудилъ старшаго брата короля, графа Прованскаго, будущаго Людовика XVIII, предпринять, съ совѣта Мирабо и безъ предварительнаго соглашенія со дворомъ, шагъ, долженствовавшій, повидимому, связать его навсегда съ дѣломъ революціи. Онъ явился въ засѣданіе муниципальнаго совѣта Парижа и въ присутствіи мера Бальи, слагая съ себя всякую отвѣтственность въ заговорѣ, заявилъ о своей солидарности съ тѣми принципами, которые положены были въ основу пережитаго Франціей переворота.

Переписка Водрэля съ графомъ Артуа даетъ возможность судить о томъ впечатлѣніи, какое этотъ поступокъ произвелъ на эмиграцію.

«О ваше высочество! какой ужасный шагъ. Я узналъ о немъ раньше полученія вашего письма, предугадывалъ и раздѣлялъ ваше негодованіе. Какъ это низко и какъ преступно!» Водрэль думаетъ, что Monsieur (титулъ, которымъ во Франціи именовали старшаго брата короля) сдѣлался жертвой интриги, что онъ рѣшился на заявленіе не столько въ интересахъ собственной безопасности, сколько по настояніямъ такихъ людей, какъ аббатъ Монтескье или графъ Левисъ. «Мерзавцы, правящіе

---

1) См. Sorel, часть вторая, стр. 174, 175, 176 (L'Europe et la révolution française).

Франціей, потерявши главу, благодаря отъѣзду герцога Орлеанскаго, вздумали избрать себѣ новаго, не посвященнаго во всѣ ихъ тайны» [1]).

Но еще большее разочарованіе ждало эмиграцію. 4 февраля 90 года Людовикъ XVI явился, какъ мы видѣли, въ собраніе и, ходатайствуя объ усиленіи исполнительной власти, въ то же время заявилъ, что добровольно принимаетъ все сдѣланное дотолѣ къ измѣненію существующаго порядка вещей. Это заявленіе сопровождалось требованіемъ присяги отъ короля и всѣхъ членовъ національнаго собранія въ вѣрности еще незаконченной конституціи. Графъ Артуа убаюкивалъ себя надеждой, что поступокъ его брата не будетъ имѣть серьезнаго значенія, такъ какъ всѣ признаютъ его вынужденнымъ. Но далеко не такъ смотрѣлъ на дѣло Водрэль.

«Я, писалъ онъ, считаю этотъ шагъ роковымъ, почти непоправимымъ. Онъ укрѣпитъ смѣлость заговорщиковъ и лишитъ вѣрныхъ французовъ всякой храбрости. Какія средства остаются еще въ ихъ рукахъ? Гдѣ близкія къ осуществленію надежды, когда король самъ разламываетъ свой скипетръ на части, предоставляетъ на произволъ судьбы высшія сословія государства, признаетъ всю власть за народомъ, руководимымъ какими-то бѣшеными, поклявшимися погубить монархію. Мнѣ трудно передать вамъ, сколько мрачныхъ мыслей прошло черезъ мою голову, начиная съ 4 февраля. Я думаю, что наши противники заставили сперва Monsieur, а затѣмъ и короля поступить такъ, какъ они поступили, съ цѣлью парализовать всякое средство сопротивленія съ вашей стороны и сдѣлать возможнымъ провозглашеніе васъ мятежникомъ, едва вы покажетесь во Франціи» [2]).

Въ другомъ письмѣ тотъ же Водрэль пытается объяснить поведеніе короля интригами Лафайета и Неккера. «Но даже и въ томъ случаѣ, прибавляетъ онъ, если поступокъ Людовика XVI не былъ добровольнымъ, надо сказать, что онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы довести до отчаянія добромыс-

---

1) Письмо изъ Рима 14 янв. 90 года, стр. 85.

2) Ibid. Письмо 27 февр. 90 г., стр. 120 и 124.

лящихъ людей. Вѣдь на каждомъ шагу король спѣшитъ заявить, что онъ самъ участвуетъ на половину во всѣхъ мѣрахъ, принимаемыхъ противъ него» [1]).

Не въ одномъ лишь лагерѣ эмигрантовъ слышались громкія жалобы противъ главы династіи. Поступокъ Людовика XVI вызвалъ осужденіе и въ средѣ конституціоналистовъ. Бергассъ, какъ мы видѣли, одинъ изъ членовъ перваго конституціоннаго комитета, союзникъ Мунье и Лалли и, подобно имъ, поклонникъ англійскихъ учрежденій, счелъ возможнымъ косвенно высказать свое неодобреніе, отказавшись присягнуть въ вѣрности новой конституціи.

Въ открытомъ письмѣ къ Диноншо, депутату отъ Блуа и редактору «Медонскаго Курьера», онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ свой поступокъ. «Конституція, навязываемая Франціи, не есть свободная конституція; она лишена ея существенныхъ чертъ — раздѣленія и взаимной независимости властей. Это даже не конституція». Мнѣ неизвѣстны, пишетъ Бергассъ, иные виды конституціи, кромѣ республиканской и монархической. Въ первой свобода сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока власти настолько раздѣлены, что то или другое политическое тѣло не можетъ приводить всѣ ихъ въ дѣйствіе по собственному усмотрѣнію. Во второй (монархической) та же свобода сохраняется только подъ условіемъ, чтобы монархъ былъ необходимой составной частью правительства. Правда, онъ ничего не долженъ дѣлать безъ народныхъ представителей, но ходъ государственной машины немыслимъ безъ него, т. е. безъ полной и свободной манифестаціи его воли. Но въ конституціи собранія одинаково отсутствуетъ характеръ и республики, и монархіи. Я признаю поэтому безсмысленнымъ приносить присягу чему-то, что не допускаетъ даже опредѣленія. Конституція удержала за королемъ только тѣнь его власти. Всякая власть предполагаетъ свободную волю. Кто поступаетъ по волѣ другого, чья воля можетъ быть сломана, тотъ не имѣетъ дѣйствительной власти; онъ пассивное орудіе въ чужихъ рукахъ. «Вы можете строить софизмъ за софизмомъ, но не опровергнете этой про-

---

[1]) Ibid. Письмо 6 марта 90 года, стр. 134 и 135.

стой истины. Теперь я спрошу васъ, при вашей странной системѣ относительной санкціи, т. е. санкціи, которая не есть санкція, не наступитъ ли необходимо такой моментъ, когда участіе монарха въ созданіи закона перестанетъ быть свободнымъ, когда собраніе поставитъ его въ необходимость поступить противъ совѣсти, сдѣлать то, чему противится его разумъ и его сердце? Вы не можете также отрицать, что ваша конституція даетъ собранію власть, во многомъ превосходящую власть монарха. Что можетъ сдѣлать одинокій человѣкъ, не находящій защиты въ учрежденіяхъ, противъ численнаго собранія, которое своими трудами, интригами и сношеніями создало себѣ связи во всѣхъ провинціяхъ и въ силахъ подавить всякое сопротивленіе, опираясь на общественное мнѣніе, въ образованіи или, вѣрнѣе, систематической порчѣ котораго оно само участвовало. Можете ли вы отрицать также, что, благодаря вашей департаментской и муниципальной организаціи, монархъ не остается чуждымъ почти всему, что происходитъ? Но какимъ противовѣсомъ можетъ быть король, существованіе котораго не связано съ общими интересами государства, который не даетъ импульса правительственной машинѣ, приводимой въ движеніе его именемъ. А если такъ, то что же значитъ та верховная исполнительная власть, которую вы признаете за нимъ? Что такое власть, которой нельзя осуществлять и которая можетъ быть парализована каждый разъ, когда обращаешься къ ея примѣненію? Но если король не имѣетъ верховной исполнительной власти, то какъ можетъ быть достигнута та независимость властей, безъ которой не мыслима ни настоящая монархія, ни настоящая свобода?

Я докажу вамъ также, что вы не создали и республики. Вы согласитесь со мною, что ея нѣтъ тамъ, гдѣ единое собраніе, всегда являющееся властью, отличною отъ націи, располагаетъ нераздѣльно суверенитетомъ. Въ конституціи же вашей монархъ не имѣетъ достаточно власти, чтобы служить противовѣсомъ. Надо поэтому создать его на сторонѣ. Этотъ противовѣсъ, безъ котораго собраніе поглотитъ всѣ виды свободы, можетъ быть предоставленъ только самостоятельному политическому тѣлу, въ родѣ провинціальныхъ и муниципальныхъ ад-

министрацій. Но въ законѣ, регулирующемъ ихъ права, нигдѣ не говорится о вашей зависимости, о необходимости давать имъ отчетъ въ дѣятельности. Собраніе остается такимъ образомъ единственной властью въ государствѣ; а если такъ, то гдѣ же республика и гдѣ также свобода»? [1]).

Эти мысли все болѣе и болѣе становились общимъ достояніемъ французскихъ англомановъ. Развитіемъ ихъ наполнены письма Маллэ дю Пана къ Мунье и Мунье къ Вирье.

«Всякая надежда должна быть оставлена, пишетъ Маллэ. Нѣтъ возможности дѣйствовать на собраніе, которое совсѣмъ подпало вліянію оплачиваемой и шумящей на галлереѣ толпы, на собраніе, меньшинство котораго раздавлено большинствомъ. Все законодательное воздѣйствіе сосредоточилось въ клубѣ якобинцевъ и томъ темномъ комитетѣ, который правитъ имъ; тамъ подготовляются всѣ рѣшенія; тамъ дано было клятвенное обѣщаніе меньшинства подчиняться большинству. Рѣшеніе это объединяетъ вожаковъ и заставляетъ примкнуть къ нимъ всѣхъ трусовъ. Подобный же клубъ существовалъ въ Женевѣ въ періодъ нашихъ внутреннихъ волненій. Эту-то женевскую практику и усвоили себѣ французскіе революціонеры. Въ собраніи пренія производятся только для формы. Никто не можетъ безнаказанно поднять голоса противъ предложенія, исходящаго изъ среды якобинцевъ, и едва три или четыре оратора успѣютъ высказаться въ его пользу, какъ дебаты объявляются закрытыми. Конституція, продолжаетъ Маллэ, почти уничтожила и несомнѣнно уничтожитъ вполнѣ не только власть короля, но и то ея сокращеніе, которое удачно окрестили названіемъ исполнительной власти. Я бы хотѣлъ обнадежить васъ, но истина заставляетъ меня сознаться, что наши желанія далеки отъ осуществленія. Какое невѣроятное зрѣлище представляетъ это собраніе, захватившее въ свои руки всѣ виды власти, подъ предлогомъ ихъ установленія, и желающее присвоить себѣ даже право опредѣлить срокъ прекращенія своихъ полномочій» [2]).

---

[1]) Lettre de M. Bergasse, député de la sénéchaussée de Lyon, à M. Dinocheau, député de Blois et rédacteur du courier de Meudon, 15 février 1790, стр. 4—10.

([2] Письмо 14 марта 90 года.

«Отнять у короля надѣленіе церковными бенефиціями, опредѣленія на службу всѣхъ судей и значительнаго числа офицеровъ арміи,—вотъ къ чему направлены послѣднія «операціи» собранія, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ [1]). Такимъ образомъ, мало-по-малу исчезаютъ всѣ основы конституціонной монархіи. Благодаря декретамъ собранія, исполнительная власть сдѣлалась глашатаемъ приказовъ народнаго представительства, герольдомъ, объявляющимъ его волю». Авторъ полагаетъ, что исходомъ будетъ обращеніе Франціи въ конфедерацію муниципальныхъ республикъ, что къ этому стремятся творцы современнаго «злополучія». Онъ подозрѣваетъ ихъ въ готовности замѣнить наслѣдственную монархію выборной. Трусость, безстыдство и низость, если вѣрить ему, дошли до крайняго предѣла. Его порицанія не избѣгаетъ и король. Онъ становится для него «безсмысленнымъ». Неккеръ, управляемый женой, которая въ свою очередь слушается Рабо, Ліанкура и Лафайета, палъ въ общественномъ мнѣніи. Аббатъ Мори, привѣтствуемый апплодисментами, совершенно разбилъ его недавно, пишетъ Маллэ 24 іюня 90 года. Въ понедѣльникъ онъ прогуливался въ Тюльери со своей женой; три раза ихъ встрѣтили свистками. Человѣкъ этотъ погубитъ насъ, какъ онъ погубилъ уже Францію». Но среди этихъ обвиненій, брошенныхъ на людей, которые еще не такъ давно шли заодно съ нимъ, невольно поражаетъ слѣдующая похвала по адресу недавняго противника: «Мирабо одинъ видитъ вѣрно, оцѣниваетъ должнымъ образомъ современное безумство и боится катастрофы. Чтобы не быть ею подавленнымъ, онъ, вѣроятно, самъ приметъ въ ней участіе, но отъ него можно ждать и просвѣтлѣнія; оно скажется въ выгодномъ для его интересовъ выходѣ изъ этой необходимости»—темныя, но пророческія слова, въ которыхъ мы находимъ отраженіе ходившихъ уже слуховъ о тайныхъ переговорахъ Мирабо со дворомъ [2]).

О томъ, какъ слабы были въ это время шансы на успѣхъ для партіи, благопріятной идеямъ англійской конституціи, можно судить по тому, что Мунье, встрѣтивши отпоръ со стороны предста-

---

[1]) Отъ 28 апрѣля 90 года.

[2]) D'Herisson, стр. 94—105; 111—120.

вителей собственной провинціи, долженъ былъ не только оставить мысль о созывѣ штатовъ въ Дофинэ для протеста противъ собранія, но и искать въ Женевѣ убѣжища отъ личныхъ преслѣдованій. «Я защищалъ королевскую власть, читаемъ мы въ письмѣ, посланомъ имъ отсюда къ Вирье 10 іюля 90 года, и можетъ быть найду еще возможность защищать ее въ интересахъ свободы» [1]). Вѣрный данному слову, Мунье продолжалъ обнародовать свои взгляды въ рядѣ брошюръ, изъ которыхъ одна—«Адресъ къ жителямъ Дофинэ»—выдержала въ одномъ іюлѣ два изданія и навлекла на него, по словамъ Маллэ, «ярость всѣхъ писакъ». «Французскій патріотъ», редактируемый Бриссо, рѣшался даже поставить по этому случаю вопросъ о томъ, какъ могутъ дозволять отстаивавшему тѣ же взгляды Маллэ дю Панъ, этому, какъ онъ говорилъ, женевцу, безнаказанно и періодически оскорблять націю и ругаться надъ декретами собранія. Предвидя возможность закрытія своей газеты, Маллэ помышлялъ объ оставленіи Франціи и о переселеніи въ Женеву, гдѣ созданная имъ «Женевская газета», [2]) по собственному его сознанію, являлась не болѣе, какъ перепечаткой политической части «Французскаго Меркурія». Вирье и Малуэ одни продолжали отстаивать въ стѣнахъ собранія взгляды еще недавно могущественной партіи; но и они, повидимому, считали всякую оппозицію тщетной и душой рвались за границу. «Если бы я послѣдовалъ своему влеченію и подчинился той невыносимой усталости, какую породила во мнѣ жизнь въ средѣ мятежниковъ и чередованье на моихъ глазахъ ряда преступленій, давно бы, дорогой другъ, я обнялъ васъ, писалъ первый къ Мунье 5 сентября 90 года. Но не проходитъ трехъ дней, чтобы въ собраніи не обсуждалось какой-нибудь дьявольской мѣры. И не рѣшаешься взять отпуска изъ страха быть въ отсутствіи, когда долгъ велитъ энергически отстаивать разъ занятый постъ. Это чувство тѣмъ сильнѣе во мнѣ, что болѣе двухсотъ человѣкъ, утомленныхъ борьбою, съ отвращеніемъ ушло отъ дѣлъ или отказывается отъ своихъ полномочій. Этимъ они пагубнымъ образомъ ослабляютъ число тѣхъ, кто

---

[1]) Ibid., стр. 124.

[2]) Письмо Малуэ отъ 21 іюля 90 года.

остался на сторонѣ честныхъ людей. Какъ не пожалѣть объ этомъ, вспоминая, что за послѣдніе четыре или пять мѣсяцевъ многіе принципіальные вопросы были рѣшены противъ насъ, благодаря такому абсентеизму. Нерѣдко большинство не превышало восьмидесяти человѣкъ, и ста было бы достаточно, чтобы обезпечить намъ побѣду. Вотъ это-то и заставляетъ меня остаться; а также забота о несчастной королевской семьѣ, которой постоянно грозитъ ножъ. Хотя декретомъ 19 іюня собраніе и отмѣнило дворянство, но я все еще настолько чувствую себя дворяниномъ, что не рѣшаюсь покинуть моего короля. Я не могу забыть, что пріемъ въ члены ордена св. Людовика связалъ меня клятвою сложить голову у подножія престола, престола, безъ котораго никогда не будетъ ни истиннаго могущества, ни свободы, ни безопасности. Это не значитъ, впрочемъ, чтобы мнѣ удалось достигнуть многаго въ этомъ направленіи. Но одинъ потерянный случай сдѣлался бы для меня источникомъ безконечныхъ сожалѣній» [1]).

Центромъ конституціонной оппозиціи, вожакомъ немногихъ уцѣлѣвшихъ приверженцевъ англійской свободы являлся въ это время, впрочемъ, не Вирье, а депутатъ Малуэ съ основаннымъ имъ «клубомъ Независимыхъ» (les impartiaux). Въ этомъ клубѣ ему удалось объединить дѣятельность такихъ искреннихъ друзей свободы, какъ Лафайета, Ларошфуко Ліанкуръ, епископа Лангрскаго, епископа Нанси, Редона, аббата Монтескье и другихъ. Въ правилахъ этого клуба [2]) говорилось о необходимости возстановить порядокъ, миръ и безопасность, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось и подчиненіе конституціи; несовершенства въ ней должны были исчезнуть со временемъ и подъ вліяніемъ опыта. «Независимые», заявляя о своей солидарности съ декларацiей правъ, соглашались принять имя согражданъ въ виду отмѣны сословій, но они требовали въ то же время сохраненія національной церкви и обезпеченія ея землею, примиренія свободы прессы съ общественнымъ порядкомъ, честью и безопасностью гражданъ,

[1]) D'Herisson, стр. 140, 141.

[2]) Они воспроизводятся въ мемуарахъ Малуэ. Т. II, изд. 1874 г., стр. 29—32.

подчиненія королю одинаково арміи и національной гвардіи, его прямого участія въ назначеніи судей и т. п. Начало сообществу было положено въ послѣднихъ числахъ декабря личнымъ соглашеніемъ Малуэ съ Лафайетомъ [1]).

Второго января 1790 года «независимые» обратились съ слѣдующимъ адресомъ ко всѣмъ, какъ они выражались, «истиннымъ друзьямъ мира». «Революція совершилась, и всякій проектъ контрреволюціи безсмысленъ и можетъ быть источникомъ страшныхъ бѣдствій; но надо сдѣлать конституцію практически примѣнимой, а для этого необходимо усилить въ ней главную пружину — королевскую власть. Мы хотимъ вернуть нужную энергію исполненію и объявить его органы отвѣтственными. При современномъ положеніи дѣлъ, мы недоумѣваемъ, чего можно требовать отъ министровъ и что они могутъ сдѣлать. Мы хотимъ, чтобы французскій король былъ могущественнѣе парижскаго мера; мы возстаемъ противъ мысли о федераціи, противъ всего, что бы напоминало іоническую или ахейскую лигу, независимость которыхъ такъ легко была упразднена Македоніей. Всѣ административныя собранія должны зависѣть отъ короля и не могутъ ничего предпринять безъ его согласія. Пора сказать метафизикамъ, что время настало для экспериментальной физики, а администраторамъ, что надо вести себя, какъ министры. Пора сказать также избираемымъ членамъ парижскихъ округовъ, что, мѣшаясь во все, они производятъ только общую путаницу, такъ какъ для управленія нужны люди, способные къ нему».

Клубъ имѣлъ всего два засѣданія. Его открыто обвиняли въ монархизмѣ, и всѣ революціонные журналы приняли самое основаніе его за сигналъ къ контрреволюціи. По ходатайству якобинцевъ это сообщество было закрыто, и Малуэ пришлось искать новыхъ средствъ для выраженія взглядовъ своей партіи на мѣры, принимаемыя собраніемъ.

Протестъ принялъ на этотъ разъ форму открытаго письма къ избирателямъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этого документа, который, можетъ быть, всего цѣльнѣе передаетъ программу друзей конституціонной монархіи и вправѣ считаться

[1]) См. Droz, Histoire du règne de Louis XVI. Appendice, стр. 108.

въ нѣкоторомъ смыслѣ ихъ политическимъ завѣщаніемъ. «Привыкши издавна разсуждать о вопросахъ политики, пишетъ Малуэ, я держусь неизмѣнно однихъ и тѣхъ же взглядовъ на предѣлы, какіе должны быть поставлены свободѣ, чтобы сдѣлать ее примиримой съ существованіемъ великой націи. Осязаемой, установленной опытомъ истиной надо признать, что воля всѣхъ или большинства одна можетъ считаться самодержавной, а отсюда слѣдуетъ, что не можетъ быть такого правительства, въ которомъ бы государь являлся сувереномъ иначе, какъ въ силу делегаціи. Другой, не менѣе необходимый выводъ, что всѣ власти имѣютъ своимъ источникомъ народъ. Все, что говорятъ нынѣ по этому вопросу, сказано было уже въ эпоху перваго образованія политическихъ обществъ. Но чего не говорятъ и что, однако, должно быть сказано—это то, что физически невозможно отобрать мнѣнія 25 милліоновъ или ихъ большинства по вопросу о государственномъ устройствѣ; а изъ этого слѣдуетъ необходимость созданія въ каждомъ политическомъ обществѣ класса людей, сужденія которыхъ служили бы руководствомъ для другихъ. Классъ этотъ всегда будетъ малочисленъ, такъ какъ одно только воспитаніе, обезпеченность и размышленіе дѣлаютъ возможнымъ образованіе тѣхъ спекулятивныхъ привычекъ, безъ которыхъ общественному мнѣнію невозможно было бы сложиться. Въ руководящемъ классѣ, который направляетъ нынѣ Францію, установилось единство по вопросу о принципахъ общественнаго договора но большая неясность и неопредѣленность продолжаетъ держаться по отношенію къ тѣмъ примѣненіямъ, какія должны имѣть эти принципы. И это потому, что весьма немногіе могутъ схватить то взаимоотношеніе, въ какомъ они находятся, а также всѣ вытекающія изъ нихъ послѣдствія. При такихъ условіяхъ увѣренность, что вы слѣдуете общей волѣ, даетъ приверженность къ тѣмъ началамъ, которыя сама она сознала и провозгласила. Если же встрѣтятся такія, по которымъ она хранитъ безмолвіе, то не можетъ ли служить доказательствомъ ея согласія самая благотворность ихъ для всѣхъ частей политическаго тѣла? Вѣдь общая воля всегда направлена къ свободѣ, миру и счастью всѣхъ; а отсюда прямо слѣдуетъ, что конституція тогда только будетъ отвѣчать волѣ націи, когда будетъ

построена на указанныхъ ею основахъ. Но какія же эти основы, какъ не тѣ, которыя существуютъ въ монархическомъ образѣ правленія? Каковы тѣ предѣлы королевской власти, которые бы сдѣлали возможнымъ достиженіе свободы подъ эгидою монархіи, опредѣлить не трудно, что бы ни говорили на этотъ счетъ. Королю нужно предоставить все необходимое для быстраго и строгаго исполненія законовъ. Все же, дозволяющее нарушеніе этихъ законовъ, должно быть оставлено за предѣлами его полномочій. Всѣ хитросплетенія, придумываемыя къ тому, чтобы ограничить исполнительную власть иначе, какъ противовѣсомъ власти законодательной, заключаютъ въ себѣ только посягательство на свободу и опасность для конституціи, принципы которой подвергаются такимъ образомъ сознательной порчѣ. Монархъ или сдѣлается дѣятельнымъ закономъ во всѣхъ частяхъ имперіи, или будетъ ничѣмъ; онъ не долженъ встрѣчать другого противодѣйствія, кромѣ того, какое представятъ ему органы законодательной власти, и другого препятствія, кромѣ закона, защищаемаго въ случаѣ необходимости всею націею. Всѣ администраторы должны получать отъ него направленіе; всѣ вооруженныя силы должны быть поставлены подъ его начальство; всѣ судьи не должны дѣйствовать иначе, какъ въ силу данной имъ королемъ миссіи; они его намѣстники; надзоръ за правильнымъ исполненіемъ ими должности и поддержка ихъ приговоровъ всѣмъ принадлежащимъ ему авторитетомъ—обязанность короля. Изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ мы представляемъ единственный примѣръ неправильнаго пониманія не только правъ королевской власти, но и основъ представительства. Нигдѣ, утверждаетъ Малуэ, собственность не призвана играть меньшей роли, чѣмъ во Франціи. Конечно, общество обязано призрѣніемъ неимущимъ, но благоразумно ли ставить ихъ въ возможность распоряженія общественнымъ кошелькомъ! Абсолютное равенство въ этомъ случаѣ ведетъ къ ниспроверженію другихъ основъ. Всѣ, начиная отъ самаго скромнаго пахаря и кончая богатѣйшимъ собственникомъ, одинаково заинтересованы въ сохраненіи своей независимости отъ воззрѣній, талантовъ и расчетовъ людей, ничего не имѣющихъ.

Малуэ думаетъ, что принятая собраніемъ система ценза

является недостаточной и что отмѣна наслѣдственнаго дворянства невозможна, такъ какъ нельзя перевернуть сразу всѣ порядки такого королевства, какъ Францiя, точно дѣло идетъ о фантастическомъ островѣ, въ родѣ Саленты [1]).

Въ концѣ лѣта 1790 года надежды единомышленниковъ Маллэ и Малуэ нѣсколько оживились. «Декретъ объ отмѣнѣ дворянства, пишетъ Маллэ къ Мунье 21 iюня 90 года, напрасно вызвалъ въ васъ такое разочарованiе. Не надо, конечно, предаваться иллюзiямъ; но зачѣмъ также оставлять всякую надежду? Праздникъ федерацiи (устроенный 14 iюля въ память о взятiи Бастилiи) принесъ неожиданную пользу. Въ общемъ результатѣ онъ оказался вполнѣ роялистскимъ. Демонстрацiи въ пользу короля, королевы и всей ихъ семьи были нескончаемы. Толпы парижанъ дѣлали тщетныя попытки ослабить пылъ провинцiаловъ. Послѣднiе замѣтили ихъ маневръ и покидаютъ Парижъ, исполненные презрѣнiя къ нацiональному собранiю, научившись судить его, благодаря возможности стать съ нимъ лицомъ къ лицу. Вѣчный скандалъ, какой представляютъ его засѣданiя, не перестаетъ вызывать ихъ протеста. 38 депутатовъ отъ Везуля, которые еще недавно прибыли сюда «красными», третьяго дня въ моемъ присутствiи сказали представителю ихъ города Дюрже, принадлежащему къ числу добромыслящихъ: «ваше собранiе—настоящiй публичный домъ». О, какъ вы были правы въ вашихъ письмахъ къ намъ, и какъ мы были неправы, не вѣря вамъ! Недовольство тѣмъ направленiемъ, какое было принято праздникомъ, вызвало изъ устъ Барнава слѣдующiй возгласъ: «Что можно сдѣлать съ нацiей, которая умѣетъ только кричать—да здравствуетъ король?» [2]).

Неожиданный союзникъ вскорѣ выступилъ на поддержку тѣхъ самыхъ взглядовъ, изъ-за которыхъ тщетно ратовали и сошедшiе со сцены Мунье и Лалли, и все еще продолжающiе атаку Маллэ, Вирье, Малуэ и Бергассъ.

4 декабря 90 года Маллэ пишетъ, что за послѣднiе три дня вышло новое изданiе французскаго перевода разсужденiй Бөрка

[1]) Текстъ письма къ избирателямъ вопроизведенъ Малуэ въ XVI главѣ своихъ мемуаровъ, томъ II, стр. 63—95.

[2]) Письмо 22 iюня 90 года, стр. 133, 134, (D'Herisson).

о революціи, помѣченныхъ 1 ноября. Годъ спустя сочиненіе это считало уже четыре изданія, такъ что къ концу существованія національнаго собранія число проданныхъ экземпляровъ равнялось десяткамъ тысячъ [1]). Вызванное, какъ я уже сказалъ, сочувственнымъ отношеніемъ нѣкоторыхъ политическихъ клубовъ въ Англии къ національному собранію и новой французской конституціи, сочиненіе Бёрка ставитъ себѣ задачей сравнить основы послѣдней съ тѣми, на которыхъ держатся государственные порядки Англіи. Другъ англійской свободы весьма откровененъ въ своихъ заявленіяхъ; онъ чуждается окольныхъ путей и высказываетъ свою мысль сполна. «Я долженъ сознаться, говоритъ онъ, что не нашелъ въ дѣятельности собранія ничего, что бы доказывало присутствіе въ немъ сильнаго и хорошо уравновѣшеннаго ума; я не вижу въ ней даже доказательствъ самой обыденной предусмотрительности. Собраніе старается обойти трудности, проскользнуть мимо; это и заставило его начать свои реформы съ уничтоженія и разрушенія. Французскіе строители, выметая точно обломки все, что лежало имъ на пути, и нивеллируя почву подъ ногами, построили свои центральныя и мѣстныя собранія на трехъ различныхъ основахъ, геометрической, ариѳметической и финансовой. Первую они называютъ «базисомъ территоріальнымъ», вторую—«базисомъ населенія», третью—«базисомъ обложенія». Ради первой, они дробятъ Францію на 83 четыреугольника, каждый въ 18 льё въ длину и ширину; это департаменты. Продолжая свой дѣлежъ на четыреугольники, законодатели Франціи создали 1720 округовъ, названныхъ ими общинами: они въ свою очередь подраздѣляются на четыреугольники, называемые кантонами, всѣхъ счетомъ 6400.

На первый взглядъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что бы вызывало особое одобреніе или неодобреніе. Выдумки здѣсь мало и нѣтъ нужды въ особыхъ законодательныхъ талантахъ. Инспекторъ большихъ дорогъ съ удобствомъ могъ бы выполнить ту же задачу. Но когда эти «государственные землемѣры» подвергли болѣе внимательному разсмотрѣнію свои симметрическія

1) См. Этюдъ о Бёркѣ Ремюза (l'Angleterre au dixhuitième siècle), томъ II, стр. 412,

работы, оказалось, что въ политикѣ ничто такъ не обманчиво, какъ геометрическая демонстрація; оказалось, что качество почвы, населеніе, богатства, размѣръ податей, устанавливаютъ большія различія между всѣми этими квадратами. Чтобы исправить свое дѣло, они рѣшились оставить за геометріей только треть своего достоянія, и то лишь для того, чтобы засвидѣтельствовать о своемъ почтеніи этой великой наукѣ. Народное представительство раздѣлено было на три части: одна распредѣлена была между квадратами, по ихъ геометрической величинѣ. Другія двѣ поставлены въ зависимость отъ населенія и размѣра податей.

Когда очередь дошла до населенія, не нашлось болѣе того однообразія поверхности, какое представляла геометрія. Тутъ ариѳметикѣ пришлось дѣлать надстройку. Ограничься депутаты признаніемъ однихъ метафизическихъ принциповъ, ихъ ариѳметическая задача была бы весьма проста. Люди, по ихъ мнѣнію, вполнѣ равны другъ другу и призваны поэтому къ одинаковому участію въ управленіи. Всякая голова предполагается надѣленной волею и всякій человѣкъ призваннымъ имѣетъ голосъ въ законодательствѣ чрезъ представителя. Но дѣло этимъ не кончилось: признали необходимой и нѣкоторую имущественную квалификацію. Какъ! Квалификацію? Сверхъ права быть человѣкомъ. Да, но крайне слабую; несправедливость должна быть доведена до минимума. Удовольствуемся доходомъ трехъ рабочихъ дней, доходомъ, опредѣляемымъ мѣстными условіями. Это, конечно, немного, но совершенно достаточно для признанія, что вы отступили отъ вашего нивелирующаго принципа. Какъ цензъ, требуемая вами квалификація такого свойства, что безъ нея легко было бы обойтись. Она не отвѣчаетъ ни одной изъ цѣлей, съ какими установляются подобныя квалификаціи; въ вашей системѣ она только лишаетъ права голоса человѣка, который всего болѣе нуждается въ немъ для защиты своего естественнаго равенства. Я разумѣю того, кто помимо его ничего другаго и не имѣетъ. Ему вы приказываете купить тотъ самый голосъ, который вы признали даннымъ ему природой. Первичныя собранія каждаго кантона выбираютъ депутата общины; такова первая промежуточная стадія между избирателемъ и представите-

лемъ, и здѣсь вы взимаете новый платежъ съ пользованія правами человѣка. Требуется десятидневная рабочая плата; но этимъ дѣло еще не оканчивается. Общины выбираютъ департаментскихъ представителей, а департаментскіе—депутатовъ собранія. Тутъ установленъ новый барьеръ, новая столь же безсмысленная квалификація. Каждый депутатъ законодательнаго собранія долженъ платить одну марку серебромъ. Всѣ эти барьеры недостаточны для обезпеченія независимости и только разрушаютъ «права человѣка». Въ этихъ раскладкахъ, которыя должны, повидимому, имѣть основаніемъ только населеніе, особенное вниманіе дается собственности. Во всѣхъ другихъ системахъ это было бы и разумно и справедливо, но въ вашей—это является прямымъ противорѣчіемъ.

Когда переходишь, наконецъ, къ третьему базису — къ обложенію, убѣждаешься, что вы еще болѣе потеряли изъ виду естественныя права человѣка. Этотъ базисъ имѣетъ въ виду исключительно собственность. Такимъ образомъ допускается принципъ, который не только удаляется, но совершенно непримиримъ съ равенствомъ людей. Бёркъ подробно останавливается на той мысли, что, жертвуя принципами, законодатели Франціи въ то же время не достигаютъ той цѣли, съ которой допущено отступленіе отъ нихъ: не обезпечиваютъ ни большей безопасности, ни бо̀льшаго вліянія людямъ богатымъ. Боюсь, говоритъ онъ въ заключеніе, что я слишкомъ долго остановился на изложеніи принциповъ новой конституціи. Въ нихъ много метафизики, но плохой, много геометріи, но не прямолинейной, много ариѳметики, но *тройное* правило каждый разъ примѣнено невѣрно. Въ то же время нѣтъ въ разнообразныхъ мѣрахъ ничего, что бы отвѣчало какой-либо нравственной или политической основѣ, ничего, что бы имѣло въ виду естественныя расположенія людей, ихъ страсти, и интересы. Hominem non sapiunt.

Видимая цѣль всѣхъ этихъ дробленій — созданіе множества республикъ, болѣе или менѣе свободныхъ другъ отъ друга; эти 83 независимыхъ департамента, не говоря уже о муниципіяхъ, не захотятъ помириться съ мыслью о суперматствѣ Парижа; они не допустятъ его монополіи держать короля въ плѣну или вла-

ствовать надъ собраніемъ, называемымъ національнымъ. Бöркъ пророчитъ въ близкомъ будущемъ наступленіе тѣхъ центробѣжныхъ движеній, того открытаго стремленія къ федерализму, какой обыкновенно связываютъ съ памятью о жирондистахъ.

Ваша конституція, говоритъ онъ, обращаясь къ сравненію новыхъ французскихъ порядковъ съ англійскими, представляетъ рѣзкую противоположность съ нашей. У васъ почти уничтожено всякое прямое отношеніе между избирателемъ и представителемъ. Депутатъ національнаго собранія не подлежитъ ни народному выбору, ни отвѣтственности передъ народомъ. Требуется три послѣдовательныхъ баллотировки для его назначенія. Онъ скорѣе посолъ независимаго государства, нежели представитель единой нераздѣльной націи. Прямаго отношенія между избирателемъ и представителемъ, подобнаго тому, какое существуетъ въ Англіи, можно достигнуть только подъ условіемъ, если между ними не существуетъ никакихъ преградъ. Если только народъ не уничтожитъ самъ этой системы избирательныхъ градацій, за нимъ не останется никакого участія въ составѣ собранія. При избраніи всегда имѣется въ виду оцѣнка избирателями талантовъ и способностей кандидатовъ и возможность сохранить за ними контроль; но и то, и другое, немыслимо при системѣ двойныхъ или тройныхъ выборовъ. Есть права, которыхъ нельзя делегировать и въ числѣ ихъ несомнѣнно стоитъ право личнаго выбора. Избиратели первичныхъ собраній не могутъ знать качествъ депутата, или требовать отъ него отчета въ его поведеніи.

Переходя къ организаціи отдѣльныхъ властей, Бöркъ настаиваетъ на той же мысли о смѣшеніи всѣхъ правительственныхъ функцій въ рукахъ собранія, на которой не разъ останавливались, какъ мы видѣли, французскіе конституціоналисты-англоманы. «Никогда доселѣ, говоритъ онъ, не существовало политическаго тѣла, которое бы, имѣя законодательное собраніе и избираемыхъ чиновниковъ исполненія, не имѣло въ то же время совѣта, съ которымъ бы иностранныя державы могли вести сношенія и къ которому народъ имѣлъ бы возможность обращаться за обычными деталями управленія. Онъ одинъ даетъ политикѣ государства извѣстную послѣдовательность и вноситъ порядокъ

въ его образъ дѣйствій. Короли обыкновенно имѣютъ такой совѣтъ, но монархіи легче обойтись безъ него, нежели республикѣ. Совѣтъ занимаетъ какъ бы середину между верховной властью, проистекающей отъ народа, и властью исполнительной. Но ничего подобнаго не представляетъ ваша конституція. И вотъ вамъ новое доказательство «верховной» неспособности вашихъ Солоновъ и вашихъ Нумъ Помпиліевъ».

Еще рѣзче относится Бёркъ къ той организаціи, какую національное собраніе дало исполнительной власти. Вашъ первый исполнительный чиновникъ, говоритъ онъ, не болѣе, какъ машина: онъ лишенъ возможности предпринять по собственной волѣ какой бы то ни было актъ, входящій въ предѣлы его функцій; король Франціи не есть болѣе источникъ правосудія. Судьи, одинаково первой и второй инстанціи, болѣе не зависятъ отъ его назначенія. Онъ не въ правѣ ни предложить кандидатовъ на должность, ни отказать въ утвержденіи тѣмъ, которые ему предложены. Онъ лишенъ даже права публичнаго преслѣдованія преступленій. Отъ него, точь въ точь какъ отъ простаго нотаріуса, требуется только офиціальное засвидѣтельствованіе, что выборы повели къ назначенію тѣхъ или другихъ судей; да еще забота о приведеніи въ исполненіе приговоровъ этой назначенной помимо его магистратуры. Король Франціи только глава приставовъ, сержантовъ, тюремщиковъ и палачей. Для сохраненія его достоинства было бы выгоднѣе лишить его всякаго отношенія къ юстиціи; у него отняли все, что есть почтеннаго и утѣшительнаго въ осуществленіи правосудія, какъ то—право судебнаго преслѣдованія неправды, право смягчать строгость суда и право помилованья. Все же, что есть ненавистнаго и низменнаго въ этой функціи, оставлено за нимъ, и онъ одной ступенью только стоитъ выше палача.

Не больше самостоятельности имѣетъ король Франціи въ дѣлѣ внутренней политики. Онъ дѣйствуетъ по приказу собранія. Но если исполнять законы есть королевская функція, то исполнять чьи бы то ни было приказы—не дѣло короля. Королевскую власть всегда считали нужнымъ окружать почетомъ, силой, уваженіемъ; такъ, что поневолѣ спрашиваешь себя, какъ можетъ вынуждать повиновеніе человѣкъ, лишенный всякой возможности награждать услуги. Но въ этомъ именно положеніи находится фран-

цузскій король. Онъ не въ правѣ дѣлать никакого постояннаго назначенія, никакого земельнаго пожалованія и награжденія пенсіей или титуломъ, какъ бы ничтожно оно ни было. Такимъ образомъ, французскій король такъ же мало можетъ считаться источникомъ почестей, какъ и источникомъ правосудія. Всѣ награды, всѣ пожалованія, зависятъ отъ другихъ. Тѣ же, кто служатъ королю, могутъ руководствоваться только чувствомъ страха,—страха всѣхъ и каждаго, помимо самого короля. Дисциплинарныя функціи, осуществляемыя королемъ, какъ органомъ исполненія, такимъ образомъ столь же ненавистны, какъ и тѣ, которыя принадлежатъ ему въ дѣлѣ юстиціи. Нужно ли чѣмъ-нибудь отличить ту или другую муниципію, національное собраніе даетъ это отличіе; надо послать войска, чтобы вынудить повиновеніе, и король заботится объ исполненіи соотвѣтственнаго приказа. Все разсчитано такимъ образомъ на то, чтобы король въ глазахъ народа всегда былъ покрытъ его кровью. Онъ не имѣетъ права противиться, у него нѣтъ отрицательнаго голоса. Онъ долженъ скрѣпить своимъ именемъ даже избіеніе тѣхъ, кто хочетъ освободить его изъ неволи, кто обнаруживаетъ привязанность къ его личности, къ его старинному авторитету.

Во всѣхъ другихъ государствахъ міра званіе министра окружено высшимъ почетомъ; во Франціи—одними опасностями. Оно ни кому не можетъ доставить никакой славы. Министры единственныя лица, лишенныя всякаго голоса въ національныхъ совѣтахъ. — Что же это за министры! — восклицаетъ Бöркъ. И что же это за совѣты! Всѣ существенныя функціи, связанныя съ властью министровъ, осуществляются комитетами собранія; дѣло министровъ только приводить въ исполненіе. Министры отвѣтственны за свои дѣйствія, но эти дѣйствія,—дѣйствія подчиненныя.

Какъ бы ни была устроена верховная власть въ государствѣ, она должна организовать магистратуру такимъ образомъ, чтобы та не только была свободна отъ всякой зависимости, но и могла служить противовѣсомъ. Но въ вашей конституціи всѣ судьи выборные и ограничены въ срокѣ службы. Они вѣчно будутъ зависѣть въ отправленіи своихъ функцій отъ мѣстныхъ избирателей. Это худшіе изъ всѣхъ возможныхъ судей. Бöркъ обращаетъ также вниманіе на ту независимость, въ какую поставлена администт-

рація. Вы устранили отъ вѣдѣнія судовъ тѣхъ именно, кто всего болѣе долженъ быть подчиненъ закону. Зависимость администраторовъ отъ собранія не равносильна судебной зависимости: она не способна дать гражданамъ той гарантіи ихъ частныхъ правъ, какую представляетъ судебная отвѣтственность чиновниковъ за ихъ должностные проступки.

Не избѣгаетъ также критики Бёрка и устройство муниципальной гвардіи, которую онъ справедливо обвиняетъ въ противовѣсѣ арміи. Благодаря своей независимости отъ короля, она является организованною силою демократіи, силою, которая всегда можетъ быть направлена противъ того, кого сама конституція признаетъ главнымъ блюстителемъ мира и спокойствія.

Такимъ образомъ, всѣ стороны вновь созданнаго Франціей политическаго порядка одинаково подвергаются осужденію, и Бёркъ не скрываетъ своей общей мысли, говоря, что собраніе не оправдало ни чьихъ надеждъ и только засвидѣтельствовало передъ всѣми свою неспособность. Мои соотечественники, пишетъ онъ, озабоченные прежде всего тѣмъ вліяніемъ, какое революція можетъ оказать на ихъ родину, предпочтутъ, надѣюсь, рекомендовать другимъ примѣръ англійской конституціи, и воздержатся сами отъ тѣхъ мнимыхъ усовершенствованій, какія представляетъ будто бы конституція Франціи. Добро, сдѣланное собраніемъ, и состоящее въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ злоупотребленій, не касается сущности дѣла; не то надо сказать о его ошибкахъ—онѣ поистинѣ существенныя, все собою опредѣляющія [1]).

Несмотря на недостатки изложенія, довольно безпорядочное распредѣленіе матерьяла, заставлявшее, напримѣръ, Морриса признавать книгу Бёрка неудобоваримой. Разсужденія о революціи на долго опредѣлили собою отношеніе иностранцевъ къ этому перевороту и его конституціоннымъ послѣдствіямъ [2]). Оно стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ положеніемъ, какое занято было руководящими умами Европы при самомъ началѣ революціи, когда никто другой, какъ Леопольдъ Тосканскій—

---

[1]) Я пользовался четвертымъ французск. изд. книги Бёрка, вышедшимъ въ 1791 г. Смотри по преимуществу страницы: 368—498.

[2]) См. Sorel. L'Europe la révolution. Томъ II, стр. 23.

будущій императоръ Германіи, пророчилъ Франціи первое мѣсто въ мірѣ и думалъ, что примѣру ея возрожденія не замедлятъ послѣдовать другіе государи и правительства, когда Фоксъ, Шериданъ, лорды Стенгоппъ и Ленсдаунъ привѣтствовали переворотъ, какъ начало новой эры не только во внутренней исторіи Франціи, но и въ сферѣ международныхъ отношеній, когда публицистъ Шлэццеръ, прусскій дипломатъ Генцъ и поэтъ Клопштокъ, не находя достаточно словъ для прославленія побѣды, достигнутой свободой надъ тиранiей, говорили о «тедеумѣ» [1]), какой ангелы должны пѣть на небѣ, въ прославленіе революціи, этого величайшаго момента въ исторіи, если не говорить о паденіи Римской имперіи [2]).

Перемѣна въ общественномъ мнѣніи Европы сказалось весьма наглядно въ той письменной реляціи, какая по возвращеніи изъ посольства прочтена была Антоніо Капелло въ засѣданіи венціанскаго сената 2 декабря 1890 года. Уже давно Капелло обращалъ вниманіе своего правительства на опасности, какими грозитъ французскому престолу охватившее націю стремленіе къ демократіи. Подчинившись, наравнѣ съ большинствомъ современниковъ, тому отрадному впечатлѣнію, какое произвела содержавшая въ себѣ столько обѣщаній революція 14 іюля, онъ не замедлилъ перейти на сторону враговъ движенія и, начиная съ событій 5 октября, неизмѣнно сталъ указывать въ своихъ депешахъ на тѣ опасности для порядка и внутренняго спокойствія, на ту неизбѣжность анархіи, какую пророчитъ Франціи обращеніе ея въ сѣть муниципальныхъ республикъ абсолютная вѣра въ незыблемость метафизическихъ принциповъ свободы и равенства, нарушеніе дисциплины въ арміи и флотѣ, распространеніе избранія на всѣ должности, неисключая и судебныхъ, отнятіе у короля большинства его правительственныхъ функцій и т. п. По возвращеніи изъ миссіи онъ рѣшился представить цѣльную картину современнаго положенія Франціи и критику ея новой конституціи. Его реляція, напечатанная впервые въ 1799 году Тентори, воспроизведена была затѣмъ въ приложеніяхъ къ исторіи Венеціи Романина.

---

[1]) Слова швейцарскаго историка Іоанна Мюллера.

[2]) Ibid., стр. 10, 11, 12.

По глубинѣ анализа она ничѣмъ не уступаетъ тѣмъ, какія обезсмертили собою венеціанскую дипломатію XVI и XVII столѣтія. Для насъ она представляетъ тѣмъ большій интересъ, что на ней не трудно прослѣдить вліяніе, какое взгляды французскихъ англомановъ, въ частности Ривароля и Маллэ дю Пана, успѣли оказать на общественную мысль Европы еще раньше момента, когда Бёркъ придалъ начатой ими критикѣ авторитетъ своего имени. Вотъ что въ возможно точной передачѣ говоритъ Капелло о новой конституціи Франціи. Я затрудняюсь дать ей имя. Это не монархія, такъ какъ ею все отымается у монарха, и не демократія, такъ какъ народъ не является въ ней законодателемъ; еще менѣе—аристократія, такъ какъ самое званіе аристократа приравнивается къ преступленію, считается оскорбленіемъ націи. Это чудовище, соединяющее въ себѣ два порока, которые доселѣ не встрѣчались одновременно въ одномъ и томъ же правительствѣ, деспотизмъ и анархію. Каждое правительство состоитъ необходимо изъ законодательства, суда и управленія; отъ той или другой ихъ комбинаціи зависитъ форма государства. Всякая конституція хороша настолько, насколько власти раздѣлены въ ней и противопоставлены другъ другу. Она несовершенна, когда всѣ онѣ смѣшиваются и соединяются въ однѣхъ рукахъ; но съ этого именно и начало собраніе; оно отняло у исполнительной власти ея административныя функціи, у судебной—уголовную юстиціи (говоря это, Капелло, очевидно, имѣетъ въ виду, во первыхъ, избираемыхъ народомъ и изъ народа, муниципальныхъ, окружныхъ и департаментскимъ чиновниковъ, и, во вторыхъ, предоставленіе также выборнымъ изъ народа присяжнымъ права рѣшать вопросъ о фактической виновности); конституція, продолжаетъ Капелло, начинается декларацiей правъ человѣка; она учитъ правамъ тѣхъ, кому прежде всего слѣдовало бы указать на ихъ обязанности; она смѣшиваетъ естественное состояніе съ гражданскимъ и человѣка, живущаго въ лѣсахъ, съ человѣкомъ общежительнымъ.

Самые фанатическіе послѣдователи демократическихъ принциповъ, какихъ можно было найти въ средѣ депутатовъ, задались установленіемъ доктрины, въ которой метафизика преобладаетъ надъ требованіями дѣйствительной жизни. Изъ этой

доктрины сдѣланы были самыя пагубныя заключенія. Изъ ходячаго принципа народнаго суверенитета, справедливаго, если понимать его въ отвлеченномъ смыслѣ, но неосуществимаго на практикѣ, выведенъ былъ догматъ абсолютнаго равенства всѣхъ людей, равенства, какого нѣтъ даже въ естественномъ состояніи. Чтобы осуществить его, пришлось все разрушить. И вотъ почему отмѣнены были сословія, корпораціи, всѣ промежуточныя общественныя ступени, которыя, подобно кольцамъ одной цѣпи, связывали монарха съ подданными и подданныхъ съ монархомъ. Химерическая идея естественнаго равенства произвела путаницу въ умахъ, лишила армію дисциплины и внесла повсюду духъ неповиновенія. Такъ какъ абсолютное равенство не мирится съ существованіемъ дворянства,—отмѣнено было дворянство, а такъ какъ безъ дворянства не можетъ быть и монархіи,—разрушена была и монархія, мѣсто которой заняла какая-то королевская демократія, т. е., правительство, не имѣющее имени. У короля отнято было всякое участіе въ законодательствѣ; его относительное вето по истеченіи извѣстнаго срока теряетъ значеніе. Вскорѣ онъ лишился всякаго серьезнаго вліянія и на отправленіе правосудія. У него отняты таким образомъ права, принадлежавшія коронѣ цѣлыхъ четырнадцать столѣтій. Забота о поддержаніи спокойствія и мира передана въ руки національной гвардіи, въ составъ которой входитъ около милліона подданныхъ. Сорока восьми тысячамъ муниципій, поставленнымъ во главѣ этой гвардіи, ввѣрено распоряженіе вооруженной силой. Королевство подверглось новому геометрическому дѣленію на 83 департамента. Привилегіи провинцій и городскихъ корпорацій отмѣнены. Разрушены также и парламенты, вызвавшіе къ жизни собраніе самихъ штатовъ. Такимъ образомъ, подъ именемъ монархіи создана демократія, то самое народовластіе, которое съ трудомъ осуществимо въ небольшомъ городѣ или округѣ, но совершенно немыслимо въ такомъ обширмомъ государствѣ, какъ Франція. Національное собраніе, объявившее себя постояннымъ, которое продлило свои полномочія долѣе срока, положеннаго ему націей, овладѣвши всѣми правами, хочетъ быть сувереномъ, а не делегатомъ народа. И этого ему не трудно добиться,

такъ какъ въ конституціи отсутствуетъ та умѣряющая власть (il potere moderatore), на которой зиждется политическая свобода. Постоянно вызывая въ памяти и преувеличивая злоупотребленія стараго порядка, утрируя выгоды свободы, сочиняя заговоры, вооружая бѣдныхъ противъ богатыхъ, національное собраніе озабочено тѣмъ, чтобы скрыть по возможности бѣдственность современнаго положенія и убѣдить всѣхъ въ своей необходимости. Оно поддерживаетъ враждебныя отношенія народа къ власти, народа, который не замедлитъ потребовать аграрнаго закона, нелѣпость и неосуществительность котораго не помѣшали однако еще въ прошломъ году нѣкоторымъ мелкимъ мѣстечкамъ Франціи поставить его на очередь. Хорошо, что большинству стараго и мудраго крестьянства удалось расторгнуть предпринятыя съ этою цѣлью сборища. Національное собраніе, обсуждая всѣ дѣла публично, не отступаетъ передъ мыслью и о публичномъ завѣдываніи иностранной политикой. Его безуміе такъ велико, что оно считаетъ себя призваннымъ быть законодателемъ всего міра. Не стóитъ говорить о министрахъ, людяхъ ничтожныхъ и всецѣло занятыхъ только полученіемъ жалованья. Все дѣйствительное вліяніе сосредоточилось въ рукахъ сообщества, составленнаго изъ наиболѣе фанатическихъ приверженцевъ народовластія и поставившаго себѣ цѣлью пропаганду своихъ принциповъ. (Капелло имѣетъ въ виду клубъ Якобинцевъ). Это сообщество, въ составъ котораго вошло много депутатовъ, состоитъ въ постоянной корреспонденціи съ мѣстными клубами въ отдѣльныхъ городахъ Франціи. Оно имѣетъ также связи за-границей и черезъ посредство книгъ и миссіонеровъ распространяетъ повсюду свою ядовитую доктрину [1]).

Капелло заканчиваетъ такимъ образомъ свою реляцію указаніемъ той опасности, какую французскій переворотъ и вызванная имъ конституція имѣютъ для всѣхъ правительствъ Европы. Это та самая мысль, которую на всѣ лады повторяютъ вожаки эмиграціи, приглашая всѣхъ монарховъ въ мірѣ признать обиды

[1]) Raccolta cronologico-ragionata di documenti inediti che formano la storia diplomatica della revoluzione e caduta della Republica di Venezia (томъ I, изд. 1799 г., стр. 35 - 37).

французскаго короля собственной обидой и вооружиться на якобинцевъ, какъ на враговъ всякой законной власти. Это та мысль, на которой со временемъ построена будетъ коалиція Австріи, Пруссіи, Англіи, Сардиніи и другихъ итальянскихъ дворовъ.

Но зимою 1790 года она еще далека отъ осуществленія. Имперскій престолъ занятъ миролюбивымъ Леопольдомъ. Англія, хотя и руководимая Питтомъ Младшимъ, еще не видитъ своего интереса въ поднятіи королевской власти во Франціи, упадокъ которой кажется ей залогомъ политическаго ничтожества ея всегдашней соперницы. Исходъ нидерландской революціи, могущей повести къ усиленію французскаго вліянія въ этой части Европы, интересуетъ ее гораздо больше того, что дѣлается въ Парижѣ, и она поддерживаетъ притязаніе прусскаго короля на возстановленіе въ этой странѣ власти его зятя, штатгальтера, и въ его лицѣ Оранской династіи. Тогда какъ Пруссія занята тѣмъ, что дѣлается на берегахъ Шельды и Зюдерзэ; Австрія и Россія вовлечены еще въ войну съ Турціей и считаютъ не вполнѣ рѣшеннымъ вопросъ о польскомъ раздѣлѣ.

Одновременно направляющій испанской политикой Флорида Бланка [1]), неизмѣнно отвѣчаетъ на всѣ настоянія о помощи, исходящія отъ двора графа Артуа въ Туринѣ, указаніемъ на тѣ опасности, какимъ неизбѣжно подвергнется королевская семья при малѣйшемъ вмѣшательствѣ испанскихъ Бурбоновъ въ судьбы ихъ французскихъ родственниковъ. Въ самой эмиграціи идеи вмѣшательства и невмѣшательства, вооруженнаго нападенія, поддерживаемаго сардинскимъ войскомъ и англійскими деньгами, и спокойнаго выжиданія событій въ увѣренности, что добро возникнетъ изъ самаго избытка зла [2]), продолжаютъ бороться

[1]) Смотри письмо 1 апр. 90 года, стр. 157 (Corresp. intime de Vaudreuil).

[2]) „Мы всѣ, пишетъ одинъ изъ эмигрантовъ, были проникнуты той нелѣпой мыслью, что чѣмъ большіе размѣры приметъ зло, тѣмъ легче и быстрѣе явятся средства къ противодѣйствію ему". (Le baron de Guilhermy au comte de Puisaye, 1807. Papiers d'un emigré, p. 34). Смотри также Corresp. intime du comte de Vaudreuil, письма 20 февр. 90 г., 6 марта 90 г., 13 марта 90 г., 20 марта 90 г. и въ особенности 1 апрѣля 90 года, гдѣ встрѣчаются слѣдующія слова: короли Европы далеки еще отъ сознанія, что въ ихъ собственныхъ интересахъ необходимо поло-

съ прежней силой. И въ то время какъ Калонъ тщетно гонится за Леопольдомъ въ надеждѣ получить отъ него категорическое обѣщаніе о помощи, Водрэль продолжаетъ доказывать, что всѣ надежды должны быть возложены на провинціи, и что содѣйствіе иностранцевъ только погубитъ королевскую семью, усилитъ и объединитъ всѣхъ враговъ монархіи во Франціи [1]).

По мѣрѣ того какъ король дѣлаетъ все новыя и новыя уступки собранію, отношеніе къ нему эмиграціи принимаетъ болѣе и болѣе враждебный характеръ. Ядро эмиграціи, говоритъ Сорель, составляла та самая партія, которая до революціи вела заговоръ противъ Маріи - Антуанетты, преслѣдовала ее своими памфлетами и шансонетками. Сообщники Рогана всячески готовили ей гибель; они обвиняли ее въ демократизмѣ и заявляли, что первымъ плодомъ ихъ побѣды будетъ устраненіе ея отъ дѣлъ, отнятіе у нея всякаго вліянія [2]). «Что сдѣлала моя несчастная сестра французамъ, что они всюду, во всѣхъ публичныхъ мѣстамъ, не исключая и моего парка, разрываютъ ее на части», говорила эрцгерцогиня Христина, правительница Нидерландъ, одному изъ вѣрныхъ служителей Маріи-Антуанетты. И къ Людовику XVI лично отношеніе эмиграціи было болѣе, чѣмъ равнодушное. «Они дорожатъ не имъ, пишетъ въ своемъ рапортѣ Сталь-Гольштейнъ, а самой властью короля; имъ безразлично, будетъ ли править ими современный ея представитель или принцъ Кондэ, лишь бы дворянство было возстановлено со всѣмъ его прежнимъ вліяніемъ». О военномъ вожакѣ этой эмиграціи личный другъ Маріи-Антуанетты шведъ Ферзенъ справедливо докладывалъ. «Ему нуженъ только король, пенсіи и милости».

жить конецъ распространенію идей, опасныхъ для всѣхъ правителей и для всѣхъ людей.

[1]) См. для характеристики европейск. политики по отношенію къ революціи въ теченіе всего 1790 года второй томъ Сореля (L'Europe et la révolution fransaise).

[2]) Sorel (ibid), стр. 170.

ГЛАВА II.

Проекты контръ-конституціи.

Въ такихъ условіяхъ Людовику XVI не оставалось другаго пути къ возстановленію своей власти, кромѣ личнаго соглашенія съ главами революціи. Онъ надѣялся, что при ихъ содѣйствіи ему удастся провести при окончательной редакціи конституціонныхъ декретовъ нѣкоторыя измѣненія, послѣдствіемъ которыхъ было бы усиленіе его прерогативы. Уже 6 мая 1790 года Сталь-Гольштейнъ, близко стоящій къ главѣ министерства, Неккеру, благодаря браку на его дочери, доноситъ шведскому королю Густаву III: «Подъ глубокой тайной сообщаютъ, что Лафайетъ передалъ Людовику XVI мемуаръ, въ которомъ онъ излагаетъ основы желательной на его взглядъ конституціи и говоритъ, какіе атрибуты исполнительной власти онъ будетъ отстаивать всѣми своими силами. Королю должно быть предоставлено исключительное рѣшеніе вопросовъ войны и мира и самый созывъ національнаго собранія. Таковы важнѣйшія права, какія Лафайетъ хочетъ сохранить за короной. Онъ берется защищать ихъ и требуетъ взамѣнъ, чтобы король вполнѣ положился на него въ дѣлѣ исправленія конституціи. Людовикъ XVI скрѣпилъ это соглашеніе своей подписью, но Лафайетъ объявилъ, что уваженіе и довѣріе къ королю, мѣшаютъ ему настаивать на сохраненіи оригинала и что онъ удовольствуется одной копіей. Такимъ образомъ, Лафайетъ получилъ подобіе диктатуры, которая кладетъ на него отвѣтственность за всѣ дальнѣйшія событія. Заключеніе этого соглашенія вызвало разнорѣчіе между министрами. Неккеръ и Монморенъ стояли за него, но хранитель печати высказывался

противъ. Въ концѣ концовъ всѣ министры дали утвердительный отвѣтъ, но подъ условіемъ, что соглашеніе будетъ сохранено въ тайнѣ. Въ исполненіе своихъ обязательствъ Лафайетъ старается склонить возможно большее число депутатовъ къ усиленію власти короля, но пока эти попытки не увѣнчались большимъ успѣхомъ. Связь генерала съ королемъ является на столько тѣсной, что ревнителю свободы грозитъ неминуемая гибель; но онъ не думаетъ объ этомъ и только выговорилъ себѣ право составленія министерства, едва Неккеръ выйдетъ въ отставку. Съ отъѣздомъ Неккера прочіе члены кабинета не въ состояніи будутъ удержать своихъ постовъ. По всей вѣроятности, настоящее собраніе замѣнено будетъ новымъ въ октябрѣ. Министерство выйдетъ въ отставку, какъ только начнется созывъ новаго представительства, т. е. 1 августа. При новомъ собраніи надѣются безъ труда отмѣнить декреты, мѣшающіе депутатамъ быть министрами, и Лафайетъ согласно тексту договора проведетъ своихъ кандидатовъ. Въ настоящее время имѣются въ виду для занятія портфелей—епископъ отенскій (Талейранъ), Шуазель, Турэ и графъ Сегюръ. Но все это можетъ измѣниться. Таковъ, Ваше Величество, естественный ходъ дѣлъ, если Лафайету удастся убѣдить собраніе въ необходимости вернуть исполнительной власти ея силу и значеніе, если Парижъ сохранитъ спокойствіе и новыя убійства не повторятся въ провинціяхъ» [1]).

Слухъ объ этомъ соглашеніи не замедлилъ проникнуть и заграницу. Гораздо ранѣе депеши Сталя, еще въ февралѣ 1790 г., графъ Артуа въ письмѣ къ Водрэлю сообщалъ о томъ, что между королевой и Лафайетомъ происходятъ переговоры. Это обстоятельство вызывало въ немъ большое роздраженіе, и Водрэль спѣшилъ успокоить его, говоря: «Увѣрены ли вы въ томъ, что это не предписывается необходимостью; надо ли смотрѣть на Лафайета какъ фанатика свободы, или же какъ на честолюбца? Если онъ только честолюбецъ и сила временно въ его рукахъ, тогда сама предосторожность заставляетъ обратиться къ нему. Кто знаетъ, не рѣшился ли король на этотъ шагъ, чтобы имѣть болѣе свободы и избавиться сразу отъ всѣхъ тяготѣющихъ на

---

[1]) Correspond. diplomat. du baron de Stael-Holstein., стр. 161 и 162.

немъ цѣпей» [1]). Къ имени Лафайета скоро присоединяется другое, несравненно болѣе скомпрометированное революціонной пропагандой. Три недѣли спустя послѣ отправки своего письма, Водрэль пишетъ, что сдѣлалъ бы все отъ себя зависящее, чтобы узнать отъ маршала Булье, въ чемъ состоятъ переговоры двора съ Мирабо, переговоры, которыми мотивированъ отказъ въ военной помощи графу Артуа.

Въ дневникѣ Морриса, начиная съ середины января, отмѣчаются нѣкоторые факты, способные бросить свѣтъ на причину внезапнаго сближенія такъ долго разъединенныхъ между собою соперниковъ, Лафайета и Мирабо. «Сегодня я обѣдалъ у Лафайета, пишетъ Моррисъ 17 января; когда убрали со стола, Лафайетъ завязалъ со мной разговоръ и объявилъ, что здоровье Неккера поправилось, но онъ притворяется больнымъ, чтобы обезпечить себѣ возможность выхода изъ министерства. Я спрашиваю его, кому въ этомъ случаѣ поручатъ финансы, не епископу ли Отёнскому; онъ отвѣчаетъ мнѣ, что епископъ не годится на это мѣсто; Турэ же полезно ввѣрить внутреннее управленіе, а Сенъ Присту — внѣшнія сношенія. Я замѣчаю, что Сегюръ добивается послѣдняго поста, но жена Лафайета спѣшитъ замѣтить, что онъ лицо неподходящее. Лафайетъ говоритъ мнѣ также, что онъ и его партія рѣшились выбрать въ конституціонныхъ декретахъ нѣкоторыя статьи и образовать изъ нихъ годную къ примѣненію конституцію, отбросивъ все остальное. Я вполнѣ одобряю это намѣреніе, но говорю ему, что исходъ будетъ зависѣть отъ выбора самихъ статей» [2]).

Многими мѣсяцами раньше Лафайетъ писалъ Мунье. «Я ненавижу абсолютизмъ, но проникнутъ гораздо болѣе, чѣмъ вы думаете, сознаніемъ, что исполнительную власть нужно возстановить» [3]). Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ идутъ свидѣтельства, доказывающія, что причиною сближенія Лафайета со дворомъ было искреннее сознаніе невозможности упрочить порядокъ безъ усиленія власти короля и министровъ. Это сознаніе

[1]) Письмо Водрэля 27 февр. 90 г. (Corrер. intime, томъ I, стр. 123).
[2]) Dairy and letters. Томъ I, стр. 270 и 271.
[3]) Письмо Лафайета къ Мунье 23 окт. 89 г.

постепенно становилось всеобщимъ между руководящими революціей вождями. Мирабо печаталъ одновременно въ своемъ «Провансальскомъ Курьерѣ» о необходимости «упрочить законный авторитетъ монарха на несокрушимой твердынѣ свободы и заявлялъ, что отсутствіе министровъ на засѣданіяхъ палаты одна изъ причинъ, всего болѣе замедляющихъ ходъ дѣлъ» [1]).

Такимъ образомъ между двумя наиболѣе выдающимися представителями большинства устанавливалось само собою единогласіе по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики. Отъѣздъ герцога Орлеанскаго въ Лондонъ, вслѣдъ за событіями 5 октября и по личному требованію Людовика XVI, устранялъ важнѣйшее препятствіе къ соглашенію между людьми, изъ которыхъ одинъ считался съ большимъ или меньшимъ правомъ союзникомъ заигрывавшаго съ демократіей принца, а другой видѣлъ въ немъ своего злѣйшаго врага и опаснѣйшаго соперника.

Въ своей Исторіи Учредительнаго Собранія Александръ Ламетъ приписываетъ своему брату Карлу, а также Барнаву и Дюпору, мысль сближенія между начальникомъ національной гвардіи и популярнѣйшимъ ораторомъ конституанты. По ошибкѣ онъ относитъ устроенное ими свиданіе Лафайета съ Мирабо къ эпохѣ, предшествовавшей перенесенію учредительнаго собранія въ Парижъ. Свиданіе послѣдовало, какъ устанавливаетъ переписка Мирабо съ Лафайетомъ, не ранѣе 15 или 16 октября. Но уже 11, говоря съ Моррисомъ о необходимости новаго болѣе талантливаго министерства, Лафайетъ выражаетъ желаніе видѣть въ его рядахъ Мирабо, на что Моррисъ спѣшитъ отвѣтить, что такой расточительный человѣкъ, какъ Мирабо, способенъ уронить репутацію любаго правительства; что нельзя довѣрять человѣку, имѣющему такъ мало принциповъ. Если я ни словомъ не упомянулъ о его дурной нравственности, отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, какъ я имѣлъ бы право сдѣлать, то только потому, что зналъ хорошо, съ кѣмъ говорю [2]).

Нѣсколько дней спустя, 16 октября 89 г., въ письмѣ къ Лафай-

---

[1]) № 41 (11 и 14 сент. 89 г. Courrier de Provence).
[2]) Diary. T. I, стр. 182.

ету Моррисъ, возвращаясь къ Мирабо, говоритъ: «если вы согласитесь войти въ составъ одного съ нимъ министерства, каждый честный человѣкъ во Франціи вправѣ будетъ спросить себя, что вызвало эту странную коалицію. Есть люди, услугами которыхъ можно пользоваться, но которымъ нельзя вѣрить. Добродѣтель не должна быть замарана союзомъ съ порокомъ, и свобода покроется стыдливымъ румянцемъ, разъ ее вздумаетъ вести опозоренная рука»[1]). Моррисъ выставлялъ и болѣе серьезное возраженіе противъ принятія Мирабо въ ряды министерства. Въ разговорахъ съ Талейраномъ онъ доказывалъ, что, послѣ такой перемѣны въ судьбѣ, Мирабо не удастся сохранить прежняго авторитета въ собраніи, а между тѣмъ общественное мнѣніе, отъ котораго теперь все зависитъ, не замедлитъ упрекнуть Лафайета въ обращеніи къ человѣку столь дурной репутаціи[2]).

Свиданіе воспослѣдовало въ Пасси въ домѣ маркизы д'Арагонъ, племянницы Мирабо, въ присутствіи членовъ будущаго тріумвирата и близкаго къ Лафайету человѣка, Латуръ Мобуръ. Въ числѣ другихъ предметовъ обсужденію подвергся вопросъ о составленіи новаго министерства. Мирабо не поставилъ своей кандидатуры, а Лафайетъ не согласился требовать отставки Неккера, который, по его мнѣнію, все еще пользовался общественнымъ довѣріемъ (въ особенности въ сферѣ финансистовъ); но оба сходились въ признаніи, что министры должны быть допущены къ присутствію въ собраніи.

Особенной искренности это свиданіе не породило между двумя дѣятелями, столь различными по характеру и способностямъ. Лафайетъ сознается въ своихъ мемуарахъ, что безнравственность Мирабо возмущала его глубоко, и, какъ ни велико было удовольствіе, доставляемое ему бесѣдой съ нимъ, какъ ни преклонялся онъ передъ его талантами, ему все же не удавалось скрывать своего неуваженія, а это, прибавляетъ Лафайетъ, глубоко оскорбляло трибуна. Послѣдній не оставался въ долгу и осыпалъ своего союзника насмѣшливыми названіями, въ родѣ Кромвель Грандисонъ. Это не мѣшало ему, впрочемъ, писать Лафайету: «что бы

---

1) Ibid., стр. 193

2) Ibid., стр. 196.

ни случилось, я вашъ до конца. Ваши душевныя качества привлекли меня, и я не могу не интересоваться карьерой, столь прекрасной, и столь тѣсно связанной съ переворотомъ, который ведетъ Францію къ свободѣ.» На что Лафайетъ отвѣчалъ: «взаимное довѣріе и дружба — вотъ что я даю и чего жду отъ васъ».

Лафайетъ въ это время стремился объединить всѣхъ друзей умѣренной свободы. Въ перепискѣ съ Мунье онъ просилъ его не поддаваться отчаянію и старался вызвать въ немъ рѣшеніе вернуться къ прерванной дѣятельности. Въ письмахъ къ другому роялисту, Булье, онъ еще рѣшительнѣе настаивалъ на необходимости идти рука въ руку. «И вы, и мы, одинаково любимъ свободу, писалъ онъ; мнѣ нужна была большая ея доза, чѣмъ вамъ, и я хотѣлъ ее для народа и при содѣйствіи народа. Но революція сдѣлана, и вы должны быть тѣмъ довольнѣе ею, что сами не участвовали въ переворотѣ. Въ настоящее время и вы, и я— мы опасаемся однихъ и тѣхъ же бѣдствій—анархіи, внутреннихъ раздоровъ, разложенія и упадка всякой общественной власти. Мы желаемъ оба одного и того же: оживленія кредита, упроченія конституціонной свободы, возстановленія порядка и усиленія исполнительной власти» [1]).

Намъ неизвѣстенъ характеръ тѣхъ обязательствъ, какія приняты были Лафайетомъ по отношенію къ Мирабо, но сближеніе со дворомъ и денежная помощь несомнѣнно входили въ число ихъ. 11 октября 89 года Моррисъ, передавъ свой разговоръ съ Лафайетомъ, прибавляетъ отъ себя, что въ ту же ночь должно было послѣдовать тайное свиданье короля съ Мирабо, свиданье, неизвѣстное никому. На слѣдующій день онъ заноситъ въ тотъ же дневникъ: «Мирабо имѣлъ четырехчасовую бесѣду, но не съ королемъ, а съ Monsieur: онъ увидитъ короля сегодня» [2]). Вопросъ о субсидіи далеко не былъ второстепеннымъ. Сперва по собственному сознанію Мирабо, подкрѣпляемому свидѣтельствомъ Морриса, рѣчь шла о назначеніи его посломъ въ Константинополь. «Но это, пишетъ Мирабо Мовильону 3 декабря 89 года, было

---

1) См. Les Miraubeaux (par Loménie), томъ V, стр. 22—26.

2) Diary ant letters of Morris, томъ I, стр. 185.

бы только почетнымъ изгнаніемъ. Если я гдѣ необходимъ, такъ здѣсь; только здѣсь я могу что-нибудь сдѣлать». Лафайетъ обязался вручить Мирабо еще въ октябрѣ сумму въ 50000 франковъ. Платежъ долженъ былъ возобновляться періодически въ формѣ жалованья за занятіе дипломатическаго поста. Мирабо не спѣшилъ вступленіемъ на дѣйствительную службу, но желалъ продолженія жалованья. «Я не могу распустить своей мастерской, пишетъ онъ Ламарку, разумѣя подъ нею трехъ своихъ ближайшихъ помощниковъ—провансальца Пеленка и женевцевъ Дюмона и Дюроверэ. Ихъ содѣйствіе необходимо мнѣ, пока у меня останутся честолюбивые замыслы». Но для содержанія такой мастерской необходимы были средства, и ихъ-то и требовалъ Мирабо. Неисполненіе денежнаго обязательства, повидимому, и было причиной охлажденія. 28 октября Мирабо жалуется, что Лафайетъ прислалъ ему ничтожную сумму (всего 23000 фр.), сумму, недостаточную даже для найма болѣе широкой квартиры. По совѣту Ламарка, онъ отослалъ деньги [1]). Это не мѣшало ему однако продолжать агитацію въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ онъ условился съ Лафайетомъ.

Провансальскій Курьеръ выражалъ его мысли, объявляя, что министерство не даромъ ссылается на ничтожество исполнительной власти, чтобы оправдаться въ безпорядкахъ, совершающихся повсюду; разъ оно «ничего не можетъ», оно ни въ чемъ и неотвѣтственно. Одновременно Мирабо писалъ своему дядѣ бальифу, что верховный интересъ государства заставляетъ всѣхъ соединиться въ эту минуту вокругъ престола и усилить власть исполненія. «Монархія, читаемъ мы въ почти одновременномъ обращеніи его къ Мовильону, болѣе страдаетъ отъ того, что министры перестали править, нежели отъ ряда затѣваемыхъ противъ нея заговоровъ. Если не найдется пловца, который бы вынесъ ее на берегъ, она обречена на погибель. Наоборотъ, если сила вещей заставитъ призвать человѣка съ головой и дастъ ему смѣлость пренебречь всѣми человѣческими предубѣжденіями и завистью подчиненныхъ, вы поражены будете легкостью, съ какой можно будетъ привесть ее въ движеніе. Силы этой

[1]) Томъ V (Les Mirabeaux), стр. 35.

страны и подвижность націи открываютъ возможность разнообразнѣйшихъ пріемовъ и настолько облегчаютъ главную задачу, что во Франціи никогда не представляется основанія говорить о преувеличенности надеждъ, а тѣмъ болѣе впадать въ отчаяніе». И въ національномъ собраніи Мирабо являлся истолкователемъ тѣхъ же мыслей. «Къ чему, восклицалъ онъ въ рѣчи, произнесенной 6 ноября 89 года, при обсужденіи финансовыхъ мѣръ правительства, эти печальныя недоразумѣнія между собраніемъ и министрами! Постараемся положить имъ конецъ; этого однако нельзя сдѣлать, пока въ собраніи будутъ отсутствовать министры. Всѣ добрые граждане стремятся къ возстановленію публичной власти. Но возможно ли это, пока исполнители и законодатель будутъ смотрѣть другъ на друга, какъ на враговъ, и бояться совмѣстнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ». Мирабо ставилъ собранію на видъ тѣ преимущества, какія достигаются въ Англіи соединеніемъ въ рукахъ министровъ всѣхъ свѣдѣній о практическомъ ходѣ администраціи; это обращаетъ ихъ въ своего рода сокровищницу знаній, съ которой народному представительству надо считаться». Мирабо справедливо замѣчалъ, что присутствіе министровъ въ палатѣ, по примѣру того, что дѣлается въ Англіи, представляетъ гораздо менѣе опасности, чѣмъ тѣ скрытыя махинаціи и тѣ незаконныя воздѣйствія, въ какихъ они могутъ быть повинны за стѣнами собранія. Онъ требовалъ, чтобы депутаты обратились къ министрамъ съ предложеніемъ посѣщать собраніе и пользоваться совѣщательнымъ голосомъ по всѣмъ вопросамъ. Такой порядокъ вещей долженъ продолжиться до тѣхъ поръ, пока конституціей не установлены будутъ правила, регулирующія отношенія министровъ къ народному представительству. Нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что, отстаивая такимъ образомъ права министровъ, Мирабо защищалъ не одинъ лишь вѣрный въ его глазахъ конституціонный принципъ, но и заботился о возможности открыть себѣ доступъ въ ряды министерства, не оставляя въ то же время поста, занимаемаго имъ въ собраніи. Въ переговорахъ съ Лафайетомъ, предшествовавшихъ дебатамъ 6 и 7 ноября, Мирабо, оправ-

---

[1]) Les Mirabeaux, стр. 43, 44.

дывая предсказаніе Морриса, требовалъ себѣ опредѣленнаго поста въ министерствѣ—мѣста королевскаго совѣтника безъ портфеля. Министерство, о которомъ шла рѣчь, должно было быть соединеніемъ всѣхъ талантовъ, всѣхъ тѣхъ, кого революція выдвинула на первый планъ: на ряду съ Талейраномъ и Мирабо должны были войти въ него не только Лафайетъ и Ларошфуко, но и аббатъ Сіейсъ; послѣдній, какъ глава верховнаго совѣта по народному просвѣщенію. Личныя требованія Мирабо значительно возросли въ промежутокъ между двумя рѣчами, произнесенными имъ въ собраніи 5 и 7-го ноября. Въ первой, какъ бы подготовляя будущее солидарное и отвѣтственное министерство, имѣющее своимъ источникомъ народное представительство, трибунъ заявилъ: «Невозможно поднять Франціи, пока исполнительная власть слѣдуетъ другому направленію, чѣмъ то, какое желательно законодательному корпусу, пока она не сдѣлается ближайшимъ помощникомъ этого послѣдняго». На слѣдующее утро Мирабо писалъ Ламарку: «Вы увидите сегодня Лафайета; скажите ему, что у него не осталось другого средства, кромѣ образованія сильнаго министерства. При составленіи его онъ не долженъ обнаружить никакой уступчивости. Разъ я представлю ему списокъ людей талантливыхъ, солидарныхъ между собою, готовыхъ принять на себя отвѣтственность, и онъ утвердитъ его, мнѣ одному должна быть предоставлена свобода выбора министровъ» [1]).

Извѣстно, какой исходъ имѣло это предложеніе. Мы говорили о немъ въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, и намъ едва ли нужно возвращаться къ рѣшенію, которымъ собраніе, слѣдуя предложенію Ланжюинэ, сдѣлало невозможнымъ установленіе во Франціи англійской системы кабинета и оставило безъ удовлетворенія вполнѣ понятное честолюбіе человѣка, который зналъ, что никто лучше его не въ состояніи укрѣпить монархію на томъ новомъ фундаментѣ, какой созданъ былъ для нея революціей. Самъ Мирабо, какъ мы видѣли, ясно сознавалъ, противъ кого направлено было постановленіе собранія; не даромъ же онъ предлагалъ замѣнить общую формулу частной и объявить откро-

---

1) Ibid. Les Mirabeaux, стр. 48, 49.

венно, что онъ, Мирабо, устраняется навсегда отъ министерства. Но увѣренность, что собраніе рано или поздно сознаетъ весь вредъ принятаго имъ рѣшенія, не покидало его до конца. Провансальскій Курьеръ съ самаго начала высказываетъ эту надежду. Въ теченіе всего ноября и декабря Мирабо и въ частной перепискѣ и въ парламентскихъ рѣчахъ возвращается къ этому, можно сказать, центральному для него вопросу. «Нужно, пишетъ онъ въ письмѣ на имя жены, обнаружившей въ это время готовность сойтись съ нимъ, чтобы собраніе отмѣнило декретъ, принятый имъ по отношенію къ министрамъ. Безъ этого революція никогда не будетъ упрочена. Къ этому несомнѣнно придутъ, какъ только царство шарлатана (Неккера) окончательно будетъ разрушено. Самый декретъ не болѣе, какъ результатъ его происковъ» [1]).

Чтобы завершить характеристику тѣхъ взглядовъ, какихъ Мирабо держался по вопросу о конституціонномъ положеніи кабинета, мы позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ мемуара, составленнаго имъ цѣлыхъ десять мѣсяцевъ спустя. Въ этомъ документѣ онъ весьма ясно высказывается въ пользу политической отвѣтственности министровъ предъ палатою и права послѣдней требовать ихъ отставки. «Въ королевствѣ, пишетъ онъ, конституція котораго упрочена, въ которомъ власть монарха опирается на твердую почву, общественное мнѣніе имѣетъ нормальное теченіе, а исполнительная власть—все, что нужно для ея существованія, нѣтъ препятствій къ признанію за законодательнымъ корпусомъ права требовать отставки министровъ. Такое право кажется мнѣ вполнѣ согласнымъ съ истинными принципами. Большинство, принуждающее министровъ удалиться отъ дѣлъ, несомнѣнно парализовало бы ихъ дѣятельность, если бы они захотѣли остаться на своемъ посту». А если такъ, то очевидно, что въ интересахъ государства желательнѣе, чтобы они сразу уступили мѣсто преемникамъ, согласнымъ съ большинствомъ собранія, и дѣятельность которыхъ не будетъ поэтому сводиться на ничто, подобно ихъ собственной дѣятельности [2]). Такимъ образомъ въ общемъ защищаемая

[1]) См. Сборникъ Бакура, томъ I, стр. 427.

[2]) Мемуаръ Мирабо, изъ котораго сдѣлано это извлеченіе, написанъ 18

Мирабо система отношенiй между законодательнымъ корпусомъ и исполнительной властью — та самая, какая въ наши дни составляетъ основу парламентаризма. Мирабо желаетъ солидарнаго и отвѣтственнаго министерства, взятаго изъ среды палатъ, держащагося одной политики съ большинствомъ и выходящаго въ отставку, какъ только между нимъ и большинствомъ возникнетъ серьезное разномыслiе. Практическiя стремленiя Мирабо сводятся къ установленiю во Францiи подобiя англiйскаго кабинета, и это тѣмъ болѣе должно быть поставлено ему въ заслугу, что политическая доктрина XVIII-го вѣка нимало не подготовила общественнаго мнѣнiя къ принятiю подобной реформы. Система кабинета, какъ извѣстно, установлена была въ Англiи путемъ парламентской практики; она неизвѣстна писанному закону. Мало этого, въ актѣ о престолонаслѣдiи (act of settlement) имѣются постановленiя, которыя прямо направлены противъ нея. Я разумѣю въ частности то, которое говоритъ, что король не долженъ имѣть другихъ совѣтниковъ, кромѣ членовъ тайнаго совѣта (privy council). Но члены кабинета, взятые изъ среды палатъ, очевидно, какъ общее правило, не отвѣчаютъ этому требованiю.

При такихъ условiяхъ неудивительно, если Монтескье, всего менѣе изучавшiй Англiю въ ея парламентской практикѣ, не замѣтилъ существованiя кабинета. Труднѣе объяснить, какъ могъ впасть въ ту же ошибку Делольмъ, несмотря на свое продолжительное пребыванiе въ странѣ, а тѣмъ болѣе Блакстонъ, одинъ изъ лучшихъ ея юристовъ. Только преданностью теорiи, только раболѣпiемъ передъ взглядами учителя, можно объяснить такое упущенiе. Вѣдь система кабинета является рѣшительнымъ опровергенiемъ теорiи раздѣленiя властей. Неудивительно поэтому, если въ прямомъ участiи палатъ въ составленiи министерства Блакстонъ и Делольмъ видѣли только временное злоупотребленiе. Ихъ побуждало къ этому также пристрастiе къ королевской прерогативѣ и нежеланiе допустить въ ней тѣхъ ограниченiй, какiя необходимо предполагаетъ передача всей дѣятельной по-

---

октября 90 года; это мемуаръ за № 33 въ сборникѣ Бакура (Correspondence entre le comte de Mirabeau et le comte de Lamarck, т. II, стр. 143).

литики въ руки того исполнительнаго комитета отъ палатъ, какимъ является кабинетъ. Никто такимъ образомъ изъ авторитетныхъ представителей политическаго знанія не указывалъ Мирабо на то, что нормальнымъ отношеніемъ законодательства къ исполненію является передача королемъ исполнительныхъ функцій въ руки солидарнаго министерства, взятаго изъ среды представительства и политически отвѣтственнаго. Ни въ чемъ оригинальность и сила его генія не сказались поэтому въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ этой способности предугадать за цѣлыхъ полвѣка впередъ неизбѣжную эволюцію, какую должна будетъ пережить конституціонная монархія, чтобы приблизиться къ современному типу монархіи парламентарной. Если въ области политической практики вліяніе Мирабо въ этомъ отношеніи не сразу сдѣлалось ощутительнымъ, то того же нельзя сказать о теоріи. Воздѣйствію Мирабо надо, какъ мнѣ кажется, приписать тотъ фактъ, что современныя требованія парламентаризма, въ частности роль, какую играетъ въ немъ система кабинета, сознаны французскими либералами и во главѣ ихъ Бенжаменомъ Констаномъ полустолѣтіемъ ранѣе того момента, когда Беджготу въ наши дни пришло на мысль положить въ основу теоріи англійскаго государственнаго права систему кабинета и черезъ его посредство прямого участія народнаго представительства въ осуществленіи задачъ исполнительной власти. Значеніе, какое самъ Мирабо связывалъ съ фактомъ передачи исполнительныхъ функцій въ руки политическихъ вожаковъ собранія, какъ нельзя лучше выступаетъ изъ того обстоятельства, что это желаніе дало направленіе всей его дальнѣйшей политикѣ. Изъ-за него входитъ онъ въ сношенія съ графомъ Прованскимъ, изъ-за него же добивается свиданія съ королевой и поста тайнаго совѣтника, снабженнаго всѣми нужными средствами для организаціи въ странѣ скрытой агитаціи въ пользу усиленія исполнительной власти, при содѣйствіи «великаго министерства», объединяющаго въ своихъ рядахъ тѣхъ политическихъ вожаковъ собранія, которые не хотятъ помириться съ ничтожествомъ администраціи. Никто другой, какъ Мирабо, посовѣтовалъ графу Прованскому тотъ компрометировавшій его въ глазахъ эмиграціи шагъ, которымъ будущій король Людо-

викъ XVIII, жертвуя маркизомъ Фаврасомъ, избавлялъ себя не только отъ всякой отвѣтственности въ поддержкѣ роялистическаго заговора, но и сразу попадалъ въ ряды друзей революціи. Послѣднія слова въ этомъ адресѣ написаны были рукою Мирабо; ему непосредственно обязанъ былъ Monsieur тѣми дружными апплодисментами, которыми покрыто было заявленіе, что королевская власть должна быть опорой народной свободы, а народная свобода— базисомъ для авторитета монарха [1]).

Не трудно открыть тѣ ближайшіе мотивы, которые заставили Мирабо искать сближенія съ графомъ Прованскимъ. Прежній его союзникъ, герцогъ Орлеанскій, находился въ изгнаніи. Политическое ничтожество Людовика XVI, о которомъ Моррисъ писалъ Вашингтону, что онъ ѣстъ, пьетъ и спитъ превосходно и продолжаетъ смѣяться отъ души, не замѣчая пропасти подъ ногами [2]), заставляло Мирабо сомнѣваться въ возможности личнаго соглашенія съ нимъ, не заручившись предварительно поддержкой королевы; но объ этой поддержкѣ пока трудно было думать. Марія Антуанетта продолжала смотрѣть на друга герцога Орлеанскаго, какъ на одного изъ главныхъ заговорщиковъ, которые съ 5 на 6 окт. едва не поставили жизни ея въ опасность. Въ мемуарахъ Лафайета [3]) въ уста Мирабо влагаются слова, которыя при случаѣ могли быть истолкованы противъ него и вызвать предубѣжденіе королевы. На замѣчаніе Лафайета, что королеву впредь надо оставить въ покоѣ и что это одно изъ условій, на которыхъ возможенъ союзъ съ нимъ, Мирабо будто бы отвѣтилъ: «Что жъ, генералъ, если вы этого непремѣнно желаете, пусть она живетъ; униженная королева можетъ быть полезна, но зарѣзанная только дастъ тему для трагедіи

---

[1]) См. текстъ рѣчи Monsieur и все относящееся къ заговору Фавраса въ главѣ IV книги д'Herisson, Autour d'une révolut., стр. 61—67. Въ ней приведено свидѣтельство одного человѣка, близкаго къ графу Прованскому; оно извлечено Гериссономъ изъ „Memoires des Archives de la police de Paris pour servir à l'histoire de la morale et de la police, depuis Louis XIV jusqu'à nos jours, par. I. Peuchet, archiviste de la police.

[2]) Письмо къ Вашингтону въ янв. 90 г. Diary and Letters, томъ I, стр. 281.

[3]) Томъ II, стр. 364.

нашего бѣднаго Гибера» (плохой драматическій писатель того времени). «Это заявленіе, прибавляетъ Лафайетъ, было передано Маріи Антуанеттѣ, и самому генералу пришлось съ изумленіемъ слышать его изъ ея устъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ близкихъ къ королю людей, если не считать членовъ Неккеровскаго министерства, съ которыми Мирабо стоялъ въ открытой враждѣ, внѣ графа Прованскаго не было никого, способнаго отнестись серьезно къ тѣмъ предложеніямъ о поднятіи монархіи съ помощью взятаго изъ палаты и руководимаго Мирабо министерства, которое оставалось неизмѣнной заботой великаго трибуна. Услуга, оказанная Мирабо графу Прованскому, была разсчитана на то, чтобы создать ему въ лицѣ этого человѣка, котораго самъ Бальи провозглашалъ открыто первымъ виновникомъ гражданскаго равенства [1]), надежнаго союзника въ общемъ имъ обоимъ дѣлѣ примиренія монархіи съ революціей.

Ожиданія Мирабо, насколько можно судить изъ содержанія его письма къ Ламарку отъ 10 января 90 года сперва вполнѣ оправдались. Люди, ближе всего поставленные къ графу Прованскому, герцогъ Левисъ и его приверженцы, по выраженію Мирабо, всецѣло принадлежатъ ему (въ письмѣ значится Ламарку, но такъ какъ Ламаркъ и Мирабо идутъ во всемъ заодно, то слѣдовательно въ такой же мѣрѣ и ему).

Мирабо не преувеличиваетъ въ то же время пользы, какую можно извлечь изъ ихъ преданности. «Человѣкъ благоразумный, прибавляетъ онъ, едва ли возложитъ большую тяжесть на такую утлую ладью». О самомъ графѣ Прованскомъ Мирабо выражается, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ душевную чистоту ребенка и вмѣстѣ съ тѣмъ его слабость. «Его крайне трудно убѣдить, жалуется онъ, что отдайся онъ намъ всего на 24 часа, изъ него легко бы сдѣлать второго герцога Орлеанскаго. Королева ласкаетъ его и мѣшаетъ успѣху всѣхъ его ходовъ (le cajole et le déjoue)».

---

[1]) Это названіе оправдывалось тѣмъ участіемъ, какое графъ Прованскій принялъ въ рѣшеніи вопроса о двойномъ представительствѣ средняго сословія въ эпоху созванія нотаблей. Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ я указалъ, что графъ Прованскій первый высказался по этому вопросу въ утвердительномъ смыслѣ.

Король простодушествуетъ (niaise) и устраняется... Однимъ словомъ, все представляется въ большомъ туманѣ». Королева, говоритъ Мирабо въ другомъ письмѣ, обходится съ Monsieur, какъ съ цыпленкомъ, котораго гладятъ сквозь рѣшетку, но не рѣшаются выпустить на волю; Monsieur же доволенъ этой ролью [1]).

Утверждать, что Мирабо не имѣлъ въ виду сдѣлать изъ графа Прованскаго ничего, кромѣ главы парламентскаго министерства, довольно трудно даже въ томъ случаѣ, если не признать достовѣрнымъ того письма, открытіе котораго въ Лондонѣ приписываетъ себѣ Луи Бланъ. Въ этомъ письмѣ Мирабо умѣрялъ пылъ своего союзника и ставилъ ему на видъ, что онъ не на Востокѣ, не въ Россіи; что придворная революція (révolution de sérail) немыслима во Франціи. И въ другихъ болѣе несомнѣнныхъ письмахъ встрѣчаются довольно прозрачные намеки.

Извѣстно презрительное отношеніе, съ какимъ за спиною графъ Прованскій относился къ своему царственному брату, называя его дубиной (soliveau) [2]). Эти выходки могли породить въ умахъ лицъ, близкихъ къ графу Прованскому, увѣренность, что онъ не прочь будетъ разыграть болѣе дѣятельную роль въ подготовляющихся событіяхъ, напримѣръ, роль намѣстника королевскаго, въ случаѣ устраненія брата отъ престола, или регента, въ случаѣ король откажется отъ власти въ пользу малолѣтняго дофина. На это, повидимому, и намекаетъ Мирабо въ письмѣ къ Ламарку отъ 31 декабря 89 года [3]): «герцогъ Левисъ не считаетъ больше безуміемъ ту главу изъ Тысячи и Одной ночи, которую однажды читали у васъ. Онъ смотритъ на нее, наоборотъ, какъ на средство, къ которому можно прибѣгнуть въ крайней нуждѣ, и вотъ какъ слабые люди всегда близки къ рѣзкимъ рѣшеніямъ (et voilà comment les gens faibles sont toujours voisins des partis extrèmes).

При посредствѣ Monsieur завязались и первыя сношенія Мирабо съ Людовикомъ XVI. Дворъ въ это время склоненъ былъ получать совѣты со всѣхъ сторонъ. Ривароль одинъ изъ

---

1) Les Mirabeaux, томъ V, стр. 70 и 71.
2) См. D'Hérisson, Autour d'une révolution.
3) Смотри сборникъ Бакура, т. I, стр. 442.

первыхъ вступилъ на путь представленія королю тайныхъ мемуаровъ, долженствовавшихъ направлять его дѣйствіями независимо и нерѣдко вопреки совѣту министровъ [1]).

Провозгласивъ Неккера «шарлатаномъ, онъ далъ королю слѣдующій благой совѣтъ: когда хочешь избѣжать ужасовъ революціи, становись самъ во главѣ ея. Слабость для короля хуже поддерживающей порядокъ тираніи; время еще не потеряно; будьте королемъ».

Не отказалъ себѣ въ удовольствіи преподать двору совѣты и американецъ Моррисъ: 26 января чрезъ посредство извѣстнаго медика и ученаго Викъ Д'Азира, врача королевы, онъ вручилъ ей мемуаръ о положеніи дѣлъ и поведеніи, какого долженъ держаться король [2]). Но королева, по словамъ того же Морриса, получивъ эту ноту, поспѣшила отвѣтомъ, что, пока Неккеръ въ министерствѣ, она не намѣрена вмѣшиваться въ дѣла [3]).

Въ январѣ 90 года Мирабо составилъ отъ имени графа Прованскаго мемуаръ для передачи королю. Въ этомъ мемуарѣ братъ Людовика XVI предлагалъ взять на себя роль «рулевого», чтобы ввести сбившійся съ пути корабль монархіи благополучно въ пристань. Мирабо указывалъ на отсутствіе въ собраніи солидарнаго большинства и дѣлалъ слѣдующее воззваніе къ королю: «пусть король заявитъ себя откровенно и искренно сторонникомъ революціи, подъ условіемъ руководить ею и умѣрять ея ходъ. Пусть также противоставитъ онъ эгоизму министровъ представителя собственной семьи, только не себя самого, такъ какъ его королевская должность исключаетъ возможность всякаго династическаго духа».

Выборъ совѣтника изъ королевской семьи будетъ служить одновременно порукой королю и залогомъ для собранія. Самъ совѣтникъ сдѣлается отличнымъ отъ кабинета агентомъ главы націи. Довѣріе и надежда на лучшее будущее еще живы, любовь къ монархіи проявится снова, и всѣ партіи, враждебныя

---

[1]) См. Rivarol et la Société française pendant la révolution (1883, стр. 250 и 251. par M. de Lescure).

[2]) Ibid., стр. 286 и 287.

[3]) Ibid., стр. 291.

разложенію французской имперіи, всѣ тѣ, кто боится, чтобы она не сдѣлалась ареной для столкновенія второстепенныхъ честолюбцевъ-демагоговъ, соединятся вокругъ того изъ Бурбоновъ, который сдѣлается совѣтникомъ короля и главою всѣхъ друзей монархической власти. Онъ направитъ и подчинитъ себѣ общественное мнѣніе и выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ заговорщиками.

На кого долженъ пасть этотъ выборъ, указываетъ не только природа, но и сама необходимость. Всѣ члены королевской семьи, за исключеніемъ одного, состоятъ въ открытомъ или мнимомъ заговорѣ; ихъ считаютъ до такой степени врагами націи, что можно сомнѣваться, чтобы легко было даже возвышеніе Monsieur до поста королевскаго совѣтника. Но нѣтъ сомнѣнія, что оно одно въ состояніи оказать нѣкоторую пользу [1]).

Оппозиція собранія не оставляла сомнѣнія въ томъ, что оно далеко не можетъ считаться лучшимъ органомъ къ проведенію задачъ, поставленныхъ себѣ трибуномъ. Онъ рѣшилъ поэтому, что необходимо дѣйствовать на общественное мнѣніе непосредственно и помимо собранія, «стараясь обратить на пользу короля недовольство страны» [2]). Мирабо думалъ, что въ этихъ условіяхъ полезно было бы королю оставить Парижъ, чтобы заявить о своемъ разрывѣ съ депутатами; не совѣтуя нимало удаленія за границу, трибунъ въ октябрѣ 1789 года предлагалъ переселеніе въ одинъ изъ внутреннихъ городовъ королевства, напримѣръ, Компіенъ; онъ вскорѣ вернется къ этой мысли, попытается дать ей болѣе точную формулировку и вызоветъ изъ устъ одного изъ устроителей бѣгства въ Варенъ самое восторженное одобреніе. Имѣя въ виду рыцарственный характеръ французовъ, Мирабо возлагалъ надежду и на то впечатлѣніе, какое можетъ произвесть появленіе королевы и ребенка-дофина во главѣ оставшихся вѣрными полковъ. Несмотря на нерасположеніе къ Лафайету, онъ все еще продолжалъ искать его союза, такъ какъ придавалъ большое значеніе тому вліянію, какимъ глава національной гвардіи располагаетъ въ собраніи и внѣ его. «О

[1]) Les Mirabeaux, томъ V, стр. 75, 76.
[2]) Мемуаръ 24 окт. 90 г.

господинъ Лафайетъ, пишетъ онъ ему 1 іюня 90 года, Ришелье былъ Ришелье противъ націи и въ пользу двора, онъ сдѣлалъ много зла свободѣ и много добра монархіи. Будьте новымъ Ришелье, но не на пользу двора, а на пользу націи, и вы возстановите монархію, расширяя и упрочивая одновременно свободу. Ришелье нуждался въ отцѣ Іосифѣ; имѣйте поэтому также и вы свою «éminence grise»; иначе погубите себя, не спасши насъ. Ваши великія качества нуждаются въ моемъ импульсѣ, какъ мой импульсъ нуждается въ вашихъ великихъ качествахъ. А между тѣмъ вы полагаетесь на мелкихъ людишекъ, которые по мелкимъ соображеніямъ, прибѣгая къ мелкимъ маневрамъ и преслѣдуя мелкія цѣли, стараются разъединить насъ. Поистинѣ вы совершаете преступленіе противъ собственной миссіи» [1]). Но ища союза съ Лафайетомъ, Мирабо съ истиннымъ коварствомъ дискредитировалъ его передъ дворомъ. Того же числа, когда послано было только что приведенное письмо къ Лафайету, онъ въ мемуарѣ для двора писалъ слѣдующее о другѣ Вашингтона. «Изъ всѣхъ гражданъ государства нѣтъ ни одного, на котораго ваше величество могло бы меньше положиться». Все разъединяло этихъ людей—и личное честолюбіе, которое заставляло Мирабо видѣть съ полнымъ основаніемъ въ Лафайетѣ главнаго противника къ собственному поднятію на постъ президента собранія, и ревность, вызванная ухаживаньемъ за одной и той же женщиной, мадамъ Кондорсэ.

Многіе, полагаясь на письмо Маріи Антуанетты къ графу Мерси отъ 12 іюня 90 года, утверждаютъ, что Мирабо не отступалъ и передъ мыслью объ иноземной помощи. Въ письмѣ говорится, что благоразумнѣйшей частью его плана надо считать слѣдующее предложеніе: «если миръ между Пруссіей и Австріей удержится, то можно пригласить эти державы оказать свое содѣйствіе подъ предлогомъ той опасности, какая грозитъ имъ, въ случаѣ упроченія современнаго порядка; онѣ должны вмѣшаться въ дѣла Франціи не въ интересахъ контрреволюціи и не съ оружіемъ въ рукахъ, а для защиты неприкосновенности трактатовъ, связывающихъ Эльзасъ и Лотарингію съ этою страною. Они мо-

---

[1]) Сборникъ Бакура, т. II, стр. 22.

гутъ сослаться также на то, что, какъ союзники, они оскорблены поведеніемъ, какое позволяютъ себѣ по отношенію къ Людовику XVI его подданные [1]).

Самый текстъ этого письма показываетъ, что предложеніе Мирабо не имѣло ничего общаго съ планами эмиграціи, что онъ никогда не допускалъ военнаго вмѣшательства во французскія дѣла; что онъ по большей мѣрѣ мирился съ мыслью—повлiять на общественное мнѣніе той мирной, но энергической манифестаціей, какую въ пользу родственника и союзника готовы предпринять сосѣдніе государи, имѣющіе общіе съ нимъ интересы, Къ тому же, кромѣ письма Маріи Антуанеты, нѣтъ ничего, что бы доказывало подачу Мирабо подобнаго совѣта. Такъ какъ между нимъ и королевой не послѣдовало новыхъ свиданій, и она не могла познакомиться съ содержаніемъ его совѣтовъ иначе, какъ изъ его мемуаровъ, то естественнымъ является обращеніе къ послѣднимъ за провѣркою этого спорнаго свидѣтельства. Но въ нихъ мы не находимъ ничего, что бы оправдывало показанія Маріи Антуанетты. Зная, съ другой стороны, изъ собственныхъ писемъ королевы, что она постоянно возлагала надежды на мирное вмѣшательство Австріи, легко допустить, что, наслышанная о мнѣніяхъ Мирабо изъ третьихъ рукъ, она рѣшилась приписать ему сочувствіе собственнымъ планамъ. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, Мирабо не только не стоялъ за контръ-революцію, произведенную насильственнымъ образомъ, при помощи иноземнаго вмѣшательства, но еще категорически высказывался въ пользу всѣхъ пріобрѣтеній революціи. «Я считаю, писалъ онъ въ мемуарѣ отъ 23 декабря 90 года, всѣ ея созданія, и въ частности то, что надо удержать отъ конституціи, на столько прочными, что никакое потрясеніе, за исключеніемъ одного раздѣла имперіи, не въ силахъ ихъ низвергнуть. Я не дѣлаю исключенія даже въ пользу вооруженной контръ-революціи. Предполагая, что королевство будетъ завоевано, завоевателю все же придется считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и обезпечить себѣ расположеніе народа сохраненіемъ за нимъ права выбирать своихъ администраторовъ. Такимъ образомъ, и

---

[1]) Сборникъ Арнета, стр 130.

послѣ гражданской войны придется вернуться къ тому же плану, какой можетъ быть выполненъ нынѣ безъ потрясеній.

Попытка Мирабо на этотъ разъ оказалась безплодной и, повидимому, не безъ вины самого графа Прованскаго. Иначе намъ трудно было бы объяснить и горячія нападки на него со стороны народнаго трибуна, и прекращеніе всякой дальнѣйшей близости. «О, что за картонныя головы, что за трусливые зайцы эти придворные, пишетъ Мирабо къ Ламарку 27 января 1790 г.; какъ они мелочны, какъ они легкомысленны, какое странное соединеніе старыхъ идей и новыхъ замысловъ, мелкихъ противодѣйствій и дѣтскихъ желаній, хотѣній и нехотѣній (nolontés)— неудачныхъ привязанностей и не осуществившихся ненавистей! Но ниже всѣхъ самъ Monsieur. Представьте себѣ, что ему давали столько денегъ, что, располагай ими простой лакей, ему не трудно было бы сдѣлаться членомъ совѣта, а ему, очевидно, это не подъ силу... Какая жалость! Но что же дѣлать, когда они не послѣдовали ни одному изъ моихъ совѣтовъ, не воспользовались ни одной изъ моихъ побѣдъ, не съумѣли извлечь выгодъ ни изъ одной моей операціи! Теперь они плачутся; говорятъ, что я ни въ чемъ не измѣнилъ ихъ положенія; и все потому, что я не намѣренъ губить себя поддержкой плановъ, самый успѣхъ которыхъ несомнѣнно вызвалъ бы ихъ полное пораженіе» [1]). Этотъ перерывъ въ сношеніяхъ съ графомъ Прованскимъ сопровождался для Мирабо довольно рѣзкой перемѣной въ парламентской тактикѣ. Ламаркъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ видѣлъ не безъ сожалѣнія своего друга возвращающимся къ идеямъ революціоннымъ.

Личная декларація, сдѣланная королемъ 4 февраля, не только не была подготовлена Мирабо или вызвана его совѣтами, но, напротивъ того, нашла въ немъ рѣзкаго и негодующаго критика. Онъ называетъ ее «пантоминой»; говоритъ, что король превзошелъ себя въ фразерствѣ, что всѣ партіи играли комедію. Онъ дѣлаетъ оговорку только въ пользу той части королевскаго адреса, въ которой рѣчь шла о необходимости увеличить силу исполненія; онъ думаетъ, что она разсчитана про-

[1]) Письмо 27 янв. 90 г. въ сборникѣ Бакура, т. I, ст. 460.

известь впечатлѣніе въ провинціяхъ. Самъ Мирабо принимаетъ вскорѣ угрожающее положеніе по отношенію, если не къ королю, то къ министерству. Когда въ собраніи возникъ вопросъ о надѣленіи министровъ чрезвычайными полномочіями для подавленія мятежей и Казалесъ поднялъ рѣчь о предоставленіи королю временной диктатуры, Мирабо не только не высказался въ пользу подобныхъ требованій, но, наоборотъ, поспѣшилъ заявить, что усиленіе исполнительной власти должно быть результатомъ завершенія конституціи и что все, препятствующее этому, прямо враждебно такому усиленію! Позднѣе, объясняя свое поведеніе королю, онъ точнѣе выражаетъ ту же мысль, говоря, что исполнительная власть нуждается не во временныхъ полномочіяхъ, какъ бы значительны они ни были, а въ органическихъ законахъ. Но и въ этой области онъ не дѣлаетъ ничего для упроченія прерогативъ короля и министровъ по отношенію къ мѣстной администраціи. Муниципальная и департаментская реформа проходятъ въ собраніи, и Мирабо не считаетъ нужнымъ поднять голоса противъ избирательной автономіи, какая устанавливается ею въ общинахъ и департаментахъ, быть можетъ, отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ физіократическихъ взглядовъ, которые заставляли даже Тюрго, этого приверженца королевскаго самодержавія, требовать передачи мѣстной администраціи въ руки поставленныхъ народомъ властей.

Только въ планѣ Тюрго автономныя общины и миніатюрные провинціальные штаты должны были дѣйствовать подъ контролемъ поставленныхъ королемъ администраторовъ. Національное же собраніе, какъ мы видѣли, постановило почти единогласно и среди общаго энтузіазма отмѣну интендантовъ и ихъ «субделегатовъ», т. е. тѣхъ агентовъ, чрезъ посредство которыхъ центральная власть призвана была давать импульсъ и жизнь мѣстной. Мирабо не только не высказался противъ этой ѳтмѣны, которой сочувствовалъ еще его отецъ, но онъ не счелъ нужнымъ сказать ни слова въ пользу установленія на новыхъ началахъ какого - либо дѣятельнаго контроля министровъ за мѣстнымъ управленіемъ. Онъ не потребовалъ созданія посредствующихъ органовъ, которые бы служили каналомъ для передачи приказовъ центральной администраціи мѣстной, а взглядовъ и желаній мѣстной администраціи центральной.

Такимъ образомъ, онъ вступилъ въ явное противорѣчіе съ тою самою задачей—усиленія исполненія, къ которой, повидимому, сводилась за послѣдніе мѣсяцы вся его политическая программа. Это противорѣчіе сказалось еще болѣе наглядно въ вопросѣ, въ которомъ одинаково политическая теорія и практика свободныхъ государствъ стояли на сторонѣ рѣшенія, какъ разъ противоположнаго тому, какое было принято собраніемъ. Я разумѣю вопросъ объ опредѣленіи на службу членовъ судебнаго персонала. Большинство высказалось въ пользу народнаго избранія. Мирабо не вооружился противъ этой мысли и подалъ свой голосъ за-одно съ большинствомъ. Эта эпоха въ дѣятельности Мирабо совпадаетъ съ періодомъ большихъ денежныхъ утратъ, вызванныхъ кончиною Леже, въ руки котораго Мирабо передалъ изданіе «Провансальскаго Курьера». Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Мануэлю, отъ 12 февр. 91 года, онъ оцѣниваетъ свою потерю въ 113 тысячъ ливровъ. Денежныя затрудненія, недовольство тѣмъ исходомъ, какой имѣли всѣ его попытки взять въ свои руки руководительство событіями, породили въ немъ значительный упадокъ энергіи. Въ мартѣ 1790 г. онъ пересталъ присутствовать на вечернихъ засѣданіяхъ палаты, а на утреннихъ довольствовался одними короткими замѣчаніями, и то на разстояніи цѣлыхъ недѣль. Въ теченіе апрѣля онъ всего три раза появляется на трибунѣ. Въ этотъ-то моментъ внутренняго и внѣшняго разлада Мирабо внезапно получаетъ отъ короля чрезъ посредство австрійскаго посла Мерси приглашеніе сдѣлаться его совѣтникомъ, руководить его личной политикой и тѣмъ спасти падающую монархію. И на этотъ разъ, какъ и въ вопросѣ о призывѣ Неккера въ министерство, иниціатива исходила отъ королевы, отъ этой нѣкогда легкомысленной устроительницы тріанонскихъ празднествъ, стоившихъ Франціи столькихъ денегъ и навлекшихъ на ихъ виновницу столько клеветъ [1]). Общее несчастіе сблизило короля и королеву, а забота о нѣжно любимомъ сынѣ и наслѣдникѣ заставила Марію-Антуанетту болѣе серьезно отнестись къ тѣмъ обязанностямъ, какія выпали на ея долю. Видя слабость короля и его безпечность,

[1]) См. Le cardinal de Rohan et l'affaire du collier.

не довѣряя искренности того изъ принцевъ крови, который, за отбытіемъ графа Артуа и герцога Конти за-границу, и открытаго разрыва съ Филиппомъ Орлеанскимъ — одинъ могъ занять постъ ближайшаго совѣтника, я разумѣю графа Прованскаго; Марія-Антуанета сочла возможнымъ укрѣпить на почвѣ искренней привязанности къ ней мужа и значеніи, какое давали ей ея родственныя связи съ главою Германской имперіи, свое личное вліяніе, какъ на внутреннюю, такъ и на внѣшнюю политику. Ее не разъ обвиняли въ тайныхъ сношеніяхъ съ какимъ-то «австрійскимъ комитетомъ». На самомъ дѣлѣ этотъ комитетъ сводился къ одному человѣку—австрійскому послу Мерси Аржанто. Заботливости его Марія-Антуанета была поручена еще матерью, Маріей-Терезіей. Къ нему и обратилась она теперь съ просьбой обезпечить двору услуги популярнѣйшаго изъ ораторовъ національнаго собранія. Предубѣжденіе, созданное въ ея умѣ передачею, вѣроятно, въ искаженномъ видѣ, того, что будто бы сказано было о ней Мирабо въ разговорѣ съ Лафайетомъ, и не столько народная, сколько придворная сплетня, обвинявшая этого мнимаго союзника герцога Орлеанскаго въ прямомъ участіи въ событіяхъ 5 и 6 октября, долгое время мѣшали королевѣ сдѣлать этотъ шагъ. Ея мнѣніе о Мирабо и объ опасности всякаго общенія съ нимъ наглядно выступаютъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ ею Ламарку не далѣе, какъ въ сентябрѣ 89 года. «Я никогда не сомнѣвалась въ вашихъ чувствахъ и, увидя ваше сближеніе съ Мирабо, я приписала его добрымъ намѣреніямъ; но это не мѣшаетъ мнѣ надѣяться, что никогда мы не будемъ доведены до печальной необходимости обращаться къ его услугамъ» [1]). Эта необходимость сознана была наконецъ, и Марія-Антуанета, о которой Мирабо недаромъ говорилъ, что «при королѣ имѣется только одинъ мужчина—это его жена», не замедлила пожертвовать своими личными предубѣжденіями и сама вызвала ненавистное ей прежде сближеніе. Въ серединѣ марта 90 года Мерси, по желанію королевы, обратился къ Ламарку съ просьбой представить ему Мирабо. Изъ этой первой встрѣчи и австрійскій министръ, и народный трибунъ вынесли, самое

[1]) Bacourt, т. I, стр. 107.

отрадное впечатлѣніе. Только нѣсколько спустя, уже заручившись согласіемъ короля, Ламаркъ передалъ непосредственно трибуну желаніе двора имѣть въ немъ отнынѣ тайнаго союзника. Это предложеніе, вызвало, говоритъ онъ, въ Мирабо совершенный восторгъ [1]). Онъ поспѣшилъ написать королю письмо которое его недавнимъ біографомъ Лёмени признается «вполнѣ достойнымъ его политическаго генія и одушевленнымъ краснорѣчіемъ сердца». Оно во всякомъ случаѣ какъ нельзя лучше устанавливаетъ тотъ фактъ, что, идя на союзъ съ королемъ, Мирабо отнюдь не принималъ обязательства сдѣлаться главою контръ-революціи или даже въ чемъ нибудь ей содѣйствовать. Напротивъ того, онъ высказывалъ солидарность съ принципами революціи и считалъ нужнымъ внести измѣненія только въ конституцію. «Я берусь, писалъ онъ, служить всѣмъ моимъ вліяніемъ торжеству истинныхъ интересовъ короля. Чтобы это утвержденіе не показалось вамъ слишкомъ неопредѣленнымъ, я объявляю, что контръ-революція кажется мнѣ настолько же опасной и преступной, насколько я признаю химеричнымъ всякій проектъ установленія во Франціи правительства, глава котораго не располагалъ бы возможностью примѣнять общественную силу къ исполненію закона» [2]).

Денежныя условія, на которыхъ Мирабо согласился сдѣлаться совѣтникомъ двора, были слѣдующія: 208 тысячъ франковъ были вручены ему немедленно для уплаты его долговъ. Шесть тысячъ ливровъ должны были составить его ежемѣсячное жалованье до закрытія штатовъ, послѣ чего ему уплачивался милліонъ. Король подписалъ четыре денежныхъ обязательства, въ 250 тысячъ ливровъ каждое, и передалъ ихъ Ламарку, поручивъ ему производство самаго платежа, когда настанетъ выговоренный срокъ. Мирабо принималъ обязательство представлять королю еженедѣльно мемуаръ о состояніи внутренней политики и о мѣрахъ, рекомендуемыхъ имъ правительству. Оригиналы этихъ мемуаровъ были уничтожены 10 августа 92 года въ числѣ прочихъ компрометирующихъ бумагъ. Король самъ принялъ мѣры къ тому,

---

1) Ibid. т. I, стр. 108.
2) Томъ II, стр. 12 (Сборникъ Бакура).

сообщаетъ намъ госпожа Кампанъ. Но черновики сохранились, далеко, впрочемъ, не въ полномъ видѣ, у Ламарка и изданы были Бакуромъ.

Число мемуаровъ доходитъ до пятидесяти. Они не идутъ дальше конца 1790 года. Послѣдніе и, можетъ быть, наиболѣе интересные составлены Мирабо не задолго до смерти. Они навсегда потеряны, и мы знакомимся съ ихъ содержаніемъ только по мемуарамъ Булье, которому они были сообщены по волѣ короля. Всего разъ пришлось Мирабо добиться личнаго свиданія съ Людовикомъ XVI и Маріей-Антуанетой. Это было въ Сенъ-Клу третьяго іюля 1790 года. По словамъ Ламарка, Мирабо вернулся съ него преисполненный энтузіазма. «Достоинство королевы, ея грація, ея любезность, особенно въ ту минуту когда съ умиленіемъ, смѣшаннымъ съ искреннимъ соболѣзнованіемъ, Мирабо самъ призналъ себя отчасти отвѣтственнымъ за ея горе, до крайности очаровали его. Это свиданіе породило въ немъ новую бодрость и усилило желаніе исправить свою вину. — Ничто отнынѣ не остановитъ меня, — говорилъ онъ, я скорѣе погибну, нежели оставлю свое обѣщаніе невыполненнымъ».

По свидѣтельству г-жи Кампанъ, королева съумѣла затронуть въ немъ живую струну, объявивши, что дѣлаетъ различіе между обыкновенными врагами и такимъ человѣкомъ, какъ Мирабо.— «Сударыня, сказалъ ей трибунъ на прощанье, отнынѣ монархія спасена». И король произвелъ на Мирабо хорошее впечатлѣніе. Его пріятно поразила умѣренность его взглядовъ на счетъ будущей реставраціи власти [1]).

Какіе же совѣты давалъ королю Мирабо, въ составленныхъ для двора мемуарахъ? Чтеніе ихъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ остался вѣренъ той программѣ, какой держался въ эпоху своего союза съ Лафайетомъ и тайныхъ сношеній съ графомъ Прованскимъ. Мемуаръ 6 окт. 90 года слѣдующимъ образомъ формулируетъ его програму. «Исправленіе путемъ законодательства недостатковъ конституціи, настоящимъ ли собраніемъ, если общее недовольство проявится раньше его распуще-

---

[1]) Письмо того же Ламарка о свиданіи въ Сенъ-Клу.

нія, или будущимъ, которое слѣдуетъ надѣлить правами учредительнаго (pouvoir constituant et réparateur)». Въ другомъ мемуарѣ, отъ 14 окт. 90 года [1]), встрѣчается слѣдующая фраза, передающая характеръ его политическихъ стремленій. «На основахъ, созданныхъ собраніемъ и одинаково годныхъ для устройства республики и монархіи, даже самой неограниченной, Мирабо желалъ бы построить зданіе «умѣренной королевской власти».

«Ошибка національнаго собранія, читаемъ мы въ мемуарѣ отъ 23 декабря, лежитъ въ томъ, что оно сочло возможнымъ положить въ основу свободной монархіи ничтожество королевской власти (une royauté sans pouvoir); оно лишило ее всякой инициативы, всякаго вліянія, допуская ее ко всему въ теоріи, устраняя ее отъ всего на практикѣ. Не можетъ существовать исполнительной власти безъ агентовъ, безъ органовъ; но гдѣ же они? Мнѣ указываютъ на совѣщательныя собранія департаментовъ, дистриктовъ, муниципій; ни одно изъ нихъ не годно быть органомъ исполненія. Это дебатирующія собранія, подчиненныя извѣстнымъ формамъ и надѣленныя всѣми средствами сопротивленія и королю, и ближайшему начальству. Призванный повиноваться располагаетъ большею силою, чѣмъ повелѣвающій. Тѣ, кто думалъ, что подобные органы могутъ быть проводниками власти, которая необходимо должна дѣйствовать съ помощью простыхъ и быстрыхъ средствъ, впали въ странную ошибку». Мысли глубокія и вѣрныя, въ которыхъ скрывается зародышъ положенія, которое въ наши дни лежитъ въ основѣ административнаго права и выражается извѣстнымъ афоризмомъ: l'action est le fait d'un seul; (дѣйствіе—дѣло одного).

Высказывая ихъ, Мирабо какъ будто теряетъ изъ виду, что онѣ являются рѣшительнымъ осужденіемъ того положенія, какое занято было имъ самимъ во время предшествовавшихъ дебатовъ о департаментской и муниципальной реформѣ.

Перейдемъ въ настоящее время къ тѣмъ средствамъ, какія совѣтникъ короля рекомендуетъ для достиженія не столько контръ-революціи, сколько контръ-конституціи.

Всѣ они сводятся къ одному—воздѣйствію на общественное

[1]) Тридцатый въ сборникѣ Бакару.

мнѣніе и, надо сказать, что въ данныхъ условіяхъ и при нежеланіи слѣдовать за эмиграціею въ ея искательствѣ иноземной помощи, нельзя было предложить ничего, кромѣ такого воздѣйствія. Удивляешься послѣ этого, какъ могъ Луи Бланъ объявлять мемуары Мирабо безсодержательными, а его средства—ничтожными; а Дювержье де-Горанъ находить его совѣты во всѣхъ отношеніяхъ недостойными его генія. Безъ обращенія къ измѣнѣ, безъ призыва иностранцевъ, безъ междоусобной войны, исходъ которой всегда сомнителенъ, безъ тайнаго союза съ высшими сословіями и всѣми тѣми, кто съ большимъ или меньшимъ правомъ жаловался на обдѣленіе его собраніемъ, союза, который въ случаѣ успѣха необходимо долженъ былъ повесть къ контръ-революціи, нежелательной ни Мирабо ни, по всей вѣроятности, самому Людовику XVI, оставалось только влiять на общественное мнѣніе. Предложенія трибуна могли подвергнуться критикѣ только со стороны тѣхъ средствъ, какими должно было совершиться это воздѣйствіе. Но едва ли къ какимъ условіямъ болѣе примѣнимо заявленіе Ренана: «добро не всегда достигается чистыми средствами» [1]), какъ къ тѣмъ, въ какихъ къ концу 90 года находилась королевская власть во Франціи. Недавній союзникъ герцога Орлеанскаго не могъ не знать, какое значеніе въ организаціи общественнаго мнѣнія имѣли денежныя щедроты. Ходячіе слухи объ англійскомъ и испанскомъ золотѣ, заставлявшемъ собраніе высказываться то противъ, то въ пользу сохраненія фамильнаго договора и дѣятельнаго вмѣшательства Франціи въ ожидаемую войну Испаніи съ Англіей, также не могли не породить въ немъ увѣренности, что не одна сила убѣжденій можетъ вызвать въ стѣнахъ собранія образованіе той правительственной партіи, безъ которой немыслимо было проведеніе задуманной реформы. Мирабо не ждалъ торжества для своей политики при современномъ положеніи партій, при полной потери всякаго кредита не только правой, но и тѣми конституціоналистами-англоманами, которые въ Мунье лишились своего надежнѣйшаго вождя, при усиливавшемся съ каждымъ днемъ влія-

[1]) Il ne suffit pas de concevoir le bien; il faut encore le faire réussir parmi les hommes; pour cela des moyens moins pures sont nécessaires. (Vie de Jésus).

ніи радикаловъ, предводительствуемыхъ членами тріумвирата, и отсутствіи вообще всякаго постояннаго большинства. «Общественное мнѣніе, писалъ онъ, не знаетъ, къ чему пристать». Мирабо полагалъ, что усиленіе королевской власти сдѣлается такимъ объединяющимъ центромъ; онъ вѣрилъ, что къ этой задачѣ присоединятся одинаково и всѣ тѣ, кто, не будучи другомъ революціи, видѣлъ необходимость считаться съ совершившимся фактомъ и искренно желалъ ввести свободу въ разумныя границы и тѣмъ обезпечить ея торжество; и всѣ тѣ, кто всегда стремился къ революціи, но не желалъ излишней поспѣшности въ ея проведеніи, требовалъ градацій и извѣстной общественной іерархіи въ интересахъ самой свободы. Этимъ опредѣленіямъ вполнѣ отвѣчали и тѣ изъ роялистовъ, которые подъ вліяніемъ совершившихся событій готовы были примириться съ англійской конституціей, и тѣ конституціоналисты, которые постоянно видѣли въ ней высшій идеалъ. Залогомъ успѣха казалось ему то обстоятельство, что «большинство вожаковъ собранія не скрывало ни своихъ страховъ, ни своихъ затрудненій. Они, по словамъ Мирабо, сознавали всѣ невыгодныя стороны существующей администраціи, пружины которой столь многочисленны и сложны, а дѣятельность плохо разсчитана. Такъ какъ эта часть ихъ конституціонной работы рано засвидѣтельствовала свою негодность, то нѣтъ человѣка, который бы въ этомъ отношеніи не видѣлъ необходимости вернуться назадъ» [1]).

Но если воздѣйствіе на общественное мнѣніе въ стѣнахъ собранія и внѣ его составляетъ тотъ путь, какимъ Мирабо надѣется достигнуть возрожденія королевской власти во Франціи, то остается еще рѣшить, въ чемъ должно сказаться, по его мнѣнію, такое возрожденіе, а также, какія средства всего вѣрнѣе поведутъ къ нему. На оба вопроса Мирабо даетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ и этотъ отвѣтъ тотъ самый, какой формулированъ былъ имъ гораздо раньше, въ эпоху тѣснаго общенія съ Лафайетомъ и позднѣе съ графомъ Прованскимъ. Мирабо хочетъ единенія исполнительной и законодательной власти въ лицѣ составленнаго изъ вожаковъ палаты министерства. Онъ стоитъ за

[1]) Мемуаръ 23 дек. 90 г.

систему парламентаризма. Все, что ведетъ къ этой системѣ, встрѣчаетъ его поддержку; все, что противно ей или задерживаетъ ея наступленіе, вызываетъ съ его стороны открытый протестъ. Онъ готовъ идти за-одно съ якобинцами въ низверженіи существующаго министерства, такъ какъ оно стоитъ на пути къ установленію того кабинета, о которомъ онъ не перестаетъ мечтать.

Когда отставка Неккера сдѣлалась совершившимся фактомъ, Мирабо въ мемуарѣ отъ 12 сент. 1790 г. [1]) пишетъ двору: «конецъ всякимъ сомнѣніямъ; насталъ моментъ, когда король долженъ сдѣлать открыто нападеніе на декретъ, мѣшающій составленію министерства изъ среды палатъ; это прямая его обязанность, какъ и всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ спасти монархическій образъ правленія во Франціи и само государство». Мирабо готовитъ для собранія рѣчь въ этомъ смыслѣ [2]). 19 октября онъ пишетъ Мовильону: «Національное собраніе, упорствуя въ сохраненіи декрета, запрещающаго депутатамъ занимать должности въ управленіи, тѣмъ самымъ ставятъ короля въ невозможность хорошаго выбора; оно дѣлаетъ немыслимымъ единеніе между волею націи и органомъ, призваннымъ ее исполнять. Мысль допустить въ будущее министерство якобинцевъ не пугаетъ его; въ мемуарѣ отъ 14 октября мы встрѣчаемъ типическую фразу, которой суждено будетъ сдѣлаться во Франціи поговоркой: «якобинцы, сдѣлавшись министрами, никогда не будутъ министрами якобинцами» [3]). «Для всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, поясняетъ Мирабо, занятіе высокаго поста является кризисомъ, который сразу излѣчиваетъ отъ прежнихъ болѣзней и даетъ новыя. Поставленный у кормила правленія самый ярый демагогъ неминуемо увидитъ на опытѣ недостаточность королевской власти; чѣмъ сильнѣе будетъ въ немъ желаніе упрочить собственное дѣло, тѣмъ болѣе онъ постарается освободить его отъ ошибокъ. Вскорѣ его партія, чтобы сохранить вѣрность ему, откажется отъ ригоризма принциповъ. Самъ онъ, продолжая считать себя непоколебимымъ въ своихъ мнѣніяхъ,

[1]) Bacourt, т. II, стр. 178.

[2]) Текстъ ея можно найти въ VIII томѣ мемуаровъ Мирабо, стр. 126.

[3]) Bacourt, т. II, стр. 228. Des jacobins ministres ne seront pas des ministres jacobins.

вопреки собственному желанію, безсознательно окажется нейтрализованнымъ, ужъ не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде». «Если, говоритъ Мирабо въ ближайшемъ мемуарѣ отъ 15 октября, декретъ, устраняющій министровъ изъ собранія, будетъ отмѣненъ, надо немедля назначить министрами всѣхъ главъ якобинцевъ. Если они удержатся на своихъ мѣстахъ, имъ необходимо придется сдѣлать уступки, а не удержатся—не только они, но и ихъ партія осуждена будетъ на гибель» [1]).

Когда въ теченіе, того же октября, безпорядки въ Брестѣ сдѣлались предметомъ горячихъ дебатовъ. Собранія, Мирабо болѣе другихъ повліялъ на принятіе соединенными комитетами рѣшенія выразить недовѣріе министрамъ. Собраніе отклонило это предложеніе. Говоря о полученномъ правительствомъ большинствѣ, Мирабо [2]) въ мемуарѣ, посланномъ ко двору, пишетъ: «король потерялъ свое дѣло въ тотъ самый моментъ, когда его выиграли министры». Мирабо всячески настаивалъ на томъ, чтобы король предоставилъ министровъ ихъ судьбѣ, отказался защищать ихъ. «Нападая на нихъ, прибавлялъ онъ, національное собраніе оказываетъ услугу королю. Развѣ эти министры не допустили ограбленія и гибели королевскаго авторитета? Національное собраніе освободитъ отъ нихъ короля еще въ большой степени, чѣмъ себя. Король не можетъ управлять страною, не вошедши въ коалицію съ господствующей партіей. Новое министерство, составленное подъ вліяніемъ большинства и поддерживаемое имъ, доставитъ эту возможность и позволитъ ему возстановить свое вліяніе». Но враждебное отношеніе къ королевскимъ министрамъ, очевидно, не могло расположить дворъ въ пользу трибуна. Не полагаясь больше на него, король сталъ искать совѣтовъ на сторонѣ и получать ихъ отъ Бергасса въ направленіи, какъ разъ противоположномъ тому, въ какомъ высказывался Мирабо. Этого было достаточно, чтобы заставить Мирабо потерять всякое уваженіе къ царствующей семьѣ, которая отнынѣ получаетъ подъ его перомъ названіе «королевскаго скота» (royal bétail) [3]).

---

[1]) Bacourt, т. II, стр. 232.

[2]) Bacourt, т. II, стр. 232

[3]) Письмо къ Ламарку 15 окт. 90 г. Bacourt, т. II, стр. 238 и сл.

Если Мирабо не вотируетъ открыто противъ министровъ, то, по собственному сознанію, только потому, что въ своемъ обвиненіи собраніе сдѣлало исключеніе для Монморена. Мирабо нужна отставка всего министерства. Недовольство дворомъ заставляетъ его все рѣзче и рѣзче подчеркивать свой союзъ съ якобинцами. Недавно еще вмѣстѣ съ Клермонъ Тоннеромъ онъ участвовалъ въ созданіи клуба друзей 89 года, но въ немъ вскорѣ установилось преобладающее вліяніе Лафайэта, и этого обстоятельства достаточно, чтобы заставить Мирабо выйти изъ его состава и снова соединиться съ якобинцами.

Вскорѣ затѣмъ нападки на министровъ и защита трехцвѣтнаго знамени окружаютъ его имя новымъ ореоломъ въ глазахъ людей, изъ среды которыхъ еще недавно, во время дебатовъ о правѣ войны и мира, пущено было обвиненіе въ измѣнѣ. Дворъ недоумѣвалъ и Ламаркъ ставилъ трибуну на видъ противорѣчіе, въ какомъ недавнее его поведеніе стоитъ къ принятымъ имъ обязательствамъ. На эти обвиненія Мирабо надменно отвѣчалъ: «я не намѣренъ жертвовать никому моей честью или отдать мою голову двору. Ретрограды всегда найдутъ во мнѣ готовность разгромить ихъ. Я человѣкъ порядка; но не стараго порядка» [1]. Нѣсколько времени спустя Мирабо объяснялъ тому же Ламарку свой образъ дѣйствій, говоря, «чтобы пріобрѣсть возможность проведенія моихъ плановъ, разъ дѣло пойдетъ о защитѣ истинныхъ интересовъ престола, мнѣ нужно внушить народу довѣріе къ себѣ, а для этого необходимо поднять голосъ до діапазона тѣхъ, которыхъ собираешься поставить въ необходимость понизить ихъ собственный». Взаимное несогласіе и раздраженіе, короля трибуномъ, а послѣдняго политикой двора, достигли крайняго предѣла, когда взамѣнъ вышедшаго въ отставку министерства, Людовикъ XVI составилъ новое, всецѣло изъ креатуръ Лафайэта. «Какъ мнѣ было не впасть въ отчаяніе, пишетъ Мирабо въ мемуарѣ отъ 4 декабря, разъ мнѣ не удалось добиться включенія въ министерство хотя бы одного человѣка, къ которому можно питать довѣріе, который сдѣлался бы связующимъ звеномъ между законной властью и тѣми, кто, подобно мнѣ, посвящаютъ себя ея

---

[1]) Bacourt, т. II, стр. 251

защитѣ» [1]). Побѣда соперника заставила Мирабо употребить все вліяніе къ тому, чтобы быть выбраннымъ въ президенты якобинскаго клуба. Отсюда онъ продолжалъ «громить Лафайэта», согласно подлинному выраженію радикальнаго журнала «Народный ораторъ» [2]). Начальникъ національной гвардіи перестаетъ быть для него «фальшивымъ Цезаремъ и Кромвелемъ» и становится настоящимъ меровингскимъ «майордомомъ». Мирабо тѣмъ болѣе долженъ былъ чувствовать обиду, что во всѣхъ своихъ предшествующихъ мемуарахъ, настаивая на назначеніи новаго министерства, онъ говорилъ, что въ ряды его можно принять даже якобинца, лишь бы онъ не былъ «человѣкомъ Лафайэта».

Примиренія этихъ двухъ антагонистовъ ждали отъ выбора Мирабо въ президенты собранія. Лафайэтъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе, но въ рѣшительную минуту не сдержалъ слова, и президентскій постъ достался депутату д'Андрэ. Это пораженіе произвело на Мирабо такое подавляющее впечатлѣніе, что онъ въ тотъ же день, 22 декабря, предъявилъ собранію просьбу о мѣсячномъ отпускѣ. Но якобинцы не допустили этого. «Мирабо такъ же нуженъ національному собранію, какъ король монархіи», заявила по этому случаю «Парижская хроника». Нѣкоторые изъ округовъ столицы послали къ трибуну депутатовъ съ просьбою отложить свое намѣреніе. Въ томъ же смыслѣ состоялась резолюція въ самомъ клубѣ якобинцевъ [3]). Мирабо остался. Всего изумительнѣе, что эти оваціи почти совпали во времени съ новымъ и болѣе тѣснымъ союзомъ Мирабо со дворомъ. Исполняя давно высказанное трибуномъ желаніе, имѣть въ самомъ министерствѣ человѣка, съ которымъ бы онъ могъ сноситься по вопросамъ своей тайной миссіи, король уполномочилъ Монморена вступить съ нимъ въ сношенія. Въ текстѣ письма, которое Монморенъ долженъ былъ адресовать ему, значится: прошу вашей помощи въ слѣдующемъ: начертите мнѣ планъ дѣйствій, который бы повелъ къ скорѣйшему закрытію собранія. 2) Помогите мнѣ измѣнить общественное мнѣніе въ депар-

---

1) Bacourt, т. II, стр. 381.
2) См. Aulard, стр. 402.
3) Ломени, т. V, стр. 214, 215.

таментахъ, контролировать выборы и возстановить популярность королевы.

Въ дополненіе къ этому письму надо привести еще извлеченіе изъ 47-го мемуара, составленнаго Мирабо 23 декабря и озаглавленнаго: «обзоръ современнаго положенія Франціи и средствъ, ведущихъ къ примиренію публичной свободы и авторитета короля» [1]). Вмѣстѣ взятые они укажутъ намъ на тѣ новыя мѣры, какія трибунъ считалъ нужнымъ пустить въ ходъ для достиженія своей главной цѣли. Онъ, повидимому, потерялъ въ это время надежду добиться контръ-конституціи при господствѣ существующаго собранія. Вотъ почему онъ желаетъ положить ему скорѣйшій конецъ. Но при этомъ онъ спѣшитъ прибавить, «не слѣдуетъ однако на столько опозорить собраніе въ общественномъ мнѣніи, чтобы породить въ народѣ отвращеніе къ нему, такъ какъ это отвращеніе, въ связи съ недовѣреніемъ и анархіей, можетъ сдѣлаться грознымъ потокомъ, котораго не удержитъ впослѣдствіи никакая плотина».

Какія, спрашивается, причины заставили Мирабо потерять всякую надежду, что собраніе исправитъ собственное дѣло и возстановитъ необходимый авторитетъ короля?

23 сентября, по предложенію Шапелье, назначена коммиссія для окончательной редакціи конституціи и выдѣленія въ декретахъ того, что имѣло характеръ основныхъ законовъ. Мирабо въ тайныхъ переговорахъ съ Лафайэтомъ высказывалъ желаніе попасть въ члены этой коммиссіи.

Онъ объявлялъ, что не приминетъ въ этомъ случаѣ напасть а ту часть конституціонной работы, которая вызвала современныя бѣдствія въ королевствѣ, что онъ надѣется получить отъ департаментовъ петиціи, которыя заставятъ собраніе отмѣнить законы, уже осужденные общественныхъ мнѣніемъ. Лафайэтъ, нарушая, какъ говоритъ Мирабо, данное ему слово, не только не поддержалъ его кандидатуры, но еще добился назначенія въ коммиссію Ламета, Барнава, Дюпора и Петіона. Такимъ образомъ, говоритъ трибунъ, онъ вознамѣрился съ помощью якобин-

---

[1]) Bacourt, т. II, стр. 414.

цевъ обезпечить успѣхъ проекта, котораго якобинцы же всего болѣе были въ правѣ опасаться.

Если прибавить, что въ составъ комитета, сверхъ названныхъ членовъ, вошелъ еще Бюзо и что умѣренные были представлены всего двумя лицами, Клермонъ Тоннеромъ и Бомецомъ, то неудивительно, если Мирабо не возлагалъ большихъ надеждъ на измѣненіе имъ конституціи въ смыслѣ, благопріятномъ интересамъ монархіи. [1])

Но если, такимъ образомъ, онъ имѣлъ полное основаніе считать собственные планы неосуществимыми, пока продлится собраніе, то съумѣлъ ли онъ въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ его закрытію, сохранить то чувство мѣры, которое онъ самъ не разъ рекомендуетъ? Отвѣтъ едва ли можетъ быть утвердительнымъ. Мирабо совѣтуетъ дискредитировать собраніе при каждомъ удобномъ случаѣ. Если, говоритъ онъ, конституанта закончитъ свою дѣятельность среди тріумфа, общественное мнѣніе безповоротно потеряно. Наоборотъ, если она закроется прежде срока и послѣдніе шаги ея будутъ шатки, та часть учредительной работы, которая подлежитъреформѣ, падетъ вмѣстѣ съ нимъ. Мирабо указываетъ необходимость декрета, запрещающаго переизбраніе депутатовъ, иначе честолюбіе заставитъ многихъ отстаивать свое прежнее дѣло въ новомъ собраніи. Онъ хочетъ также, чтобы правительство воспротивилось, по возможности изданію постановленія, которымъ бы будущему собранію запрещена была учредительная дѣятельность. Но чтобы побудить вождей собранія согласиться на его скорѣйшее распущеніе, надо внушить имъ надежду, что декретъ, запрещающій выборъ депутатовъ въ министры, будетъ отмѣненъ; мало этого, правительство не должно отступать ни предъ какимъ средствомъ къ достиженію той же цѣли. Не удастся дискредитировать собраніе раньше его паденія,—необходимо допустить значительный промежутокъ времени между его распущеніемъ и созывомъ новаго. Всячески надо воспротивиться тому, чтобы соприкосновеніе стараго собранія съ новымъ не внесло въ послѣднее прежней заразы.

---

[1]) Смотри все относящееся къ этому комитету у Ломени. Томъ V, стр. 171, 172.

Только въ вопросахъ, касающихся принциповъ монархическаго правленія надо оказывать явное противодѣйствіе. Необходимо поощрять собраніе къ присвоенію себѣ всѣхъ видовъ власти, къ открытой ихъ узурпаціи. Такое поведеніе, пишетъ Мирабо, вызоветъ въ странѣ съ каждымъ днемъ возрастающее броженіе и усилитъ анархію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ускоритъ кризисъ. Сдѣлавшись болѣе острымъ и болѣе продолжительнымъ, зло, отъ котораго страдаетъ государство, не допуститъ вскорѣ другого исхода, кромѣ обращенія къ королевской власти.

Измѣняя прежней тактикѣ, Мирабо не вноситъ въ то же время никакихъ перемѣнъ въ тѣ задачи, какія должна ставить себѣ задуманная имъ конспирація короля противъ собранія. Онъ опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. «Королевской власти поставленъ слишкомъ сильный противовѣсъ; надо ослабить его. Законодательному корпусу не дано никакого противовѣса; надо создать его, иначе онъ постоянно будетъ имѣть возможность присваивать себѣ всѣ власти». Эта программа отличается отъ той, которой держатся конституціоналисты-англоманы только въ одномъ пунктѣ. Мирабо не видитъ необходимости созданія палаты лордовъ и даже пожизненнаго сената. Онъ не думаетъ, чтобы противовѣсъ собранію лежалъ въ чемъ другомъ, кромѣ королевской власти. Онъ желаетъ конституціонной монархіи, но эта монархія, въ его глазахъ, должна быть демократической. Упоминаніе о противовѣсахъ даетъ поводъ думать, что Мирабо сторонникъ раздѣленія властей. Но на самомъ дѣлѣ онъ хочетъ только устранить самодержавіе собранія; единеніе его съ исполнительной властью вполнѣ отвѣчаетъ желаніямъ трибуна; министерство, составленное изъ депутатовъ и солидарное съ большинствомъ собранія, входитъ прямо въ его программу. Такимъ образомъ, цѣль остается прежней, но для достиженія ея вводятся новыя пружины. Королевская власть должна искать союзниковъ для выполненія своего заговора противъ собранія какъ въ самомъ собраніи, такъ и въ населеніи столицы, такъ наконецъ и въ провинціяхъ. Въ собраніи эти союзники вербуются изъ всѣхъ партій, но такимъ образомъ, чтобы никому не было извѣстно, кто дѣйствуетъ съ нимъ за-одно. Въ предложенномъ Мирабо спискѣ имена Казалеса и аббата Монтескье

встрѣчаются рядомъ не только съ именами Клермонъ-Тоннера, д'Андрэ, Шапелье, Талейрана или Турэ, но и Барнава. Дюкенуа, «умный и свободный отъ убѣжденій интриганъ», какъ опредѣляетъ его Мирабо, одинъ избранъ быть посредникомъ въ сношеніяхъ съ депутатами. Въ Парижѣ два другихъ агента, уже состоявшіе на службѣ у Монморена, получаютъ широкія полномочія на счетъ подкупа администраторовъ, судей, избирателей, органовъ печати и толпящейся на трибунѣ публики. Въ ихъ завѣдываніе ставится тайная полиція; они ежедневно должны получать рапорты по образцу, приложенному Мирабо. Въ провинціяхъ дѣло агитаціи ввѣряется двоякаго рода «странствующимъ миссіонерамъ». Одни подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ получаютъ правительственное назначеніе, другіе, безъ всякаго предварительнаго извѣщенія о цѣляхъ ихъ миссіи, призываются давать отчетъ о настроеніи общества и характерѣ лицъ, вліяющихъ на это настроеніе. Наконецъ, правительство призывается къ открытію цѣлой національной мастерской, задача которой издавать газеты и брошюры для собранія, Парижа и провинцій. Эти сочиненія должны подготовить ожидаемый переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Во главѣ этой части предпріятія Мирабо совѣтуетъ поставить Клермонъ-Тоннера, но въ то же время онъ рекомендуетъ держать его въ неизвѣстности на счетъ другихъ частей программы. Что касается министровъ, то ихъ обязанность указывать неудобства изданныхъ собраніемъ законовъ и въ популярныхъ мемуарахъ проводить тотъ взглядъ, что въ неисполненіи законовъ виновно само собраніе или точнѣе непрактичность его мѣръ. Если теперешніе министры окажутся неудобными для проведенія этой политики, то ихъ можно замѣнить другими, столь же популярными, столь же пріятными толпѣ, но соединяющими съ этими качествами уваженіе къ своимъ обязанностямъ и преданность королевской власти [1]).

Спрашивается, въ какой мѣрѣ была приведена въ исполненіе практическая сторона предложенной Мирабо программы? Самъ трибунъ, повидимому, не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы

[1]) См. въ Сборникѣ Бакура 47 мемуаръ, помѣченный 23 декабремъ 90 года.

создать себѣ союзниковъ въ средѣ собранія, если не говорить о нѣсколькихъ привлеченныхъ имъ авантюристовъ, въ родѣ Бонкарера, итальянца Горани и Труаръ де Ріоля, согласившихся принять на себя наблюденіе за эмигрантами и устройство провинціальной агитаціи. Послѣдній едва не скомпрометировалъ его серьезно въ глазахъ націи: въ моментъ задержанія на немъ оказалось вмѣстѣ съ бумагами контръ-революціонеровъ и письмо Мирабо. Депутатъ Дюкенуа, повидимому, вошелъ въ предназначенную ему роль только отчасти и ограничился составленіемъ для Монморена нѣсколькихъ записокъ о тактикѣ, какой слѣдуетъ держаться въ собраніи. Штетлеръ, авторъ нѣмецкаго сочиненія о перепискѣ Мирабо съ Ламаркомъ, сообщаетъ, что въ архивахъ семьи послѣдняго въ замкѣ Аренбергъ сохранились еще нѣкоторыя изъ этихъ записокъ [1]). Парижскіе агенты—Талонъ и Семонвилъ успѣли только составить примѣрный бюджетъ въ 160—200 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, необходимыхъ для подкупа. Это слѣдуетъ изъ бумагъ, найденныхъ въ Тюльери и напечатанныхъ по приказу конвента. Но тотъ же Талонъ категорически заявляетъ, что въ провинціяхъ ничего не было предпринято, и это свидѣтельство подтверждается письмомъ Ламарка къ Мерси отъ 26 января 91 года: «ни одинъ изъ путешественниковъ-миссіонеровъ не отправился еще въ провинцію. Національная мастерская не устроена. Министры, благодаря дурному выбору Лафайета, оказались негодными для заговора и даже опасными. Одно полицейское бюро начало дѣйствовать: заведены нѣкоторые переговоры; куплены нѣкоторые памфлетисты; предвидится затрата громадныхъ средствъ [2])».

Мирабо, если вѣрить письму Ламарка къ Мерси отъ 26 января 91 года, силился примирить видимое желаніе служить королю съ совершеннымъ бездѣйствіемъ, подстрекалъ другихъ, а самъ держался въ сторонѣ, имѣя въ виду воспользоваться всѣми выгодами успѣха и не подвергать въ то же время своей популярности сильнымъ испытаніямъ. Эта осторожность, впрочемъ,

---

[1]) Briefwechsel zwischen dem Grafen von Mirabeau und dem Fürsten A. V. Arenberg, Grafen von der Marck; Bruxelles - Leipzig. 1851—1852.

[2]) См. Ломени. Les Mirabeau, стр. 202 и слѣдующія.

вызываема была необходимостью. Съ одной стороны, дворъ далеко не поддерживалъ плановъ Мирабо съ желательной, въ его глазахъ, энергiей, а король даже открыто обвинялъ въ преувеличенiяхъ ту картину ожидающихъ королевство бѣдствiй, которой трибунъ завершилъ свой мемуаръ отъ 27 декабря 90 года. Въ немъ, между прочимъ, можно было прочесть по адресу короля слѣдующее, далеко не лестное выраженiе—«добрый, но слабый монархъ». Хотя въ этомъ же мемуарѣ Мирабо и говоритъ, что онъ готовъ подвергнуться опасности лишь бы спасти «всѣхъ», но въ дѣйствительности онъ не спѣшилъ выполненiемъ этого обѣщанiя, тѣмъ болѣе, что слухи объ измѣнѣ, разглашенные еще во время обсужденiя собранiемъ вопроса о правѣ войны и мира, все болѣе и болѣе укрѣплялись въ обществѣ, и давнишнiе антагонисты трибуна Ламеты пользовались ими, чтобы уничтожить его влiянiе въ клубѣ якобинцевъ. Въ засѣданiи этого клуба отъ 28 февраля 1791 года, эти слухи формулированы были Ламетами съ такой опредѣленностью, что потребовалось все присутствiе духа Мирабо, чтобы вынести съ видимымъ хладнокровiемъ брошенный въ упоръ упрекъ не только въ чрезмѣрномъ честолюбiи, но и въ отсутствiи честности [1]), и не выдать своего внутренняго волненiя иначе, какъ большими каплями пота (свидѣтельства Дюмулена и Дюбуа Крансэ). «Злѣйшiе враги, говорилъ Дюпоръ, сидятъ между нами. Это тѣ самые люди, на которыхъ были возложены наибольшiя надежды,—люди, которыхъ, повидимому, мы возвеличили только для того, чтобы они тѣмъ легче могли вредить намъ. Нѣмецъ Эльснеръ, бывшiй свидѣтелемъ этого памятнаго засѣданiя, говоритъ съ восторгомъ о самообладанiи Мирабо. Великiй трибунъ пришелъ въ клубъ подъ впечатлѣнiемъ горькой обиды, нанесенной ему въ тотъ же день союзникомъ Ламетовъ, герцогомъ Эгвильономъ, который приказалъ закрыть передъ ними двери своего «отеля». По словамъ Демулена, это рѣшенiе вызвано было коллективнымъ письмомъ двѣнадцати патрiотовъ, приглашенныхъ герцогомъ на обѣдъ. Они отказывались сидѣть съ Мирабо за однимъ

---

[1]) Que Mirabeau soit honnête homme et je cours l'embrasser; et s'il détourne le visage je me féliciterai encore de m'en être fait un ennemi, Pourvu qu'il soit devenu ami de la chose publique.

столомъ. Эльснеръ думаетъ, что шагъ этотъ былъ разсчитанъ напередъ, съ цѣлью вызвать въ Мирабо смущеніе и лишить его обычной смѣлости и отваги, «но Мирабо не способенъ чувствовать страха: онъ знаетъ своихъ противниковъ; и это заставило его явиться въ клубъ въ тотъ же вечеръ. Здѣсь онъ выслушалъ самыя горькія, самыя злыя выходки Дюпора, сидя какъ разъ противъ него. Едва кончилась рѣчь противника, и Мирабо взошелъ на каѳедру, поднялся страшный шумъ: трибуну не давали говорить, негодованіе у многихъ доходило до ярости, и собраніе имѣло видъ шайки безумцевъ. Въ концѣ концовъ жестикуляціи и зычному голосу оратора удалось взять верхъ, но едва онъ замолкъ, какъ на трибунѣ показался Александръ Ламетъ, котораго считаютъ самымъ ловкимъ интриганомъ конституанты. «Въ своей рѣчи, говоритъ Эльснеръ, Ламетъ не только напомнилъ Мирабо объ ошибкахъ молодости и нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ, но и привелъ противъ него всѣ тѣ обвиненія, какія поддерживаетъ клевета и нелѣпое подозрѣніе. Онъ постарался выставить его и гнуснымъ, и смѣшнымъ. Я не ждалъ отъ него столько таланта, но также столько злости и коварства. Собраніе буйно ликовало. Со всѣхъ сторонъ сыпались оскорбленія, президентъ съ недостойнымъ пристрастіемъ удалилъ Мирабо съ трибуны и пытался закрыть засѣданіе. Никто помимо Мирабо не выдержалъ бы всего этого, но его сильный духъ не знаетъ слабости. Онъ не только хладнокровно выслушалъ длинную и кровавую филипику, онъ имѣлъ еще присутствіе духа подготовить свою защиту, заимствуя средства къ ней у своихъ же противниковъ. Это была жестокая битва. Какъ громъ раздавался его голосъ, и неслышныя дотолѣ истины лились изъ его устъ. Его смѣлость, его благородная осанка изумляли слушателей. Въ концѣ концовъ онъ усмирилъ этихъ «бѣшеныхъ»; если не всѣ аплодировали, то никто не могъ отказать ему въ своемъ восторгѣ. Даже въ національномъ собраніи Мирабо не обнаружилъ болѣе сильнаго ораторскаго таланта» [1]).

---

[1]) Это письмо содержится въ сочиненіи, озаглавленномъ: „Bruchstücke aus den Papieren eines Augenzeugen und unparteischen Beobachters der franzosischen Revoluzion 1794 (pages. 36 à 39). Недавній біографъ Мирабо Альфредъ Стернъ доказалъ, что авторомъ этого сочиненія надо

Благопріятное впечатлѣніе, произведенное краснорѣчіемъ трибуна, исчезло вскорѣ благодаря журнальнымъ нападкамъ Дюкенуа на одного изъ тѣхъ людей, которые въ средѣ якобинцевъ пользовались въ это время наибольшимъ вліяніемъ. Я разумѣю Александра Ламета. Клубъ счелъ ихъ за вызовъ и рѣшился отвѣтить на него открытымъ заявленіемъ, что «Ламетъ и всѣ тѣ, кто, подобно ему, положили начало революціи и поддерживаютъ ее неизмѣнно, пользуются его уваженіемъ и привязанностью». Мирабо справедливо увидѣлъ въ этомъ своего рода пораженіе и съ тѣхъ поръ ни разу возвращался на засѣданія клуба. Его разрывъ съ якобинцами все болѣе и болѣе усиливалъ въ немъ рѣшимость искать союзниковъ въ провинціи. Онъ совѣтывалъ королю покинуть Парижъ и составилъ объ этомъ особый мемуаръ, который уничтоженъ былъ дворомъ вмѣстѣ съ прочими компрометировавшими его бумагами 10 августа 92 года. Проектъ сообщенъ былъ маршалу Булье, который посовѣтовалъ привесть его въ исполненіе и «покрыть Мирабо золотомъ». Намъ неизвѣстно въ подробностяхъ, что именно говорилъ королю его совѣтникъ въ этомъ послѣднемъ по времени мемуарѣ; мы знаемъ только, что онъ противился оставленію государства и рекомендовалъ переселиться въ одну изъ внутреннихъ крѣпостей, гдѣ подъ прикрытіемъ войскъ, поставленныхъ Булье, Людовикъ XVI былъ бы въ состояніи съ большей независимостью отнестись къ декретамъ собранія и потребовать перемѣнъ въ конституціи. Впослѣдствіи, говоря о бѣгствѣ въ Варенъ, Лафайэтъ назоветъ его осуществленіемъ мысли Мирабо и тѣмъ скажетъ только половину истины. Видимо самъ трибунъ не обманывалъ себя на счетъ возможности легкаго успѣха. На смертномъ одрѣ онъ открыто предсказывалъ, что вожаки партій не замедлятъ воспользоваться его кончиной, чтобы отнять у королевской власти то немногое, что еще признавалось за нею [1]).

признать Конрада Энгельбарта Эльснера, имя котораго фигурируетъ въ въ спискѣ якобинцевъ. Оляръ перепечаталъ во франц. перев. это интересное письмо во второмъ томѣ своей Société des Jacobins, стр. 110—112;

[1]) J'emporte avec moi, dit-il à Frochot, le deuil de la monarchie; après ma mort les factieux s'en disputeront les lambeaux (стр. 336, томъ V Les Mirabeau).

Это сознаніе объясняетъ намъ причину, по которой въ своихъ бесѣдахъ съ Кабанисомъ, лѣчившимъ его во время болѣзни, Мирабо, говоря о всегдашней привязанности къ монархіи, въ то же время объявлялъ ее потерянной. Кабанисъ прибавляетъ, что онъ оканчивалъ заявленіемъ: «я первый готовъ, въ случаѣ бѣгства короля, провозгласить французскій тронъ свободнымъ и потребовать установленія республики». Ламаркъ высказываетъ, правда, сомнѣніе въ точности этого свидѣтельства; «въ моихъ рукахъ, пишетъ онъ, рядъ документовъ, доказывающихъ, что самъ Мирабо совѣтывалъ королю оставить Парижъ». Но это противорѣчіе могло быть результатомъ той измѣнчивой политики, какой трибунъ держался въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, оправдывая ее нерѣшительностью короля. Монархистъ болѣе по традиціи, нежели по темпераменту, Мирабо прежде всего убѣжденъ былъ въ необходимости обезпечить дѣло революціи установленіемъ сильной исполнительной власти. Если этого нельзя было сдѣлать съ королемъ, то ничто не препятствовало попыткѣ достигнуть того же подъ эгидою республики. И этимъ объясняется, почему страхъ быть застигнутымъ врасплохъ, желаніе быть подготовленнымъ на всякую случайность, заставляло его держать при себѣ выработанный планъ республиканскаго устройства. Демуленъ во второмъ № своихъ «Революцій Франціи и Брабанта» передаетъ, что не задолго передъ смертью Мирабо хвалился ему, что имѣетъ подобнаго рода планъ и не боится поэтому никакого исхода [1]). Обстоятельства, какими сопровождалась его кончина, доказываютъ, что въ глазахъ народа онъ до послѣдняго момента оставался признаннымъ вожакомъ революціи, виновникомъ всѣхъ ея побѣдъ, жертвою реакціи и придворныхъ интригъ Носились слухи объ его отравленіи, все національное собраніе и весь Парижъ присутствовали на его похоронахъ. Чувства, какія этотъ неожиданный смертный исходъ вызывалъ въ придворныхъ сферахъ и въ рядахъ радикальной партіи были крайне противорѣчивы. Сестра Людовика XVI, madame Elisabeth, при извѣстіи о немъ пишетъ г-жѣ Решкуръ: «Мирабо рѣшилъ перебраться на тотъ свѣтъ съ цѣлью узнать, одобряется ли тамъ революція. Аристократы жалѣютъ о

---

[1]) Ibid., стр. 316.

немъ. За послѣдніе три мѣсяца онъ стоялъ за правое дѣло; многаго ждали отъ его талантовъ. Что касается до меня, то при всемъ моемъ аристократизмѣ я не могу не видѣть въ его смерти доказательства тому, что Божественный Промыслъ не покидаетъ этого королевства. Я не могу допустить, чтобы наше спасеніе могло быть достигнуто при содѣйствіи людей безъ принциповъ и нравственности. Но эту мысль я храню про себя, такъ какъ она далеко не политична» [1]. «Партія герцога Орлеанскаго и Ламетовъ, пишетъ въ свою очередь русскій дипломатическій агентъ Симолинъ, высказываютъ непристойную радость по случаю смерти Мирабо». «Духовенство, сообщаетъ анонимный корреспондентъ польскаго двора, видитъ въ ней ниспосланную небомъ кару; но есть также люди, которые открыто обвиняютъ Ламетовъ» [3]. «Я далеко не раздѣляю, говоритъ въ письмѣ къ Генриху Банкалю въ Лондонъ госпожа Роланъ 5 апрѣля 91 года, всеобщаго энтузіазма къ этому удивительному человѣку и все же я ненавижу смерть, присвоившую себѣ эту рѣдкую жертву, хотя размышленіе и заставляетъ меня сочувственно отнестись къ рѣшенію рока. Мирабо, прибавляетъ она, ненавидѣлъ деспотизмъ, отъ котораго ему пришлось пострадать. Онъ льстилъ народу, зная его права, но это не помѣшало бы ему продать его двору—средство, къ которому прибѣгаютъ всѣ люди испорченные, стремящіеся къ власти, а Мирабо прежде всего хотѣлъ сдѣлаться министромъ. Большинство членовъ собранія поражено исчезновеніемъ изъ ихъ среды человѣка, который такъ часто повелѣвалъ ими. Интриганы, въ родѣ Ламетовъ, относятся къ его смерти такъ, какъ Цезарь къ кончинѣ Помпея: они высказываютъ соболѣзнованіе для виду, а внутренно торжествуютъ; исчезъ опасный противникъ, противовѣсъ котораго въ глазахъ добрыхъ гражданъ могъ быть препятствіемъ къ ихъ интригамъ» [4].

[1]) Feuillet de Couches. Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth, томъ II, стр. 29. Письмо отъ 3 апрѣля 91 года.

[2]) Ibid., письмо 4 апрѣля 91 года, стр. 31.

[3]) Corresp. secrète inédite publiée par de Lescure (томъ II, стр. 517), письмо отъ 2 и 3 апрѣля 91 года.

[4]) Lettres autographes de madame Roland, adressées a Bancal-des Issarts, (Парижъ 1835 года, стр. 193—195), письмо 5 апрѣля 91 года.

«Все погибло, мой добрый другъ, писалъ своему корреспонденту въ Лондонѣ Маратъ, зѣваки созданы для рабства, они сами стремятся попасть въ цѣпи; безумія, совершенныя ими по случаю кончины Мирабо, заставили всѣхъ друзей свободы потерять послѣднюю надежду. Мы наканунѣ катастрофы и намъ не останется другого исхода, кромѣ бѣгства за-границу».

Отчаяніе Марата сказывается и въ совѣтѣ не покидать Англію, такъ какъ «на двадцать лѣтъ науки и искусства потеряны во Франціи», и въ заявленіи, что ему лично только предстоитъ «прозябать во мракѣ» [1]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ кончины Мирабо въ рядахъ собранія, какъ и въ средѣ якобинцевъ, было упроченіе и усиленіе вліянія, издавна пріобрѣтеннаго членами тріумвирата. Многіе ошибались на счетъ того направленія, въ какомъ скажется это вліяніе; такъ, напримѣръ, корреспондентъ польскаго короля увѣдомлялъ его, что планъ Дюпора и Барнава открыто клонится къ установленію республики [2]). Въ дѣйствительности же одна вражда къ Мирабо помѣшала членамъ тріумвирата сразу оказать свою поддержку той политикѣ примиренія съ монархической властью, къ которой сводилась программа великаго трибуна за послѣдніе мѣсяцы его жизни. Малуэ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что послѣ кончины Мирабо маршалъ Буйе обратился къ Лафайету съ предложеніемъ стать во главѣ партіи, благопріятной усиленію королевской власти, но что Лафайетъ отказался отъ этого [3]). Но если Лафайетъ не рѣшался открыто связать своего имени съ проектами контръ-конституціи, то того же нельзя сказать о членахъ тріумвирата.

Въ письмѣ отъ 26 іюня 91 года Маллэ дю-Панъ даетъ Мунье слѣдующую картину внутренняго распредѣленія партій въ средѣ собранія. «Лѣвая, пишетъ онъ, совершенно раздѣлена; члены клуба 1789 года овладѣли всѣми мѣстами. Они безраздѣльно владычествуютъ и въ Парижскомъ департаментѣ, и въ муници-

---

[1]) Письмо Марата къ Брегету отъ 16 апр. 91 года. D'Herrisson. Autour d'une révolution, стр. 108.

[2]) Corresp. secrète inédite de Lescure. Томъ II, стр. 519. (Письмо отъ 16 апр. 91 года).

[3]) Mémoires de Malouet, томъ II, Парижъ 1874 года, стр. 122.

пальномъ совѣтѣ; въ ихъ глазахъ конституція совершенна, такъ какъ въ установленіи ея приняли участіе главные ихъ вожаки. Эта партія пріобрѣла нѣкоторое вліяніе благодаря разъединенію въ средѣ якобинцевъ. Всѣ, кто не принадлежитъ къ ней, искренно ненавидятъ конституцію и готовы скорѣе соединиться между собою, нежели примкнуть къ ней. Что касается до якобинцевъ, то они раздѣлены на два открыто враждебные лагеря: въ первомъ стоятъ Дюпоръ, Барнавъ, Ламеты, Мерленъ, Ноаль и другіе; въ составъ втораго входятъ всѣ республиканцы, всѣ, кто на развалинахъ королевской власти желаетъ установить демократію черни. Ихъ главами надо считать Робеспьера, Петіона, Бюзо, Клавьера, Бриссо, Рабо, Сіейса, Редерера; всѣ они, хотя и руководствуются нѣкоторыми побочными мотивами и имѣютъ свой собственный планъ дѣйствій, но стремятся къ одной цѣли и проникнуты одними и тѣми же идеями. Партія Ламетовъ не имѣетъ на своей сторонѣ болѣе ста голосовъ. Боясь владычества какого-нибудь Бюзо, она не прочь повернуть назадъ. Конфиденціально сообщу вамъ, что сдѣланы поразительныя попытки къ сближенію и что обратились къ Малуэ и Казалесу съ предложеніемъ своего рода контръ-революціи. Дюпоръ, говоря именемъ партіи, заводитъ рѣчь объ устройствѣ двухъ палатъ, о возстановленіи исполнительной власти, объ упраздненіи департаментовъ, объ ограниченіи авторитета муниципій, о предоставленіи королю права распускать собраніе. Но все это — наши основы. Дюпоръ предлагаетъ составить изъ нихъ короткую программу въ двѣнадцать статей. Во всѣхъ лагеряхъ онъ имѣетъ въ виду навербовать наиболѣе выдающихся ораторовъ въ ихъ защиту. При ихъ содѣйствіи онъ надѣется одержать верхъ надъ республиканцами.

Дю-Панъ говоритъ, что «ни Малуэ, ни Казалесъ не отнеслись отрицательно къ сдѣланнымъ имъ предложеніямъ». Трудности, очевидно, весьма велики. Можно ждать оппозиціи и отъ республиканцевъ, и отъ многихъ изъ тѣхъ, кто входитъ въ составъ клуба 1789 г., и отъ большинства завзятыхъ аристократовъ. Но страхъ будущаго, сознаніе, что порядокъ невозможенъ при сохраненіи современной конституціи, не мало будутъ содѣйствовать счастливому исходу. Къ тому же многіе изъ членовъ правой перессо-

рились съ своей партіей. Связь Мори съ нею держится на волоскѣ, Казалесъ почти отсталъ. За послѣднее время онъ серьезно занялся изученіемъ исторіи Англіи и ея государственныхъ порядковъ. «Я много сдѣлалъ для того, прибавляетъ Малэ, чтобы склонить его къ нашимъ идеямъ. Но сблизившись съ нами, онъ можетъ разсчитывать на рѣзкія нападки тридцати гордыхъ безумцевъ, въ родѣ д'Эпремениля, и людей экзальтированныхъ, какъ Фуко, которые столь же упорны теперь, какъ и въ маѣ 89 года. Они рвутъ и мечутъ попрежнему, не щадя ни короля, ни королевы, ни истинныхъ монархистовъ и сторонниковъ двухъ палатъ; однимъ словомъ всѣхъ, кто не стоитъ за парламенты и сохраненіе трехъ сословій. Это безмысленное стадо чванливыхъ и безмозглыхъ фанатиковъ, неспособныхъ ни на какую здравую политическую задачу, заслуживала бы быть отданной на общественное поруганіе, если бы не внутренняя ихъ слабость и гоненія, какимъ они подвергнуты» [1]).

Эти показанія Малэ дю-Пана касательно группировки партій находятъ косвенное подтвержденіе въ донесеніяхъ англійскаго посла, графа Гауера. Въ депешѣ отъ 15 апрѣля 91 года, отправленной слѣдовательно вскорѣ послѣ смерти Мирабо, корреспондентъ Сентъ-Джемскаго двора указываетъ на существованіе рядомъ съ депутатами, желающими полнаго уничиженія монархіи (Робеспьера, Петіона, Бюзо, Пріэра), и монархистами, во главѣ которыхъ онъ все еще ставитъ Мори и Казалеса, особой партіи—Барнава и Ламетовъ. О нихъ онъ говоритъ, какъ о лицахъ, незнающихъ къ чему примкнуть—къ республиканцамъ ли, или къ друзьямъ ограниченной монархіи. Сообщая въ ближайшей депешѣ, что аббатъ Сіейсъ и многіе изъ членовъ клуба 89 года дѣйствуютъ за-одно съ якобинцами, лордъ Гауеръ пускается въ слѣдующія предсказанія на счетъ будущаго конституціи. «Въ ея теперешнемъ видѣ она нигдѣ не находитъ друзей, новому собранію предстоитъ или измѣнить ее въ духѣ республиканцевъ, если республиканцы къ тому времени окажутся въ большинствѣ, или же въ противномъ случаѣ внести въ конституцію многія

---

1) См. Письмо Маллэ дю-Панъ къ Мунье 26 іюня 91 года. (D'Herisson. Autour d'une révolution, стр. 178—188).

перемѣны съ цѣлью придать больше энергіи королю и исполнительной власти» [1]).

28 мая 1791 года тайный кореспондентъ польской короны въ свою очередь сообщаетъ, что Барнавъ и Ламеты «капитулируютъ» и имѣли уже тайныя свиданія съ королевой. Задача, приписываемая этимъ свиданіямъ, сообщаетъ онъ въ ближайшемъ письмѣ, добиться измѣненія нѣкоторыхъ декретовъ собранія при окончательной редакціи конституціи [2]). Эти тайные переговоры вліяли до нѣкоторой степени и на политику двора по отношенію къ эмиграціи. «Король, пишетъ 16 мая 91 года графъ Ферзенъ барону Бретелю, весьма озабоченъ сближеніемъ графа Артуа съ принцемъ Кондэ. Онъ поручаетъ вамъ написать ему объ этомъ». Въ отвѣтъ Бретель 22 марта сообщаетъ, что послалъ курьера въ Вормсъ, куда долженъ прибыть вскорѣ братъ короля. Но, прибавляетъ онъ, всякая надежда на успѣхъ кажется мнѣ сомнительной [3]).

«Принцы, пишетъ нѣсколько времени спустя тотъ же Бретель графу Мерси, едва не предприняли крайне необдуманнаго шага; они готовы были уже наброситься на Францію, когда Людовикъ XVI написалъ королю сардинскому просьбу всячески удержать ихъ и не менѣе энергично высказался по тому же предмету въ прямомъ обращеніи къ графу Артуа» [4]).

«Вооруженія эмигрантовъ всего болѣе раздражаютъ окружающихъ насъ», заявляла графу Артуа Марія-Антуанетта 14 мая 91г. [5]).

«Меня очень огорчаютъ пришедшія изъ Италіи извѣстія, читаемъ мы въ одновременномъ письмѣ короля къ своему брату. Изъ нихъ видно, что вы приняли рѣшеніе соединиться съ принцемъ Кондэ. Заботы о моей личной безопасности, какъ и о безопасности королевы, вашъ собственный интересъ и благоденствіе королевства заставляютъ меня сдѣлать послѣднюю попытку предотвратить васъ отъ этого шага» [6]).

---

[1]) The Despatches of Earl Gower, edited by Oscar Browning. (Cambridge: 1885, стр. 79—81, Письма отъ 15 и 22 апр. 91 года).

[2]) Corresp. secrète, de Lescure, томъ II, стр. 529 и 531.

[3]) Fersen. Corresp., т. I, стр. 123—125.

[4]) Feuillet de Couches, томъ I, стр. 430.

[5]) Ibid., томъ II, стр., 50.

[6]) Письмо отъ 16 мая 91 г. Ibid., томъ II, стр. 59. См. также письмо

Настаивая на томъ же, баронъ де Бретель увѣдомлялъ графа Артуа, что король твердо рѣшился сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы вернуть себѣ свою прерогативу [1]).

Одновременно Малуэ не безъ предварительнаго уговора съ Людовикомъ XVI пытался замѣстить вакантный постъ тайнаго королевскаго совѣтника лицомъ, литературная извѣстность котораго въ либеральной партіи была отнюдь не ниже той, какой располагалъ Мирабо.

Въ числѣ жертвъ французской цензуры аббатъ Рейналь, авторъ извѣстной «Философской исторіи обѣихъ Индій», едва ли не является самымъ интереснымъ лицомъ [2]). Никто больше его не высказывался противъ деспотизма министровъ и тираническаго гнета господствующей церкви. Между Вольтеромъ и Руссо и рядомъ съ Вольнэ, все еще продолжавшимъ въ средѣ собранія традицію энциклопедистовъ, всякій готовъ былъ поставить и имя этого несомнѣннаго друга свободы. Событія французской революціи тѣмъ не менѣе ошеломили его. Еще въ сентябрѣ 89 года онъ не скрывалъ въ разговорѣ съ Артуромъ Юнгомъ своихъ опасеній на счетъ возможности революціонныхъ дѣйствій съ цѣлью упроченія во Франціи демократическихъ и республиканскихъ формъ, не примиримыхъ, какъ онъ полагалъ, съ обширностью ея территоріи [3]).

Въ перепискѣ съ Малуэ Рейналь съ самаго открытія учредительнаго собранія не переставалъ изливать своей желчи и высказывалъ одобреніе политикѣ умѣренныхъ. «Я рѣшился, говоритъ Малуэ въ своихъ мемуарахъ, извлечь выгоду изъ его раздраженія и пригласилъ его поэтому прибыть въ Парижъ или, по крайней мѣрѣ, направить изъ Марселя — его обычнаго мѣстажительства, адресъ собранію съ критикой его дѣйствій.

Рейналь въ концѣ концовъ далъ мнѣ свое согласіе. Онъ ду-

барона Бретеля къ графу Артуа отъ 24 мая по тому же предмету. Ibid., стр. 61.

1) Ibid., стр. 63.

2) Въ 1781 году парламентъ Парижа издалъ противъ Рейналя указъ о задержаніи, который заставилъ его покинуть Францію. Начатое парламентомъ преслѣдованіе еще не было кассировано въ 1791 году.

3) Voyage en France d'Arthur Young, publié par. de Lavergne, т. I, p. 312.

малъ искупить тѣмъ, прибавляетъ Малуэ, прежнія свои крайности. Только одна мысль останавливала его. Считая якобинцевъ юга самыми жестокими и неразборчивыми на средства, онъ предпочиталъ редактировать свое письмо въ Парижѣ; «иначе, говорилъ онъ, я навѣрно буду убитъ». Согласившись предварительно съ Рейналемъ, Малуэ вошелъ въ собраніе съ предложеніемъ ходатайствовать передъ королемъ о прекращеніи начатаго еще въ 1781 году преслѣдованія и сдѣлать возможнымъ прибытіе въ Парижъ автора громко осужденной парламентомъ исторіи Индіи. Предложеніе было принято единогласно. Рейналь поспѣшилъ въ столицу и здѣсь редактировалъ адресъ къ собранію въ выраженіяхъ столь смѣлыхъ и энергичныхъ, что Малуэ и Клермонъ Тоннеръ сочли нужнымъ смягчить ихъ. Въ окончательномъ видѣ этотъ документъ являлся въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, произведеніемъ обоихъ сотрудниковъ аббата, какъ и его самого [1]). По его отпечатаніи адреса, Малуэ склонилъ временнаго президента собранія Бюро де-Пюзи предложить депутатамъ публичное чтеніе его въ самомъ засѣданіи. «Съ большимъ энтузіазмомъ, пишетъ Малуэ, встрѣчено было заявленіе, что аббатъ Рейналь удостоилъ собраніе своимъ посланіемъ». «Читайте, читайте скорѣе!» слышалось со скамей лѣвой: Первый параграфъ съ изображеніемъ бѣдствій и излишествъ революціи сразу омра-

[1]) Въ этомъ адресѣ можно было прочесть, между прочимъ, слѣдующее: «Сознаюсь, я глубоко опечаленъ преступленіями, положившими трауръ на имперію... Что вижу я со всѣхъ сторонъ. Религіозныя столкновенія, гражданскія усобицы, замѣшательство однихъ, тиранія и наглость другихъ, правительство, сдѣлавшееся рабомъ деспотизма черни, святилище законовъ, окруженное людьми безъ удержи, которые попеременно то хотятъ предписывать законы, то нарушать ихъ, солдаты безъ дисциплины, начальники безъ авторитета, министры не имѣютъ средствъ воздѣйствія; король, терпитъ оскорбленія, подвергается угрозамъ и лишенъ авторитета, вся власть сосредоточена въ рукахъ клубовъ, гдѣ люди невѣжественные и грубые рѣшаются высказывать мнѣнія о политическихъ дѣлахъ. Франція была монархіей и ваша обязанность состояла въ томъ, чтобы сохранить все возможное отъ стараго порядка; республиканскія формы въ ней не мыслимы безъ совершеннаго разложенія имперіи; ни ея обширность, ни права, ни духъ націи не допускаютъ республики (Moniteur, 2 іюня 91 г.). Это признаніе было особенно поразительно изъ устъ человѣка, объявившаго нѣкогда, что короли—дикіе звѣри, пожирающіе націю».

чилъ присутствующихъ; депутаты начинаютъ смотрѣть другъ на друга съ недоумѣніемъ; у нѣкоторыхъ вырываются слова неодобренія; но большинство требуетъ молчанія. Секретарь продолжаетъ чтеніе и доходитъ до картины безпорядковъ, преступленій и всеобщаго разложенія, какимъ грозитъ Франціи революція. «Браво! Браво!» слышится на этотъ разъ съ правой стороны.

«Какая наглость, достойная мщенія! Раздается со скамей лѣвой. Собраніе оскорблено! Да вѣдь это не Рейналь, а Малуэ?» Замѣшательство все болѣе и болѣе возрастаетъ. Двадцать человѣкъ одновременно требуютъ слова. Раздаются обвиненія и противъ автора, и противъ президента и секретаря, допустившихъ или участвовавшихъ въ чтеніи. Перваго хотятъ заключить въ Темпль, вторыхъ отставить отъ должности. Но Робеспьеръ всходитъ на трибуду и никогда, говоритъ Малуэ, ни прежде, ни послѣ, я не находилъ его болѣе ловкимъ и краснорѣчивымъ. Въ передачѣ автора мемуаровъ рѣчь Робеспьера заключала въ себѣ между прочимъ слѣдующія слова. «Умоляю собраніе успокоиться. Оно нуждается во всемъ своемъ величіи въ тотъ моментъ, когда хотятъ пренебречь его властью. И какъ можете вы считаете себя обиженными? Развѣ случившееся не убѣждаетъ васъ въ преимуществѣ свободы? Не торжествуете ли вы видя, какъ враги, не смѣя напасть на нее открыто, прибѣгаютъ къ уловкамъ и хитростямъ. Несчастные! На краю могилы находятъ они почтеннаго старца и, злоупотребляя его слабостью, заставляютъ отказаться отъ той доктрины и тѣхъ принциповъ, на которыхъ опирается его репутація». [1]).

«Теперь, значится далѣе въ текстѣ, напечатанномъ Монитеромъ, когда ясно сказались цѣли и упорство враговъ собранія и революціи, я считаю долгомъ возобновить отъ вашего имени клятву въ вѣрности священнымъ началамъ, положеннымъ въ основу нашей конституціи. Клянусь никогда не удаляться отъ нихъ даже окольными путями, которые всѣ ведутъ къ деспотизму»; говоря это, Робеспьеръ набрасывалъ тѣнь на тѣхъ, кто подобно Дюпору или Ламетамъ, считалъ нужнымъ внести въ конституцію измѣненія въ пользу королевской власти [2]).

[1]) Мемуары Малуэ, томъ II, стр. 133—135

[2]) Histoire de Robespiere par E. Hamel, томъ I, стр. 457.

По предложенію Робеспьера собраніе постановило не мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, и Малуэ осталось только заняться распространеніемъ адреса въ публикѣ. По его словамъ, онъ имѣлъ громадный успѣхъ въ провинціи, хотя и не сопровождался никакимъ результатомъ. «Аристократы, прибавляетъ онъ, говорили о немъ, какъ объ ударѣ шпагой по водѣ, и на этотъ разъ ихъ предсказанія вполнѣ сбылись».

ГЛАВА III.

Зарожденіе республиканской партіи во Франціи.

Въ то время, какъ Мирабо, а за нимъ Малуэ и члены тріумвирата (Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ) дѣлали тщетныя усилія поднять авторитетъ короля путемъ послѣдовательныхъ измѣненій въ конституціи, люди, которыхъ Джефферсонъ еще въ 1789 году объявлялъ «скрытыми республиканцами» и которые долгое время ограничивали свои задачи защитой единства представительства и полнаго подчиненія короля палатѣ, все яснѣе и опредѣленнѣе стали обнаруживать свои антимонархическія тенденціи. Во главѣ ихъ надо поставить двухъ человѣкъ, весьма отличныхъ по своему прошлому, но которые имѣли случай сблизиться, посѣщая салонъ Джефферсона и ища въ ближайшемъ знакомствѣ съ республиканскими учрежденіями Соединенныхъ Штатовъ критерія для оцѣнки конституціонныхъ декретовъ собранія. Говоря это, я имѣю въ виду Бриссо и Кондорсэ, журналиста и ученаго, плебея и маркиза, человѣка, который съ самаго начала ставилъ для себя высшимъ идеаломъ американскіе порядки, и человѣка, который долгое время былъ послѣдователемъ Тюрго и физіократовъ, подобно имъ проповѣдовалъ необходимость сильной монархической власти и ограниченіе правъ представительства одними землевладѣльцами [1]). Правда, раньше обоихъ Демуленъ въ своей «Свободной Франціи» открыто признавалъ себя республиканцемъ, но его обвинительное слово противъ королей, правившихъ дотолѣ роди-

[1]) См. Eloge de Turgot въ Oeuvres complètes de Condorcet.

ной, не содержало въ себѣ никакой опредѣленной республиканской программы. Демуленъ не только не говорилъ ни слова о прямомъ вмѣшательствѣ народа въ законодательную дѣятельность, о голосованіи новыхъ законопроектовъ собраніями избирателей, но считаетъ еще нужнымъ высказаться противъ допущенія рабочихъ къ выборамъ, въ виду ихъ необезпеченности и происходящей отсюда зависимости отъ предпринимателей. Онъ не говоритъ также ничего о порядкѣ назначенія главы государства путемъ избранія и ограничивается простой амплификаціей взглядовъ Мабли на бѣдствія, причиняемыя странѣ ея наслѣдственными правителями. Въ позднѣйшей своей публицистической дѣятельности, въ теченіе всего 1790 года и первой половины 1791, подъ непосредственнымъ, быть можетъ, вліяніемъ своего друга Робеспьера, Демуленъ даже отказывается отъ поддержки республиканской программы, говоря, что «республика существуетъ повсюду, гдѣ признанъ суверенитетъ націи и установлена система выбора народомъ администраторовъ и судей» [1]). Условія, въ какія поставлена была печать, не въ силахъ дать объясненія этому факту, такъ какъ въ то самое время, когда Демуленъ готовъ былъ на поддержку установляемымъ собраніемъ порядкамъ, Бриссо и Кондорсэ все рѣзче и рѣшительнѣе нападали на нихъ, развивая мысль о необходимости противопоставить вновь создаваемой конституціи уже обнародованную декларацію правъ человѣка и гражданина. Послѣдняя, на ихъ взглядъ, мирилась только съ чисто республиканскими порядками. Правда, ни Кондорсэ, ни Бриссо не рѣшались употреблять еще открыто самаго термина республика. Но зато участіе народа, помимо его представителей, въ осуществленіи функцій суверенитета и даже избраніе министровъ независимо отъ короля народомъ, отмѣна цивиль-листа, установленіе политической отвѣтственности кабинета, право всеобщаго голосованія, неограниченная свобода печати и петицій, равное допущеніе всѣхъ гражданъ въ ряды національной гвардіи и т. п. на-

---

[1]) См. Les Révolutions de France et de Brabant конца 90 г. и начала 91 года, а также отзывъ Малэ дю-Панъ о перемѣнѣ, происшедшей во взглядахъ Демулена (d'Hérisson. Autour d'une révolution, періодъ, непосредственно предшествующій бѣгству въ Вареннъ).

ходили ежедневную защиту на столбцахъ ихъ газетъ. Въ то время, какъ большинство парламентскихъ вожаковъ прямо или косвенно признавало, что источникъ раздиравшихъ Францію безпорядковъ и междоусобій лежитъ въ отсутствіи необходимой энергіи въ органахъ исполнительной власти, и только расходились въ объясненіи причинъ этого недостатка, приписывая его одни—несовершенствамъ конституціонныхъ декретовъ, другіе—скрытому желанію короля и министровъ поддержать анархію добровольнымъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ [1]), Бриссо и Кондорсэ считали возможнымъ говорить о необходимости новаго сокращенія функцій исполнительной власти и открыто проповѣдовали, что «свобода обратно пропорціональна силѣ правительственной репрессіи». Любопытно при этомъ то, что оба писателя одинаково искали подтвержденія этой мысли въ Америкѣ. Они не видѣли, что распредѣленная между федеральными, кантональными и мѣстными органами исполнительная власть въ Соединенныхъ Штатахъ надѣлена тѣми же функціями, что и въ Англіи; можно сказать даже, что ея функціи обширнѣе, такъ какъ, благодаря отсутствію парламентаризма и свободѣ президента и губернаторовъ въ выборѣ ближайшихъ совѣтниковъ и министровъ, исполнительная власть располагаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ несравненно большею самостоятельностью. А между тѣмъ вотъ что Бриссо позволялъ себѣ утверждать, опираясь на опытъ Америки. «Французы! хотите быть всегда свободными, всегда независимыми въ своихъ выборахъ и мнѣніяхъ?—ограничьте по возможности сферу дѣятельности исполнительной власти. Въ этомъ лежитъ секретъ тѣхъ, кого называютъ республиканцами; они хотятъ всячески сократить число ея функцій. Если американцы призваны сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ, то потому между прочимъ, что исполнительная власть имѣетъ у нихъ мало силы (peu de force). Благоденствіе общества всегда зависитъ отъ большаго или меньшаго размѣра признанной въ немъ свободы. Но чѣмъ больше свободы, тѣмъ меньше должно быть власти у правительства. Эта власть усиливается только въ ущербъ свободѣ. Можетъ ли народъ, не имѣющій правительства,

---

[1]) Дюпоръ обвинялъ министерство въ желаніи „faire le mort“.

спрашиваетъ себя далѣе Бриссо, быть счастливымъ? Да, отвѣчаетъ онъ, если нравы его чисты».

Для иллюстраціи своей мысли онъ ссылается на примѣръ квакеровъ, «которые болѣе вѣка прожили безъ муниципальныхъ властей, безъ полиціи, безъ всякаго рода средствъ принужденія» [1]). Такова точка зрѣнія, съ которой Бриссо разсматриваетъ отношенія свободы и власти. Кондорсэ высказывается въ томъ же смыслѣ. Въ своемъ трактатѣ «О природѣ политическихъ властей» онъ говоритъ, что «народъ, желающій быть свободнымъ и мирнымъ, нуждается въ законахъ, которые бы довели до минимума правительственную дѣятельность; анархисты,—прибавляетъ онъ,—впервые отмѣтили эту истину, но они сдѣлали это подъ вліяніемъ смутнаго недовѣрія, стремясь къ «независимости разгула». Они надѣялись достигнуть ничтожества правительства, возбуждая къ нему недовѣріе, вызывая столкновенія между властями, дробя эти власти на мелкія частицы, которыя плохо согласуются между собою. На самомъ же дѣлѣ необходимо, чтобы это почти полное ничтожество правительства было результатомъ глубоко продуманной и ловко комбинированной системы законовъ» [2]).

Отношеніе Бриссо и Кондорсэ къ монархіи, столь различное на первыхъ порахъ, къ концу 90 года становится одинаковымъ. — Съ того момента, писалъ Бриссо весной 90 года, какъ національное собраніе провозгласило наслѣдственность королевской власти, оно декретировало недовѣріе народа къ главѣ исполненія. Искреннее и сердечное довѣріе подданныхъ къ правителю мыслимо только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ послѣдній избираемъ, такъ какъ въ нихъ однихъ правящіе находятся въ постоянной зависимости отъ управляемыхъ. Исторія Франціи,—скажетъ тотъ же Бриссо 2-го іюля 91 года, повторяя тезисъ Демулена,—раскрываетъ предъ нами длинный рядъ народ-

---

[1]) См. Nouveau voyage dans les Etats Unis de l'Amérique Septentrionale fait en 1788 (par J. P. Brissot de Warville citoyen français), стр. 24, 25, 27, 44.

[2]) Cette presque nullité doit être le résultat d'un système de lois profondement combiné (De la nature des pouvoirs politiques. Oeuvres. Изд. 1804 года, томъ XVI, стр. 137).

ныхъ бѣдствій, источникомъ которыхъ были короли. Какую пользу представляетъ должность, не требующая ни опыта, ни умѣнья, которую можно поставить въ зависимость отъ случайности рожденія, которую можетъ осуществлять идіотъ, сумасшедшій, злодѣй въ такой же мѣрѣ, какъ и мудрецъ. Такая должность, очевидно, по существу своему ничтожна. Это постъ, созданный больше для представительства, нежели для преслѣдованія дѣйствительной пользы государства (C'est une place de représentation et non d'utilité [1]). Французы достигли той зрѣлости, того возраста мудрости, при которомъ люди не довольствуются больше словами и способны понять, что ничтожный самъ по себѣ король можетъ сдѣлаться тѣмъ не менѣе серьезной для нихъ опасностью. Въ своей profession de foi отъ 5 іюля 91 года Бриссо точнѣе опредѣляетъ то, что слѣдуетъ разумѣть подъ республикой, какъ формой правленія, отличной отъ монархіи. «Я понимаю подъ нею,—говоритъ онъ,—такой порядокъ государственнаго устройства: 1) при которомъ всѣ власти осуществляются въ силу делегаціи, 2) и избираются изъ народа самимъ народомъ или его уполномоченными, [2]) при которомъ всѣ они временны и смѣняемы. Соединенные Штаты единственное государство, представляющее чистѣйшій образецъ подобной республики. Бриссо останавливается на той мысли, что древнія республики основаны на совершенно иныхъ началахъ. Происходившіе въ нихъ волненія и безпорядки не доказываютъ еще несостоятельности республиканскаго режима. Они происходили отъ несовершенствъ въ порядкѣ голосованія. Народъ обсуждалъ дѣла на площади: печати не существовало, и голосующіе лишены были того руководства, какое они находятъ въ ней нынѣ; сами собранія были крайне многолюдны, и ловкимъ ораторамъ легко было овладѣть мнѣніемъ неподготовленной печатью толпы; все это вмѣстѣ взятое было причиной того, что пренія обыкновенно были шумны, а рѣшенія ошибочны или невѣрно переданы. Но всего этого легко избѣжать при представительномъ образѣ правленія, въ которомъ интересы всѣхъ передаются въ руки немно-

---

[1]) Nouveau voyage dans les Etats-Unis, стр. 44 (примѣч.). Большая часть этого тома, изъ котораго заимствованъ приведенный въ текстѣ отрывокъ, отпечатана раньше 19 іюня 90 года.

[2]) Avis aux français (Patriote français, № 69).

гихъ избранныхъ. Это одно уже дѣлаетъ возможнымъ внести въ обсужденіе государственныхъ дѣлъ большее спокойствіе и глубину; рѣшенія становятся менѣе поспѣшны и болѣе справедливы; они передаются точнѣе. Цѣлая бездна отдѣляетъ такимъ образомъ представительныя республики отъ республикъ древности. Республиканцы Франціи не желаютъ ни чистой демократіи Аѳинъ, ни спартанской олигархіи съ двумя царями во главѣ, ни аристократической демократіи Рима; они хотятъ образа правленія, основаннаго на представительствѣ. То же начало допущено въ устройствѣ отдѣльныхъ частей созданной собраніемъ конституціи, за исключеніемъ одной, именно той, которая отвѣчаетъ задачамъ исполненія. Законодательная и судебная власть построены на представительствѣ; сама даже исполнительная не остается вполнѣ чуждой этому началу, такъ какъ департаментскія власти и мѣстные органы налогового управленія избирательны. На пять шестыхъ французская конституція поэтому можетъ считаться республиканской. Монархистовъ и республиканцевъ не раздѣляетъ болѣе ничего, кромѣ слѣдующаго. Республиканцы хотятъ, чтобы система представительства распространена была и на королевскую власть; монархисты же противятся этому. Первые ближе къ духу конституціи, такъ какъ требуютъ только распространенія уже установленнаго ею начала представительства на ту шестую часть, которая доселѣ оставалась свободной отъ него [1]). Съ неменьшей откровенностью

[1]) См. Patriote français, № 696 отъ 5 іюля 91 г. Сдѣланныя въ текстѣ выписки, мнѣ кажется, не оставляютъ сомнѣнія, что въ глазахъ Бриссо республиканская партія во Франціи была чѣмъ-то существующимъ и вполнѣ сознательно ставила себѣ цѣлью низверженіе наслѣдственной королевской власти. Но въ приписываемыхъ тому же Бриссо мемуарахъ высказывается какъ разъ обратное. „Надо, значится въ нихъ (томъ III, стр. 329), признать, что республиканской партіи вовсе нѣтъ. Это привидѣніе, выдуманное умѣренными, чтобы возстановить своихъ адептовъ противъ патріотовъ. Республиканизмъ такъ мало отвѣчаетъ дѣйствительности, что „бѣшеные“, которымъ приписывается пристрастіе къ нему, первые потребовали бы воцаренія новаго короля, если бы имъ было предоставлено право низлагать его въ конституціонномъ порядкѣ». Это мѣсто, на нашъ взглядъ, даетъ новое основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы авторомъ «мемуаровъ» былъ Бриссо.

высказывалъ Кондорсэ свои взгляды на монархію и республику. Нимало не стѣсняясь нѣкогда вырвавшимся у него заявленіемъ, что «Франція остается монархіей, такъ какъ эта форма государственнаго устройства одна отвѣчаетъ обширности ея территоріи, богатству, населенности, наконецъ, самому началу политическаго равновѣсія въ Европѣ» [1]), Кондорсэ считаетъ возможнымъ объявить въ настоящее время, что удобства, связанныя съ наслѣдственной монархіей, сводятся къ тому, что 1) она предполагаетъ, во-первыхъ, существованіе громаднаго бюджета, распоряженіе которымъ вызываетъ во многихъ надежду нажиться, 2) и ведетъ, во-вторыхъ, къ образованію около наслѣдственной должности правителя столь же наслѣдственной передачи имущественнаго положенія и вліянія въ рядахъ немногихъ семей, близко стоящихъ къ престолу».

Эта преемственность вліянія и власти привлекаетъ къ монархіи многихъ изъ тѣхъ, кого равенство, неизбѣжное въ хорошо устроенномъ государствѣ, способно повергнуть въ отчаяніе. Суровые умы, прибавляетъ Кондорсэ, видятъ, правда, въ такомъ порядкѣ вещей только опасность для народа; они не хотятъ признать, что косвенныя вліянія въ извѣстной степени необходимы для умаленія пыла патріотовъ и что не слѣдуетъ отымать у чванства всякой надежды на успѣхъ, признавая личныя достоинства и заслуги единственнымъ путемъ къ отличію [2]). Нечего и говорить, что этотъ способъ защиты ближе къ сатирѣ, чѣмъ къ панегирику, и что отъ заявленія, будто монархія полезна потому лишь, что льститъ честолюбію и корысти, до признанія ея вредною переходъ далеко не труденъ. Кондорсэ дѣлаетъ его въ 1791 году подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвели на него бѣгство короля въ Вареннъ и та перспектива иноземнаго нашествія, какую общественное мнѣніе связывало съ этимъ бѣгствомъ. 12 іюля 91 года онъ читаетъ въ «соціальномъ клубѣ» (cercle social), устроенномъ аббатомъ Фошэ и радикаломъ Бонневиль, мемуаръ, посвященный

---

[1]) Reflexions sur les pouvoirs et instructions à donner par les provinces à leurs deputés aux Etats Généraux, стр. 16.

[2]) Sur l'institution d'un conseil électif. Oeuvres de Condorcet, томъ XVI, стр. 237.

рѣшенію вопроса: нуженъ ли король для сохраненія свободы? Отвѣтъ Кондорсэ отрицательный. Въ отзывѣ, какой о его чтеніи даетъ журналъ Бриссо, значится: «философу удалось одновременно убѣдить умы и тронуть сердца; онъ побѣдоносно установилъ тотъ взглядъ, что свобода печати, при широкомъ распространеніи любви къ чтенію книгъ и газетъ, является непреодолимымъ препятствіемъ къ установленію въ будущемъ тираніи, подобной Кромвелевской.» Смѣхъ беретъ, когда подумаешь, что эта оптимистическая надежда высказывалась не болѣе, какъ за два года до установленія «тираніи» комитета общественнаго спасенія и смѣнившей его диктатуры Робеспьера, и всего за семь лѣтъ до coup d'état 18 брюмера. Хваля Кондерсэ за его панегирикъ республикѣ, «Французскій патріотъ» утверждаетъ, что философъ побѣдоносно разбилъ обычное возраженіе монархистовъ, доказавши, что обширность территоріи не только не препятствуетъ, но, напротивъ того, содѣйствуетъ утвержденію во Франціи республиканскаго правительства. «Наслѣдственность престола, замѣтилъ ораторъ, не устраняетъ безпорядковъ; она только воздвигаетъ противъ правительства наслѣдственное недовѣріе всѣхъ друзей свободы. Это недовѣріе заставляетъ ихъ ставить ей на каждомъ шагу препоны и замедлять тѣмъ самымъ ея движенія» [1]). Кондорсэ объяснялъ перемѣну своихъ взглядовъ на республику и монархію тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на него недавній ходъ событій. Но есть основаніе думать, что вліяніе такихъ убѣжденныхъ республиканцевъ, какъ Томасъ Пэнъ, и такихъ знатоковъ американскихъ порядковъ, какъ Клавьеръ и Бриссо, также не осталось ей чуждымъ. Въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ извѣстный сотрудникъ Мирабо, женевецъ Дюмонъ, даетъ намъ самое выгодное представленіе объ искренности и сердечной чистотѣ того ученаго математика и философа, какимъ на самомъ дѣлѣ былъ Кондорсэ. Онъ изображаетъ его намъ главнымъ вожакомъ той мирной пропаганды, которая подготовила во Франціи республику задолго до 10-го августа 92 года. Кондорсэ, пишетъ онъ, не разъ высказывался противъ установленія ея насильственнымъ

---

1) „Patriote français“, № 707, 17 іюля 91 года.

образомъ. «Если путь къ ней проложенъ будетъ революціей, говорилъ онъ, если народъ открыто возстанетъ противъ двора, послѣдствія могутъ быть самыя ужасныя. Но въ то же время Кондорсэ считалъ необходимымъ воспользоваться обстоятельствами для мирнаго водворенія республики» [1]). Его взгляды вполнѣ раздѣляемы были и его женою. Пропаганда обоихъ создала республикѣ многихъ приверженцевъ. Салонъ Кондорсэ сдѣлался для нея настоящимъ очагомъ. Серьезность характера, склонность къ метафизическимъ разсужденіямъ, пристрастіе къ республиканскимъ писателямъ древности, энтузіазмъ къ сочиненіямъ Руссо создали въ госпожѣ Кондорсэ фанатическую приверженность къ политическимъ идеаламъ ея мужа. «Оба супруга одинаково были убѣждены, что свобода не можетъ удержаться во Франціи бокъ о бокъ съ престоломъ. Источникъ такого предубѣжденія съ ихъ стороны надо искать въ тѣхъ ложныхъ представленіяхъ, какія Томасъ Пэнъ далъ имъ объ Англіи. «Не разъ, пишетъ Дюмонъ, пытался я опровергнуть его взгляды, но это не вело ни къ чему. Пэнъ отличался безумнымъ чванствомъ. Если вѣрить ему, все происшедшее въ Америкѣ было дѣломъ его рукъ; ему казалось, что книга его «О правахъ человѣка» можетъ замѣнить собою всѣ прочія, и онъ не разъ говорилъ намъ безъ обиняковъ, что если бы отъ него зависѣло сжечь всѣ библіотеки, онъ сдѣлалъ бы это, не колеблясь. Тѣмъ самымъ, думалъ онъ, разрушены будутъ въ корнѣ всѣ заблужденія, и можно будетъ положить при одномъ содѣйствіи его сочиненія начало новой цѣпи идей и принциповъ» [2]). Подъ вліяніемъ Пэна Америка въ скоромъ времени сдѣлалась для супруговъ Кондорсэ синонимомъ хорошаго правительства, они увѣровали въ возможность пересадить во Францію ея порядки. Дюмонъ употребляетъ даже терминъ «федерализмъ», чтобы передать характеръ той политической системы, о какой Кондорсэ мечталъ въ примѣненіи къ Франціи. Но въ сочиненіяхъ этого мыслителя трудно найти какія-либо доказательства тому, что онъ не могъ представить себѣ разумнаго устройства родины иначе, какъ въ формѣ сѣти

---

1) Etienne Dumont. Souvenirs, стр. 324.

2) Ibid., стр. 331.

полунезависимыхъ республикъ. Я думаю, что Дюмонъ принимаетъ одну за другую и смѣшиваетъ въ своемъ представленіи двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга системы: систему дробленія суверенитета между кантональными правительствами и федеральнымъ, и систему дробленія ея между націей, какъ цѣлымъ, и ея представителями. О первомъ нѣтъ рѣчи въ сочиненіяхъ Кондорсэ, который въ защитѣ начала мѣстнаго самоуправленія не идетъ далѣе Тюрго и всей школы физіократовъ. Подобно имъ, онъ желаетъ муниципальной независимости, раздѣленія Франціи на мелкія провинціи подъ управленіемъ административныхъ совѣтовъ, избираемыхъ классомъ землевладѣльцевъ. Наоборотъ, та мысль, что народъ передаетъ только часть принадлежащаго ему суверенитета въ руки представителей и сохраняетъ за собой въ частности право утвержденія и отверженія издаваемыхъ ими законовъ и конституцій, является въ такой же мѣрѣ краеугольнымъ камнемъ политической доктрины Кондорсэ, какъ и то, что всѣ власти, не исключая исполнительной, должны имѣть источникомъ народъ и подлежать строгой и ежечасной отвѣтственности предъ народомъ. Всего полнѣе эти мысли развиты въ трактатѣ, озаглавленномъ «О природѣ политическихъ властей». Проводя вслѣдъ за Руссо тотъ взглядъ, что въ государствѣ съ сколько-нибудь обширной территоріей немыслимо прямое народовластіе, прямое участіе въ законодательной дѣятельности, Кондорсэ въ то же время говоритъ, что это обстоятельство не мѣшаетъ непосредственному призыву гражданъ къ голосованію всякій разъ, когда предстоитъ рѣшить, согласенъ или несогласенъ новый законъ съ естественными правами человѣка. Разумѣется, такая аппеляція къ народу не должна имѣть мѣста по отношенію къ законамъ, имѣющимъ второстепенное значеніе,—регулирующимъ детали, восполняющимъ пробѣлы или приводящимъ въ соотвѣтствіе отдѣльныя стороны предшествовавшаго законодательства. Но это было бы въ высшей степени желательнымъ и вполнѣ осуществимымъ по отношенію къ руководящимъ законамъ, обнимающимъ собою цѣлыя области права, какъ, напр., гражданскій кодексъ, процессуальный и т. п. Но есть законы, для которыхъ это еще болѣе необходимо: это тѣ, которыми опредѣляется самый составъ того корпуса,

въ руки котораго передана забота объ ихъ изготовленіи. Отъ народнаго признанія получаетъ онъ свой настоящій авторитетъ, авторитетъ, дозволяющій ему требовать законнаго подчиненія своимъ велѣніямъ даже до момента ихъ утвержденія избирателями [1]. Говоря это, Кондорсэ высказывается въ пользу голосованія народомъ учредительныхъ законовъ или конституціи. Но если народу принадлежитъ право вотировать конституцію, то ему же должно быть предоставлено и право вносить въ нее вызываемыя временемъ измѣненія. Заодно съ Руссо и Мабли, Кондорсэ не видитъ возможности допустить того различія между обыкновенными законами и законами основными, которое состояло бы въ признаніи незыблемости послѣднихъ. Онъ пишетъ даже отдѣльный трактатъ съ цѣлью доказать необходимость періодическаго созыва конвента, или, что то же, учредительнаго собранія, для пересмотра и исправленія конституціи. Новая редакція не становится сразу закономъ, а поступаетъ предварительно на голосованіе гражданъ. Это голосованіе необходимо уже потому, что народу принадлежитъ, какъ мы видѣли, въ системѣ Кондорсэ право блюсти за тѣмъ, чтобы законы не заключали въ себѣ ничего противнаго естественнымъ правамъ человѣка. Конвентъ въ этомъ отношеніи такъ же связанъ, какъ и обыкновенная законодательная палата: права человѣка должны быть для него столь же священны и столь же неприкосновенны [2].

Если бы Кондорсэ былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ федералистомъ, какимъ изображаетъ его Дюмонъ, онъ бы несомнѣнно постарался провести свои взгляды при установленіи самой системы народнаго представительства, предложивъ, напримѣръ, устройство сената, который, подобно американскому, являлся бы стражемъ независимости отдѣльныхъ областей. Но Кондорсэ рѣшительно высказывается противъ всякой системы двухъ палатъ, все равно, будетъ ли въ основаніе ея положено представительство однихъ и тѣхъ же или разныхъ интересовъ.

Онъ мирится только съ установленіемъ бокъ о бокъ съ еди-

---

1) См. Oeuvres, т. XVI, стр. 117 и 118.

2) См. трактатъ Кондорсэ, озаглавленный: Sur la nécessité de faire ratifier la constitution par les citoyens, т. XVI, стр. 201.

ной и всемогущей народной камерой какой-то академіи просвѣщенныхъ людей, академіи, надѣленной относительнымъ вето, правомъ двоекратнаго, каждый разъ мотивированнаго отказа въ утвержденіи изданныхъ національнымъ собраніемъ законовъ. Въ этой академіи можно отмѣтить, пожалуй, зародышъ политическихъ мечтаній основателя позитивизма Огюста Конта. Но въ ней нельзя найти ни малѣйшаго проблеска враждебности къ системѣ политическаго единства Франціи или попытку устроить ея представительство на федеральной основѣ [1]). Рядомъ съ заботою о сохраненіи возможнаго участія народа въ законодательной дѣятельности, Кондорсэ, заодно съ Бриссо, задается мыслью обезпечить народу выборъ всѣхъ властей въ государствѣ. Въ числѣ причинъ, которыя, согласно пророчеству Бриссо, должны сдѣлать изъ Америки первую страну въ мірѣ, редакторъ «Французскаго патріота» ставитъ избирательный характеръ публичныхъ должностей, не исключая исполнительныхъ, и связанное съ избраніемъ право народа отставлять отъ должности [2]). Кондорсэ развиваетъ ту же мысль, отказываясь даже открыто въ пользу ея отъ дорогого ему нѣкогда ученія физіократовъ о тѣсной связи избирательнаго права съ землевладѣніемъ. Онъ забываетъ, повидимому, что не далѣе, какъ въ 1789 г., въ «Идеяхъ о деспотизмѣ» онъ позволилъ себѣ буквально слѣдующее утвержденіе: «равенство не страдаетъ отъ того, если одни собственники пользуются правомъ гражданства, ибо они одни владѣютъ территоріей, и никто не можетъ избрать ее своимъ мѣстожительствомъ безъ ихъ согласія». 20 апрѣля 1790 г. онъ отъ имени парижской коммуны составляетъ къ собранію адресъ, въ которомъ требуетъ отмѣны закона, ставившаго пользованіе избирательнымъ правомъ въ зависимость отъ величины обложенія. Въ этомъ адресѣ говорится, что требованіе отъ избирателей подати, равной десятидневному заработку, а отъ депутатовъ — марки серебромъ прямого обложенія лишаетъ гражданъ равнаго участія въ занятіи должностей и представляетъ собой поэтому открытое

---

[1]) Examen sur cette question: est-il utile de diviser une assemblée nationale en plusieurs chambres (т. XV, Oeuvres, стр. 77, 79, 93, 101).

[2]) См. Nouveau voyage dans les Etats-Unis, т. I, вступл., стр. 44.

противорѣчіе тѣмъ обѣщаніямъ, какія даны декларацiей правъ. «Каждый гражданинъ, утверждаетъ Кондорсэ, свободенъ дать свое довѣріе, кому заблагоразсудитъ; онъ вправѣ поручить защиту общественныхъ интересовъ тому, кто въ его глазахъ соединяетъ въ себѣ болѣе другихъ рвеніе, честность, смѣлость и знаніе». Кондорсэ дѣлаетъ, впрочемъ, нѣкоторую уступку своимъ прежнимъ взглядамъ, говоря, что всякія избирательныя ограниченія справедливы только тогда, когда вызываются необходимостью; но этой-то необходимости и нѣтъ на лицо. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, повторяя въ сущности то же, что высказано было Бёркомъ, если полезно устранить отъ занятія публичныхъ должностей лицъ, не имѣющихъ независимаго состоянія, и сохранить должности для тѣхъ, кого труднѣе подкупить, требуемый вами платежъ далеко не достигаетъ своей цѣли» [1]). Право народнаго избранія распространяется, по ученію Кондорсэ, на выборъ не одних представителей, но и чиновниковъ государства. По своей матеріальной необезпеченности и проистекающему отсюда недостатку знаній, люди изъ простонародья, какъ общее правило, не призваны къ занятію публичныхъ постовъ. Правящій классъ долженъ поэтому признать за управляемыми извѣстную сферу власти, которая одна можетъ утѣшить ихъ въ недостаткѣ болѣе непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. «Этимъ, говоритъ Кондорсэ, обусловливается значеніе прямой системы выборовъ, при которой нѣтъ необходимости прибѣгать къ той фикціи, которая одна позволяетъ видѣть въ депутатѣ, назначенномъ выборщиками, продуктъ народнаго избранія» [2]) .Другое средство сохранить за простонародьемъ участіе въ государственной жизни, это возможно частое повтореніе выборовъ. Кондорсэ, подобно Бриссо, думаетъ, что періодическое возобновленіе въ короткіе сроки служебнаго персонала является необходимымъ условіемъ для установленія того довѣрія, какое подданные должны питать къ правительству, чтобы дѣятельность его могла развиваться безпрепятственно. Въ этомъ отношеніи и тотъ, и другой писатель слѣдуютъ въ такой же степени при-

---

[1]) Condorcet. Adresse à l'assemblée nationale, т. XVI, стр. 171

[2]) Des pouvoirs politiques, стр. 134.

мѣру классическихъ республикъ древности, какъ и современной имъ американской федераціи. Одну изъ причинъ необходимости частаго повторенія выборовъ Кондорсэ видитъ въ томъ же соображеніи, какое заставляло писателей древности превозносить эту систему. Съ античной точки зрѣнія свобода, какъ извѣстно, лежала не столько въ гарантіи личности отъ произвола, сколько въ участіи въ управленіи. Чѣмъ распространеннѣе было это участіе, тѣмъ обезпеченнѣе казалась свобода. Эта античная идея, при которой свобода тѣсно сливается съ равенствомъ во власти, оживаетъ снова въ эпоху французской революціи. Зародышъ ея можно найти уже въ сочиненіяхъ Руссо и Мабли, но съ полной силой и опредѣленностью высказываютъ ее впервые сторонники республиканскихъ порядковъ, въ числѣ ихъ Кондорсэ. Еще въ «Письмахъ дворянина къ членамъ средняго сословія,» появившихся въ 1788 г., этотъ писатель говорилъ: «Нѣтъ истиннаго права, ни возможности мира въ обществѣ безъ равенства между гражданами.» «Право участвовать въ созданіи закона, читаемъ мы въ другомъ его памфлетѣ, есть одно изъ правъ человѣка, живущаго въ обществѣ. Если оно неравно для всѣхъ гражданъ, его на самомъ дѣлѣ нѣтъ на лицо» [1]). Возвращаясь къ развитію той же мысли и отказываясь даже отъ тѣхъ ограниченій, какія въ угоду физіократовъ онъ ставилъ еще на первыхъ порахъ избирательному праву, связывая его съ собственностью, Кондорсэ въ позднѣйшихъ своихъ трактатахъ, какъ, напр., въ сочиненіи «О природѣ политическихъ правъ», прямо высказывается въ томъ смыслѣ, что свобода немыслима безъ тѣсной связи съ равенствомъ. Отъ него идетъ даже самый терминъ liberté égalitaire [2]).

---

[1]) Кондорсэ, т. XII, стр. 143. «Письма гражданина Соединенныхъ Штатовъ къ французу касательно текущихъ дѣлъ.»

[2]) Онъ далекъ однако отъ мысли понимать это равенство въ томъ смыслѣ, какой приписываютъ ему соціальные революціонеры нашего времени. Въ обществѣ,—утверждаетъ онъ,— всегда останутся три вида неравенства, источникъ которыхъ лежитъ въ природѣ: неравенство естественныхъ способностей, неравенство богатствъ, неравенство правящихъ и управляемыхъ (т. XVI, стр. 178). Неравенство состояній, разумѣется, большое зло, но о немъ можно сказать то же, что о всякомъ другомъ политическомъ злѣ. Его нельзя разрушить иначе, какъ медленно, если

Эта «уравненная свобода», понимаемая въ смыслѣ равнаго участія въ осуществленіи народнаго суверенитета, должна проявляться, думаетъ Кондорсэ, не въ одной только сферѣ законодательства, но и въ области исполненія. Народъ вправѣ выбирать не только представителей или депутатовъ, но и администраторовъ. Бриссо хвалитъ, какъ мы видѣли, американцевъ за то, что они сдѣлали всѣ должности, не исключая и той, которая принадлежитъ главѣ государства—президенту, избирательными. Кондорсэ, не имѣя возможности безъ новой революціи достигнуть того же, дѣлаетъ попытку примирить выгоды американской системы съ сохраненіемъ во Франціи монархической формы правленія. Если французы не будутъ имѣть избираемаго президента, свободнаго въ назначеніи министровъ, то взамѣнъ они получатъ рекомендованныхъ народнымъ представительствомъ и отвѣтственныхъ передъ нимъ министровъ, министровъ, дѣйствующихъ именемъ наслѣдственнаго и несмѣняемаго короля. Не безынтересно отмѣтить тотъ фактъ, что, высказывая такія

только не допустить явной несправедливости. Но оно можетъ исчезнуть мало-по-малу, при содѣйствіи законовъ, которыми бы устанавливалась свобода торговли и упрощена была система налоговъ, законовъ, которые ввели бы равный раздѣлъ наслѣдствъ и согласныя съ природой постановленія касательно браковъ (т. XV, стр. 93. Examen de cette question: est-il utile de diviser une assemblée nationale en plusieurs chambres). Всѣ эти пожеланія болѣе или менѣе осуществились, но предсказанное Кондорсэ разрушеніе имущественнаго неравенства однако не наступило. Сужденіе Кондорсэ въ данномъ вопросѣ тѣмъ не менѣе весьма цѣнно. Оно знакомитъ насъ съ иллюзіей, общей почти всѣмъ дѣятелямъ 89 года. Она состояла въ признаніи, что источникомъ неравенства является главнымъ образомъ монополія. Въ извѣстномъ смыслѣ на Кондорсэ и его послѣдователей можно смотрѣть, какъ на первыхъ провозвѣстниковъ тѣхъ взглядовъ, какіе въ наше время нашли талантливаго истолкователя въ лицѣ Джорджа. Подобно американскому экономисту, они сводятъ почти весь соціальный вопросъ къ аграрному и видятъ въ искусственномъ сосредоточеніи земельной собственности источникъ соціальнаго неравенства. Это искусственное сосредоточеніе было послѣдствіемъ феодальнаго порядка и созданной имъ земельной монополіи. Съ паденіемъ феодализма, съ установленіемъ системы равнаго раздѣла наслѣдствъ, съ отмѣной майоратовъ и субституцій, думаютъ они, неизбѣжно падетъ и сама эта монополія. Стоитъ прочесть рѣчь, какую Мирабо собирался произнесть

пожеланія, республиканецъ Кондорсэ въ конечномъ результатѣ сходится съ монархистомъ Мирабо, который, оставляя въ рукахъ короля свободу выбора министровъ, желалъ въ то же время, чтобы король не назначалъ на этотъ постъ никого, помимо членовъ парламентскаго большинства. Дѣло въ томъ, что тотъ и другой имѣютъ передъ глазами болѣе или менѣе смутно сознаваемый образецъ англійскаго парламентаризма и англійской системы кабинета, почему одинъ, Мирабо, считаетъ возможнымъ соединеніе въ рядахъ министерства всѣхъ талантовъ независимо отъ партій, а другой, Кондорсэ, предлагаетъ составленіе собраніемъ особыхъ списковъ лицъ, призванныхъ къ занятію министерскихъ постовъ. Король руководствуется ими при выборѣ и вправѣ назначить только того, чье имя встрѣчается въ спискахъ. Мирабо и Кондорсэ подходятъ къ англійскому парламентаризму съ разныхъ концовъ: первый, подчиняя королевскій выборъ господствующему въ странѣ большинству, второй, на-

---

въ національномъ собраніи въ пользу равнаго раздѣла имуществъ между наслѣдниками, чтобы убѣдиться, въ какой степени иллюзія Кондорсэ раздѣлялась наиболѣе выдающимися изъ его современниковъ. Монополія, сказавшаяся въ сферѣ земельныхъ отношеній въ формѣ присвоенія всей территоріи небольшой группой сеньеровъ, проявляется въ сферѣ промышленности и торговли въ сосредоточеніи въ рукахъ немногихъ покровительствуемыхъ правительствомъ гильдій и компаній привилегіи исключительнаго занятія обрабатывающей промышленностью и обмѣномъ французскихъ товаровъ на иностранные. Эти гильдіи и компаніи являются такими же монополизаторами выгодъ, доставляемыхъ промыслами и обмѣномъ, какими надо считать феодальныхъ сеньеровъ по отношенію къ выгодамъ, доставляемымъ земельной собственностью. Чтобы положить конецъ неравенству, необходимо, думали люди 89 года, открыть войну и противъ этого вида монополій. Къ ея отмѣнѣ и сводилась превозносимая ими свобода торговли. Наконецъ, третій источникъ неравенства— монополія, создаваемая правительствомъ въ формѣ податныхъ изъятій, неравномѣрнаго распредѣленія тягостей обложенія. Въ ея отмѣнѣ, въ установленіи принципа равномѣрнаго участія всѣхъ сословій въ несеніи государственныхъ издержекъ и соотвѣтственной реформѣ налоговъ лежитъ третій путь къ отмѣнѣ монополіи и вызваннаго ею неравенства состояній. Такъ разсуждали дѣятели французской революціи и во главѣ всѣхъ ихъ Кондорсэ, считавшій возможнымъ достигнуть уравненія состояній безъ соціальнаго переворота подъ вліяніемъ медленнаго хода событій и благодаря воздѣйствію законодательства.

вязывая королю избранниковъ этого большинства. Оба сходятся въ желаніи, чтобы доступъ къ министерству не былъ закрытъ депутатамъ, такъ какъ оба сторонники правительства, партій и солидарнаго съ большинствомъ министерства [1]). Кондорсэ старается доказать, что такой порядокъ назначенія министровъ народными представителями имѣлъ бы двойную выгоду. Повторяя приблизительно то же, что сказано было Бриссо, онъ говоритъ, что народъ не имѣлъ бы причины питать къ избираемымъ и отставляемымъ имъ властямъ то недовѣріе, какое справедливо внушаетъ ему наслѣдственный и несмѣняемый король съ зависимыми отъ его выбора совѣтниками. «Законъ можетъ поэтому дать членамъ министерства возможность активной дѣятельности безъ страха, что они воспользуются этой возможностью противъ свободы, ибо они смѣняемы по волѣ народа» [2]). Эта же причина является источникомъ другого преимущества, какимъ отличается предлагаемый порядокъ назначенія министровъ. Онъ не только не поведетъ къ умаленію, но, наоборотъ, къ усиленію королевскаго авторитета. Кондорсэ рѣшается утверждать, что предложеніе допустить законодательное собраніе къ участію въ выборѣ министровъ не ведетъ къ сокращенію правъ монарха, а къ упроченію его власти; вѣрнѣе, оно сводится къ замѣнѣ его воображаемаго права правомъ реальнымъ. На мѣсто неограниченнаго правда, но безнравственнаго вліянія правительства на выборъ министровъ, установится отнынѣ законное и полезное его воздѣйствіе. Только что приведенныя мысли высказаны были Кондорсэ еще въ 1790 году. Когда, вслѣдъ за бѣгствомъ короля въ Вареннъ поставленъ былъ впервые на очередь вопросъ о монархіи и республикѣ; тотъ же Кондорсэ 13 іюля 91 года выступилъ съ новой брошюрой, въ которой предлагалъ установленіе избираемаго исполнительнаго совѣта изъ

---

[1]) Лица, объявленныя правоспособными къ занятію министерскихъ постовъ, не должны по этой причинѣ быть устранены отъ выбора въ законодательное собраніе, говоритъ Кондорсэ (Sur le choix des ministres), томъ XVI, стр. 339.

[2]) Ibid., стр. 261 (Sur l'institution d'un conseil électif.), томъ XVI. Sur le choix des ministres, томъ XVI, стр. 346. Эта брошюра написана Кондорсэ еще въ 1790 году.

семи человѣкъ. Право избранія онъ совѣтывалъ предоставить тѣмъ же лицамъ, которымъ былъ порученъ выборъ депутатовъ; но они должны были выбирать своихъ кандидатовъ по особымъ спискамъ, составленнымъ департаментами и подлежащимъ ежегодному возобновленію. Члены совѣта остаются въ должности десять лѣтъ и подлежатъ переизбранію. На нихъ должны перейти всѣ функціи королевской власти, одинаково съ функціями министровъ. Отстаивая свой проектъ, Кондорсэ доказывалъ, что несмѣняемый и безотвѣтственный король не имѣлъ въ конституціонной монархіи другого назначенія, кромѣ выбора и отставки отъ должности членовъ министерства. Чтобы доказываемыя сторонниками монархіи преимущества этой формы правленія надъ республикой могли имѣть какой-либо вѣсъ въ глазахъ людей безпристрастныхъ, надо было бы, по мнѣнію автора, установить сперва невозможность другой, менѣе абсурдной системы назначенія министровъ, чѣмъ та, какая практикуется въ государствахъ съ наслѣдственнымъ главою. Эту-то менѣе абсурдную систему и берется предложить Кондорсэ, который снова возвращается по поводу ея къ развитію того основного взгляда, общаго ему съ Бриссо, что довѣріе снизу, безъ чего немыслима никакая дѣятельная администрація, возможно только подъ условіемъ выбора управителей управляемыми [1]).

Таковы были въ самыхъ общихъ, разумѣется, чертахъ политическія задачи тѣхъ двухъ человѣкъ, которыхъ вслѣдъ за Дюмономъ, мы готовы признать родоначальниками республиканизма во Франціи. Около редактируемыхъ ими газетъ группировались въ концѣ 90 и 91 года зародыши будущей республиканской партіи. Все, что въ провинціи способно было дать дружный откликъ этимъ новымъ стремленіямъ, старалось войти въ тѣсныя сношенія съ Бриссо и его ближайшимъ сотрудникомъ Клавьеромъ и чрезъ ихъ посредство проникало въ салонъ госпожи Кондорсэ и ея супруга. Въ числѣ этихъ новыхъ адептовъ республиканскихъ идей, которыхъ провинція и въ особенности южная

---

[1]) См. Sur l'institution d'un conseil électif, томъ XVI, стр. 239 и слѣдующія. Сравни статью Dide о Кондорсэ въ Révolution française 1882 г., стр. 247 и слѣд.

Франція поставляла столицѣ, самое видное мѣсто занимаетъ семьяРолановъ и ихъ близкій другъ Лантенасъ. Когда Роланы прибыли въ Парижъ, что случилось 20 февраля 91 г., Бриссо поспѣшилъ познакомить ихъ не только съ Кондорсэ, но и съ депутатами крайней лѣвой — Петіономъ, Робеспьеромъ, Бюзо. «Вскорѣ, говоритъ профессоръ Оларъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія о внутренней организаціи будущей жирондистской партіи, у Роланов стали собираться четыре раза въ недѣлю всѣ члены небольшого кружка, главою котораго оставался Бриссо. Такъ продолжалось почти до момента закрытія учредительнаго собранія, ибо Роланы вернулись въ Ліонъ только 15 сентября 91 года. И впослѣдствіи Бриссо оставался попрежнему связующимъ звеномъ республиканцевъ». «Въ эпоху созыва законодательнаго собранія, говоритъ самъ онъ въ своемъ докладѣ революціонному трибуналу, прибывавшіе въ Парижъ депутаты изъ Жиронды стали искать сближенія со мной, благодаря сочувствію тѣмъ взглядамъ, какихъ я придерживался по отношенію къ колоніямъ. Мы условились собираться три раза въ недѣлю передъ началомъ засѣданій». Говоря о сочувствіи его взглядамъ на колоніи, Бриссо имѣетъ въ виду проповѣдуемое имъ равноправіе расъ и вытекающую отсюда необходимость освобожденія негровъ. Съ цѣлью содѣйствовать этому освобожденію и оказать отпоръ тѣмъ, кто въ интересахъ плантаторовъ противился распространенію на негровъ «правъ человѣка и гражданина», основано было въ Парижѣ по примѣру и въ тѣсномъ общеніи съ лондонскимъ французское «Общество друзей черныхъ». Тогда какъ Барнавъ среди членовъ учредительнаго собранія являлся душею всякаго противодѣйствія равенству негровъ, Бриссо принялъ на себя роль главнаго ея заступника. Вмѣстѣ съ Клавьеромъ и Мирабо, онъ былъ въ числѣ первыхъ основателей «Общества друзей черныхъ» и предсѣдательствовалъ на открытіи его засѣданій въ февралѣ 1788 года. Общество носило, впрочемъ, довольно смѣшанный характеръ и считало наравнѣ съ немногими членами будущей республиканской партіи, въ томъ числѣ Петіона и Лавуазье, и такихъ умѣренныхъ роялистовъ, какъ Сіейсъ, Грегуаръ, Лафайетъ, Ларошфуко, Вольнэ, и такихъ болѣе близкихъ къ правой де-

путатовъ, какъ Бергасъ или будущій членъ законодательнаго собранія Пасторэ [1]).

Благодаря обширной корреспонденціи съ провинціями, друзья негровъ и ихъ руководитель Бриссо, бывшій одновременно и редакторомъ «Патріотической Газеты» и депутатомъ новаго собранія, необходимо должны были сдѣлаться центромъ и связующимъ звеномъ для прибывавшихъ въ столицу представителей южныхъ и западныхъ департаментовъ, раздѣлявшихъ, какъ общее правило, его взгляды на эмансипацію. Вскорѣ, говоритъ Дюмонъ въ своихъ воспоминаніяхъ, признано было полезнымъ устроить общіе завтраки въ пятомъ номерѣ Вандомской площади, у нѣкоей госпожи Доденъ. Здѣсь, прибавляетъ онъ, я не разъ встрѣчалъ Бриссо, Клавьера, Редерера, Гюадэ, Жансонэ, Верньо, Дюкло, Кондорсэ, Фоше и вернувшихся въ Парижъ Роланов. Будущая жиронда обѣдала также довольно часто у Клавьера и Петіона. Независимо отъ этихъ случайныхъ и менѣе дѣловыхъ собраній она имѣла постоянное средство сообщенія, сходясь по утрамъ три раза въ недѣлю у депутата Верньо передъ самымъ открытіемъ законодательныхъ сессій [2]).

Таковы были попытки внутренняго сближенія сочувствовавшаго республиканской демократіи и группировавшагося около Бриссо кружка молодыхъ депутатовъ и журналистовъ, которыхъ долгое время окрещивали даже его именемъ, называя ихъ бриссотинцами. Желаніе оттѣнить ту роль, какую въ образованіи этого кружка игралъ редакторъ «Французскаго Патріота», заставило насъ бросить взглядъ впередъ и говорить о событіяхъ, которымъ суждено было наступить только въ концѣ 91 года. Намъ необходимо поэтому вернуться снова къ началу этого года и показать, какое положеніе создавала для только что возникавшаго ядра будущихъ республиканцевъ та монархическая реакція, начало которой было положено уже закулисной дѣятельностью Мирабо и вожаками которой являлись теперь недавніе антаго-

---

[1]) См. La politique et l'éloquence de Brissot, par Aulard. Révol. française. іюль — декабрь 1889 года, стр. 28 и 29.

[2]) Organisation intérieure de la Gironde, par Aulard. Ibid., стр. 407 и 412.

нисты великаго трибуна, сблизившіеся со дворомъ члены тріумвирата—Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ.

Реакція, о которой идетъ рѣчь, сказывалась ясно и въ стремленіи ограничить свободу печати, и въ попыткахъ стѣснить дѣятельность клубовъ въ пользованіи правомъ петицій. Переписка госпожи Роланъ съ Банкаль-дез-Иссаромъ [1]) вводитъ насъ въ кругъ заботъ и опасеній, среди которыхъ протекала жизнь первыхъ провозвѣстниковъ республики. Уже 5-го апрѣля 91 года, говоря объ общемъ настроеніи, г-жа Роланъ отмѣчаетъ близость кризиса: «не мало добрыхъ гражданъ желаетъ скорѣйшаго закрытія національнаго собранія, но я вижу въ этомъ заблужденіе. Мы находимся въ такомъ состояніи внутренняго безпокойства и усталости, изъ котораго можно выйти или съ помощью новаго лихорадочнаго приступа, или впавши совершенно въ дремоту рабства. Многіе депутаты склонны, повидимому, къ созыву новаго представительства, но честолюбцы хотятъ переизбранія по крайней мѣрѣ части теперешнихъ членовъ. Большинство собранія желаетъ не столько восполнить, сколько окончить свои работы. И я не знаю, чего больше бояться: спѣшности, съ которой они хотятъ положить конецъ собранію, не рѣшивъ многаго и оставляя насъ на произволъ судьбы, или продленія ихъ дѣятельности и завершенія ими конституціи, что, пожалуй, предотвратило бы отъ новыхъ потрясеній, но только подъ условіемъ причинить ущербъ тѣмъ самымъ принципамъ, на которыхъ построена наша конституція. Образованіе народныхъ клубовъ и ихъ распространеніе было бы въ данныхъ условіяхъ крайне желательно; но для этого необходимо быть въ значительномъ числѣ и вести дѣло сообща. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ друзей въ самомъ собраніи и внѣ его сдѣлали попытку сближенія въ надеждѣ увеличить тѣмъ свои силы; но у каждаго свой гвоздь въ головѣ, каждый хочетъ, чтобы во вниманіе принимали только его желанія, пренебрегая всѣми остальными». «Когда же, наконецъ, восклицаетъ госпожа Роланъ, люди сдѣлаются достаточно-

---

[1]) Имя Банкаля впервые встрѣчается въ 1789 году, какъ автора одного изъ многочисленныхъ частныхъ проектовъ „Деклараціи правъ человѣка и гражданина“. См. Le Conventionnel Bancal des Issarts, étude biographique par Francisqune Mège, Paris, 1887, стр. 11.

мудрыми, чтобы обнаруживать терпимость и, уважая взаимно мнѣнія другъ друга, станутъ преслѣдовать осуществленіе общихъ задачъ?» [1]) Въ другомъ письмѣ отъ 14 апрѣля она говоритъ объ интригахъ и столкновеніи частныхъ интересовъ, ведущихъ на каждомъ шагу къ ослабленію или извращенію принциповъ конституціи. «Собраніе, по ея словамъ, сдѣлалось очагомъ всѣхъ комбинацій, направленныхъ къ этой цѣли. Конституція завершается въ духѣ, противномъ ея основамъ. Небольшое число добрыхъ гражданъ вовлечены въ нескончаемую и безплодную борьбу съ массой честолюбцевъ, недовольныхъ и невѣждъ» [2]). Чтобы содѣйствовать пропагандѣ своихъ идей, республиканцы не упускаютъ того удобнаго случая, какой представило имъ опроверженіе взглядовъ Бёрка извѣстнымъ англійскимъ демократомъ Пэномъ. Для Морриса это не болѣе, какъ сумасшедшій [3]). Но не такъ смотритъ на него госпожа Роланъ. Она сообщаетъ о рѣшеніи, принятомъ въ ея кружкѣ перевести книгу Пэна на французскій языкъ. Если рѣшеніе это и оставлено, то только потому, что секретарь Ларошфуко уже приступилъ къ переводу. «Бриссо и я, пишетъ она, считаемъ необходимымъ основаніе ежемѣсячныхъ журналовъ, годичныхъ обзоровъ и популярныхъ трактатовъ. Если не имѣть въ виду наживы, можно быть увѣреннымъ въ ихъ распространеніи. Бриссо довольствуется минимумомъ того, что нужно для содержанія его семьи, я же готова затратить то, что имѣю» [4]). 5 мая единомышленникъ госпожи Роланъ, Лантенасъ, говоритъ уже объ образованіи кружка «республиканцевъ», весьма малочисленнаго и не имѣющаго пока большого вліянія. «Но этому кружку, прибавляетъ онъ, уже удается по временамъ создавать плотину противъ воззрѣній, руководящихъ большинствомъ собранія. Тѣ, кто слышалъ объ этомъ кружкѣ, благодаря нескромности нѣкоторыхъ его членовъ, приписываютъ ему грозную численность, какой онъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Говорятъ о могущественной конфедераціи, органи-

---

[1]) Lettres autographes de Madame Roland (письмо отъ 5 апр. 91 года), стр. 190, 191, 195, 197.

[2]) Ibid., стр. 202 (письмо 14 апр.).

[3]) См. его дневникъ отъ 16 апр. 91 года (томъ I, стр. 403).

[4]) Ibid., стр. 208.

зованной для установленія республики. Приписываютъ ей распространеніе на всѣ части королевства и ставятъ отъ нея въ зависимость звенья, не имѣющія съ нею ничего общаго. Если бы въ общественномъ настроеніи мы имѣли и здѣсь ту поддержку, какая въ Англіи позволяетъ съ такой легкостью находить средства для осуществленія всего великаго и полезнаго, мы бы могли, надѣюсь, оправдать опасенія тѣхъ, кто насъ боится, но у насъ нѣтъ ни одного су для покрытія издержекъ печати. Лафайетъ убаюкивалъ долгое время Бриссо своими обѣщаніями; но мы убѣдились теперь, что онъ этимъ только старался провести его, подобно тому, какъ Мирабо дѣлалъ нѣкогда по отношенію къ Демулену, «нейтрализуя» тѣмъ самымъ его перо. Лантенасъ высказываетъ опасеніе, что недостатки конституціи неизбѣжно поведутъ къ укрѣпленію власти исполнительной, которая въ искусныхъ рукахъ легко достигнетъ всего, что ей нужно». Въ припискѣ къ этому письму госпожа Роланъ толкуетъ это мѣсто, говоря: у меня не хватитъ смѣлости написать вамъ, насколько собраніе пало въ моемъ мнѣніи; я не хожу болѣе на его засѣданія и внутренно убѣждена въ томъ, что оно можетъ издавать впредь только дурные декреты [1]). Конечно, я не допускаю мысли о контръ-революціи; она невозможна, благодаря всеобщему патріотизму, благодаря твердой рѣшимости горожанъ и сельскаго люда сохранить тѣ преимущества, какими они начали пользоваться; но я вѣрю въ силу и возможность произвольнаго захвата власти, я увѣрена въ негодности современной организаціи министерства, въ существованіи дурныхъ декретовъ и такихъ несовершенствъ конституціи, которыя мѣшаютъ пользованію свободой, задерживаютъ успѣхи образованія, упрочиваютъ аристократію богатства, противятся возрожденію національнаго характера и нравовъ; однимъ словомъ, готовятъ намъ новыя цѣпи, которыхъ народъ не видитъ, но которыя будутъ наложены на него прежде, чѣмъ онъ ихъ замѣтитъ. Конституціонный комитетъ, прибавляетъ госпожа Роланъ, осмѣлился представить декретъ касательно права петицій. Этимъ декретомъ всѣ пассивные граждане [2]) лишались свободы пред-

---

1) Ibid., отъ 5 мая 91 года, стр. 217—229.

2) Подъ этимъ именемъ извѣстны были всѣ тѣ, чей налоговой платежъ

ставлять ихъ, и то же запрещеніе распространено было на клубы и административныя собранія; кромѣ того, требовалось, чтобы каждый ставилъ свое имя на петиціи. Имѣлась еще въ декретѣ какая-то нелѣпость о правѣ афишъ. Безстыдный Шателье внесъ это предложеніе, и ему аплодировали со всѣхъ сторонъ. Всего два, три голоса раздалось противъ, и Робеспьеру едва удалось добиться, чтобы обсужденіе было отложено. Не проходитъ однако двухъ недѣль, и госпожа Роланъ уже отмѣчаетъ въ своей перепискѣ новые успѣхи демократіи. Требованіе Казалеса надѣлить короля правомъ распущенія собранія встрѣтило рѣшительную оппозицію [1]. На слѣдующій день почти безъ дебатовъ прошло предложеніе Робеспьера закрыть доступъ въ министерство всѣмъ членамъ собранія въ теченіе четырехъ лѣтъ, слѣдующихъ за его распущеніемъ [2]. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ мѣрамъ присоединилось предложеніе того же Робеспьера не допустить къ выборамъ въ ближайшее собраніе членовъ настоящаго (засѣданіе 18 мая 91 года) [3]. Считая всѣ эти рѣшенія существеннымъ пріобрѣтеніемъ для свободы, госпожа Роланъ пишетъ, что національное собраніе точно помолодѣло. Законодатели впредь не будутъ ни созываемы, ни распускаемы королемъ, а наличные депутаты устранены отъ выборовъ. «Вотъ это, пишетъ она, превосходно» (voilà d'excellentes choses). Госпожа Роланъ торжествуетъ побѣду 20 іюня, два дня спустя послѣ засѣданія, въ которомъ Робеспьеру удалось провести свое требованіе; но въ томъ же письмѣ ей приходится отмѣтить и первыя попытки протеста, первые тайные ходы, какими нѣкоторые депутаты намѣревались воспротивиться осуществленію этой мѣры, вызвать ея отмѣну въ ближайшемъ будущемъ.

И дѣйствительно, въ собраніи возникаютъ новыя комбинаціи партій съ цѣлью такъ или иначе измѣнить рѣшеніе, обрекшее на политическое ничтожество тѣхъ, кто еще недавно льстилъ себя надеждой сдѣлаться вожаками революціи. Американецъ Мор-

---

не достигалъ минимума трехдневной заработной платы и кто по этой причинѣ устраненъ былъ отъ выборовъ.

[1]) Histoire de Robespierre par Hamel, стр. 406 тома I.

[2]) Ibid., стр. 407 и 408.

[3]) Ibid., стр. 440—450.

рисъ еще въ концѣ апрѣля, почти за мѣсяцъ до рѣшенія, сообщаетъ о переговорахъ, какіе съ клубомъ 89 года завязали нѣкоторыя изъ главъ якобинцевъ (разумѣются члены тріумвирата). Онъ говоритъ, что содержаніемъ этихъ переговоровъ служитъ принятіе общихъ мѣръ къ тому, чтобы доступъ въ будущее собраніе былъ оставленъ открытымъ для членовъ настоящаго [1]). Неудивительно поэтому, если теперь, послѣ пораженія, тѣ же тріумвиры искали путей къ обходу недавно изданнаго декрета. Англійскій посолъ Гауеръ одинъ изъ первыхъ отмѣчаетъ этотъ фактъ въ своей депешѣ отъ 20 мая [2]). Въ виду этихъ новыхъ вѣяній Малуэ думалъ, что наступило время для открытія переговоровъ съ нѣкоторыми вожаками собранія, не питавшими вражды къ королю и его семейству. Въ то время, какъ Марія-Антуанета имѣла тайныя бесѣды съ Ламетами и Барнавомъ [3]) и до свѣдѣнія эмигрантовъ доходили преувеличенныя извѣстія о «позорномъ и гнусномъ планѣ дѣйствій, установленномъ ими сообща» [4]), Малуэ пытался установить при участіи аббата Рейналя соглашеніе между королемъ и Лафайетомъ. Имѣлось въ виду издать манифестъ отъ имени Людовика XVI ко всѣмъ собственникамъ, собрать войска на разстояніи двадцати льё отъ Парижа, вывести короля изъ столицы и обнародовать въ формѣ деклараціи готовую конституцію, «во всемъ согласную съ данными избирателями наказами». Но король рѣшительно отказался войти во всѣ эти комбинаціи [5]). Дворъ въ это время преслѣдовалъ несравненно болѣе смѣлыя цѣли. При посредствѣ графа Мерси Аржанто, къ императору Леопольду сдѣлано было обращеніе съ просьбой о военной поддержкѣ, и слухи о близкомъ вмѣшательствѣ иностранныхъ правительствъ во внутреннія дѣла Франціи, издавна распускаемые эмигрантами, получили на этотъ разъ такую опредѣленность, что во всей странѣ, по словамъ шведскаго ди-

---

[1]) Т. I, стр. 407.

[2]) Депеши, стр. 88.

[3]) Correspondance secrète inédite (par de Lescure, т. II, стр. 529 и 353). Письма отъ 28 марта и 18 іюня 1791.

[4]) Письмо Водреля къ графу Артуа отъ 19 іюня 1791 г. (Correspondance intime, т. 1, стр. 397).

[5]) Мемуары Малуэ, стр. 141.

пломата, стала упрочиваться боязнь близкаго нашествія [1]). Моррисъ дополняетъ это свидѣтельство, передавая содержаніе тѣхъ бесѣдъ, какія въ это время происходили въ нѣкоторыхъ парижскихъ салонахъ. Еще въ апрѣлѣ одинъ изъ членовъ аристократіи, Надальякъ, представлялъ собою, по выраженію американскаго путешественника, изумительный образецъ аристократическаго безумія, высказывая готовность допустить территоріальный раздѣлъ Франціи лишь бы добиться возстановленія въ ней стараго порядка [2]). Въ концѣ мая одинъ изъ ближайшихъ виновниковъ той реакціи, которая повела къ революціи 14 іюля 1789 года, баронъ Бозенваль, въ порывѣ «ревниваго служенія деспотизму», пишетъ тотъ же Моррисъ, говорилъ ему о готовности всѣхъ монарховъ Европы соединиться съ цѣлью достигнуть той же реставраціи. «Эта мысль, пишетъ Моррисъ, при всей ея нелѣпости, находитъ тысячи и тысячи людей, готовыхъ принять ее на вѣру» [3]). Тщетно министръ иностранныхъ дѣлъ, Монморенъ, старался положить конецъ всѣмъ этимъ опаснымъ въ его глазахъ росказнямъ, говоря Казалесу: «графъ Артуа и тѣ, кто окружаютъ его, настоящіе безумцы. Я знаю положительно и изъ вѣрнаго источника, что державы ничего не сдѣлаютъ для него [4])» Вся эта безплодная и зловредная агитація падала всѣмъ своимъ бременемъ на королевскую семью и отражалась въ частности на судьбѣ Маріи-Антуанеты. Ее дѣлали отвѣтственной за яко бы грозившее нашествіе, и рядъ оскорбительныхъ для ея чести брошюръ наводнялъ, по словамъ Сталя, Парижъ и провинціи, «являясь, какъ и всегда, предвѣстникомъ новыхъ волненій» [5]).

Но изъ кого должны были вербоваться солдаты той арміи, которой предстояло пойти штурмомъ на королевскую власть? Мы видѣли, къ чему сводился генеральный штабъ будущей рес-

---

[1]) См. депешу барона Сталя Гольштейна отъ 9 іюня, № 210, стр. 206.

[2]) Morris, т. I, стр. 398.

[3]) Ibid., стр. 423.

[4]) Письмо Водреля отъ 14 іюня 1791 года (Correspondance intime, т. I, стр. 390.

[5]) Депеша отъ 30 мая 1791 г., стр. 206.

публиканской партіи. Надъ кѣмъ, спрашивается теперь, предстояло ему принять начальство? Отвѣтъ на это даютъ намъ нѣкоторыя современныя свидѣтельства: Гауеръ, пишущій въ депешѣ отъ 29 апрѣля, что рабочіе всякаго рода обнаруживаютъ опасную настойчивость въ требованіи увеличеннаго размѣра заработной платы [1]); госпожа Роланъ, сообщающая приблизительно то же въ письмѣ къ Банкаль-дез-Иссару отъ 27 апрѣля и справедливо приписывающая этотъ фактъ обезцѣненію денежныхъ бумагъ [2]); наконецъ, миссъ Миллесъ, которая въ перепискѣ съ отцомъ сообщаетъ слѣдующія характерныя подробности: «Прошлую среду (другими словами—5 мая), отправляясь въ монастырь, мы встрѣтили около пяти тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ половина были пьяны. Эта толпа произносила самыя страшныя ругательства противъ аристократовъ и прославляла Мирабо, говоря, что, благодаря ему, они платятъ теперь за бутылку всего восемь су, тогда какъ прежде платили двѣнадцать. Это даетъ имъ, прибавляетъ она, возможность напиваться ежедневно и прекратить всякую работу. Неудивительно, если послѣдствіемъ этого будетъ какое-нибудь серьезное бѣдствіе» [3]).

---

[1]) Гауеръ. Депеши, стр. 84.

[2]) Lettres autographes de m-me Roland, стр. 215.

[3]) «Откажите просящему,—пишетъ та же miss Milles,—въ денежной помощи и онъ назоветъ васъ аристократомъ. Такъ и случилось со мною недавно. Я сидѣла на скамьѣ въ чащѣ деревьевъ, когда подошла ко мнѣ какая-то попрошайка. Ихъ столько на Елисейскихъ поляхъ, что надѣлить всѣхъ нѣтъ возможности. Но достаточно дать одной, чтобы не избѣжать преслѣдованій другихъ. Я любезно сказала ей: «У меня нѣтъ ничего, моя милая, я дамъ вамъ въ другой разъ». Она отвѣтила: «Какъ смѣете вы утверждать, что у васъ нѣтъ ничего; я вижу изъ этого, что вы аристократка, а аристократы — причина всѣхъ нашихъ бѣдствій. Выйди-ка изъ сада, если у тебя хватитъ смѣлости, и я оторву тебѣ носъ, но еще бы охотнѣе свернула тебѣ шею, если бы могла дѣйствовать, какъ хочу...» Партія въ 800 рабочихъ отправилась на дняхъ, пишетъ та же миссъ Миллесъ, въ городскую ратушу, требуя ежедневной прибавки десяти су; тѣхъ тридцати, какіе они получаютъ за ничего-недѣланіе, имъ кажется недостаточно. Не знаю,—такъ заканчиваетъ она свое повѣствованіе,—удовлетворена ли была эта претензія, но полагаю, что—да, такъ какъ отказать было бы неблагоразумно; вѣдь рабочіе теперь приняли въ свои руки начальство [См. The Correspondence of William Augustus Milles (1789—1817), т. I, стр. 291 и 292].

Таковы были тѣ новыя соціальныя силы, которыхъ національное собраніе не только не сумѣло привлечь на свою сторону мѣропріятіями, подобными тѣмъ, какія одновременно были приняты имъ въ интересахъ крестьянскаго люда, но, наоборотъ, всячески возстановило противъ себя избирательными ограниченіями, отнесеніемъ ихъ въ громадномъ большинствѣ къ числу тѣхъ пассивныхъ гражданъ, которые, въ глазахъ даже Демулена, должны были представить «подобіе обдѣленной всякими политическими правами послѣдней изъ римскихъ центурій» [1]). Продолжая дѣло огражденія вновь создаваемаго имъ соціальнаго и политическаго строя отъ всякихъ попытокъ низверженія снизу, національное собраніе постепенно устранило этихъ пассивныхъ гражданъ и отъ фактическаго осуществленія тѣхъ функцій народнаго самодержавія, которыя, по собственному его заявленію, должны были сосредоточиться въ рукахъ всей совокупности лицъ, образующихъ изъ себя націю, и отъ участія въ рядахъ гвардіи, призванной къ защитѣ созданнаго революціей порядка. Единственнымъ мирнымъ путемъ къ проведенію своихъ желаній, единственнымъ легальнымъ средствомъ воздѣйствія на ходъ администраціи и законодательства являлось поэтому для пассивныхъ гражданъ то право петицій, которое конституціонный комитетъ національнаго собранія, какъ мы видѣли выше, предлагалъ отнять у нихъ въ интересахъ болѣе строгаго огражденія консервативныхъ основъ общества. Въ томъ состояніи полной внутренней дезорганизаціи, какую необходимо должна была вызвать въ средѣ рабочихъ отмѣна всякаго подобія корпоративной жизни, тѣхъ цеховыхъ союзовъ и тѣхъ товариществъ (compagnonages), въ которыхъ долгое время воспитывалось и зрѣло ихъ чувство солидарности, трудящійся людъ не представлялъ другой опасности для правящихъ классовъ, кромѣ той, какой грозитъ всякая сколько-нибудь численная масса, поставленная въ невозможность оградить себя отъ нужды, удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ существованія. Таково именно и было положеніе французскихъ и въ частности парижскихъ рабочихъ въ 91 году. Эмиграція зажиточныхъ классовъ, умень-

[1]) „La France libre“.

шеніе на одну треть обычнаго населенія Парижа [1]) въ связи съ быстрымъ ростомъ цѣнъ на продукты первой необходимости, вызваннымъ частью дѣйствительною нуждою, частью операціями скупщиковъ, всего же болѣе обезцѣненіемъ ассигнацій и исчезновеніемъ звонкой монеты, имѣли своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ забастовку многихъ производствъ, прекращеніе заработковъ. Эти факты отразились тѣмъ гибельнѣе на матеріальномъ положеніи французскаго рабочаго, что въ самомъ началѣ революціи оно было значительно поколеблено, благодаря тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, какія для французской промышленности имѣло заключеніе торговаго договора съ Англіей въ 1786 г. и конкурренція англійскихъ мануфактуръ [2]). Благодаря этому, многія производства частью были пріостановлены, частью сокращены въ размѣрахъ. Всего сильнѣе чувствовалась нужда, вызванная недостаткомъ заработка, въ большихъ промышленныхъ центрахъ въ родѣ Парижа и Ліона, Страсбурга, Марселя и другихъ. Но въ одной только столицѣ были приняты мѣры къ устройству чего-то подобнаго въ принципѣ національнымъ мастерскимъ 1848 года, и муниципалитетъ Парижа уже въ 89 г. оплачивалъ услуги семнадцати тысячъ человѣкъ, занятыхъ между прочимъ земляными работами на Монмартрскомъ холмѣ [3]). Искусственныя мѣры, принятыя къ поддержанію срав-

---

[1]) Венеціанецъ Антоніо Капелло сообщаетъ въ изданныхъ мною депешахъ, что въ теченіе 1790 г. болѣе 200,000 паспортовъ было взято въ одномъ Парижѣ. Многіе считали нужнымъ запастись ими только въ видахъ переселенія въ деревню на лѣтнія вакаціи, но большинство имѣло въ виду оставить предѣлы государства. Въ недавнихъ попыткахъ опредѣлить численность парижскаго населенія наканунѣ революціи, цифра 600,000 человѣкъ обыкновенно приводится, какъ наиболѣе вѣроятная. Прямыхъ и полныхъ данныхъ мы не имѣемъ и принуждены поэтому довольствоваться только косвенными указаніями и приблизительными выкладками (См. Babeau. Paris en 1789).

[2]) См. по этому вопросу недавнее сочиненіе Оскара Браунинга. The commercial treaty of 1786 with England and other essayes (1891 годъ).

[3]) Объ этихъ работахъ не разъ упоминаетъ венеціанскій резидентъ Капелло. Число рабочихъ, нашедшихъ себѣ заработокъ въ національныхъ мастерскихъ въ 1789 году, не превысило 18,000 человѣкъ; они получали одинъ ливръ или, что то же, двадцать су въ день. См. Adolphe Schmidt. Paris pendant la révolution, переводъ Віолэ, стр. 120.

нительно низкаго уровня хлѣбныхъ цѣнъ на парижскомъ рынкѣ, привлекли въ Парижъ не мало рабочихъ изъ департаментовъ. Благодаря наплыву этихъ иногородныхъ товарищей, число рабочихъ въ публичныхъ мастерскихъ Монмартра постепенно возрасло, такъ что весною 91 года ихъ насчитывали 31 тысячу. Плата имъ была увеличена, и ежедневно затрата, дѣлаемая государствомъ на этихъ рабочихъ, достигала цифры 60,000 ливровъ. Такъ какъ одновременно доходы государства и столицы значительно уменьшились, благодаря отмѣнѣ «octroi» или городскихъ пошлинъ, вошедшей въ силу 1 мая 91 года, и прекращенію во многихъ мѣстностяхъ всякаго платежа налоговъ, отразившемуся на сокращеніи ежегодной суммы податныхъ поступленій на цѣлыхъ 70 милліоновъ ливровъ, то неудивительно, если столица, не имѣя возможности разсчитывать долѣе на помощь государства, принуждена была отказаться отъ дальнѣйшаго поддержанія національныхъ мастерскихъ, стоившихъ ей ежегодно 15 милліоновъ ливровъ [1]) казенной субсидіи. Весною 1791 года національное собраніе приняло рядъ мѣръ, послѣдствіемъ которыхъ было прекращеніе оплачиваемыхъ столицей работъ къ первому іюня 91 года. Одновременно запрещались всякаго рода союзы между рабочими и иногородніе отсылаемы были въ ихъ мѣста жительства [2]). Эти мѣры, очевидно, должны были вызвать тѣ попытки коллективныхъ петицій, о которыхъ говорено было нами выше. Желаніе же оградить себя отъ ихъ повторенія обусловило составленіе конституціоннымъ комитетомъ особаго законопроекта, запрещавшаго подачу такихъ ходатайствъ всѣмъ и каждому, кто не принадлежалъ къ числу активныхъ гражданъ. Условія складывались такимъ образомъ, что рабочее сословіе не могло не видѣть въ національномъ собраніи противника своимъ интересамъ. Этимъ обстоятельствомъ предстояло воспользоваться тѣмъ, кто, выступая съ новой программой политическаго устрой-

---

[1]) См. Sybel. Histoire de l'Europe pendant la révolution française томъ I французскаго изданія. стр. 96 и 237; Шмитъ, томъ II, стр. 124.

[2]) Смотри Sybel, т. I, стр. 237 и слѣд. Schmidt, томъ II, стр. 125, а также статью „La question ouvrière dans la Révolution" въ издаваемомъ Оларомъ журналѣ.

ства Франціи и образуя изъ себя пока лишь малочисленный кружокъ, нуждался въ послушныхъ орудіяхъ для проведенія своихъ цѣлей. На первый взглядъ не можетъ не поразить тотъ фактъ, что партія, не включившая въ свою программу никакихъ соціальныхъ реформъ, высказывавшаяся даже открыто противъ демократическихъ основъ республики, обѣщавшая, самое большое, расширеніе права голосованія, петицій и печати, стала наконецъ прямо разсчитывать на дѣятельную помощь и поддержку со стороны рабочаго люда и серьезно задаваться мыслью объ организаціи въ немъ правильной пропаганды своихъ взглядовъ, агитировать въ пользу устройства чисто народныхъ клубовъ и установленія между ними постоянной корреспонденціи, допускающей возможность объединенной дѣятельности и солидарнаго выполненія общаго всѣмъ плана. Какъ ни страненъ подобный фактъ, какъ ни изумительно, что жирондисты серьезно думали создать изъ рабочихъ сторонниковъ своей системы какой-то возрожденной не то аѳинской, не то римской республики, но ихъ мемуары и частная корреспонденція не позволяютъ сомнѣваться ни въ существованіи подобныхъ иллюзій, ни въ изумленіи, испытанномъ ими при видѣ, что народные клубы, обязанные имъ своимъ существованіемъ, и созданная ими организація революціонной пропаганды, переходятъ въ чужія руки, и въ лицѣ Дантона, Робеспьера и другихъ главъ террористическаго движенія обращаются непосредственно противъ нихъ. Но если мысль сдѣлать четвертое сословіе какимъ-то самоотверженнымъ поборникомъ буржуазной по характеру республики доказываетъ въ жирондистахъ недостатокъ умственной зрѣлости, отсутствіе здраваго политическаго смысла и сознанія той истины, что движеніями классовъ управляютъ сколько-нибудь продолжительно не отвлеченные идеалы, а экономическіе и политическіе интересы, то, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что они первые поняли то значеніе, какое можетъ имѣть для революціи подъемъ рабочаго класса. Корреспонденція госпожи Роланъ съ этой точки зрѣнія кажется мнѣ и недостаточно изученной, и въ высшей степени интересной. О чемъ идетъ рѣчь въ ея перепискѣ съ Банкаль-дез-Иссаромъ, въ ея сношеніяхъ съ соціальнымъ клубомъ, устроеннымъ Клодомъ Фошэ? — Къ

чему сводится агитаціонная дѣятельность ея друга Лантенаса одинаково въ провинціяхъ и въ столицѣ, и какую цѣль ставитъ себѣ самъ Банкаль-дез-Иссаръ въ бытность свою въ Лондонѣ, какъ не устройство какой-то національной и даже международной ассоціаціи всѣхъ свободомыслящихъ людей, фундаментъ которой положили бы рабочіе клубы, а верхушку составили какіе-то независимые и нелицепріятные философы, свободные отъ страстей и преданные одной правдѣ [1])? «Я думаю, пишетъ госпожа Роланъ, что только при содѣйствіи такихъ общихъ ассоціацій можно запугать и въ концѣ-концовъ низвергнуть деспотизмъ. Надо напасть на него со всѣхъ сторонъ, чтобы вырвать его съ корнемъ. Тщетно думали бы мы усовершенствовать нашу свободу, не вызвавши подобнаго же культа къ ней у сосѣдей. Лантенасъ думаетъ, что квакеры должны быть посвящены Банкалемъ во всѣ подробности того, что дѣлаютъ ихъ друзья или надѣются сдѣлать для блага человѣческаго рода, «такъ какъ никто не стремился съ бо́льшимъ постоянствомъ къ этому благу, какъ квакеры». Онъ менѣе рѣшительно высказывается по вопросу о пользѣ конгресса философовъ, но только потому, что въ его глазахъ федерація между ними и безъ того существуетъ. Собраніе же ихъ можетъ только открыть глаза деспотамъ на грозящую опасность, что далеко можетъ быть не въ интересахъ патріотовъ (письмо отъ 14 апр.). Эта ассоціація сторонниковъ свободы, о которой мечталъ кружокъ Бриссо и Ролановъ, тѣмъ отличалась существенно отъ однохарактерныхъ сообществъ текущаго столѣтія, что ея задачей было не служеніе какимъ-нибудь опредѣленнымъ практическимъ цѣлямъ, хотя бы, напримѣръ, тѣмъ, какими задавалось международное общество рабочихъ, а распространеніе между людьми какой-то вѣры въ незыблемость тѣхъ метафизическихъ основъ всякаго политическаго сообщества, выраженіе которымъ дано было впервые декларацiей правъ человѣка и гражданина. Интерпретаціей этихъ правъ въ ихъ абсолютномъ, не допускающемъ компромиссовъ смыслѣ, съ самаго начала революціи за-

---

[1]) Смотри письма Лантенаса къ Банкалю и госпожѣ Роланъ отъ 14 апр. 91 года, 21 апрѣля, 5 мая и 12 мая. Correspondance de madame Roland, стр. 200—221.

нимался Бриссо. Пребываніе въ Англіи въ роли какого-то директора пансіона, путешествіе по Америкѣ, внезапно прерванное извѣстіемъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ [1]) и о первыхъ актахъ революціи, подготовили Бриссо къ правильной оцѣнкѣ тѣхъ принциповъ современной гражданственности, какіе Локкъ впервые выразилъ въ доступной всѣмъ формѣ въ трактатѣ «О гражданскомъ правительствѣ», которые американцы почерпнули изъ общаго съ нимъ источника — англійской памфлетной литературы середины XVII столѣтія, и первые плоды которыхъ можно было наблюдать подъ сѣнію республиканскихъ учрежденій Массачусетса, Нью-Іорка и Пенсильваніи. Составленныя Бриссо записки объ Америкѣ [2]) въ высшей степени интересны не только потому, что содержатъ въ себѣ передачу этихъ взглядовъ, но и по возможности открыть въ нихъ зародышъ тѣхъ самыхъ идей, изъ которыхъ сложится въ будущемъ политическая программа жирондистовъ. Этотъ источникъ указываетъ намъ тотъ путь, какимъ республиканскія воззрѣнія, развившіяся на почвѣ новаго свѣта, пошли навстрѣчу болѣе отвлеченнымъ идеаламъ классическаго государства, заимствованнымъ у писателей древности и ихъ недавнихъ толкователей въ родѣ Мабли и проявившимся съ такою силою и непосредственностью въ мемуарахъ г-жи Роланъ. Америка временъ Франклина и Римъ эпохи Гракховъ—таковы тѣ два крайніе полюса, изъ которыхъ распространились лучи того новаго политическаго ученія, которое, какъ въ одномъ фокусѣ, должно было отразить въ себѣ и плохо понятыя начала новой демократической и федеративной гражданственности, и еще хуже сознаваемыя основы

---

[1]) См. между прочимъ Histoire des Girondins par A. Granier de Cassagnac Paris, 1862, т. I (стр. 133 и слѣд.).

[2]) Онѣ появились подъ заглавіемъ: Nouveau voyage dans les Ètats-Unis de l'Amerique septentrionale fait en 1788 par J. P. Brissot. Paris, 1792. 3 vol. in 8⁰. Еще раньше своей поѣздки Бриссо участвовалъ вмѣстѣ съ Клавьеромъ въ изданіи работы, посвященной отношеніямъ Франціи къ Соединеннымъ Штатамъ. Она была напечатана въ 1787 г. Мы заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ примѣчаній Dauban къ біографическому очерку Бриссо, составленному Петіономъ. См. Mémoires inédits de Pétion и т. д., изданные Dauban въ 1860 г.

опирающейся на рабство и политически централизованной древней республики [1]). Если до настоящаго времени могутъ идти споры о томъ, были ли жирондисты сторонниками федеративнаго устройства, или, наоборотъ, политическими централистами; заслуживаютъ ли они то обвиненіе въ сепаратизмѣ, какое брошено было противъ нихъ Робеспьеромъ, или единство республиканской Франціи имъ было не менѣе дорого, чѣмъ партіи Горы; можно ли считать ихъ сторонниками демократіи, или, наоборотъ, приверженцами смѣшанной формы правленія, отличной отъ конституціонной монархіи только отсутствіемъ наслѣдственнаго главы,—то причина тому лежитъ, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, въ значительной степени въ этой странной амальгамѣ старыхъ и новыхъ идей, поэтизированной древности и поверхностно понятой новѣйшей гражданственности, которая составила основу ихъ политическаго кредо. Въ выс-

---

[1]) «Весьма немногіе, — говоритъ Бюзо, разсказывая о зарожденіи партіи жирондистовъ,—обладали душою настолько благородной и возвышенной, чтобы признать себя достойными жить въ республикѣ. Примѣръ Америки далъ имъ смѣлость сдѣлать попытку насажденія ея во Франціи; они искренно надѣялись натурализовать ее въ странѣ пустомыслія и непостоянства» (le pays des frivolités et de l'inconstance). Бюзо строго отличаетъ ихъ отъ якобинцевъ, о которыхъ говоритъ, какъ о шайкѣ мерзавцевъ, безъ ума, безъ знаній и средствъ, которые извергали ругательства противъ монархіи съ тѣмъ, чтобы шесть мѣсяцевъ спустя направить ихъ противъ республики (Рукопись Бюзо написана послѣ 7-го октября 93 г.). О вліяніи, какое писатели древности и недавніе истолкователи ихъ политическихъ идей во Франціи оказали на развитіе принциповъ жирондизма, всего легче судить по сочиненіямъ г-жи Роланъ и Бюзо. Такіе сами по себѣ ничтожные отрывки, какъ, наприм., разсужденія г-жи Роланъ о свободѣ, о роскоши, о Сократѣ и т. д., интересны, какъ доказательства обширныхъ чтеній, направленныхъ, главнымъ образомъ, на ознакомленіе съ моралистами и политиками древности (См. Oeuvres de M-me Roland, т. III, стр 169, 181). То же вліяніе писателей древности замѣтно и въ ея перепискѣ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма къ Банкалъ дез-Иссаръ отъ 5 января 90 года. Онъ какъ нельзя лучше знакомитъ насъ съ тѣмъ классическимъ направленіемъ, какимъ отличалось воспитаніе г-жи Роланъ. «Я не могу безъ умиленія вспомнить тѣхъ минутъ моей молодости,—пишетъ она,—когда сердце мое среди одиночества воспитывалось на изученіи древней исторіи. Слезы отчаянія вырывались изъ моихъ глазъ при мысли, что

шей степени поучительно въ этомъ отношеніи чтеніе крайне искренняго и потому необыкновенно привлекательнаго «Обращенія Бюзо ко всѣмъ друзьямъ истины». Сколько противорѣчій и несообразностей въ этомъ не то оправдательномъ, не то покаянномъ словѣ, сколько прекрасныхъ чувствъ и неясно сознанныхъ мыслей содержитъ въ себѣ эта исповѣдь добрыхъ намѣреній и неудачныхъ исполненій. Возможно ли отнестись иначе, какъ съ сочувствіемъ, къ скромной оцѣнкѣ собственной дѣятельности, въ которой авторъ справедливо видитъ «нѣсколько добрыхъ дѣлъ и рядъ невольныхъ ошибокъ и еще чаще слабостей, которыя остаются дороги даже тогда, когда самъ себя въ нихъ упрекаешь». Но какъ также не признать простое общее мѣсто въ заявленіи, что партія стремилась къ порядку, справедливости, свободѣ, свободѣ равной для всѣхъ, мудро организованной для счастья всѣхъ и столь же далекой отъ произвола, какъ добродѣтель отъ преступленія (Мемуары Бюзо, стр. 4 и 5)? Охотно вѣришь на слово автору, когда онъ говоритъ, что въ ихъ партіи не было ни одного человѣка нечестнаго; но это не мѣшаетъ недоумѣнію, какъ, сознавая, что французскій народъ не годится для республики, что классъ просвѣщенный (classe éclairée), въ которомъ, повидимому, всего легче найти было откликъ этому стремленію къ разумно уравновѣшенной свободѣ, открыто высказывался противъ республики, Бюзо и его единомышленники заодно съ демагогами стремились подъ именемъ народовластія сосредоточить всецѣло въ рукахъ представительства функціи самодержавія, воз-

я не рождена спартанкой и римлянкой» (Lettres et Autographes de madame Roland. Paris. 1835, стр. 8). Не безынтересно сопоставить съ этимъ заявленіемъ слѣдующій отрывокъ изъ мемуаровъ Бюзо: «Имѣя голову и сердце преисполненными примѣрами греческой и римской исторіи, примѣрами тѣхъ великихъ людей, которые въ республикахъ древности были украшеніемъ и честью человѣческаго рода, я съ ранней молодости проповѣдовалъ ихъ принципы... Съ какимъ очарованіемъ вспоминаю я счастливую эпоху моей жизни, когда я бродилъ молчаливо по горамъ и лѣсамъ, окружающимъ мой родной городъ, читая съ наслажденіемъ творенія Плутарха или Руссо и возстановляя въ памяти драгоцѣнныя черты ихъ морали и философіи (См. Aux amis de la vérité; Dauban. Mémoires de Buzot, стр. 39).

становляя такимъ образомъ въ пользу нѣсколькихъ сотенъ депутатовъ ту самую систему единовластія, съ которой боролись дѣятели 89 года. Открыто проповѣдуемая легальность также, повидимому, мало вяжется и съ низложеніемъ короля, санкціонировавшимъ собою народный мятежъ, и съ рѣшеніемъ предать его суду. И все это для того, чтобы воскликнуть затѣмъ: «Великій Боже! если при содѣйствіи такихъ людей (какъ санкюлоты) и съ такими гнусными средствами (infâmes) установляются и упрочиваются республиканскія государства, нѣтъ на землѣ болѣе ужаснаго правительства, ни болѣе опаснаго для счастья человѣческаго рода» (стр. 42 Мемуаровъ Бюзо). Въ числѣ обвиненій, взводимыхъ на жирондистовъ партіей Горы, наибольшее довѣріе вызывало обвиненіе въ федерализмѣ. Такое обвиненіе могло бы служить для нихъ титуломъ безсмертія, если бы сами они не позаботились его разрушить. И въ этомъ отношеніи Бюзо, благодаря своей искренности, всего болѣе раскрываетъ противорѣчія своей партіи. «Федерализмъ, — пишетъ онъ, повторяя мысль Руссо, — даетъ возможность примирить въ государствахъ съ обширною территоріею преимущества хорошо организованной свободы съ тѣми, какія даетъ соединеніе всѣхъ противъ внѣшняго врага. Это тотъ порядокъ республиканскаго устройства, который всего болѣе отвѣчаетъ народу многочисленному». Но самъ Бюзо спѣшитъ разсѣять тѣ ожиданія, какія невольно вызываетъ подобная «profession de foi». Нѣтъ, депутаты Жиронды не были федералистами, иначе ихъ важнѣйшій законодательный памятникъ—проектъ конституціи, написанный Кондорсэ, нашелъ бы какой-нибудь отпечатокъ такого стремленія къ мѣстной автономіи. Но это проектъ централистическій; федерализмъ въ такой же мѣрѣ отсутствуетъ въ немъ, какъ и въ той рѣчи, какую Кондорсэ (см. стр. 55), этотъ теоретикъ началъ жирондизма, посвятилъ изложенію основныхъ принциповъ конституціи. Но если такъ, то въ чемъ же лежитъ особенность жирондистской программы? Въ стремленіи къ «добродѣтельной и уравновѣшенной свободѣ». Но это не болѣе, какъ нравственная сентенція, если не считать ея выраженіемъ неясно сознаннаго стремленія—сохранить конституцію 91 года, замѣнивъ только

ея наслѣдственнаго главу временнымъ президентомъ. Но и отъ этого обвиненія всячески пытается оправдать свою партію Бюзо (см. стр. 30 и 31).

Общее впечатлѣніе, какое выносишь изъ чтенія этой горячей и искренней защиты задачъ и намѣреній партіи—это признаніе ея полной безпочвенности. Имѣя выборъ между двумя союзниками—просвѣщеннымъ классомъ общества и народными массами, жирондисты сумѣли оттолкнуть отъ себя и тѣхъ, и другихъ. Они провозгласили республику, сознавая, по собственному ихъ утвержденію, что среднее сословіе хочетъ монархіи и конституціи 91 года; въ то же время окрестили народныя массы стоявшія на сторонѣ этой республики, прозвищемъ «canaille», соболѣзнуя вмѣстѣ съ тѣмъ о необходимости примѣнить это слово къ обозначенію «живыхъ существъ, которыя все же остаются людьми» (ce mot me fait peine à prononcer, car cette canaille c'est toujours un essaim d'hommes, стр. 34). Эта раздвоенность, это одновременное стремленіе и къ демагогіи, и къ хорошо уравновѣшенной свободѣ, и къ федерализму, и къ централизаціи, стоитъ, на мой взглядъ, въ связи съ той двойственностью источника, изъ которой сложилась политическая программа жирондистовъ—классической и американской свободы. Въ этомъ отношеніи г-жа Роланъ и Бриссо не только первые провозвѣстники, но и крайніе выразители партіи или, вѣрнѣе, тѣхъ двухъ теченій въ ней, которыя, по какой-то странной случайности, не вступили между собою въ борьбу, а пошли рядомъ въ одномъ и томъ же руслѣ. Ни одного изъ нихъ не считаютъ, однако, оффиціальными выразителями партіи. Но это справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что ни тотъ, ни другой не происходили изъ Жиронды и задолго до образованія партіи сумѣли завоевать себѣ опредѣленное положеніе въ рядахъ передовыхъ борцовъ за республику. Петіонъ и Бюзо стояли еще въ сторонѣ отъ кружка. Ихъ свела впослѣдствіи скорѣе общность борьбы, нежели тождество принциповъ. Въ началѣ революціи первый былъ открытымъ монархистомъ, и «Монитеръ» 9 августа 1789 года еще воспроизводитъ слѣдующее кредо этого «будущаго республиканца»: «Въ засѣданіи 28-го августа Камюсъ предложилъ перейти къ обсужденію тѣхъ статей

конституціи, которыя касаются монархической власти и по которымъ въ наказахъ не высказывается разнорѣчія. Петіонъ, предостерегая отъ поспѣшности въ ихъ обсужденіи, замѣтилъ, что въ наказахъ высказываются на этотъ счетъ положенія, польза которыхъ для французскаго народа очевидна, которыя обезпечиваютъ ему спокойствіе, сохраненіе королевской власти и законный порядокъ преемства престола». Тогда какъ Петіонъ былъ своего рода отщепенцемъ партіи конституціонной монархіи, Бюзо въ началѣ своей дѣятельности слылъ якобинцемъ и дѣйствовалъ заодно съ Робеспьеромъ. Эта близость со временемъ была поставлена ему въ вину, и онъ самъ оправдывается въ ней въ своихъ мемуарахъ, говоря, что при всемъ нерасположеніи, какое онъ питалъ къ этому человѣку «съ кошачьей физіономіей» (à figure de chat), онъ все же отдавалъ въ его лицѣ предпочтеніе людямъ, имѣвшимъ, по крайней мѣрѣ, внѣшность народной партіи (je préferai le parti qui avait au moins des dehors populaires)[1]. Тотъ же Бюзо не скрываетъ своихъ первоначальныхъ симпатій къ монархіи. «До бѣгства короля,—пишетъ онъ,—мнѣ казалось сомнительнымъ, чтобы французская нація могла удовлетворить тѣмъ требованіямъ, какія предъявляетъ суровость республиканскаго режима (le joug austère du gouvernement républicain[2]). У него вырывается и другое, не менѣе характерное сознаніе, раскрывающее намъ дѣйствительный смыслъ этихъ послѣднихъ словъ. «Руссо, — говоритъ онъ, — заодно и даже болѣе Монтескье, кладетъ въ основаніе республиканскаго порядка такую строгую суровость, которой едва ли могла удовлетворить французская нація[3])». Большинство народа, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—желало монархіи и конституціи 91 г.; нигдѣ это чувство не было такъ сильно и не высказывалось такъ открыто, какъ въ Парижѣ»[4]). Изъ всѣхъ будущихъ вожаковъ жирондизма Барбару едва ли не первый при-

---

[1]) Aux amis de la vérité, стр. 44 (Dauban. Mém. de Pétion et de Buzot).

[2]) Mémoires inédits de Pétion et mémoires de Buzot et de Barbaroux par C. A. Dauban. стр. 40 (Aux amis de la vérité par Buzot).

[3]) Ibid., стр. 43

[4]) Ibid., стр. 33.

мкнулъ къ группѣ людей, собиравшихся въ домѣ г-жи Роланъ и не скрывавшихъ своихъ симпатій къ республикѣ, но и его сближеніе относится не ранѣе, какъ къ 1792 году—эпохѣ законодательнаго собранія [1]). Такимъ образомъ въ періодъ, предшествовавшій бѣгству короля въ Вареннъ, ядро, изъ котораго развилась со временемъ партія жирондистовъ, составляло всего нѣсколько человѣкъ, близкихъ къ Бриссо и Роланамъ и поддерживавшихъ связи съ французскими и англійскими «обществами правъ негровъ», «соціальнымъ кружкомъ», клубами «друзей конституціи» Парижа. Ліона, Клермонъ-Феррана и т. п. Ихъ болѣе или менѣе оффиціальнымъ органомъ являлась газета Бриссо — «Французскій Патріотъ». Въ письмахъ госпожи Роланъ встрѣчаются еще упоминанія о Боскѣ, Пиготѣ, Блотѣ, которые всѣ, повидимому, не исключая и дез-Иссара и Лантенаса, служили для Бриссо источникомъ мѣстныхъ свѣдѣній и охотно посылали ему статьи и корреспонденціи, одинаково изъ провинціи и изъ за-границы. Ихъ дружескія связи сложились еще до переселенія Роланoвъ въ Парижъ, въ Ліонѣ и Лаплатьерѣ, ихъ лѣтней резиденціи. Путешествіе по Швейцаріи и Англіи сдѣлалось для Роланoвъ и ихъ друзей источникомъ новыхъ знакомствъ, и Банкаль-дез-Иссару не разъ приходилось впослѣдствіи пользоваться услугами лицъ, которымъ онъ былъ представленъ Роланами или Бриссо [2]). Своему пребыванію въ Англіи корреспондентъ госпожи Роланъ придавалъ очень серьезное значеніе, настолько серьезное, что даже убѣжденія Бриссо и Лантенаса поспѣшить возвращеніемъ въ Парижъ были безсильны ускорить его отъѣздъ. Агитируя въ пользу установленія тѣсной связи между англійскими и французскими друзьями свободы, онъ въ то же время обстоятельно знакомился съ англійскими учрежденіями и составлялъ о нихъ подробные отчеты для журнала Бриссо, очень отличные по духу отъ тѣхъ, къ какимъ

---

1) Ibid., стр. 336 и 337.

2) Въ каталогѣ автографовъ, принадлежащихъ M. Morrisson'у въ Лондонѣ, т. I, стр. 117, приведено fac-simile письма Бриссо къ книгопродавцу James Philipps, въ которомъ онъ рекомендуетъ ему Банкаля, какъ un des plus chauds amis pour l'abolition de la traite des nègres. Письмо помѣчено Парижемъ 6-го ноября 1790 года.

пріучили французовъ сторонники ученій Монтескье. Госпожа Роланъ приписывала этимъ отчетамъ большое значеніе. «Необходимо,—пишетъ она изъ Ліона 30 декабря 90 года,—возбуждать умы къ постоянному сопоставленію англійской конституціи съ той, надъ которой мы работаемъ нынѣ. Это дастъ намъ возможность по достоинству оцѣнить нѣкоторыя преимущества, какими мы вправѣ гордиться. Приверженцы стараго порядка, пока онъ длился, всячески нападали на англійскій строй. Теперь они превозносятъ его, и эти запоздалыя похвалы друзьямъ свободы кажутся откровенной сатирой. Мы съ полнымъ основаніемъ стремимся устроить нашу жизнь лучше сосѣдей, тѣхъ самыхъ сосѣдей, которымъ мы съ такимъ удовольствіемъ уподобились бы прежде. Мнѣ легко представить себѣ, съ какой точки зрѣнія современный французскій гражданинъ долженъ смотрѣть на эти хваленые порядки. Мы находимся въ настоящую минуту въ такомъ состояніи рвенія, энтузіазма и экзальтаціи, которое необходимо обусловливаетъ великія движенія, порождаетъ самыя чудныя истины, наполняетъ сердце благороднѣйшими чувствами и вызываетъ въ людяхъ тѣ великодушные поступки, которые должны служить примѣромъ для потомства. Но англичане давно пережили этотъ счастливый кризисъ. Они впали въ ту апатію, какую даетъ обманчивая обезпеченность. Преобладаніе торговыхъ интересовъ и предразсудки роскоши содѣйствовали развитію въ нихъ той беззаботности, въ какую впадаетъ народъ, пользующійся спокойствіемъ и убаюкиваемый интригами министровъ и коварствомъ честолюбцевъ». Госпожа Роланъ передаетъ свой взглядъ и вмѣстѣ отношеніе всей своей партіи къ англійской конституціи, говоря слѣдующее: «Пока англичане не возстанутъ противъ недостатковъ ихъ представительной системы и той тираніи надъ совѣстью, какую вызываетъ существованіе господствующей церкви подъ прямымъ главенствомъ короля (test-act), они все болѣе и болѣе будутъ опускаться подъ цѣпями, наложенными на нихъ прерогативой короны и притязаніями аристократовъ». Этимъ упадкомъ англійскихъ вольностей госпожа Роланъ и объясняетъ возможность появленія въ Англіи такихъ филиппикъ противъ французской конституціи, какую представляетъ собою извѣстное сочиненіе Бёрка. Она желала бы парализовать дурное вліяніе, ка-

кое оказываютъ на умы «лживость Калонна, софизмы Бёрка, новыя діатрибы Мунье, горячія и энергическія нападки Лалли Толандаля. Они льстятъ страстямъ недовольныхъ, соблазняютъ легковѣрныхъ, колеблятъ увѣренность людей съ слабымъ умомъ. Но сосчитайте число тѣхъ и другихъ, и вы удивитесь, прибавляетъ она, незначительности группы свѣтлыхъ умовъ, способныхъ противиться господствующему теченію и проповѣдовать истину».

Эта небольшая группа, къ которой госпожа Роланъ, разумѣется, прежде всего относила себя и своихъ друзей, повидимому, не встрѣчала еще большой поддержки въ общественномъ настроеніи провинцій. Ни на чемъ не основанныя обвиненія сыпались, жалуется она, на ея мужа въ Ліонѣ; клевета не щадила ея самой, и ея другъ Лантенасъ становился предметомъ всеобщей зависти и тайной интриги въ средѣ друзей конституціи, другими словами, ліонскаго отдѣленія клуба якобинцевъ. «Онъ слишкомъ уменъ для нихъ; вѣдь въ ихъ средѣ все больше купцы малопросвѣщенные или проникнутые предразсудками людей стараго порядка. Вотъ почему онъ находитъ, что легче забросить сѣмя новыхъ идей въ собраніяхъ секцій или городскихъ округовъ: тамъ все народъ, и чувство законности развиваетъ въ немъ рѣдкую способность къ пониманію истинныхъ принциповъ; но сколько труда требуется для того, чтобы сдѣлать ихъ извѣстными и научить искусству примѣнять ихъ. Дни за днями проходятъ въ сочиненіи и редактированіи адресовъ, петицій, памфлетовъ, писемъ, инструкцій, коментированіи извѣстій, собираніи мнѣній, въ бдѣніи, дѣйствіи и мысли». [1]) Забота объ устройствѣ и руководствѣ народными клубами остается и въ началѣ 1791 г. главной задачею жизни для небольшого кружка людей, являющихся въ Ліонѣ первыми піонерами республиканской идеи. Въ письмѣ изъ того же Ліона Лантенасъ, повидимому, душа всей агитаціи, пишетъ Банкалю о розни, возникшей между народными клубами и болѣе аристократическимъ по составу обществомъ «Сенъ-Клеръ». «Я прилагаю, говоритъ онъ,

---

[1]) См. письмо изъ Ліона отъ 30 декабря 90 года, стр. 136 — 142 (Lettres autographes de Madame Roland).

все свое стараніе къ тому, чтобы возстановить между ними единеніе и вернуть ихъ къ добрымъ принципамъ. Переодѣтые аристократы, честолюбцы, желающіе всѣмъ руководить, и люди скромные, преисполненные предразсудковъ, вотъ съ кѣмъ мнѣ приходится бороться. Я принятъ членомъ клуба одной изъ городскихъ секцій; я посѣщаю также центральный клубъ и клубъ Сенъ-Клера. Повсюду я распространяю добрые принципы съ полной независимостью. Я написалъ якобинцамъ въ Парижъ, предлагая имъ сдѣлать постановленіе, приглашающее всѣ зависящіе отъ нихъ клубы заняться устройствомъ мѣстныхъ сообществъ, которыя бы объединяли гражданъ по группамъ и давали имъ возможность взаимнаго обученія и совмѣстнаго выраженія взглядовъ по интересующимъ ихъ вопросамъ. Такія сообщества при содѣйствіи посланныхъ якобинцами коммиссаровъ могли бы образовать центры, которыми парижскому клубу легко будетъ руководить. Департаментскимъ секціямъ надо предоставить веденіе корреспонденціи и передачу этимъ мѣстнымъ сообществамъ всего, что желательно будетъ довести до ихъ свѣдѣнія. Имъ же надо вручить заботу о распространеніи знаній и духа братства. Каждые пятнадцать дней слѣдовало бы собирать членовъ сообществъ въ обширныя залы для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ и редакціи принятыхъ по нимъ рѣшеній. Я думаю, что въ высшей степени желательно, чтобы друзья свободы употребили всѣ силы къ тому, чтобы организовать въ «сообщества» людей наименѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе занятыхъ. Аристократы во многихъ мѣстахъ попробовали предупредить ихъ, и даже здѣсь встрѣчается не мало такихъ, которые надѣются повесть за собою народные клубы». Лантенасъ совѣтуетъ своему единомышленнику написать въ Клермонъ-Ферранъ съ цѣлью побудить друзей свободы къ однохарактерной дѣятельности. «Вы должны, пишетъ онъ, настаивать на тѣхъ же мысляхъ; развить и придать имъ бо́льшую широту будетъ нетрудно. Я хлопочу о томъ же передъ клубомъ въ Пюи: нужно, чтобы примѣръ сосѣдей увлекъ его. Вы знаете, по всей вѣроятности, что̀ сдѣлано по отношенію къ устройству народныхъ сообществъ въ Дижонѣ. Дѣло такъ просто и такъ легко. Здѣсь называютъ эти сообщества «народными», но я не одобряю этого термина, такъ

какъ со времени отмѣны сословій и старинныхъ предразсудковъ всѣ общества одинаково являются народными [1])».

Въ то время, какъ кружокъ госпожи Роланъ въ тѣсномъ общеніи съ Бриссо въ Парижѣ заботился о пропагандѣ идей народнаго самодержавія въ низшихъ классахъ провинціальнаго общества, въ административной жизни столицы совершались преобразованія, послѣдствіемъ которыхъ было созданіе въ отдѣльныхъ округахъ Парижа особыхъ народныхъ клубовъ, изъ которыхъ одному клубу кордельеровъ суждено было играть не малую роль въ подготовленіи республики. Парижская буржуазія все рѣшительнѣе высказывалась противъ самостоятельности избирательныхъ собраній отдѣльныхъ секцій, и преданные ея интересамъ публицисты проповѣдовали необходимость ихъ закрытія, мотивируя его между прочимъ тѣмъ, что демократическій составъ этихъ собраній держитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ наиболѣе зажиточные классы общества». Народъ, живущій только заработками, неопредѣленными въ размѣрѣ и незначительными по величинѣ, этотъ классъ людей, изъ котораго состоитъ наибольшая и наименѣе обезпеченная часть населенія, пишетъ журналистъ Пеше, крайне заинтересованъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать всякой политической системѣ, способной поколебать спокойствіе города, удалить изъ него людей богатыхъ, крупныхъ собственниковъ, всѣхъ, кого привлекаетъ въ Парижъ любовь къ свободѣ нравовъ и пристрастіе къ удовольствіямъ. Но постоянство избирательныхъ собраній дистриктовъ вноситъ опасенія и вызываетъ недовѣріе всѣхъ людей зажиточныхъ. Оно неминуемо ведетъ къ оставленію Парижа богатыми классами, что въ свою очередь поставитъ простой народъ въ невозможность найти работу. Трудящійся бѣдный людъ Парижа долженъ видѣть поэтому собственную пользу въ уничтоженіи тѣхъ шестидесяти вооруженныхъ и дебатирующихъ коммунъ, какія держатся въ нашей средѣ» [2]). Въ отвѣтъ на это Камиль Демуленъ заявлялъ: «всего важнѣе для насъ сохранить непрерывность собраній дистриктовъ. Даже тѣ, кто тре-

---

[1]) Ibid., стр. 145 и слѣдующія (Письмо 10 янв. 91 года).

[2]) См. Moniteur отъ 9 марта 90 года.

буетъ ихъ закрытія, не сомнѣваются въ томъ, что эти собранія произвели и упрочили революцію. Какъ могутъ думать, что Парижъ когда - либо сдѣлаетъ глупость отказаться отъ нихъ? Я не могу понять, какъ можетъ существовать народовластіе безъ форума и народнаго вето. Мы не имѣемъ площади достаточно обширной, чтобы вмѣстить всѣхъ гражданъ Парижа, но наши дистрикты вполнѣ замѣняютъ намъ эту площадь и лучше всякаго форума и народной трибуны осуществляютъ тѣ же задачи. Очень часто говорятъ намъ о трехъ властяхъ, призванныхъ взаимно уравновѣшивать другъ друга; но такими властями, на мой взглядъ, могутъ быть только національное собраніе, муниципалитеты и дистрикты. Національное собраніе декретируетъ—это власть законодательная; муниципалитеты администрируютъ—власть исполнительная; дистрикты же предлагаютъ законы и имѣютъ по отношенію къ нимъ вето—это власть предстательства и противодѣйствія» (c'est le pouvoir rogatif et négatif)» [1]).

Но третьяго мая 1790 года Деменье вошелъ въ учредительное собраніе съ представленіемъ о необходимости полнаго переворота во внутреннемъ устройствѣ Парижа, переворота, послѣдствіемъ котораго было бы исчезновеніе дистриктовъ и ихъ дебатирующихъ собраній, передача всей власти надъ городомъ въ руки мера и 16 помощниковъ, 36 членовъ муниципальнаго совѣта и 96 нотаблей, по два отъ каждой изъ 48 секцій, призванныхъ замѣнить округа. Докладчикъ приводилъ противъ дистриктныхъ собраній тѣ самыя соображенія, которыя уже изложены были Пеше. Онъ говорилъ о неизбѣжной потерѣ столицей, разъ будетъ допущена дальнѣйшая революціонная агитація округовъ, ея богатствъ, торговли, искусствъ и промышленности, о бѣгствѣ изъ нея людей, живущихъ себѣ въ удовольствіе, много тратящихъ иностранцевъ и тому подобное. Ко всѣмъ этимъ аргументамъ Мирабо во время дебатовъ прибавилъ новый: «какъ не знать,—сказалъ онъ,—кто делегатъ не можетъ осуществлять своихъ функцій въ присутствіи того, кто его уполномочилъ? Требовать постоянства

---

[1]) Révolutions de France et de Brabant, nº 17.

дистриктовъ—это желать созданія шестидесяти самодержавныхъ округовъ рядомъ съ представляющей ихъ муниципіей, округовъ, вмѣшательство которыхъ можетъ вызвать дѣйствія и противодѣйствія, опасныя для конституціи». Въ этихъ довольно неопредѣленныхъ чертахъ передавались тѣ самыя возраженія, какія доселѣ ставятся сторонниками представительнаго образа правленія противъ всякой попытки установить постоянный контроль за дѣятельностью депутатовъ со стороны избирателей, все равно, будетъ ли этотъ контроль выражаться въ формѣ такъ называемой апеляціи къ народу, referendum, или прямого законодательнаго почина. Съ логической точки зрѣнія такое возраженіе не выдерживаетъ критики, такъ какъ система судебнаго представительства, на аналогіи съ которой построено ученіе о нормальныхъ отношеніяхъ избирателей и депутатовъ, нимало не устраняетъ, какъ мы знаемъ, собственной защиты сторонъ наряду съ защитой ихъ полномочныхъ. При отсутствіи того повелительнаго мандата, безъ котораго немыслимо гражданское представительство, депутаты неизбѣжно потеряли бы принадлежащій имъ характеръ народныхъ уполномочныхъ и сдѣлались бы силою, независимой отъ избирателей, если бы за этими избирателями не было признано возможности направлять и регулировать ихъ дѣятельность какими-нибудь косвенными путями. Даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ, какъ въ Англіи, не допускается прямого вмѣшательства народа въ политику, митинги и коллективныя петиціи служатъ орудіемъ весьма существеннаго воздѣйствія избирателей на депутатовъ. Недавніе успѣхи демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи доказываютъ необходимость образованія внѣ конгресса и парламента такихъ партійныхъ ассоціацій, которыя бы слѣдили за дѣятельностью депутатовъ, отмѣчали всякое уклоненіе ихъ отъ разъ намѣченной программы и предпринимали агитацію въ пользу включенія въ эту программу новыхъ партійныхъ требованій. Что означаетъ фактъ существованія подобныхъ ассоціацій, какъ не сознаніе невозможности оставить за депутатами ту полную свободу дѣйствія, которая долгое время считалась неотъемлемымъ требованіемъ представительнаго устройства. Такимъ образомъ даже въ государствахъ, не допускающихъ ни апеляціи

къ народу, ни referendum'а, ни прямого законодательнаго почина, избиратель не считаетъ нужнымъ добровольно упразднить себя предъ депутатомъ. Онъ остается на стражѣ своихъ правъ и не ждетъ наступленія будущихъ выборовъ для того, чтобы заявить о предательствѣ его интересовъ назначеннымъ имъ повѣреннымъ. А если такъ, то заявленіе Мирабо объ обязательномъ исчезновеніи представляемаго предъ представителемъ является не только логической, но и фактической ошибкой. Но не такъ смотрѣли на дѣло не только члены умѣренной партія, конституціоналисты въ духѣ Мунье и Маллэ де-Пана, но и вожаки якобинскаго клуба въ Парижѣ. Прославляя его за рѣшимость добиться закрытія дебатирующихъ собраній въ округахъ, Монитеръ произносилъ по его адресу слѣдующее похвальное слово: «клубъ этотъ знаетъ, что форумъ или народная площадь погубила одинаково Римъ и Аѳины; что народъ, желающій все дѣлать самъ, завѣдовать законодательствомъ и управленіемъ, неизбѣжно впадаетъ въ безпорядки, а отъ нихъ непосредственно переходитъ къ деспотизму. Эта великая истина, доказанная опытомъ всѣхъ вѣковъ, всегда присуща якобинцамъ; она причина тому, что они спокойно положились на муниципальныя власти Парижа, на депутатовъ отъ парижской общины въ дѣлѣ управленія столицей, точно такъ же, какъ по отношенію къ созданію конституціи и законовъ они всецѣло ввѣрились заботливости національнаго собранія» [1]). Но если масса якобинцевъ стояла такимъ образомъ за упраздненіе всякаго непосредственнаго участія народа даже въ скромной сферѣ муниципальнаго управленія, то того же нельзя сказать о представителяхъ радикальной прессы. Маратъ, по выраженію Демулена, «охрипъ, голося противъ закрытія дистриктныхъ собраній». Лустало въ свою очередь объявлялъ эту мѣру «измѣнической» (perfide). Новое муниципальное дѣленіе Парижа въ его глазахъ задумано было исключительно съ цѣлью разорвать связь, которая подъ вліяніемъ привычки установилась между членами дистриктовъ; оно имѣетъ въ виду разсѣять тотъ духъ свободы, опасность котораго сознаютъ для себя будущія муниципальныя власти столицы.

---

[1]) Moniteur 11 мая 90 года.

Существованіе дистриктныхъ собраній кажется ему воплощеніемъ народнаго самодержавія, но это самодержавіе принадлежитъ, по собственному сознанію національнаго собранія, къ числу правъ, предшествующихъ по времени и стоящихъ выше всякаго закона и конституціи. Оно входитъ въ составъ тѣхъ естественныхъ правъ, на которыя немыслимо ничье посягательство. Отсюда Лустало дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «даже верховная власть находитъ себѣ границы въ природѣ вещей. Національное собраніе такъ же мало имѣетъ права предписать, чтобы завѣдованіе нашими мѣстными интересами перешло въ руки генеральнаго совѣта муниципіи, какъ приказывать намъ пить теплую воду, а не холодную» [1]). «Развѣ Франція не провозгласила начала народнаго суверенитета,—писалъ въ свою очередь Демуленъ,—и развѣ можно говорить о немъ при запрещеніи собираться на площади и свободно обсуждать на ней публичныя дѣла, какъ это дѣлали нѣкогда наши предки, древніе германцы... Народъ, прибавлялъ онъ въ качествѣ угрозы, откроетъ поставленную ему ловушку и не откажется отъ суверенитета. Когда его лишаютъ возможности собираться на площади, онъ идетъ на Авентинскую гору» [2]). Ни одинъ изъ дистриктовъ не отнесся съ большимъ ожесточеніемъ къ проекту закрытія его засѣданій и новому муниципальному устройству Парижа, чѣмъ дистриктъ Кордельеровъ. Открытіе 48 секцій должно было состояться 1 іюля 90 года, за двѣ недѣли до праздника федераціи. И вотъ въ какой моментъ, значится въ манифестѣ округа Кордельеровъ, «производится это посягательство на народныя права; въ ту самую минуту, когда не только умы, но и руки всѣхъ заняты подготовленіемъ къ этому народному торжеству (намекъ на дружную поддержку, оказанную всѣмъ парижскимъ населеніемъ работамъ на Марсовомъ полѣ). Какъ! среди агитаціи, вызванной приготовленіемъ къ великому дню федераціи, меръ Парижа находитъ удобнымъ раздробить и уничтожить дистрикты, эти дистрикты, которые въ такой же мѣрѣ вызваны обстоятельствами времени и необходимостью, какъ и

---

[1]) См. Les Révolutions de Paris, № 43.
[2]) Les Révolution de France et de Brabant, № 25.

муниципія столицы, которые принесли несравненно лучшіе плоды, чѣмъ она; дистрикты, воспитавшіе французскій патріотизмъ; дистрикты, которымъ столица обязана своимъ спасеніемъ, національное собраніе своей независимостью, Франція своимъ возрожденіемъ» [1]). Послѣдствіемъ закрытія дистриктовъ и ихъ собраній было образованіе окружныхъ клубовъ и въ числѣ ихъ клуба кордельеровъ. Его возникновеніе отмѣчено Кондорсэ въ редактируемой имъ «Парижской Хроникѣ» 5 августа 1790 г. [2]). «Прежній дистриктъ Кордельеровъ, пишетъ онъ, превратился въ клубъ. Приглашаемъ и всѣ прочіе дистрикты послѣдовать его примѣру; это сдѣлаетъ возможнымъ болѣе легкій созывъ генеральнаго совѣта (совѣта парижскихъ избирателей) каждый разъ, когда того потребуютъ обстоятельства». Такимъ образомъ, парижскія коммуны не исчезали, а только преобразовывались, и демократическій духъ, оживлявшій нѣкогда дистриктныя собранія, переселялся отнынѣ въ ихъ клубы. Мы видѣли, что этотъ духъ сказывался прежде всего въ защитѣ принциповъ декларации правъ противъ тѣхъ ограниченій, какія допущены были національнымъ собраніемъ при редактированіи конституціи. Якобинцы, чтобы заявить свою преданность этой конституціи, называли себя ея друзьями; неудивительно поэтому, если кордельеры, чтобы заявить о своей солидарности съ неограниченностью принципа народнаго самодержавія, приняли наименованіе друзей деклараціи. Подъ руководствомъ Дантона и пользуясь поддержкой Лустало, Марата, Камилла Демулена и нерѣдко Бриссо, кордельеры, не пускаясь, подобно якобинцамъ, въ отвлеченныя метафизическія разсужденія и долгое время ограничивая свою дѣятельность вмѣшательствомъ въ одни внутреннія дѣла парижскаго самоуправленія, пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы заявить о своей солидарности съ принципами непосредственной народной самодѣятельности, активнаго вмѣшательства народа въ политическую жизнь. Въ декабрѣ 90 года они агитируютъ въ пользу прямого голосованія парижанами вопроса,

[1]) Текстъ этой прокламаціи отпечатанъ въ сборникѣ документовъ, сдѣланномъ Альфредомъ Бужаромъ и призванномъ служитъ матеріаломъ для исторіи Кордельеровъ, стр. 263 (Les Cordeliers, Paris, 1891 г.).

[2]) Chronique de Paris, № 217.

будетъ ли столица обращена въ особый департаментъ, и когда большинство гражданъ высказалось въ пользу этого предложенія, они составляютъ адресъ къ національному собранію отъ имени парижскаго населенія. Комментируя этотъ фактъ, Лустало говоритъ: онъ одинъ доказываетъ, что городъ съ 800 тысячами жителей можетъ непосредственно подать свой голосъ по опредѣленному вопросу, можетъ большинствомъ принять то или другое рѣшеніе, а слѣдовательно, и можетъ создавать законы, утверждать ихъ и высказывать свою волю по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ. Парижъ убѣдилъ насъ такимъ образомъ, прибавляетъ онъ, что тѣ не столько доводы, сколько предлоги, какими оправдывается конфискація суверенитета націи въ пользу 720 депутатовъ, лишены всякаго основанія. Примѣръ, данный Парижемъ, навсегда останется въ исторіи и рано или поздно сдѣлается причиной пріобрѣтенія нами истинной свободы. Пока мы принуждены довольствоваться свободой только представительной» [1]).

Въ январѣ 91 года Дантонъ, добившійся выбора въ администраторы парижскаго департамента, въ обращеніи къ кордельерамъ проводитъ другой столь же основной принципъ народнаго самодержавія—постоянный контроль управляемыхъ за управляющими. «Я убѣжденъ, значится въ его адресѣ, что общественный интересъ требуетъ ежечаснаго и неограниченнаго надзора за чиновниками. Такой контроль не представляетъ опасности даже въ томъ случаѣ, если бы участвующіе въ немъ позволили себѣ обвиненія столь же серьезныя, какъ и лживыя» [2]).

И такъ, не провозглашая себя открыто республиканцами, оставаясь на почвѣ деклараціи правъ и требуя одного лишь строгаго ея примѣненія, кордельеры являлись не только союзниками бриссотинцевъ, но и несравненно болѣе послѣдовательными проводниками принципа народовластія. Они не запугивали людей словами и не предпосылали своей практической программѣ голаго термина, невольно смущавшаго перспективой новой революціи. Имъ нельзя было сдѣлать упрека въ низверженіи установленнаго порядка; они открыто проповѣдывали, напро-

1) Ibid., 287.
2) Ibid., 295.

тивъ, самое безусловное уваженіе къ нему. И даже тѣ изъ нихъ, кто, подобно Камиллу Демулену, первые подняли республиканское знамя, готовы были въ настоящее время отказаться отъ клички «республиканцевъ», довольствуясь сохраненіемъ одной лишь ихъ программы. Столь прозорливый обыкновенно Маллэ дю-Панъ на этотъ разъ поддается обману. «Камиллъ Демуленъ,—пишетъ онъ къ Мунье,—на пути къ роялизму». И Демуленъ, повидимому, оправдываетъ его заявленіе, говоря въ своемъ журналѣ: «республика—ничтожное слово, къ которому обращался еще Францискъ I въ своихъ ордононсахъ и Карлъ I въ своихъ капитуляріяхъ; никто изъ насъ не дорожитъ этимъ словомъ, но всѣ мы дорожимъ свободой, къ которой и идемъ неизмѣнно. Подъ республикой,—писалъ онъ нѣсколько далѣе,—я разумѣю всякое свободное государство, все равно,—будетъ ли въ немъ король или штатгальтеръ, генералъ-губернаторъ или императоръ, дѣло не въ названіи» [1]). Это отсутствіе слѣпой привязанности къ какому-то отвлеченному идеалу, настолько мистическому и неопредѣленному, что въ немъ страннымъ образомъ переплетаются политическіе афоризмы Цицерона и Плутарха съ положеніями Пэна и Франклина, выгоднымъ образомъ отличаетъ кордельеровъ отъ бриссотинцевъ и объясняетъ возможность ихъ сближенія съ такимъ человѣкомъ, какъ Робеспьеръ, который все еще оставался въ рядахъ монархистовъ и охотно объявлялъ: «слова король и монархія не пугаютъ меня; такъ какъ свободѣ не грозитъ опасность, пока царствуетъ законъ, а не люди» [2]). Легко понять, почему эти дѣятели могли идти рука въ руку, почему Робеспьеръ неизмѣнно оставался для Камилла «дорогимъ Робеспьеромъ», почему журналистъ-демагогъ охотно говорилъ: «гдѣ Робеспьеръ, тамъ и національное собраніе», указывая тѣмъ, что внѣ тѣснаго кружка сочувствующихъ ему радикаловъ имѣются только интриганы и предатели, въ родѣ Барнава, не желавшаго признавать свободы за неграми, или Шапелье и другихъ членовъ конституціоннаго комитета, агитировавшихъ въ пользу введенія

---

[1]) Révolutions de France, № 78.

[2]) Histoire de Robespierre par Ernest Hamel, т. I, стр. 498.

пожизненнаго сената и наложенія путъ на печать и клубы. Но если кордельеры охотно шли заодно съ небольшимъ кружкомъ депутатовъ, группировавшимся около Робеспьера, то и бриссотинцы не сторонились еще будущаго ихъ гонителя. Въ обществѣ друзей негровъ, основанномъ и руководимомъ Бриссо, они встрѣчались на общей обоимъ почвѣ. И радикаламъ, и республиканцамъ одинаково было дорого сохраненіе начала гражданскаго равенства; вырвавшаяся изъ устъ Дюпора и только по ошибкѣ приписанная Робеспьеру фраза: «пусть лучше погибнутъ колоніи, чѣмъ принципъ» [1]), одинаково выражала собою кредо обѣихъ партій. Всѣхъ — и кордельеровъ, и бриссотинцовъ, и приверженцевъ Робеспьера—объединяло желаніе понизить избирательный цензъ, сохранить свободу печати, клубовъ и петицій. Рѣчь Робеспьера противъ ценза въ марку серебромъ прямого обложенія, ценза, требуемаго отъ депутатовъ, встрѣчала похвалы и въ письмахъ г-жи Роланъ, и во «Французскомъ патріотѣ», и въ «Революціяхъ Франціи», и въ «Народномъ ораторѣ». Когда собраніе, послушное его голосу, рѣшилось отмѣнить это избирательное ограниченіе, Робеспьеръ сразу сдѣлался надеждою всѣхъ демократовъ. Но гораздо ранѣе этого ему удалось оказать существенную поддержку кордельерамъ смѣлой защитой права петицій и права выставленія афишъ. Подобно кордельерамъ, онъ становился на почву охраны провозглашенныхъ деклараціей естественныхъ правъ; подобно имъ, онъ заявлялъ, что всего дороже ему «интересы неимущихъ». «Чѣмъ слабѣе и необезпеченнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ правѣ петицій; Богъ принимаетъ мольбы не только несчастныхъ, но и виновныхъ». Если Робеспьеру и не суждено было, какъ мы сейчасъ увидимъ, сохранить это право въ рукахъ народныхъ клубовъ, то ему все же удалось предотвратить рѣшеніе, отымающее его у всѣхъ пассивныхъ гражданъ. Конституціонный комитетъ принужденъ былъ отказаться и отъ другого предложенія—предоставить одной администраціи право развѣшиванія афишъ [2]). Не меньшее сочувствіе вызвала рѣчь Робес-

[1]) Ibid., т. I, стр. 434 и слѣд., 437 и слѣд.

[2]) См. Moniteur 11 и 12 мая 1791 г. и другіе журналы, цитируемые Гамелемъ. Ibid., стр. 431—433.

пьера въ пользу неограниченной свободы печати. Ораторъ развивалъ въ ней ту мысль, что эта свобода должна быть понимаема не только въ смыслѣ отсутствія предварительной цензуры, но и въ смыслѣ свободы отъ судебной отвѣтственности, каждый разъ, когда клевета или диффамація, выраженная путемъ печати, направлена противъ публичнаго чиновника, а не частнаго лица. «При господствѣ свободы,—утверждалъ онъ,—репутація добраго гражданина не легко можетъ быть запятнана. Общественное мнѣніе само сдѣлается его судьею. Для него нѣкоторыя похвалы покажутся поношеніемъ, а нѣкоторые пасквили—титуломъ для славы: Катонъ никогда не преслѣдовалъ своихъ клеветниковъ». Только для частныхъ гражданъ Робеспьеръ допускалъ необходимость судебной защиты противъ пасквилянтовъ. Слѣдуя англійскому опыту, онъ справедливо доказывалъ, что эта защита будетъ болѣе дѣйствительна, если предоставить обиженнному право требовать не столько уголовной кары, сколько имущественнаго вознагражденія. Новѣйшая практика вполнѣ оправдала эту оцѣнку. Присяжные неохотно идутъ на лишеніе свободы человѣка, искренно заблуждавшагося, но они не откажутъ въ денежномъ удовлетвореніи потерпѣвшему отъ обнародованія позорящихъ его фактовъ [1]).

Наконецъ, полное единодушіе вызывало также во всѣхъ радикалахъ предложеніе Робеспьера закрыть доступъ въ будущее собраніе депутатамъ настоящаго. Демуленъ называлъ это «мастерскимъ шагомъ». «Интересы народа, — утверждалъ онъ, — требуютъ, чтобы въ этомъ отношеніи свобода выборовъ была ограничена. И съ такимъ же сочувствіемъ высказывались по отношенію къ этой мѣрѣ и друзья Бриссо, объявлявшіе устами г-жи Роланъ, что «національное собраніе такъ продажно (si corrompue), что всѣ мѣры его необходимо должны быть зловредны. Его депутатамъ не столько недостаетъ разума, сколько чистоты душевной» [2]).

Такимъ образомъ, незамѣтно устанавливалось единство взглядовъ и общность политики между всѣми передовыми предста-

---

[1]) Ibid., стр. 459—463.

[2]) Révolutions de France, № 78.

вителями парламентскаго радикализма, демократической печати и клубовъ. Всѣ они ставили свою задачу въ безусловномъ проведеніи принциповъ декларацiи правъ, даже наперекоръ конституціи, такъ или иначе ихъ ограничивавшей. Всѣ они искали опоры не столько въ высшихъ слояхъ буржуазіи, сколько въ народныхъ клубахъ, и создавали себѣ союзниковъ въ томъ классѣ обдѣленнныхъ политическими правами гражданъ, которые извѣстны были конституціи подъ наименованіемъ пассивныхъ и вскорѣ выступятъ на сцену исторіи подъ болѣе грознымъ прозвищемъ санкюлотовъ. Неудивительно поэтому, если буржуазія и ея представители въ національномъ собраніи старались всячески отнять у нихъ почву подъ ногами, открывая борьбу съ народными клубами [1]).

Еще весною 1790 г. запрещено было клубамъ всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла муниципальныхъ и департаментскихъ администрацій, въ вопросы, касающіеся военной дисциплины и порядка служебнаго подчиненія (постановленіе 1 мая). Нѣсколько дней спустя не дозволено было имъ и представленія коллективныхъ петицій (постановленіе 10 мая). Въ августѣ того же года доступъ въ клубы закрытъ офицерамъ арміи и флота. Пока дѣло шло только о томъ, чтобы оградить предержащія власти и военныя силы страны отъ той внутренней дезорганизаціи, какую, думали, внесетъ въ нихъ политическая агитація. Но съ начала 91 года вопросъ о клубахъ былъ поставленъ болѣе радикально. 28 февраля депутатъ отъ дворянства, Перигора Фуко, прямо потребовалъ закрытія народныхъ сообществъ; но собраніе постановило перейти къ очереднымъ дѣламъ, и клубы, пренебрегая декретомъ 10 мая 90 года, продолжали направлять петиціи на имя національнаго собранія, входя между собою въ постоянный обмѣнъ мыслей и возбуждая другъ друга къ коллективной оппозиціи муниципалитетамъ и директоріямъ, недостаточно проникнутымъ, на ихъ взглядъ, революціонными принципами. Это давленіе клубовъ на мѣстную администрацію, сопровождавшееся попытками реформировать ее при содѣйствіи петицій къ народному представительству, было

---

[1]) Письмо г-жи Роланъ 12 мая 1791 г. (Lettres, стр. 223).

признано опаснымъ для устойчивости тѣхъ учрежденій, упроченіе которыхъ должно было составить задачу конституціи. 9 мая 1791 г. Шапелье сдѣлалъ предложеніе вовсе отнять у клубовъ право петицій, и, несмотря на противодѣйствіе Петіона, Робеспьера, аббата Грегуара и Дюбуа Крансэ, національное собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе: «Право петицій есть личное право и не можетъ быть делегировано. Его не могутъ осуществлять на коллективномъ началѣ. Оно не принадлежитъ поэтому избирательнымъ собраніямъ, судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ, секціямъ городской общины, а также гражданскимъ сообществамъ, подъ которыми въ частности разумѣлись клубы [1].»

Эти мѣры какъ нельзя лучше доказываютъ, что клубы становились серьезной общественной силой, тѣмъ болѣе опасной, что она отказывалась, повидимому, служить не только интересамъ контръ-революціи, но даже затѣянной еще Мирабо «контръ-конституціи», ставившей себѣ цѣлью усиленіе королевской власти и измѣненіе представительной системы созданіемъ пожизненнаго сената.

Въ серединѣ апрѣля кордельеры впервые оставляютъ свой скромный постъ руководителей одного парижскаго самоуправленія и выходятъ на широкую арену внутренней политики. Въ опредѣленіи, обнародованномъ этимъ клубомъ 17 апрѣля, мы читаемъ: «въ виду доноса, сдѣланнаго нѣсколькими гражданами на короля, котораго они обвиняли въ терпимости къ непринявшимъ гражданской присяги священникамъ, въ допущеніи ихъ при своемъ дворѣ къ публичному отправленію богослуженія, къ немалому скандалу французовъ, мы убѣдившись въ томъ, что король дѣйствительно принялъ причастіе изъ рукъ неприсягнувшаго великопресвитера, и что къ этому «беззаконію» причастны присутствовавшіе при немъ меръ Парижа и начальникъ національной гвардіи, постановляемъ: «интересы общественнаго спасенія требуютъ съ нашей стороны обвиненія предъ представителями націи и всѣмъ французскимъ народомъ перваго чиновника го-

---

[1]) См. статью Aulard, озаглавленну «законодательство о клубахъ въ эпоху революціи» и помѣщенную въ I томѣ его Société de Jacobins, стр. XII.

сударства и перваго слуги закона—самого короля (le premier fonctionnaire de l'Etat, le premier sujet de la loi, le Roi lui-même). Мы обвиняемъ его въ нарушеніи конституціонныхъ декретовъ, въ соблюденіи которыхъ онъ клялся, которымъ онъ долженъ обезпечить повиновеніе, такъ какъ это входитъ въ кругъ его обязанностей. Мы обвиняемъ его въ томъ, что своимъ примѣромъ онъ возбуждаетъ противниковъ конституціи къ неповиновенію, а мятежниковъ къ возстанію, подготовляя тѣмъ самымъ ужасы междоусобной войны. Такъ какъ мэръ Парижа и начальникъ національной гвардіи своимъ присутствіемъ содѣйствовали и поддерживали тѣ проступки (torts), въ которыхъ король оказался виновнымъ передъ французской націей, то клубъ заявляетъ, что интересъ общественнаго спасенія (salut publique) заставляетъ его сдѣлать ихъ отвѣтсвенными за послѣдствія такого не-конституціоннаго поведенія,—поведенія, не отвѣчающаго довѣрію народа, надѣлившаго ихъ публичной силой для защиты закона, а не для его нарушенія» [1]).

Проводя тѣ же взгляды въ адресѣ на имя короля, Дантонъ въ сообществѣ своего единомышленника Кирсента говорилъ: «Съ горечью видитъ народъ, что вы оказываете покровительство людямъ, нарушающимъ законъ, и принимаете услуги враговъ конституціи. Государь! обстоятельства серьезны (Sire, les circonstances sont fortes). Предательская политика не отвѣчаетъ вашему характеру и ни къ чему бы не послужила. Удалите отъ себя враговъ конституціи, доведите до свѣдѣнія иностранныхъ націй, что славная революція совершилась во Франціи, что вы отнынѣ король свободнаго народа; пошлите соотвѣтствущія инструкціи представителямъ націи при иностранныхъ дворахъ,—представителямъ, которые бы не были недостойны своихъ высокихъ функцій. Тотъ совѣтъ, который даетъ вамъ Парижскій департаментъ, повторили бы и всѣ прочіе департаменты, если бы они имѣли возможность быть услышаны такъ же быстро, какъ мы» [2]). Такимъ образомъ, самодержавіе народа, осуществляемое

---

[1]) Révolutions de France et de Brabant, № 74 (Arrête du club des Cordeliers sur la communion du dimanche 17 avril 1791).

[2]) Révolutions de France, № 74.

непосредственно въ формѣ коллективныхъ петицій и митинговъ, контроль управляемыхъ надъ управителями и отвѣтственность всѣхъ чиновниковъ, начиная съ мэра и начальника національной гвардіи и оканчивая королемъ — «первымъ чиновникомъ государства»—такова политическая программа кордельеровъ. Но для проведенія этой программы имъ необходима прежде всего свобода печати, и не только та свобода, которая находитъ выраженіе себѣ въ газетахъ и брошюрахъ, распространеніе которыхъ необходимо ограничено, такъ какъ пріобрѣтеніе ихъ связано съ денежными затрататами, а та, которая не мыслима безъ говорящей всему народу прокламаціи,—прокламаціи, приклеиваемой къ стѣнамъ публичныхъ зданій и невольно останавливающей вниманіе прохожихъ; прокламаціи, которая бы въ нѣсколько минутъ дала возможность населенію познакомиться съ опасностью переживаемаго имъ положенія, со средствами выйти изъ нея, съ его неотъемлемыми правами, не менѣе неотъемлемыми обязанностями, съ тѣмъ, что онъ въ силахъ сдѣлать для защиты этихъ правъ, и съ тѣмъ, кому онъ можетъ довѣриться, кто готовъ «жить и умереть, защищая его интересы». Но чтобы прокламація могла произвесть ожидаемое дѣйствіе, необходимо то добавочное право къ признаваемой закономъ свободѣ печати, которое людямъ этого времени извѣстно подъ названіемъ «droit d'affichage»—(право афишированія). Это право не было открыто выговорено закономъ, муниципальныя власти пользовались этимъ опущеніемъ, чтобы отмѣнить его путемъ административнымъ; мэръ Парижа, академикъ Бальи, давалъ приказъ срывать прокламаціи Дантона со стѣнъ, вызывая тѣмъ громкія жалобы въ преданныхъ кордельерамъ публицистахъ. «Какъ,—восклицалъ Кара въ своемъ «Народномъ ораторѣ»,—неимущій классъ населенія, поставленный въ невозможность пріобрѣтенія хотя бы единаго органа печати, раскрывающаго передъ нимъ его истинные интересы, навсегда останется въ невѣжествѣ и его ближайшіе друзья лишены будутъ возможности путемъ афишъ сообщить ему свѣдѣнія, которыя онъ вправѣ имѣть не меньше васъ,—васъ, люди богатые, всегда готовые держать бѣдныхъ въ невѣдѣніи касательно ихъ правъ и обязанностей, а потому самому и въ рабствѣ... Общественное мнѣніе не болѣе, какъ совокупность част-

ныхъ мнѣній; только потому нельзя купить его, что тѣ, которые участвуютъ въ его составленіи, не продаются. Но для этого нужно, чтобы граждане сознательно относились къ тому, что дѣлается вокругъ ихъ. Чѣмъ быстрѣе народъ схватываетъ мысли, сильно продуманныя и вполнѣ согласныя съ правами человѣка и гражданина, чѣмъ большій залогъ представляетъ онъ своей готовности отстоять эти права, тѣмъ достойнѣе онъ свободы и тѣмъ легче сумѣетъ онъ ее сохранить. Но чего хотятъ наши враги? Ихъ цѣль помѣшать намъ раскрыть глаза націи, сообщая ей наши мысли, обнародуя предъ нею святое евангеліе человѣческихъ правъ... Вопреки нашимъ врагамъ, вопреки этимъ мнимымъ друзьямъ закона, которые на каждомъ шагу отступаютъ отъ него, мы не перестанемъ предостерегать народъ отъ всѣхъ посягательствъ на эти права и требовать отъ него ихъ поддержанія. Придите же въ среду друзей человѣческихъ правъ всѣ вы, сдѣлавшіеся жертвой установленныхъ во Франціи представительныхъ собраній и органовъ исполненія. Прибѣгните къ намъ, полные довѣрія. Вы найдете въ насъ ревнивыхъ защитниковъ этихъ правъ и въ награду мы потребуемъ только вашей дружбы и преданности конституціи. За-одно съ нами вы сдѣлаетесь самою твердою ея опорой и завоюете право сказать предъ лицомъ міра, что вы хотите жить свободными или умереть» [1]).

Авторъ памфлета, озаглавленнаго «Совѣтъ французамъ касательно клубовъ» и проводившаго въ мартѣ 91 года тотъ взглядъ, что всѣ и каждый заинтересованъ въ ихъ упраздненіи, сообщаетъ интересныя подробности о распространеніи и внутреннемъ устройствѣ этихъ сообществъ. «Страсть основывать клубы, — пишетъ онъ, — овладѣла въ настоящее время всѣми классами общества, безъ различія возраста и пола. Во многихъ городахъ ремесленники бросаютъ работу, чтобы вкривь и вкось разсуждать о политикѣ, въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ Безьерѣ, Нанси и т. п., на подобныя же собранія сходятся юноши, а въ Алэ и Сиврэ, въ Пуату молодыя дѣвушки жертвуютъ этой модѣ своей стыдливостью. Даже замужнія женщины устраи-

¹) Orateur de Peuple, т. V, № 64.

ваютъ клубы, гдѣ учатъ своихъ дѣтей кадить новымъ идоламъ революціоннаго фанатизма. Наконецъ, въ селахъ крестьяне обращаютъ свои «посидѣлки» (véilliés) въ патріотическія сообщества и школьный учитель открыто проповѣдуетъ въ нихъ анархію (tient école d'anarchie). Всѣ эти сообщества афиліированы главному клубу въ Парижѣ, клубу якобинцевъ. Это центръ, къ которому стекаются всѣ эти незаконнорожденныя братства; подобно чувствительной и благодѣтельной матери, онъ милостиво принимаетъ ихъ въ свою среду, согрѣваетъ ихъ на своей груди, питаетъ ихъ любовью къ родинѣ, усиливаетъ и возбуждаетъ ихъ энергію къ кооперацiи великому дѣлу возрожденія. Отсюда направляются всѣ тѣ посланія, которыя эти мелкія общества принимаютъ съ знаками невыразимой радости [1]). Этотъ клубъ якобинцевъ сильнѣе собранія. Если бы депутаты отличались еще тою искренностью, которая нѣкогда характеризовала французовъ, они бы сознались, что въ клубѣ якобинцевъ предписывается, какіе предметы должны занять ихъ вниманіе, что въ этомъ вертепѣ приготовляются тѣ бѣдствія, которыя обрушиваются затѣмъ на французскій народъ, что часто, чтобы не сказать всегда, убійственные декреты не прошли бы черезъ собраніе, если бы клубъ отвергъ ихъ предварительно. Такимъ образомъ, клубъ этотъ нѣчто въ родѣ второго собранія, только болѣе численнаго и потому тысячу разъ болѣе опаснаго» [2]). Авторъ памфлета обвиняетъ якобинцевъ въ томъ, что они всячески препятствуютъ основанію новыхъ клубовъ, несогласныхъ съ ихъ взглядами и, сообщая небезъинтересныя данныя объ этихъ клубахъ, тѣмъ самымъ косвенно подтверждаетъ свидѣтельство Лантенаса о попыткахъ, сдѣланныхъ монархистами къ пропагандѣ своихъ идей черезъ посредство подобныхъ сообществъ. «Задачей всѣхъ такихъ клубовъ, пишетъ онъ, было установить противовѣсъ тому вліянію, какое присвоили себѣ друзья конституціи». Члены ихъ хотѣли пропагандировать тѣ истины, которыя нѣкогда создали наше счастье. Подъ названіемъ «друзей короля, монархіи, мира», клубы открываемы были въ Парижѣ и другихъ го-

---

1) Aulard, La société des Jacobins, томъ II, стр. 257.

2) Ibid., стр. 250

родахъ Франціи, но якобинцы поспѣшили задушить ихъ. Тщетно друзья монархіи искали заступничества національнаго собранія. Силою положенъ былъ конецъ засѣданіямъ клуба, собиравшагося въ монастырѣ капуциновъ на улицѣ Сентъ-Онорэ. Въ Эксѣ якобинцы пошли еще далѣе; они стали открыто жаловаться на оскорбленія, наносимыя имъ монархическимъ клубомъ, и народъ счелъ нужнымъ отмстить ихъ мнимыя обиды, умерщвляя тѣ жертвы, на какія было указано ему напередъ «друзьями конституціи». (Рѣчь идетъ объ убійствѣ юриста Паскалиса въ декабрѣ 90 года). Клубъ въ Квиньонѣ, который,—жалуется авторъ,—считаетъ своей обязанностью слѣдовать всѣмъ принципамъ якобинскихъ клубовъ во Франціи, обезсмертилъ себя доносами на монархическій клубъ въ Карпантрасѣ. Едва основался подобный же клубъ въ Камбрэ, и «друзья конституціи» въ этомъ городѣ отнеслись къ нему съ недовѣріемъ и ненавистью и написали на него доносы всѣмъ якобинцамъ Франціи. Теперь очередь за монархическимъ клубомъ въ Парижѣ. «Друзья конституціи» умножаютъ свои засѣданія и напрягаютъ всѣ силы къ тому, чтобы повесть къ его закрытію. Предсказанія памфлетиста не замедлили оправдаться. Открытый въ августѣ 1790 года монархическій клубъ вскорѣ установилъ отдѣленія во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ королевства. Онъ ставилъ себѣ цѣлью—противодѣйствіе успѣхамъ демократіи легальнымъ путемъ, т.-е., пользуясь всѣми правами, какими надѣлила французовъ конституція и въ частности декларація правъ. Уже 25 января 91 года Барнавъ сдѣлалъ въ стѣнахъ національнаго собранія открытое нападеніе на членовъ этого клуба, называя ихъ сообщество «предательской и мятежной ассоціаціей» (insidieuse, perfide et factieuse association). Онъ высказывалъ надежду, что «комитетъ разслѣдованій» не замедлитъ увѣдомить собраніе о тайныхъ проискахъ, къ какимъ прибѣгаетъ это общество для внесенія смуты въ народъ и, въ частности, о тѣхъ раздачахъ хлѣба по половинной цѣнѣ, какими оно надѣется привлечь его на свою сторону [1]),

---

[1]) См. Moniteur 27 января 91 года, № 27, а также l'Histoire de la révolution par deux amis de la liberté (томъ V, стр. 380).

Два дня спустя, 27 января, домъ графа Клермонъ Тоннера, главнаго основателя клуба монархистовъ, былъ окруженъ вооруженной толпой, и національной гвардіи пришлось предотвратить своимъ вмѣщательствомъ взятіе его штурмомъ. Обвиненія, взводимыя на членовъ монархическаго клуба—въ желаніи «развратить народъ» своими милостями, вскорѣ нашли нѣкоторое подтвержденіе въ отказѣ, сдѣланномъ секціей французскаго театра въ Парижѣ принять даръ въ 208 ливровъ 3 су въ пользу наиболѣе бѣдныхъ патріотовъ. Этотъ отказъ сопровождался изданіемъ противъ клуба весьма энергичнаго протеста, текстъ котораго составленъ былъ въ клубѣ кордельеровъ и отпечатанъ въ Парижской хроникѣ [1]). Примѣру секціи французскаго театра послѣдовала вскорѣ секція Люксембурга; и она послала отказъ, «принимая, какъ значится въ Монитерѣ, въ разсчетъ причины, вызвавшія пожертвованія и тѣ послѣдствія, какія оно можетъ имѣть» [2]).

28 марта сдѣлана была новая попытка вооружить толпу противъ монархическаго клуба. Снова предпринята была его осада и муниципальныя власти воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы закрыть его совсѣмъ [3]). Не однимъ только клубамъ, преслѣдовавшимъ враждебныя имъ цѣли, оказывали якобинцы открытое противодѣйствіе. То же надо сказать и по отношенію къ мѣстнымъ властямъ. Якобинскій клубъ въ Узесѣ въ печатномъ адресѣ обвинялъ передъ собраніемъ муниципалитетъ города въ противодѣйствіи истиннымъ друзьямъ свободы и въ тайномъ подготовленіи возстанія [4]). И что же дѣлаетъ собраніе? Оно, жалуется авторъ памфлета, уполномочиваетъ одинъ изъ своихъ комитетовъ, комитетъ рапортовъ, произвести слѣдствіе противъ

---

[1]) Les Cordelières. Documents pour servir a l'Histoire de la révolution française par Alfred Bougeard, стр. 304.

[2]) См. Moniteur, 7 фев. 91. г., № 38.

[3]) См. примѣчанія къ мемуарамъ Малуэ, сдѣланныя его внукомъ, барономъ Малуэ, въ 1874 году, томъ II, стр. 59.

[4]) См. L'adresse de la société des amis de la constitution d' Uzès, exposant les dangers qu'ils ont courus et qu'ils courent encore, lue dans la séance de l'Assemblée nationale du 12 mars 1791. (Archives parlementaires, t. XXIV, p. 51).

муниципалитета и предать его верховному національному суду въ Орлеанѣ. А друзья конституціи въ Волони не сочли ли возможнымъ сдѣлать одновременно доносъ и якобинскимъ клубамъ во всей Франціи, и національному собранію на депутатовъ бальяжа Кутанси, рѣшившихъ опротестовать постановленіе недавняго декрета о завѣщательныхъ распоряженіяхъ, постановленіе, отмѣнявшее дѣйствіе нормандскаго кутюма? Не старались ли они вызвать противъ одного изъ этихъ депутатовъ открытый мятежъ въ средѣ крестьянъ (рѣчь идетъ о депутатѣ отъ дворянства, де-Сотевилль)? И національное собраніе не только не возстало противъ такого образа дѣйствій, но, наоборотъ, высказалось въ его пользу [1]).

Не всегда, впрочемъ, клубы принимали въ провинціяхъ сторону народнаго мятежа, не всегда высказывались они враждебно къ существующимъ муниципальнымъ властямъ. Якобинскій клубъ въ Монтаржисѣ подъ руководствомъ будущаго республиканца Манюэля давалъ примѣръ уваженія къ порядку, призывая въ своихъ адресахъ къ платежу налоговъ и высказывая открыто сочувствіе меру и начальнику мѣстной гвардіи, воспротивившимся задержанію силой хлѣбныхъ транспортовъ, предназначенныхъ къ вывозу изъ Шатильона [2]). Центральный клубъ даетъ въ этомъ отношеніи примѣръ всѣмъ мѣстнымъ клубамъ. Адресъ, направленный имъ 15 марта 91 года къ аффиліированнымъ ему сообществамъ, адресъ, редакція котораго принадлежала Барнаву, взывая къ солидарности, въ то же время предлагаетъ принять въ руководство законъ, сдѣлавшійся нынѣ «выраженіемъ общей воли и торжествомъ всѣхъ интересовъ». «Когда, значится въ адресѣ, народъ положилъ основы своему устройству, уваженіе къ законамъ становится его первой обязанностью; когда, завоевавъ свободу, онъ приступаетъ къ упроченію ея съ помощью конституціонныхъ законовъ, религіозное благоговѣніе передъ этими законами служитъ лучшимъ залогомъ счастливаго

---

1) Avis aux Français sur les Clubs, стр. 272 и 273. (Aulard, томъ II).

2) Adresse de la Société des Amis de la constitution de Montargis, aux Maires et Officiers Municipaux du District (3 ноября 90 года). Arrêté de la société des amis de la constitution de Montargis. См. Les lettres de P. Manuel, Paris. An. III de la libérté, стр. 158 и 275.

окончанія революціи». «Друзья конституціи! скажите народу, что всякое проявленіе съ его стороны мятежной ревности вредитъ тому довѣрію, какое должна вызвать конституція; что его нетерпѣніе удаляетъ отъ него многихъ мирныхъ гражданъ, заставляетъ его друзей терять смѣлость и налагать на себя нѣкоторую удержь въ защитѣ его интересовъ; скажите ему также, что представители націи непрерывно преслѣдуютъ свои широкія цѣли и что ихъ усилія поддерживаются королемъ, добродѣтели котораго содѣйствуютъ упроченію за монархіей того характера конституціонности, при которомъ она является благомъ для народа и залогомъ прочности правительства» [1]). Очевидно, что написанный въ такомъ духѣ адресъ не могъ встрѣтить поддержки въ томъ республиканскомъ меньшинствѣ, какое, какъ мы сказали выше, группировалось около Бриссо и издаваемаго имъ «Французскаго Патріота». Неудивительно поэтому, если въ этой газетѣ появился энергическій протестъ противъ той монархической программы, какую центральный клубъ якобинцевъ старался навязать своимъ провинціальнымъ корреспондентамъ. Этотъ протестъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ первое коллективное выраженіе чисто республиканскихъ взглядовъ.

Въ адресѣ клуба, составленномъ Барнавомъ, встрѣчалось между прочимъ упоминаніе о близкомъ окончаніи національнымъ собраніемъ той части его работъ, которая должна была повесть къ изданію «неизмѣнной хартіи конституціонныхъ законовъ». «Въ этой фразѣ, пишетъ Бриссо, заключается великая ересь, ересь, которая могла бы повесть къ упраздненію нашей свободы и суверенитета націи, если бы всѣ согласились принять ее. Національное собраніе не имѣетъ права установить и притомъ незыблемо конституціонные законы. Когда господинъ Барнавъ успѣетъ ознакомиться съ элементарными требованіями всякой соціальной и политической организаціи, онъ несомнѣнно убѣдится, что неизмѣнными можно считать только естественныя права, какія выражены въ текстѣ деклараціи; а это такія права, которыя могутъ обойтись безъ установленія ихъ собра-

[1]) Adresse de la Société des Amis de la constitution de Paris aux sociétés qui lui sont affiliées (Aulard, томъ II, стр. 185).

ніемъ. Онъ убѣдится также, что конституціонные законы, другими словами, тѣ, которые касаются организаци властей, по самой природѣ своей подвержены измѣненіямъ; что народу можетъ представиться болѣе удобнымъ имѣть одно время наслѣдственную исполнительную власть, а другое—выборную; сегодня—единство избирательнаго корпуса, завтра—дробленіе его на двѣ секціи; что онъ можетъ пожелать, чтобы распоряженіе финансами то сосредоточивалось въ рукахъ исполнительной власти, то въ рукахъ законодательнаго корпуса и т. п. Народъ можетъ мѣнять эти различные виды конституціоннаго устройства, когда онъ признаетъ это нужнымъ; но онъ ни въ какое время не можетъ отказаться отъ этого права дѣлать измѣненія: оно неразлучно съ нимъ, въ немъ лежитъ его суверенитетъ... Мы беремся доказать господину Барнаву, когда представится къ тому удобный случай, что народъ одинъ вправѣ установлять конституціонные законы и что эти законы могутъ подлежать измѣніямъ въ опредѣленныя эпохи, только право дѣлать эти измѣненія принадлежитъ не членамъ законодательнаго собранія, а народнымъ делегатамъ, непосредственно избраннымъ для этой цѣли... Нетрудно также убѣдиться, что порядки, благопріятные свободѣ, могутъ быть установлены прочно и помимо наслѣдственной монархіи... При господствѣ равенства наслѣдственность королевской власти, нѣкогда необходимая, какъ препятствіе къ кровопролитіямъ, вызываемымъ желаніемъ отдѣльныхъ аристократическихъ партій, въ родѣ арманьяковъ и бургиньоновъ, овладѣть престоломъ, въ настоящее время совершенно лишняя: это плотина противъ несуществующаго моря, это предотвратительное средство противъ уже исчезнувшей проказы» [1]).

При вдумчивомъ отношеніи къ только что прочитаннымъ строкамъ нетрудно открыть въ нихъ зародышъ тѣхъ основныхъ положеній, изъ которыхъ составлена будетъ ближайшимъ образомъ политическая программа республиканцевъ. Бриссо, строго говоря, отправляется въ своей критикѣ отъ ученія, провозглашеннаго еще Руссо и своеобразно развитого Мабли, ученія, ко-

[1]) Patriote Français 17 марта 91 года. Сборникъ Aulard, т. II (La société des Jacobins), стр. 190 и слѣд.

торое гораздо раньше было уже высказано радикальной партіей въ эпоху англійской республики и протектората Кромвеля и вмѣстѣ съ нею прошло въ Новый Свѣтъ. Сущность его составляетъ признаніе, что суверенитетъ народа предполагаетъ въ немъ право постояннаго измѣненія самихъ основъ своего политическаго устройства; что это право не можетъ быть делегировано постоянному органу законодательной власти, какимъ является палата представителей; что никому, какъ народу, предстоитъ высказаться на счетъ желательныхъ въ его глазахъ измѣненій въ конституціи и неизмѣнными остаются только установленные природой законы, какими философія XVIII вѣка считала неприкосновенность личности и собственности во всѣхъ ея своеобразныхъ проявленіяхъ и подъ общимъ терминомъ «естественныхъ правъ». Все отличіе программы Бриссо отъ той, какая будетъ положена въ основу конституціи 93 года, сводится къ предоставленію учредительной власти народа въ руки спеціальныхъ его делегатовъ. Конституція же 93 года выскажется за прямое голосованіе избирателями «основныхъ законовъ». Въ этомъ отношеніи демагоги, собиравшіеся въ клубѣ кордельеровъ и не ставившіе еще вопроса о республикѣ, шли, какъ мы видѣли, уже въ это время значительно дальше Бриссо. Имъ, а не жирондистамъ, должна быть приписана мысль о возможности, вопреки мнѣнію Руссо, достигнуть непосредственнаго участія народа въ дѣлахъ государства, несмотря на обширность территоріи и отсутствіе федеративнаго устройства. Для этого, полагаютъ они, слѣдуетъ только признать за народомъ прямой починъ въ учредительной дѣятельности, починъ однохарактерный въ принципѣ съ тѣмъ, какой признанъ за нимъ новѣйшимъ законодательствомъ Швейцаріи [1]).

Мы указали пока лишь на сходство главныхъ основъ республиканскаго устройства 93 года съ программой французскихъ радикаловъ 91 г., радикаловъ, ратовавшихъ въ пользу удержанія за народомъ полноты учредительной власти. Намъ необходимо еще отмѣтить тотъ фактъ, что и въ частностяхъ сдѣланная

---

[1]) Федеральный законъ, дающій опредѣленному числу избирателей право требовать обсужденія извѣстныхъ реформъ представительными палатами, проведенъ въ Швейцаріи лѣтомъ 1891 г.

сдѣланная Бриссо критика адреса якобинцевъ намѣчаетъ весьма полно тѣ вопросы, по которымъ его партія разойдется съ дѣятелями 89 года и положитъ начало новому политическому устройству Франціи. Это, во-первыхъ, вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ должно быть сосредоточено распоряженіе народными финансами, въ рукахъ ли назначаемаго однимъ королемъ министра, или вышедшаго изъ среды палаты комитета. Съ этимъ вопросомъ связанъ будетъ другой однохарактерный, возможно ли оставить за исполнительной властью то средство воздѣйствія на рѣшенія народнаго представительства, какое дастъ ей существованіе цивиль-листа, значительнаго по своимъ размѣрамъ и неизмѣннаго денежнаго дохода, часть котораго, какъ доказывалъ Мирабо, съ пользою можетъ быть затрачена на подкупъ депутатовъ [1]. На ряду съ этими двумя вопросами, которые въ сущности сводятся къ одному, къ отнятію у исполнительной власти и сосредоточенію въ рукахъ народнаго представительства всей внутренней администраціи, очевидно, немыслимой безъ денежныхъ затратъ, Бриссо ставитъ еще вопросъ о раздѣлѣ народнаго представительства на двѣ секціи. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ Сіейсомъ еще въ 89 году и оживленіе его въ настоящее время, когда на очередь снова выступилъ проектъ устройства, если не наслѣдственной пэріи, то пожизненнаго сената, доказываетъ, что предводимая Бриссо партія желала быть готовой на всѣ случайности и собиралась отразить доводы сторонниковъ двухъ палатъ включеніемъ въ свою программу такихъ мѣръ, которыя, не колебля начала единства народнаго представительства, въ то же время обезпечивали бы возможность двоекратнаго обсужденія законопроектовъ. Возставая противъ всякой сословности и объявляя поэтому, напримѣръ, англійскую палату лордовъ «готическимъ предразсудкомъ», Сіейсъ въ то же время не

---

[1]) Корреспондентъ польскаго двора пишетъ 14 мая 91 года: король истратилъ свой «цивиль-листъ»; онъ много раздалъ денегъ шпіонамъ, которымъ поручено выслѣживать якобинцевъ и въ особенности орлеанистовъ. (Томъ II, стр. 527. Correspondence secrète, изд. De Lescure). 15 мая 1791 года Моррисъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ разговорѣ съ Монмореномъ онъ не могъ скрыть своего неодобренія системѣ подкупа депутатовъ (Томъ I, стр. 420).

отрицалъ той пользы, какую представляетъ двухкамерная система и считалъ возможнымъ достигнуть представляемыхъ ею удобствъ раздѣломъ палаты на секціи [1]). Эту то мысль и присвоивалъ себѣ въ настоящее время Бриссо и члены его партіи, видѣвшіе въ ней съ полнымъ основаніемъ возможность отклонить ту опасность, какой въ ихъ глазахъ грозило народному самодержавію и интересамъ демократіи созданіе пожизненнаго сената. Въ концѣ мая будущій жирондистъ Бюзо уже внесъ предложеніе раздѣла національнаго собранія на двѣ камеры, изъ которыхъ каждая должна была поочередно обсуждать внесенные въ собраніе законопроекты. Жребію предоставлялось опредѣлить личный составъ этихъ камеръ. Предложеніе не было принято, но конституціонный комитетъ, наравнѣ съ комитетомъ для ревизіи изданныхъ собраніемъ декретовъ и редакціи окончательнаго текста учредительныхъ законовъ, объявили себя въ пользу принятія мѣръ, препятствующихъ излишней быстротѣ рѣшеній и обезпечивающихъ болѣе толковое обсужденіе. Говоря объ этомъ, англійскій посолъ, графъ Гауеръ, высказываетъ надежду, что въ этомъ смыслѣ сдѣланы будутъ ближайшимъ образомъ измѣненія въ текстѣ конституціи [2]). Такимъ образомъ, еще въ эпоху учредительнаго собранія люди, стоявшіе во главѣ республиканскаго движенія, высказываясь въ пользу единства народнаго представительства, въ то же время стояли за раздѣлъ его на двѣ камеры и двоекратное обсужденіе законовъ. Но дѣленіе національнаго собранія на секціи, при сохраненіи единства представительства, составляетъ, какъ извѣстно, завѣтную мысль жирондистовъ. Мы въ правѣ сказать, слѣдовательно, что и въ этомъ отношеніи Бриссо является провозвѣстникомъ тѣхъ взглядовъ, защиту которыхъ возьметъ на себя эта партія. Наконецъ, послѣдній вопросъ, подымаемый имъ при критикѣ адреса якобинцевъ, тотъ самый, какой рѣшенъ будетъ жирондистами въ его же смыслѣ 10 августа 92 года. Это вопросъ объ отвѣтственности не однихъ министровъ, но и перваго чиновника государства—короля.

И такъ, программа республиканской партіи является вполнѣ установленной еще раньше бѣгства Людовика XVI-го въ Вареннъ.

[1]) Qu'est-ce que le tiers état?

[2]) Депеша отъ 27 мая 1791 г.

ГЛАВА IV.

Бѣгство въ Вареннъ и его политическія послѣдствія [1]).

Въ утро 21 іюня служители Тюльерійскаго дворца нашли его пустымъ. Пушечнымъ выстрѣломъ данъ былъ знакъ къ тревогѣ. Народъ бросился на улицы и площади, клубы объявили себя постоянными, и ярость толпы сказалась въ уничтоженіи на публичныхъ зданіяхъ надписи «королевскій» и замѣнѣ ея словомъ «народный».

Въ 9 часовъ утра открылось національное собраніе; оно призвало къ себѣ министровъ, объявило имъ, что они впредь не должны получать приказовъ ни отъ кого, помимо его, и разослало во всѣ стороны полномочія «задержать враговъ отечества, похитившихъ короля и его семью». Завѣдывавшій цивиль-листомъ де-Лапортъ вскорѣ предсталъ предъ лицомъ собранія, исполняя порученіе, возложенное на него королемъ. Оно состояло въ передачѣ прокламаціи, составленной Людовикомъ XVI и обращенной ко всему народу. Этотъ документъ представляетъ собою нѣкоторымъ образомъ критику конституціи 91 года съ точки зрѣнія интересовъ исполнительной власти. Изложеніе его

---

[1]) Всѣ обстоятельства этого бѣгства переданы подробно Victor Fournel въ его L'affaire de Varennes (1892 года). Событія, его вызвавшія, нашли вѣрную оцѣнку въ сочиненіи Freiherr'a Ernst von Stockmar, Ludwig XVI und Marie Antoinette auf der Flucht nach Montmédy. Berlin. 1890. Мы тѣмъ охотнѣе отсылаемъ къ нему читателей, что, согласно принятому нами плану давать не столько изложеніе, сколько оцѣнку событій, должны отказаться сами отъ всякихъ фактическихъ подробностей.

естественно находитъ себѣ мѣсто въ исторіи этой конституціи. Редакція манифеста всецѣло принадлежитъ Людовику XVI. Фелье де Коншъ имѣлъ въ своихъ рукахъ черновикъ, написанный рукой короля и заключающій въ себѣ не мало помарокъ. Самыя эти помарки не лишены важности. Исключенныя мѣста содержатъ въ себѣ указанія на тѣ частныя постановленія конституціи, которыми король былъ особенно недоволенъ. Мы считаемъ поэтому нужнымъ познакомить и съ ними читателя, чтобы съ большею полнотою представить дѣйствительное отношеніе короля къ учредительной дѣятельности національнаго собранія. Король начинаетъ съ констатированія факта, что съ октября 89 года онъ лишенъ свободы въ пользованіи своимъ вето и, раскрывая предъ собраніемъ дѣйствительный источникъ той видимой готовности, съ которой приняты были имъ всѣ представленные на его утвержденіе конституціонные декреты, говоритъ, что отсутствіе свободы лишаетъ всякой силы все сдѣланное имъ со времени насильственнаго его переселенія въ Парижъ. Такое заявленіе, очевидно, было равнозначительно признанію ничтожнымъ всего дѣла конституціи, начиная съ постановленій о единствѣ народнаго представительства и королевскомъ вето.

Всѣ эти вопросы, какъ мы видѣли, рѣшены были окончательно уже послѣ пятаго октября. Король мотивируетъ свой приговоръ надъ конституціей заявленіемъ, что монархія разрушена, и характеръ всѣхъ властей понятъ ложно. Онъ жалуется въ то же время, что принципъ собственности поколебленъ и личная безопасность необезпечена; анархія воцарилась въ дѣлѣ законадательства; тотъ видимый авторитетъ, какимъ надѣлила короля конституція, недостаточенъ и не позволяетъ положить конца даже единому изъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ королевство... Всѣ наказы высказывали желаніе, чтобы законы издаваемы были съ участія короля, но, пренебрегая волею націи, собраніе поставило короля внѣ конституціи (l'assemblée a mis le Roi tout à fait hors de la constitution). Оно достигло этого, отказавъ королю въ правѣ утверждать законы, признаваемые за учредительные, а также сохранивши за нимъ по отношенію къ прочимъ законамъ лишь право отсрочивать ихъ исполненіе,—право по существу своему ничтожное (illu-

soire), какъ доказалъ опытъ. Въ первоначальномъ текстѣ король давалъ слѣдующее развитіе этой мысли: вето, срокъ котораго истекаетъ съ момента созыва если не ближайшаго, то слѣдующаго за нимъ собранія, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи къ наказамъ; оно сдѣлалось вполнѣ непримѣнимымъ благодаря тѣмъ пріемамъ, какіе были пущены въ ходъ, чтобы вынудить королевское признаніе. Такъ, когда королю представили декларацію правъ и первыя статьи конституціи, и онъ счелъ нужнымъ представить свои возраженія, собраніе, не довольствуясь полученнымъ отвѣтомъ, продолжало настаивать на санкціи, и эта санкція дана была 5 октября въ то время, когда тридцатитысячная вооруженная толпа двигалась на Версаль. Позднѣе враги монархіи въ національномъ собраніи, увѣренные въ своей силѣ, сочли возможнымъ избивать себя даже отъ этихъ формальностей. Они склонили собраніе къ изданію декрета, которымъ учредительные законы изъяты были отъ представленія королю. Такимъ образомъ было признано, что король по отношенію къ нимъ не можетъ отказать въ санкціи, и въ то же время не было опредѣлено, какіе именно законы должны считаться конституціонными, о за докладчикомъ оставлена свобода распространить это понятіе на любые законы. Этими мѣрами устранена была всякая кооперація короля въ рѣшеніи вопросовъ первостепенной важности, какъ для королевства, такъ и для него самого. Ибо какое значеніе могли бы имѣть заявленія короля противъ того или другого декрета, исполненію котораго онъ не можетъ противиться?

Въ исключенной королемъ части манифеста Людовикъ XVI жалуется на то, что національное собраніе оказывало и оказываетъ систематическое недовѣріе къ его министрамъ, несмотря на то, что часть этихъ министровъ (разумѣется Неккеръ и поддерживающіе его члены кабинета), тѣ самые, кого король счелъ нужнымъ вернуть въ свой совѣтъ въ виду желанія, высказаннаго самимъ собраніемъ, а другая (имѣется въ виду епископъ бордоскій де Сисэ) взята была изъ среды депутатовъ. Противодѣйствіе народнаго представительства заставило министровъ въ концѣ 1790 г. подать въ отставку. Но и смѣнившіе ихъ совѣтники, несмотря на свое завѣдомое пристрастіе къ революціи, не пользуются

ни милостями, ни довѣріемъ собранія; все дѣлается его комитетами и чрезъ ихъ посредство собраніе фактически сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ и законодательство, и исполненіе, и судъ. Комитеты разслѣдованій и рапортовъ составляютъ для него какія-то внѣсудебныя слѣдствія, форма которыхъ еще хуже той, какой придерживались вызвавшія столько жалобъ чрезвычайныя комиссіи. Отдавая тайные приказы, предписывая произвольныя задержанія, комитетъ разслѣдованій ежедневно нарушаетъ основныя постановленія деклараціи правъ. Каждый разъ, когда въ собраніи говорятъ дурно о правительствѣ и предлагаютъ мѣры къ сокращенію правъ и преимуществъ королевской власти, можно съ полной увѣренностью ожидать самыхъ рѣшительныхъ знаковъ одобренія со стороны толпящейся на галлереяхъ публики, которая, къ стыду собранія, своими криками и буйствомъ устраняетъ совершенно ту свободу обсужденія, безъ которой ничтожны принимаемыя депутатами рѣшенія. Не только галлереи вмѣшиваются въ пренія, но толпа, окружающая собраніе, позволяетъ себѣ даже обиды по адресу тѣхъ изъ депутатовъ, которые держатся различныхъ съ нею взглядовъ. Клубы Парижа, якобинскій, кордельеровъ и т. д., обсуждаютъ всѣ вопросы, долженствующіе поступить на рѣшеніе собранія, и депутаты, присутствующіе на этихъ дебатахъ, связываютъ себя словомъ вотировать не такъ, какъ требуютъ этого ихъ наказы, а такъ, какъ постановлено въ клубахъ. Распространенныя по всему королевству подъ наименованіемъ «друзей конституціи», эти сообщества, завися отъ якобинскаго клуба въ Парижѣ, вмѣшиваются во всѣ части управленія и располагаютъ гораздо бо̀льшимъ вліяніемъ, чѣмъ выбираемые народомъ административные совѣты. Часто даже новые суды не смѣютъ постановлять приговоровъ противъ воли этихъ клубовъ. Они присвоили себѣ деспотическую власть, несравненно бо̀льшую, чѣмъ тѣ парламенты и верховныя палаты, на которыхъ еще недавно сыпалось столько нападковъ.

Въ окончательномъ текстѣ не встрѣчается всѣхъ только что приведенныхъ деталей. Ограничившись общимъ заявленіемъ о недостаточности признаннаго за нимъ вето, сказавши, что ассигнованныхъ 25 милліоновъ не хватаетъ на покрытіе всѣхъ отнесен-

ныхъ на счетъ цивиль-листа издержекъ, не личныхъ, а правительственныхъ, и что оставленные за короной домены составляютъ только часть тѣхъ, которые прежде принадлежали ей, король, переходитъ къ критикѣ по группамъ тѣхъ постановленій конституціи, которыя касаются устройства законодательной и судебной власти, внутренняго и внѣшняго управленія и финансовой администраціи. Онъ протестуетъ противъ того, что у него отнято право законодательнаго почина; такъ онъ можетъ только пригласить собраніе заняться обсужденіемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ, предпринять тѣ или другія реформы. Хотя правосудіе и отправляется его именемъ и члены магистратуры получаютъ отъ него патенты на должность, но самый выборъ ихъ перешелъ въ руки народа. Король можетъ назначать только комиссаровъ при судахъ, у которыхъ собраніе поспѣшило отобрать большую часть функцій прежнихъ генеральныхъ прокуроровъ и между прочимъ обвиненіе. Одинъ изъ послѣднихъ декретовъ (декретъ, изданный за нѣсколько дней до бѣгства и, можетъ быть, укрѣпившій Людовика XVI въ намѣреніи оставить столицу) лишилъ его права помилованія.

Король настаиваетъ на необходимости этого права въ виду неибѣжнаго несовершенства законовъ и замѣчаетъ: «отнятіе его уменьшаетъ престижъ моей власти въ глазахъ народа, издавна привыкшаго прибѣгать къ монарху во всѣхъ своихъ печаляхъ и бѣдствіяхъ, искать у него, какъ у общаго всѣмъ отца, утѣшенія и милости. Обращаясь къ внутренней администраціи, Людовикъ XVI справедливо говоритъ, что она всецѣло перешла въ руки департаментовъ, округовъ и муниципалитетовъ, пружинъ, слишкомъ сложныхъ для быстраго хода правительственной машины. Эти разнообразныя власти не всегда дѣйствуютъ единодушно и нерѣдко мѣшаютъ другъ другу. Всѣ онѣ къ тому же, какъ избранныя народомъ, обнаруживаютъ свою зависимость отъ правительства только тогда, когда дѣло идетъ о приведеніи въ исполненіе ихъ собственныхъ рѣшеній. Онѣ не ждутъ отъ него никакихъ милостей; подвергнуть же ихъ карѣ практически почти невозможно: такъ сложны тѣ формы, какимъ правительство должно подчиняться въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ министры не имѣютъ серьезнаго контроля за ихъ дѣя-

тельностью, да и сами эти административные совѣты лишены силы и значенія. Общества друзей конституціи, свободныя отъ всякой отвѣтственности, пользуются гораздо большимъ вліяніемъ и тѣмъ самымъ парализуютъ дѣйствія власти.

Хотя распоряженіе военными средствами и оставлено въ рукахъ короля и самъ онъ объявленъ верховнымъ начальникомъ арміи и флота, но все касающееся устройства оборонительныхъ силъ выработано было комитетами безъ малѣйшаго участія съ его стороны, не исключая даже деталей военной дисциплины. За королемъ удержано право замѣщенія четвертой части офицерскихъ мѣстъ, но и это право сводится на ничто, благодаря противодѣйствію, какое оказываютъ его осуществленію. Клубы и административныя собранія вмѣшиваются во внутренніе распорядки полковъ, при чемъ первые вносятъ въ армію духъ неповиновенія начальству, а что такое можетъ быть армія безъ начальства и дисциплины?

Назначеніе на дипломатическіе посты, какъ и веденіе международныхъ сношеній, оставлено въ рукахъ короля, но свобода его и въ этомъ отношеніи такъ же стѣснена, какъ и при назначеніи офицеровъ арміи. Пересмотръ и утвержденіе трактатовъ самимъ собраніемъ и постоянное вмѣшательство его дипломатическаго комитета сводятъ на ничто право короля руководить внѣшней политикой. Людовикъ XVI ничего не имѣетъ противъ ограниченія его права объявлять войну, но онъ не понимаетъ причины, по которой у короля, составляющаго одно съ націй, отнято право заключенія мира. Онъ думаетъ, что ни одна держава не согласится вступить въ соглашенія съ Франціей, разъ эти соглашенія будутъ нуждаться въ ревизіи и утвержденіи собранія. Тайна, необходимая въ дипломатіи, не можетъ быть сохранена при неизбѣжной публичности засѣданій народнаго представительства. Въ сферѣ финансоваго управленія распредѣленіе издержекъ, взиманіе налоговъ, разверстка ихъ между департаментами — поставлены внѣ надзора короля. Его лишили даже возможности раздавать мелкія пожалованья (пенсіи) въ пользу нуждающихся. Короля объявили верховнымъ администраторомъ государства и ввѣрили ему составленіе министерства, но позднѣйшіе по времени декреты опредѣлили его устройство до мелочей, такъ что король ничего не мо-

жетъ измѣнить въ немъ безъ новыхъ рѣшеній собранія. Вожакамъ господствующей партіи удалось породить такое недовѣріе ко всѣмъ агентамъ правительства, что въ настоящее время почти невозможно найти лицъ, готовыхъ занять эти посты.

Недостатки правительственной организаціи еще усиливаются отъ постояннаго вмѣшательства комитетовъ и мѣстныхъ клубовъ. Первые содѣйствовали присвоенію законодательному собранію административныхъ функцій, вторые фактически подчинили своему авторитету всѣ административные и судебные органы и даже само собраніе. Король признаетъ невозмо́жнымъ управлять такимъ обширнымъ государствомъ, какъ Франція, съ помощью тѣхъ полномочій, какія даны ему депутатами. Настроеніе клубовъ служитъ ему ручательствомъ, что и эти полномочія считаются чрезмѣрными и что готовится въ ближайшемъ будущемъ уничтоженіе послѣднихъ остатковъ монархіи съ тѣмъ, чтобы на ея развалинахъ построить какой-то метафизическій образъ правленія, практически непримѣнимый (un gouvernement métaphysique et philosophique, impossible dans son éxécution).

Людовикъ XVI заканчиваетъ свой манифестъ перечнемъ обидъ, причиненныхъ ему лично. Онъ говоритъ о задержаніи его экипажа, когда онъ собрался въ Сентъ-Клу, о препятствіяхъ, поставленныхъ его теткамъ, при оставленіи ими королевства, объ удаленіи изъ его часовни настоятеля, не желавшаго принесть присяги въ соблюденіи гражданской конституціи духовенства, о необходимости въ день Пасхи присутствовать при богослуженіи не признаваемаго Римомъ пресвитера. «О французы! восклицаетъ онъ, и въ особенности вы, парижане, вы жители города, который мои предки называли своимъ добрымъ городомъ, вернитесь къ вашему королю; онъ всегда будетъ вашимъ отцомъ, вашимъ лучшимъ другомъ! Какъ охотно забудетъ онъ свои личныя обиды и пойдетъ съ вами за-одно, разъ конституція, свободно имъ признанная, обезпечитъ уваженіе къ религіи, правительство будетъ поставлено сколько-нибудь прочно и пріобрѣтетъ возможность противиться посягательству на собственность и законы, однимъ словомъ, разъ свобода получитъ непоколебимые устои» [1]).

[1]) Louis XVI, Marie Antoinette et madame Elisabeth, par Feuillet de Conches, томъ II, стр. 95—119.

Только что изложенный манифестъ отвѣчаетъ, какъ намъ кажется, на вопросъ, какія послѣдствія могъ бы имѣть для Франціи успѣшный исходъ той реакціи, начало которой было положено оставленіемъ Парижа Людовикомъ XVI. О контръ-революціи, въ строгомъ смыслѣ слова, въ этомъ документѣ нѣтъ и помину. Если сопоставить его съ той декларацiей отъ 23 іюня 89 года, которой король думалъ одно время задержатъ ходъ революціи, трудно будетъ не вынести того впечатлѣнія, что въ своемъ манифестѣ Людовикъ XVI дѣлаетъ несравненно большія уступки общественному мнѣнію, чѣмъ тѣ, на какія онъ согласенъ былъ прежде. Такимъ образомъ подтверждаются слова Маріи Антуанетъ въ письмѣ къ графу Мерси отъ 9 февраля 91 года: «Мы намѣрены положить въ основу конституціи декларацію 23 іюня, но сдѣлавши въ ней тѣ измѣненія, какія отвѣчали бы ходу событій и современнымъ обстоятельствамъ (avec les modifications que les circonstances et les événements ont du y apporter [1]). Король вполнѣ отказывался отъ того союза съ дворянствомъ, отъ той защиты его сословныхъ привилегій и феодальныхъ правъ, которая вызвала такое заслуженное недовольство въ средѣ національнаго собранія и отчасти обусловила собою возстаніе 14 іюля. Онъ ни словомъ не выражаетъ своего порицанія декретамъ 4 августа, отмѣнѣ барщины и крѣпостныхъ повинностей, чинша, церковной десятины, разнообразнѣйшихъ видовъ феодальныхъ платежей, податныхъ и судебныхъ привилегій дворянства; онъ не говоритъ также ничего въ пользу возстановленія сословныхъ палатъ или даже той аристократической періи, о которой мечталъ Мунье и конституціоналисты. Нельзя найти въ словахъ короля прямой или косвенной защиты ни старинныхъ провинціальныхъ вольностей, ни преимуществъ верховныхъ палатъ. Монархисты партіи д'Эпремениля едва ли могли прочесть много для себя утѣшительнаго въ только что приведенномъ манифестѣ. Уже декларація 4 февраля 90 года обнаруживала въ королѣ рѣшительнаго сторонника новаго департаментскаго дѣленія Франціи, упразднившаго тѣ различія между провинціями, какія извѣстны были старому порядку, и распространившаго на всѣ части страны ту

---

[1]) Feuillet de Conches, томъ I, стр. 448, письмо 3 февр. 91 года.

систему мѣстнаго представительства, путь къ которой былъ проложенъ реформами самого Людовика XVI. Зная сочувствіе короля къ этой части учредительной дѣятельности собранія, мы легко можемъ повѣрить свидѣтельству современниковъ, что онъ самъ охотно выкраивалъ на картѣ границы новыхъ департаментовъ. О сочувствіи его верховнымъ палатамъ, въ борьбѣ съ которыми прошла первая половина его царствованія, очевидно, трудно было думать, и неудивительно, если его мысли въ этомъ отношеніи ничѣмъ не расходились съ мыслями Морриса, видѣвшаго въ отмѣнѣ парламентовъ едва ли не лучшее дѣло революціи. Прямое подтвержденіе этому мы находимъ въ письмѣ королевы къ графу Мерси отъ 3 февраля 91 года. Предваряя его о будущемъ бѣгствѣ изъ Парижа и о проектѣ обнародованія королемъ конституціи собственной властью, королева говоритъ между прочимъ, что если парламенты будутъ возстановлены, то только какъ обыкновенные суды, безъ всякаго права вмѣшиваться въ администрацію и финансы [1]).

Всего ближе стоятъ взгляды короля на несовершенства конституціи къ тѣмъ, какіе высказывалъ Мирабо. Подобно Мирабо, король оставляетъ въ сторонѣ интересы дворянства, подобно ему онъ отправляется отъ идеи сословнаго равенства, подобно ему онъ озабоченъ прежде всего и исключительно поднятіемъ престижа королевской власти, сообщеніемъ силы и энергіи исполненію. Мирабо стоялъ за абсолютное вето, и король, не высказывая открыто этого требованія, повидимому, склоненъ включить его въ свою программу. Мирабо настаивалъ на большей свободѣ исполнительной власти въ регулированіи международныхъ сношеній и, въ частности, хотѣлъ предоставить королю иниціативу мирныхъ договоровъ, оставляя въ то же время объявленіе войны въ рукахъ собранія. То же дѣлаетъ и Людовикъ XVI. Мирабо не видѣлъ необходимости устранять депутатовъ отъ занятія министерскихъ постовъ, и Людовикъ XVI спѣшитъ заявить о томъ, что онъ самъ старался засвидѣтельствовать о своемъ довѣріи собранію, выбирая въ министры людей, или непосредственно рекомендованныхъ народнымъ представительствомъ, или взя-

[1]) Feuillet de Conches, стр. 447 тома I.

тыхъ прямо изъ его среды. Мирабо нападалъ на присвоеніе собраніемъ всѣхъ видовъ властей; то же дѣлаетъ и король, воюя съ его комитетами.

Но не одинъ только Мирабо наложилъ печать своего вліянія на этотъ документъ; на каждомъ шагу чувствуется, что авторъ его проникся чтеніемъ Бёрка [1]), и не одного Бёрка, но и всѣхъ тѣхъ въ лагерѣ конституціоналистовъ-англомановъ, кто раньше его и въ противность Мирабо, не измѣнившаго своей прежней вѣрѣ въ необходимость опереть монархію на народную автономію,—вѣрѣ, общей ему со всѣми физіократами, доказывалъ вредъ избираемыхъ судей и столь же избираемыхъ департаментскихъ, окружныхъ и муниципальныхъ властей. Отпечатокъ идей Бёрка носятъ также тѣ части манифеста, въ которыхъ говорится, что король, лишенный иниціативы въ репрессіи и возможности вознаграждать заслуги, поставленъ въ положеніе какого-то исполнителя чужихъ административныхъ мѣропріятій,—положеніе, которое Бёркъ, какъ мы видѣли, сравнивалъ съ незавидною ролью палача. Все, что король говоритъ о невозможности поддержать дисциплину въ арміи при вмѣшательствѣ въ ея администрацію департаментскихъ и муниципальныхъ совѣтовъ и еще болѣе клубовъ, стоитъ весьма близко къ тому, что не разъ было высказываемо туземными и иностранными критиками конституціонныхъ декретовъ, начиная отъ Ривароля, Бергаса и оканчивая Бёркомъ.

Стóитъ прочесть одновременную переписку эмигрантовъ, чтобы убѣдиться, какъ далеко стоятъ политическія намѣренія Людовика XVI отъ тѣхъ болѣе не скрываемыхъ надеждъ возстановленія стараго порядка во всѣхъ его несчастныхъ особенностяхъ, какія высказывались при дворѣ графа Артуа въ Кобленцѣ и находили дружный откликъ не только въ рядахъ командуемаго Кондэ аристократическаго ополченія, но и на скамьяхъ національнаго собранія въ кружкѣ д'Эпремениля. При первомъ из-

---

[1]) Въ письмахъ madame Elisabeth къ госпожѣ Бомбаль есть указаніе, что сочиненія Бёрка, напечатанныя въ октябрѣ 90 года, проникли въ Тюльерійскій дворецъ въ іюнѣ 91 года и еще ранѣе встрѣчены были съ величайшимъ сочувствіемъ всѣми близкими къ королю людьми (Feuillet de Conches, стр. 364, томъ III).

вѣстіи о благополучномъ бѣгствѣ короля Водрэль пишетъ графу Артуа: «Мнѣ кажется, что не можетъ быть съ революціонерами никакого соглашенія по вопросамъ, касающимся нерушимыхъ правъ монархіи и короля. Надо, возстановляя престолъ, дать ему опоры, которыхъ нельзя было бы разрушить. Что Вы намѣрены сдѣлать съ тѣмъ блестящимъ дворянствомъ, которое окружаетъ Васъ? Я думаю, надо возстановить тѣ дворянскіе полки, которые могутъ служить къ чести и защитѣ монархіи. Эта несокрушимая твердыня отразитъ всѣ нападенія заговорщиковъ и ничто не будетъ грозить престолу, имѣющему такихъ защитниковъ. Другая важная статья—это возстановленіе собственности духовенства. Стóитъ только допустить нарушеніе одного вида собственности, и ни одна не останется незыблемой, не исключая и той, которая принадлежитъ государству. Къ тому же поведеніе духовенства было такъ прекрасно, такъ смѣло, что надо, наконецъ, дать ему заслуженную награду; его интересы тѣсно связаны съ интересами дворянства и престола. Но къ чему мнѣ настаивать на всемъ этомъ? Ваши взгляды на эти великіе вопросы такъ же чисты, какъ и Ваше сердце» [1]). Одновременно графъ д'Антрегъ готовилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Никакого примиренія». (Point d'accommodement). Прочитавши его въ рукописи, Водрэль писалъ о немъ, какъ о богатомъ логикой и доказывающемъ огненнымъ языкомъ опасность, невозможность и позоръ всякаго соглашенія [2]). Правда, графъ Прованскій, успѣвшій благополучно бѣжать за-границу и соединившійся въ Кобленцѣ со своимъ братомъ, графомъ Артуа, старался внести большее благоразуміе въ дѣйствія и заявленія эмиграціи, но и онъ въ общемъ съ братомъ мемуарѣ для императрицы Екатерины ограничивался заявленіемъ, что, разъ король будетъ возстановленъ, онъ даруетъ своимъ народамъ то, чего они въ правѣ ожидать отъ его милости (bienfaisance); онъ искоренитъ злоупотребленія и опредѣлитъ границы разумной свободы, которая одна можетъ содѣйствовать общему благопо-

---

[1]) Correspondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois, par. M. Léonce Pingaud. Томъ II, стр. 6 и 8 (Письма изъ Винченцы и Падуи отъ 29 іюня и 3 іюля 91 года).

[2]) См. письмо 22 авг. 91 года. Ibid., стр. 23.

лучію; но пока не послѣдуетъ такого возстановленія, немыслимо никакое соглашеніе [1]).

Какъ далеки были намѣренія эмиграціи отъ идей французскихъ конституціоналистовъ въ родѣ Мунье, доказываетъ между прочимъ тотъ фактъ, что этому стороннику абсолютнаго вето и англійской пэріи не удалось, несмотря на всѣ его настоянія, добиться свиданія съ графомъ Прованскимъ. Въ отвѣтъ на мемуаръ о «Способѣ положить конецъ революціи и возстановить законный авторитетъ престола» онъ получилъ отъ Калонна еще въ концѣ 90 года письмо, въ которомъ отъ имени принцевъ крови заявлялось открытое намѣреніе «возстановить различія сословій, должное уваженіе къ духовенству и наслѣдственному дворянству, столь же древнему, какъ и сама монархія». «Мы смотримъ, съ самодовольствомъ прибавлялъ Калоннъ, за-одно съ величайшими публицистами, на промежуточныя общественныя ступени, какъ на дополненіе и даже необходимое условіе монархическаго образа правленія, а вы, повидимому, не допускаете другихъ различій, кромѣ личной заслуги, что, очевидно, поставило бы всѣхъ гражданъ на одинъ уровень и уничтожило бы градаціи, необходимыя столько же для свободы, сколько и для власти» [2]). Когда тотъ же Мунье лѣтомъ 1791 года предпринялъ поѣздку въ Ахенъ для личнаго свиданія съ императоромъ Леопольдомъ и сообщенія ему о своихъ планахъ на счетъ будущаго устройства Франціи, Водрэль писалъ: «Я отказываюсь вѣрить, что онъ рѣшится на такое путешествіе; вѣдь прежде, чѣмъ попасть въ Ахенъ, необходимо проѣхать чрезъ города, наполненные французами, которые не прочь будутъ потребовать къ отвѣту пэра Мунье. Дороги далеко ненадежны для этихъ будущихъ пэровъ. Нелегко сдержать ярость двухъ тысячъ французовъ, являющихся жертвами революціи, первымъ виновникомъ которой былъ самъ добродѣтельный Мунье и его кружокъ».

Но если возстановленіе дворянства и сословнаго представитель-

---

[1]) Mémoire des Princes Français à l'imperatrice Catherine II de Russie, 31 іюля 91 г. Feuillet de Conches (томъ II, стр. 163).

[2]) См. письмо Калонна къ Мунье отъ 23 сентября 90 года. (D'Herisson Autour d'une révolution, стр. 169).

ства входило въ программу эмигрантовъ, то того же, какъ мы видѣли, желали и члены крайней правой въ средѣ самого собранія, д'Эпремениль, Фрондевиль, Фуко, Менонвиль и всѣ тѣ, кто, по словамъ Маллэ дю-Пана, «готовъ былъ рвать на части и короля, и королеву, и видѣлъ спасеніе только въ парламентахъ и трехъ чинахъ королевства» [1]) Трудно думать послѣ этого, что удачный исходъ королевскаго замысла содѣйствовалъ бы установленію полнаго единодушія между дворомъ и эмигрировавшими принцами. Недаромъ же графъ Артуа въ письмахъ къ Маріи-Антуанеттѣ открыто высказывалъ сомнѣніе въ довѣріи къ нему короля [2]), заявляя въ то же время, что король долженъ воздержаться отъ всякаго соглашенія съ преступниками и имѣть въ виду, что настоящіе друзья монархіи могутъ не согласиться на тѣ условія, которыя онъ приметъ. «Во имя всего, что Вамъ дорого, не теряйте изъ виду этихъ словъ и знайте, что я хорошо обо всемъ извѣщенъ» [3]). Недаромъ также Марія-Антуанетта въ письмахъ къ своему брату, отдавая должное качествамъ сердца графа Артуа, въ то же время заявляла, что не можетъ посвятить его во всѣ секреты, такъ какъ его окружаютъ люди, которымъ, какъ Калонну и Кондэ, «мы (то есть она сама и ея мужъ) никогда не въ состояніи довѣриться» [4]). Отношеніе королевы къ Monsieur было еще хуже. Въ интимной перепискѣ съ принцессой Ламбаль Марія-Антуанетта жаловалась, что въ сердцѣ этого человѣка больше эгоизма, чѣмъ братской привязанности, а тѣмъ болѣе привязанности къ ней самой. «Горе его жизни составляетъ то обстоятельство, что онъ не родился королемъ. Эта страсть командовать и становиться на чужое мѣсто только возрасла съ нашими несчастіями; они даютъ ему возможность всегда и во всемъ выдвигаться впередъ» [5]).

Но спрашивается въ такомъ случаѣ, какія причины могли заставить королевскую семью спѣшить на соединеніе съ эми-

---

[1]) Письмо къ Мунье отъ 26 іюня 91 года.
[2]) Письмо изъ Пармы 6 апр. 91 года.
[3]) Feuillet de Conches, т. II, стр. 33.
[4]) Ibid., т. II. Письмо отъ 1 іюня 91 года, стр. 74.
[5]) См. письмо отъ начала іюля 91 года, т. II, стр. 148.

граціей и точно ли имѣлось въ виду оставленіе ею предѣловъ государства?

Въ письмѣ Маріи-Антуанетты къ графу Мерси отъ 3 февраля 91 года, въ которомъ впервые сообщается о рѣшеніи бѣжать изъ Парижа, не говорится о томъ, что король или королева хотятъ покинуть Францію. Рѣчь идетъ только о переселеніи въ пограничную крѣпость Монмеди, представляющую то преимущество передъ Мецомъ, что по своей незначительности и неприступности своихъ укрѣпленій она легко можетъ быть защищена отъ нападеній и съ помощью небольшого гарнизона. «Мецъ же, пишетъ королева, слишкомъ великъ, и населеніе его проникнуто духомъ, который не позволитъ намъ считать себя безопасными въ его средѣ. Монмеди лежитъ на разстояніи всего одной льё отъ границы и сообщеніе съ Люксембургомъ самое легкое. Выборъ этого мѣста представляетъ еще и другія удобства. Никто не допускаетъ и въ мысляхъ, что мы именно направимся въ него. Маршалу Булье легко сосредоточить въ немъ часть арміи, военные и другіе запасы, подъ предлогомъ защиты на случай нападенія австрійцевъ, которые вызываютъ здѣсь паническій страхъ. Войска, стоящія гарнизономъ по сосѣдству, хорошо къ намъ расположены. Булье, приступившій уже къ выполненію своего плана, думаетъ, что прибытіе короля не замедлитъ привлечь къ Монмеди и другіе полки. Въ крайнемъ случаѣ, если бы осуществились тѣ опасенія, какія Вы предвидите, мы изъ Монмеди легко будемъ имѣть возможность чрезъ Эльзасъ проникнуть въ Швейцарію».

Доказывая, что дѣло французскаго короля—дѣло всѣхъ монарховъ міра и что «французская зараза», уже проявившаяся въ Брабантѣ, не замедлитъ распространиться и на прочія части Европы, Марія-Антуанетта желаетъ чрезъ посредство графа Мерси получить отъ императора Леопольда категорическій отвѣтъ на счетъ помощи, какой въ правѣ ожидать отъ него французская королевская семья. «Переговоры, пишетъ она, завязаны также съ Швейцаріей и Испаніей. Мы не предпримемъ ничего, не будучи напередъ увѣрены въ намѣреніяхъ этихъ державъ, а равно и императора; мы не желаемъ спѣшить; лучше еще

годъ остаться въ тюрьмѣ съ увѣренностью выйти изъ нея, нежели рисковать возможностью попасть въ нее снова» [1]).

Если мы сопоставимъ то, что говорится въ этомъ письмѣ, съ совѣтами Мирабо объ удаленіи королевской семьи въ укрѣпленный городъ Франціи; если мы вспомнимъ о сочувствіи, какое этотъ планъ встрѣтилъ со стороны Буліе, охотно дававшаго ему предпочтеніе надъ всѣми другими потому именно, что въ немъ бѣгство короля за границу не признавалось необходимымъ; если, наконецъ, мы примемъ во вниманіе, что мѣсяцъ спустя послѣ бѣгства Марія-Антуанетта настаивала не на военномъ вмѣшательствѣ Австріи и Пруссіи и вступленіи иностранныхъ войскъ въ французскіе предѣлы, а только на какомъ-то мирномъ давленіи сосѣднихъ державъ, давленіи, проявляющемся въ созывѣ международнаго конгресса и представленіи французамъ ультиматума о необходимости измѣнить ихъ отношеніе къ королю, то мы не вправѣ будемъ отнестись съ недовѣріемъ къ категорическому заявленію Людовика XVI, что оставленіе Франціи не входило въ его намѣренія. Едва коммиссары, посланные національнымъ собраніемъ навстрѣчу задержанному въ Варенѣ королевскому семейству, подошли къ экипажу, Марія-Антуанетта и принцесса Елизавета, по словамъ Барнава, поспѣшили объявить, что король не имѣлъ въ виду покинуть Франціи. «Да, господа, прибавилъ Людовикъ XVI, я не оставлялъ Франціи, я заявилъ уже объ этомъ, и это—правда»...

Мы не успѣваемъ, пишетъ Петіонъ, сдѣлать и десяти шаговъ, и снова возобновляются протесты, что король не хотѣлъ покинуть королевства. [2]). Это показаніе Петіона подтверждаетъ и назначенный національнымъ собраніемъ начальникъ мѣстныхъ милицій, сопровождавшихъ короля на его обратномъ пути, Матье Дюма. Прочитавши декретъ собранія, его величество, пишетъ Дюма, громко заявилъ: «Господа! я радъ видѣть васъ, я не намѣревался выйти изъ королевства, я ѣхалъ въ Монмеди. Мое намѣреніе было остаться тамъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся свободно

---

[1]) Feuillet de Conches, томъ II, стр. 445.

[2]) Voyage de Pétion au retour de Varennes (см. Mémoires inédites de Petion. стр. 192 и 193).

обсудить статей новой конституціи». «Если король припомнитъ и повторитъ эти слова, сказалъ мнѣ на ухо Барнавъ, мы навѣрное спасемъ его» [1]). Это сообщеніе, по всей вѣроятности, было сдѣлано Барнавомъ и королю, такъ какъ въ числѣ бумагъ, напечатанныхъ Фелье де Коншъ, мы встрѣчаемъ и обращеніе на имя національнаго собранія отъ 7 іюля 91 года, въ которомъ повторяется тотъ же протестъ: «до свѣдѣнія короля дошло, что нѣкоторые французскіе офицеры, перешедшіе за границу, издали циркуляры, которыми приглашаютъ солдатъ послѣдовать ихъ примѣру, и ссылаются на полномочія, якобы данныя имъ на этотъ счетъ прямо или косвенно самимъ королемъ. Я считаю своимъ долгомъ, пишетъ Людовикъ XVI, формально опровергнуть это утвержденіе и повторить уже сказанное мною: покидая Парижъ, я имѣлъ въ виду переселеніе въ Монмеди; я надѣялся, что мнѣ возможно будетъ направить оттуда къ національному собранію мои замѣчанія касательно трудностей, какія представляетъ въ настоящихъ условіяхъ исполненіе законовъ и администрація королевства» [2]). Эти заявленія короля не стоятъ въ противорѣчіи ни съ письмами Маріи Антуанетты къ графу Мерси отъ 14 апрѣля и 6 мая 91 года, ни съ обращеніемъ ея къ императору Леопольду отъ 1 іюня 91 года и его отвѣтомъ на это посланіе. «Пока, пишетъ королева, мы не будемъ въ надежномъ мѣстѣ (lieu de sureté), никакая иностранная попытка (tentative étrangère) не будетъ успѣшной; малѣйшая даже демонстрація въ нашу пользу могла бы сдѣлаться для насъ крайне опасной. Если намъ удастся оставить Парижъ и прибыть въ укрѣпленный городъ, если мы оттуда попросимъ у императора

---

[1]) Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas de 1770—1836 publiés par son fils, томъ I, стр. 489.

[2]) Feuillet de Conches, стр. 390 и 391 тома III. Въ напечатанныхъ Feuillet de Conches бумагахъ встрѣчается написанный рукой короля проектъ заявленія по адресу національнаго собранія. Въ этомъ проектѣ, написанномъ 26 іюня, значится: „не было намѣренія оставить королевства; никакого соглашенія съ иностранными правительствами, ни съ родственниками, ни съ эмигрантами. Императоръ извѣщенъ только въ самый день отъѣзда; Monsieur узналъ о немъ всего наканунѣ; онъ выѣхалъ изъ Франціи, чтобы черезъ Бельгію и Голландію поспѣшить мнѣ навстрѣчу. Направляясь къ границѣ, я хотѣлъ представить доказательство моей свободы и предотвратить всякое нападеніе извнѣ (томъ II, стр. 501).

приблизить войска къ границѣ королевства (sur nos frontières), можемъ ли мы—да или нѣтъ, разсчитывать на такую поддержку? Безъ категорическаго отвѣта на этотъ счетъ мы ничего не предпримемъ; но чтобы еще яснѣе передать свою мысль, я повторю, что мы не намѣрены иначе, какъ при неотложной необходимости, ходатайствовать о введенiи иностранныхъ войскъ въ наши предѣлы; мы хотимъ только быть увѣренными, что если потребуется ихъ помощь, иностранныя державы не откажутъ въ сосредоточенiи войскъ на пограничной съ Францiей линiи и притомъ въ достаточномъ числѣ, чтобы служить центромъ соединенiя и поддержкой для всѣхъ благомыслящихъ и недовольныхъ, которые пожелаютъ къ намъ присоединиться. Эльзасъ, прибавляетъ королева, долженъ служить намъ убѣжищемъ, и въ него легко будетъ проникнуть изъ Монмеди, разъ этого потребуетъ необходимость» [1]). Давно ожидаемый отвѣтъ прибылъ наконецъ въ началѣ мая, но въ немъ Марiя Антуанетта могла прочесть только увѣренiя Леопольда, что онъ принимаетъ живое участiе въ положенiи короля и его семьи и желалъ бы быть имъ полезнымъ. «Если я ничего не дѣлаю, прибавлялъ императоръ, то только изъ боязни, что мои мѣры не будутъ соотвѣтствовать вашимъ желанiямъ, а ихъ мнѣ трудно предвидѣть» [2]).

Еще раньше полученiя этого письма королева, настаивая на ближайшемъ оставленiи Парижа, пишетъ Мерси: «Честные люди и всѣ недовольные, число которыхъ весьма значительно, или прячутся, или бѣгутъ изъ государства, такъ какъ они чувствуютъ, что сила не на ихъ сторонѣ и нѣтъ центра, къ которому бы они могли примкнуть. Но когда король прiобрѣтетъ возможность показаться въ *укрѣпленномъ городѣ* въ полномъ обладанiи своей свободы, тогда всѣ будутъ поражены множествомъ недовольныхъ, которые внезапно выступятъ на сцену, а теперь только скорбятъ молчаливо» [3]). Узнавъ объ этихъ проектахъ бѣгства изъ донесенiй своего бывшаго посла въ Парижѣ, нынѣ проживавшаго въ Бельгiи, императоръ Леопольдъ въ письмѣ

---

1) Feuillet de Conches, t. II, стр. 37 и слѣд.

2) Ibid., стр. 41.

3) Ibid., стр. 44.

изъ Мантуи отъ 20 мая 91 года высказывалъ опасеніе на счетъ послѣдствій, какія при неудачѣ можетъ имѣть этотъ шагъ. «Будьте увѣрены въ участіи, какое возбуждаетъ во мнѣ судьба королевской семьи, съ которою я связанъ узами крови и союзничества. Я желалъ бы, чтобы проектъ бѣгства изъ Парижа осуществился, но насколько я считалъ его полезнымъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, настолько я признаю его опаснымъ, разъ онъ окончится неудачно» [1]). Десять дней спустя, королева въ новомъ письмѣ къ брату Леопольду, настаивая на готовности тайно покинуть столицу, продолжаетъ ходатайствовать о томъ, чтобы императоръ выставилъ въ случаѣ нужды всего 8 или 10 тысячъ войскъ на границѣ. Но и это содѣйствіе можетъ понадобиться только послѣ переселенія короля въ надежное мѣсто и возвращенія ему свободы. Тогда онъ радостно и съ благодарностью отнесется къ предложенію державъ присоединиться къ его протесту (réclamation) съ цѣлью доказать правоту его дѣла. Всякій же предварительный манифестъ до оставленія Парижа, даже въ томъ случаѣ, если бы цѣлость королевской семьи возлагалась на отвѣтственность города, подвергъ бы только крайней опасности нашу жизнь» [2]). Не далѣе, какъ 12 іюня, Леопольдъ, исполнивъ желаніе королевы, доводитъ до ея свѣдѣнія, что онъ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы отклонить графа Артуа отъ всякаго необдуманнаго поступка, и убѣдилъ его не предпринимать ничего безъ новыхъ указаній. «Я условился съ нимъ, прибавляетъ онъ, что всѣ мы обратимся къ коллективному дѣйствію послѣ того, какъ вы снова будете свободны; но до этого никто не тронется». О бѣгствѣ въ бельгійскія провинціи потому уже не подымается рѣчи въ перепискѣ королевы съ императоромъ и его личнымъ агентомъ, что, по заявленію графа Мерси, эти провинціи далеко не могли быть признаны вполнѣ замиренными, и пребываніе въ нихъ королевской семьи едва ли могло бы считаться безопаснымъ [3]).

---

1) Ibid., стр. 60.

2) Ibid., стр. 73.

3) Il serait tres fâcheux que le Roi et la Reine se trouvassent forcés (ne fut-ce que momentanément) de se réfugier dans quelque partie des provinces belgiques. Ibid., стр. 88.

Не далѣе, какъ 19 іюня, т. е. наканунѣ бѣгства, секретарь австрійскаго посольства, сообщая, что въ газетахъ уже обнародованъ слухъ о немъ, говоритъ, что королевская семья тѣмъ не менѣе рѣшаетъ подвергнуть себя опасности въ увѣренности, что иностранныя правительства ничего не сдѣлаютъ для французскаго двора пока онъ останется въ Парижѣ. Наконецъ, въ самый день отъѣзда Марія Антуанетта пишетъ: «Рѣшено, и мы бѣжимъ сегодня ночью, но мы до сихъ поръ не получили отвѣта отъ императора, и это тѣмъ болѣе печально, что мы надѣялись найти въ немъ извѣстіе о приказѣ придвинуть къ границѣ Люксембурга отъ восьми до десяти тысячъ войска» [1]).

Такимъ образомъ, ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами актовъ не говорится ничего противъ намѣренія Людовика XVI ограничиться исключительно выполненіемъ плана, рекомендованнаго ему Мирабо и Булье, плана, который, обезпечивая королевской семьѣ полную свободу и безопасность, въ то же время поставилъ бы государя въ возможность самостоятельнаго отношенія къ конституціи. Но не такъ поняли, какъ мы сейчасъ увидимъ, поведеніе короля его подданные. Никто не повѣрилъ, разумѣется, заявленію національнаго собранія, что король былъ похищенъ врагами свободы, а эмигранты своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ только укоренили общее убѣжденіе, что Людовикъ XVI бѣжалъ изъ отечества съ намѣреніемъ стать во главѣ ихъ и въ надеждѣ на явную помощь иностранныхъ правительствъ. Тотъ фактъ, что неудачное бѣгство въ Вареннъ совпало съ увѣнчавшимся полнымъ успѣхомъ отъѣздомъ графа Прованскаго въ Намюръ, очевидно, также повліялъ на укрѣпленіе въ массахъ народа

---

1) Ibid. стр. 90 и 91. Къ чему сводились въ это время родственныя услуги, на которыя готовъ былъ пойти Леопольдъ, можно судить по его письмамъ къ правительницѣ нидерландовъ, сестрѣ его Маріи-Христинѣ, и къ графу Мерси. Оба письма написаны 5 іюля, въ то время, когда императоръ раздѣлялъ еще всеобщее заблужденіе о счастливомъ исходѣ бѣгства. Императоръ соглашался на то, чтобы войска были приближены къ границѣ Люксембурга; они не должны были однако предпринять чего-либо иначе, какъ въ силу формальнаго требованія Людовика XVI и только въ интересахъ его личной защиты. Императоръ уполномочивалъ сестру издать въ этомъ смыслѣ манифестъ. Feuillet de Conches, стр. 373 - 378 тома III.

такого убѣжденія. Оба бѣгства стали разсматриваться, какъ части одного цѣлаго, какъ выполненіе давно задуманнаго заговора, цѣлью котораго было начать изъ-за границы, опираясь на чужеземныя войска и ополченія эмигрантовъ, дѣло контръ-революціи. Стали припоминать, что и раньше этого король дѣлалъ попытки оставить Парижъ, что благодаря, одной энергіи національной гвардіи округа Кордельеровъ и ея предводителя Дантона, предотвращенъ былъ отъѣздъ короля въ Сенъ-Клу [1]). Доносы Марата, предсказавшаго бѣгство короля почти наканунѣ, перестали считаться ни на чемъ неоснованной клеветой, а патріотическимъ поступкомъ, заставлявшимъ парижанъ принять и то толкованіе, какое давалъ акту короля такъ хорошо увѣдомленный обо всемъ памфлетистъ. Такимъ образомъ, сложилась легенда о тайныхъ замыслахъ двора поднять противъ Франціи всю Европу и искать помощи противъ собственныхъ подданныхъ не только у эмиграціи, но и у иностранцевъ.

Но какія, спрашивается, причины заставили короля дать свое согласіе на бѣгство, которое, какъ доказываютъ письма его сестры Елизаветы къ госпожѣ Бомбель, долгое время не находило его сочувствія? Отвѣтъ на это даетъ переписка королевы съ графомъ Мерси и съ императоромъ Леопольдомъ: «Мы думаемъ, пишетъ Марія Антуанетта еще 14 апрѣля, что теперь, когда поднята рѣчь о созывѣ новаго представительства, въ нашихъ интересахъ воспротивиться его собранію. Несомнѣнно, что пожелаютъ заставить насъ утвердить эту «чудовищную конституцію до распущенія» теперешняго собранія; и это одно дастъ намъ основаніе принять твердое и отвѣчающее нашему положенію рѣшеніе» [2]).

«Намъ нѣтъ другого выбора, пишетъ она 6 мая, какъ или слѣпо подчиниться мятежникамъ, или погибнуть отъ висящаго надъ нами меча. Вѣрьте, я не преувеличиваю опасности. Вы знаете, что мое мнѣніе всегда было въ пользу мягкости, выжиданія вре-

[1]) Въ письмахъ госпожи Роланъ дается именно такое толкованіе причинъ, побуждавшихъ настаивать на отъѣздѣ въ Сенъ-Клу. На самомъ же дѣлѣ этотъ отъѣздъ былъ вызванъ желаніемъ принять причастіе изъ рукъ священника, принадлежащаго къ непринесшему гражданской присяги духовенству. (clergé non assermenté).

[2]) Feuillet de Conches, стр. 40, письмо 14 апрѣля.

мени и перемѣнъ въ общественномъ мнѣніи. Но теперь все измѣнилось; республиканскій духъ дѣлаетъ все новые и новые успѣхи. Я надѣюсь однако, что провинціи менѣе испорчены, чѣмъ столица, хотя Парижъ и даетъ тонъ всему королевству» [1]). Оскорбленія, которымъ подверглась королевская семья 18 апрѣля, когда экипажъ съ сидѣвшими въ немъ монархами былъ насильственно задержанъ толпою и Лафайетъ тщетно старался убѣдить ее очистить дорогу [2]), только упрочили рѣшимость покинуть Парижъ. По словамъ близкаго ко двору лица, королева вошедши въ Тюльери, объявила, что время показать смѣлость.

«Говорятъ, пишетъ тайный агентъ польскаго двора, что она постоянно носитъ при себѣ кинжалъ, и объявила, что поразитъ себя имъ при малѣйшей опасности сдѣлаться жертвою народной ярости [3]). Но между тѣмъ проходятъ дни, и проектъ бѣгства не приводится въ исполненіе. Что же задерживаетъ еще въ Парижѣ королевскую семью? Въ письмѣ къ Мерси отъ 6 мая королева глухо упоминаетъ о данномъ ей совѣтѣ довѣриться якобинцамъ, главы которыхъ, въ особенности Дюпоръ и Барнавъ, будто бы имѣютъ менѣе дурныя намѣренія, чѣмъ тѣ, какія имъ приписываютъ».

Въ концѣ мая и началѣ іюня свиданія королевы съ Ламетами и Барнавомъ повторяются настолько часто, что слухъ о нихъ доходитъ и до близкихъ ко двору лицъ, и до главъ эмиграціи. Корреспондентъ польскаго двора пишетъ, что цѣль этихъ свиданій установить совмѣстно программу тѣхъ измѣненій, какія будутъ внесены въ окончательный текстъ конституціи [4]). Придворная партія, видимо, надѣялась этимъ путемъ содѣйствовать возстановленію королевской прерогативы. Аббатъ Мори въ письмѣ

---

[1]) Ibid., стр. 44.

[2]) Объ этомъ несостоявшемся отъѣздѣ въ Сенъ-Клу мы находимъ слѣдующія подробности въ письмѣ принцессы Елизаветы къ Бомбель. Король два часа оставался въ экипажѣ, ожидая, чтобы толпа дала ему пропускъ, но и гвардія, и народъ не уступили ничьимъ настояніямъ, и королевская семья принуждена была вернуться во дворецъ.

[3]) De Lescure. Correspondence secrète. Письмо отъ 14 го мая 91-го года (т. 4, стр. 526).

[4]) Письма отъ 28 мая и 11 іюня, de Lescure, стр. 529—535.

къ д'Антрегу сообщалъ, что отъ имени королевы сдѣлано было правой предложеніе мирнаго соглашенія съ якобинцами. Это предложеніе было отвергнуто съ негодованіемъ, несмотря на то, что въ пользу его высказывались Бомецъ и Монморенъ [1]). Но если надежда достигнуть мирнымъ путемъ возстановленія королевскаго авторитета побуждала Марію Антуанетту вступить въ компромиссы съ людьми, которые дотолѣ считались ея врагами, то какія, спрашивается, причины заставляли членовъ тріумвирата искать союза съ придворной партіей и измѣненія нѣкоторыхъ статей конституціи? Свѣтъ на это бросаетъ характеръ тѣхъ преній, какія въ срединѣ мая вызвалъ въ собраніи проектъ Робеспьера исключить изъ среды будущаго представительства депутатовъ настоящаго. Хотя эта мѣра и встрѣчена была видимымъ сочувствіемъ, но на слѣдующій же день одинъ изъ членовъ тріумвирата, Дюпоръ, предупреждая собраніе противъ опасности, какую можетъ вызвать, какъ онъ выразился, «преувеличеніе принциповъ», старался убѣдить его въ необходимости измѣнить принятое уже рѣшеніе. Онъ отстаивалъ это предложеніе, доказывая, что въ запретѣ избирателямъ назначать депутатами членовъ учредительнаго собранія заключается прямое посягательство на ихъ свободу. Въ то же время онъ выставлялъ то соображеніе, что число лицъ, способныхъ съ пользою для народа принять на себя депутатскія полномочія, по необходимости ограничено. Послѣ новой защиты Робеспьеромъ предложеннаго имъ закона, собраніе остановилось на полумѣрѣ. Рѣшено было сохранить исключеніе, но ограничить срокъ его только двумя годами, а не четырьмя, какъ требовалъ этого депутатъ отъ Арраса [2]). И Турэ, и Шапелье, обнаружили во время дебатовъ крайнее раздраженіе. Поддерживая Дюпора, они доказывали, что декретъ, вносящій такія ограниченія, заключаетъ въ себѣ посягательство на принципъ народнаго самодержавія, на декларацію правъ и на постановленія конституціи, а потому по природѣ своей ничтоженъ, такъ что граждане вправѣ не по-

---

[1]) См. письмо Водрэля къ графу Артуа отъ 9 іюня 91 года, томъ I, стр. 397 переписки Водрэля.

[2]) См. Hamel, Histoire de Robespierre, стр. 450.

виноваться ему. Они проводили также тотъ взглядъ, что возможное переизбраніе извѣстныхъ депутатовъ и забаллотировка другихъ являлись своего рода выраженіемъ народнаго вето по отношенію къ тѣмъ или другимъ актамъ собранія, не удовлетворившимъ желаніямъ націи. Но Демуленъ и кордельеры, поддерживавшіе Робеспьера, напротивъ, заявляли, что новый законъ есть залогъ спасенія свободы. «Продолжительность полномочій, читаемъ мы въ 78-омъ номерѣ «Революціи Франціи», благодаря переизбранію депутатовъ, неизмѣнно повела бы къ утратѣ свободы. Талантливый публицистъ старался поддержать свой взглядъ не только ссылками на примѣры Марія и Суллы, но и на авторитетъ Руссо, рекомендовавшаго частую смѣну публичныхъ чиновниковъ [1]). Раздраженіе, вызванное торжествомъ Робеспьера, было такъ сильно, что когда вскорѣ затѣмъ избиратели Парижа назначили его публичнымъ обвинителемъ при уголовномъ судѣ, Дюпоръ, одновременно избранный въ предсѣдатели этого судилища, отказался отъ должности. «Презрѣнный лицемѣръ, пишетъ по этому случаю Демуленъ, ты не хочешь допустить Робеспьера рядомъ съ тобою въ судилище, Робеспьера, т. е. саму честность; ты не можешь терпѣть около себя человѣка добра; и откуда такая непримиримая ненависть? Не гордость же заставляетъ тебя пренебрегать мѣстомъ около Робеспьера; ты не можешь не знать того всеобщаго уваженія, какимъ онъ пользуется; ты слышалъ несомнѣнно о тѣхъ гражданскихъ вѣнкахъ, которые присуждены ему братскими сообществами; ты сотни разъ былъ свидѣтелемъ единодушныхъ апплодисментовъ, какія рѣчи и даже одно присутствіе Робеспьера вызывали въ клубѣ якобинцевъ; ты знаешь, какое различіе общественное мнѣніе устанавливаетъ между твоимъ патріотизмомъ и патріотизмомъ Робеспьера. Я думаю поэтому, что не гордость удаляетъ тебя отъ него; я готовъ вѣрить также, что ты не боишься его строгаго ока и его ревниваго бдѣнія, но какое другое заключеніе можемъ мы сдѣлать послѣ этого, какъ не то, что вражда не позволяетъ тебѣ дышать съ нимъ однимъ воздухомъ. Всѣмъ извѣстно, что ты не можешь простить Робеспьеру, что онъ удалилъ на четыре года членовъ собранія отъ мини-

[1]) Стр. 604.

стерскаго поста. Отсрочивъ на такое разстояніе исполненіе твоихъ завѣтныхъ желаній, онъ недавно вонзилъ кинжалъ въ твое сердце, помѣшавъ тебѣ быть избраннымъ снова въ депутаты. Вотъ дѣйствительная причина твоего раздраженія» [1]). И Маллэ дю-Панъ, и графъ Гауеръ въ одно слово указываютъ на то, что въ началѣ іюня члены тріумвирата, утративъ свою «незаслуженную популярность», рѣшительно измѣнили фронтъ въ надеждѣ удержать въ своихъ рукахъ прежнее вліяніе. Они сблизились съ аристократической партіей, съ Малуэ и съ Казалесомъ, и высказались въ пользу установленія верхней камеры и усиленія исполнительной власти [2]). Но если дворъ нашелъ въ недавно еще могущественныхъ тріумвирахъ неожиданныхъ союзниковъ, если передъ глазами Маріи Антуанетты внезапно развернулась картина контръ-конституціи, достигаемой союзомъ правой съ членами тріумвирата, то какая, спрашивается, причина могла заставить Людовика XVI, столь долго медлившаго исполненіемъ задуманнаго бѣгства, внезапно рѣшиться на этотъ шагъ, тѣмъ болѣе опасный, что недавно принятымъ рѣшеніемъ собраніе лишало короля возможности отлучаться безъ его вѣдома изъ Парижа на разстояніе болѣе пятнадцати лье отъ мѣста пребыванія народнаго представительства [3]).

Въ серединѣ іюня національное собраніе доказало лишній разъ свое нежеланіе возстановить силу и престижъ королевской власти и свою свободу отъ диктатуры тріумвировъ, постановивъ, что право помилованія не будетъ принадлежать королю. Вскорѣ затѣмъ принято было рѣшеніе, которое, разумѣется, должно было вызвать не меньшее недовольство со стороны двора. Изданъ былъ декретъ, которымъ объявлялось, что всякій, взявшій оружіе противъ родины, подлежитъ смертной казни. «Оба декрета произвели на короля, пишетъ корреспондентъ польскаго двора, удручающее впечатлѣніе [4]). Ожидая съ часа на часъ, что съ

---

[1]) Révolutions de France, № 81.

[2]) См. Письмо Маллэ дю-Пана къ Мунье отъ 26 іюня, d'Herisson, стр. 186, и депешу Лорда Гауера отъ 1 іюля, стр. 101.

[3]) Рѣшеніе это принято было въ мартѣ 91 года и вызвало, разумѣется, сильное недовольство въ придворныхъ сферахъ. См. письмо M-me Elisabeth къ г. Бомбель отъ 28 марта 91 г. Feuillet de Conches, томъ III, 339.

[4]) Депеша 14 іюня 91 года, de Lescure, стр. 532.

трудомъ сдерживаемый графъ Артуа нарушитъ данное ему обѣщаніе не предпринимать ничего безъ предварительнаго уговора съ императоромъ и барономъ Бретелемъ; что смерть и конфискація имущества грозитъ родственникамъ и приверженцамъ; что, потерявъ право помилованія, король не въ состояніи будетъ предпринять ничего для смягченія ихъ участи; наконецъ, убѣдившись въ томъ, что союзъ съ тріумвиратомъ не ведетъ къ ожидаемымъ результатамъ,—Людовикъ XVI увидѣлъ невозможность медлить долѣе и рѣшился выполнить давно задуманный планъ бѣгства. Мы видѣли, что королева возлагала нѣкоторыя надежды на то, что настроеніе департаментовъ отлично отъ настроенія столицы. Король даетъ также понять въ своемъ манифестѣ, что провинціалы еще сохранили традиціонную преданность престолу. Онъ съ благодарностью вспоминаетъ о манифестаціяхъ, въ его пользу послѣдовавшихъ въ праздникъ федераціи. Сильное броженіе, вызванное въ умахъ тѣми преслѣдованіями, какимъ за послѣднее время подверглись нежелавшіе принять присяги священники, не рѣдкіе случаи открытыхъ столкновеній внутри приходскихъ церквей между приверженцами присягнувшаго и неприсягнувшаго духовенства [1]), отказъ папы санкціонировать своимъ авторитетомъ церковное законодательство собранія, личное нежеланіе короля и его семьи удалить отъ себя людей, которыхъ они съ большимъ или меньшимъ правомъ считали мучениками за убѣжденія, наконецъ, явные признаки того, что во многихъ провинціяхъ сказывается недовольство по поводу гоненій, жертвою которыхъ сдѣлалось не идущее на компромиссы священство,—все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ причину, по которой король особенно настаиваетъ въ своемъ манифестѣ на угнетеніи его совѣсти собраніемъ. Марія Антуанетта въ письмѣ къ Мерси видитъ въ отмѣнѣ недавняго церковнаго законодательства одну изъ ближайшихъ задачъ будущей реставраціи. Оно даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность судить о мотивахъ, какіе побуждали дворъ разсчитывать на поддержку провинцій, на ихъ готовность встать на защиту престола и алтаря противъ тираніи собранія. И въ

---

1) О нихъ говорится между прочимъ въ письмахъ madame Elisabeth къ г-жѣ Бомбель.

этомъ отношеніи письма принцессы Елизаветы кажутся намъ особенно поучительными.

Всѣ современныя свидѣтельства сходятся въ утвержденіи, что вліяніе ея на Людовика XVI было весьма значительно. Въ уже приведенномъ письмѣ Мори къ графу д'Антрегу значится, что со времени интригъ Маріи-Антуанетты съ главами якобинцевъ король оказываетъ довѣріе только этому «ангелу». Эта близость дозволяетъ предположить, что переживаемое Елизаветой настроеніе должно было сообщиться и ея брату. «Мы открыто идемъ къ расколу, писала она 4 іюня. Добрые христіане не могутъ больше слушать литургіи; протестанты же почти рядомъ съ нами имѣютъ храмъ, въ которомъ произносятся проповѣди, и Парижане не видятъ въ этомъ ничего дурного [1]). Жалуясь другой своей пріятельницѣ, г-жѣ Режкуръ, на церковныя преслѣдованія, на скандалы, недавно случившіеся въ храмѣ театинцевъ, гдѣ дѣло дошло до свалки между противниками и защитниками принесшаго присягу духовенства, Елизавета прибавляетъ: «надо положиться на Провидѣніе; боюсь, что Господь не признаетъ Франціи достойной его жалости, но я все же продолжаю надѣяться» [2]). Лордъ Гауэръ правъ поэтому, приписывая отъѣздъ короля изъ парижа тому, что онъ обольщалъ себя надеждой на провинціи [3]).

Провинціи поспѣшили убѣдить его въ ошибочности этихъ разсчетовъ. Узнанный почтмейстеромъ Сентъ-Менегуда Друэ, король внезапно слышитъ въ Вареннѣ роковыя слова: «почтальонъ, именемъ закона повелѣваю вамъ распречь лошадей, вы везете короля». У дверецъ кареты скрещиваются ружья. Прокуроръ общины Сосъ послѣ долгихъ проволочекъ объявляетъ Людовику, что его узнали и что онъ подлежитъ аресту. Король протестуетъ, но Сосъ показываетъ ему его портретъ, и Людовикъ съ волненіемъ въ голосѣ объявляетъ, что онъ дѣйствительно король: «Вы признали въ немъ вашего монарха, восклицаетъ Марія Антуанетта, говорите же ему тѣмъ языкомъ, какимъ слѣдуетъ говорить королю!» [4]).

---

[1]) Feuillet de Conches, томъ III, стр. 371.

[2]) Письма отъ 4 и 15 іюня, томъ II. Feuillet de Conches, стр. 75, 83.

[3]) Депеша 21 іюня 91 года.

[4]) Gustave de Fischbach. La fuite de Louis XVI d'après les archives de Strasbourg, стр. 33.

Когда, читаемъ мы въ разсказѣ одного очевидца, Людовикъ XVI прочелъ приказъ собранія о своемъ арестѣ, первыя слова его были: «нѣтъ больше короля во Франціи!» «Дерзкіе!» воскликнула королева, и, положивъ машинально декретъ на постель дофина, она вслѣдъ затѣмъ сбросила его на полъ, говоря: «не хочу, чтобы онъ осквернилъ постель моихъ дѣтей» [1]). Болѣе десяти тысячъ человѣкъ окружали карету при оставленіи Варенна, но по мѣрѣ приближенія къ Парижу гражданскія милиціи стали съ окрестныхъ мѣстъ сходиться въ такомъ числѣ, что при входѣ въ столицу конвой возросъ до 150 тысячъ человѣкъ [2]). Около Сентъ-Менегуда маркизъ Дампьеръ подъѣзжаетъ къ экипажу, чтобы почтительно раскланяться съ путешественниками; народъ признаетъ это оскорбленіемъ для себя; маркиза сбрасываютъ съ лошади и рубятъ на части; его голову садятъ на пику и несутъ впереди поѣзда. Нѣсколько далѣе приходскій священникъ проникаетъ въ толпу съ цѣлью увидать короля. Милиціонеры сразу набрасываются на него, и дѣло едва не кончается кровопролитіемъ. «Тигры, кричитъ Барнавъ, развѣ вы перестали быть французами! Нація храбрецовъ, не сдѣлалась ли націей убійцъ! [3]) При входѣ въ Парижъ 25 іюня король находитъ стѣны его покрытыми слѣдующею надписью: «кто посмѣетъ привѣтствовать короля, будетъ избитъ, а кто нанесетъ ему обиду, повѣшенъ». Стотысячная толпа покрываетъ Елисейскія поля во время проѣзда по нимъ королевскаго экипажа. Ни одного крика не раздается изъ ея среды. То же молчаніе продолжается и тогда, когда король выходитъ изъ экипажа и направляется къ лѣстницѣ, ведущей въ его частные покои. Но зловѣщій ропотъ раздается при появленіи королевы. Д'Эгвильонъ и Ноаль схватываютъ ее на руки и бѣгомъ направляются съ нею во дворецъ.

Изъ современниковъ тосканскій агентъ Франческо Фари даетъ какъ нельзя болѣе вѣрную характеристику тѣхъ послѣдствій, къ какимъ повело бѣгство въ Вареннъ, говоря, что дѣйствіе его

---

[1]) Relation du voyage de la famille royale à Varennes (напечатано въ приложеніи къ депешамъ Гауэра) изд. Браунингомъ), стр. 373.

[2]) Письмо Миссъ Милесъ къ ея отцу отъ 26 іюня 91 года, томъ I, стр. 302.

[3]) Мемуары г-жи Кампанъ, томъ II.

было какъ разъ обратное тому, какого ждали. Оно дискредитировало короля и сблизило его дотолѣ разъединенныхъ противниковъ. Разъ государство оказалось въ опасности, всѣ въ собраніи сочли нужнымъ примкнуть къ конституціи, пренебрегая ея недостатками [1]).

---

[1]) Депеша отъ 27 іюня 91 года, Archivio di stato (Firenze) III carteggio ordinario del Ministro di sua A. Rallacorte di Francia, filza 100, dipart. Estero 1327.

ГЛАВА V.

Монархія или республика?

Въ то время, какъ король тщетно искалъ свободнаго доступа къ Монмеди, въ столичныхъ и провинціальныхъ клубахъ произносились рѣчи, не предвѣщавшія ничего добраго. Уже девятнадцатаго іюня собраніе якобинцевъ было бурно. До свѣдѣнія клуба дошло, что Сіейсомъ и Кондорсэ изданъ памфлетъ, клонящійся къ упраздненію существующей конституціи. Въ этомъ памфлетѣ говорилось между прочимъ о пожизненномъ сенатѣ, вѣрнѣе, о необходимости раздѣлить палату на двѣ равныя половины. Якобинецъ Саль признавалъ проектъ крайне опаснымъ и доносилъ объ агитаціи, цѣль которой собрать возможно большее число подписей въ его пользу. 20-го возобновлены были пренія по тому же предмету и на этотъ разъ въ присутствіи самого аббата. Саль повторилъ ему въ упоръ свои обвиненія, говоря, что проектъ двухкамерной системы издавна составляетъ завѣтное желаніе Сіейса и Лафайета, большого поклонника, прибавилъ онъ, американскихъ учрежденій. Скрѣпивъ ихъ подписью напечатанное заявленіе, надѣются вызвать принятіе національнымъ собраніемъ соотвѣтственнаго рѣшенія. Сіейсъ пытается оправдаться, говоря, что ничто въ его брошюрѣ не даетъ права къ такимъ обвиненіямъ. Изданіемъ ея онъ хотѣлъ узнать, каково отношеніе общественнаго мнѣнія къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ статьямъ конституціи, ибо, прибавлялъ онъ, если предстоитъ борьба, то надо знать, съ чѣмъ [1]). Дантонъ не до-

[1]) Брошюра Сіейса носила слѣдующее заглавіе: «Déclaration proposée par l'abbé Sieyes aux patriotes des 83 départaments».

вольствуется этими объясненіями и протестуетъ противъ излишней на его взглядъ мягкости по отношенію къ мнимымъ великимъ людямъ. «Мы привыкли, говоритъ онъ, не видѣть Сіейса въ нашей средѣ». Бюзо прибавляетъ новое обвиненіе: Сіейсъ, говоритъ онъ, котораго я никогда не видѣлъ ни у себя, ни у него, на дняхъ явился ко мнѣ и заставилъ моего человѣка впустить его, говоря, что онъ мой товарищъ и долженъ потолковать о дѣлахъ. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими ничтожными замѣчаніями, онъ перешелъ къ текущимъ вопросамъ. «Необходимо, сказалъ онъ мнѣ, въ виду существованія различныхъ партій, выяснить наконецъ, кто принадлежитъ къ одной, а кто къ другой». Съ этой цѣлью, по его словамъ, составлена была декларація, текстъ которой онъ мнѣ представилъ. Подъ нею я нашелъ подписи Петіона, Бриссо и собственную. Я не скрылъ отъ него моего изумленія. Прочитавши рукопись, я объявилъ ему, что, не соглашаясь съ нѣкоторыми деталями высказанныхъ въ ней принциповъ, я не желаю дать своей подписи. Приблизительно тѣ же сообщенія сдѣланы были Бареромъ и Петіономъ. «За послѣдніе двѣнадцать дней, сказалъ Ботиду, Сіейсъ говорилъ мнѣ о проектѣ двухъ палатъ и спрашивалъ, нельзя ли согласиться по этому вопросу и тѣмъ разсѣять опасенія. Я переговорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми патріотами, между прочимъ съ Робеспьеромъ. Ни одинъ не показался мнѣ противникомъ проекта. Сіейсъ предъявилъ мнѣ декларацію; я подписалъ ее». Всего рѣзче высказался о деклараціи Сіейса Дантонъ. «Священникъ Сіейсъ, сказалъ онъ, защищавшій церковную десятину, противившійся объявленію церковныхъ имуществъ національными, священникъ Сіейсъ, недавно представившій проектъ ограниченія печати, не единственный авторъ деклараціи. Рядомъ съ нимъ стоитъ другой человѣкъ, о которомъ я выскажусь такъ же смѣло—это Лафайетъ. Человѣкъ этотъ вступалъ въ переговоры съ тѣми, кто въ его глазахъ принадлежитъ къ числу самыхъ экзальтированныхъ представителей народной партіи. Меня допустили къ этимъ конференціямъ, и я слышалъ Лафайета, развивавшаго тѣ же мнѣнія, какія высказаны въ деклараціи. На одной изъ нихъ мнѣ поставленъ былъ вопросъ, нельзя ли, не возвращаясь къ системѣ Мунье, предложить что-нибудь ей подобное. Вотъ это-то подобіе и представляютъ

въ настоящее время подъ прикрытіемъ имени, пользующагося незаслуженной репутаціей и при содѣйствіи фальшивыхъ подписей. И кто же авторъ этого проекта? Перебѣжчикъ изъ нашего общества, человѣкъ, нѣкогда всѣми прославленный. Но каждый, кто хочетъ раздвоить зданіе, полезное для свободы, измѣнникъ. Эти господа хотятъ оставаться дворянами, несмотря на тотъ ужасъ, какой дворянство внушаетъ Франціи. Но нѣтъ, имъ не удастся достигнуть своей цѣли, всегда будетъ существовать единство мѣста, времени и дѣйствія [1]). На слѣдующій день Робеспьеръ прямо изъ собранія спѣшитъ въ клубъ, чтобы дать отчетъ въ мѣрахъ, принятыхъ по случаю бѣгства короля. Журналъ Демулена передаетъ его рѣчь въ слѣдующемъ видѣ. «Не меня повергнетъ въ отчаяніе бѣгство перваго чиновника королевства. Этотъ день могъ бы сдѣлаться прекраснѣйшимъ днемъ революціи. Онъ можетъ еще стать таковымъ; сбереженіе сорока милліоновъ, необходимыхъ на содержаніе «королевскаго индивида», наименьшая изъ полученныхъ нами выгодъ; но для этого необходимо принятіе иныхъ мѣръ, нежели тѣ, какія декретированы собраніемъ. Пользуюсь перерывомъ засѣданія, чтобы сообщить вамъ о томъ, что слѣдовало сдѣлать и чего мнѣ даже не дозволено было предложить». Робеспьеръ въ длинной рѣчи развиваетъ мысль, что бѣгство короля—результатъ давно задуманнаго плана. «Король, сказалъ онъ, не замедлитъ появиться на границѣ, поддерживаемый Леопольдомъ, Густавомъ III шведскимъ, д'Артуа и Кондэ, всѣми бѣглецами и разбойниками, которыхъ общій интересъ монарховъ привлечетъ въ его лагерь. Я хорошо знаю, прибавилъ онъ, характеръ націи. Вожаки, заставившіе васъ вотировать благодарность Буйе за Варфоломеевскую ночь, устроенную имъ противъ патріотовъ въ Нанси, безъ труда убѣдятъ народъ, утомленный революціей, пойти на уступки и соглашенія, поддаться на обѣщанія отеческаго манифеста, какой король не замедлитъ издать». Возможность этой перспективы заставляетъ Робеспьера отнестись очень строго къ мѣрамъ собранія. «Почему декретъ 20-го августа называетъ бѣгство короля похищеніемъ? Вѣдь самъ король заявляетъ въ манифестѣ, что

[1]) La société des Jacobins par Aulard, томъ II, стр. 517—531.

никто не похитилъ его. И какъ можно оставить власть въ рукахъ такихъ измѣнниковъ, какъ Монморенъ и другіе министры? Кому предоставить контроль за ними? Комитету въ родѣ дипломатическаго, въ которомъ царитъ какой-нибудь д'Андрэ? Еще недавно одинъ человѣкъ, любящій добро, довелъ до моего свѣдѣнія, что, не сдѣлавшись измѣнникомъ, никто не рѣшится войти въ этотъ комитетъ. Граждане! Я раскрылъ предъ вами бездну, которая поглотитъ вашу свободу. Министры дѣйствуютъ за-одно съ королемъ; я никогда не повѣрю, чтобы они не предвидѣли его бѣгства. Свѣтскія и военныя власти, комитеты и національное собраніе вошли въ коалицію съ ними и, точно этого мало для вашей гибели, вамъ не замедлятъ предложить единеніе съ завзятыми врагами. Весь клубъ 89 года поспѣшилъ предстать предъ вами, и меръ, и начальникъ гвардіи, и министры. Антоній командуетъ легіонами, желающими отомстить за смерть Цезаря. И кто же стоитъ во главѣ легіоновъ республики? Октавій! Вамъ предлагаютъ единеніе. Но когда Антоній расположился лагеремъ около Лепида, онъ также говорилъ о единеніи. Скоро не оказалось однако другого лагеря, кромѣ Антоніева, а Брутъ и Кассій нашли исходъ въ смерти. Я знаю, что, обвинивъ почти поголовно всѣхъ моихъ товарищей въ контръ-революціи, сказавъ, что всѣ они тайно замышляютъ низверженіе существующаго порядка, кто по невѣжеству, кто изъ страха, кто изъ мести и оскорбленной гордости или слѣпого довѣрія, а кто и просто благодаря подкупности, я вооружаю противъ себя всѣ самолюбія, я оттачиваю тысячи кинжаловъ. Мнѣ извѣстна ожидающая меня участь, но я приму, какъ благодѣяніе, смерть, которая помѣшаетъ мнѣ быть свидѣтелемъ неизбѣжныхъ бѣдствій» [1]). Со всѣхъ сторонъ подымаются руки вверхъ, и всѣ поголовно клянутся защищать Робеспьера до послѣдней капли крови. «Господа! восклицаетъ Дантонъ, если измѣнники дерзнутъ предстать передъ нами, я клянусь сложить голову на эшафотѣ, если не докажу вамъ, что ихъ головы должны пасть къ ногамъ націи, ими преданной». Не успѣлъ Дантонъ произнесть этихъ словъ, какъ въ собраніе вошелъ Лафайетъ и съ нимъ многіе изъ депутатовъ, Дантонъ бросился

[1]) См. № 82. Révolutions de France, стр. 162 и слѣдующія:

на трибуну. «Я спрашиваю Лафайета, сказалъ онъ, какъ смѣетъ онъ, подписавшій проектъ двухъ палатъ,—проектъ, разрушительный для конституціи, присоединиться къ ея друзьямъ среди тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя мы переживаемъ нынѣ, когда король бѣжалъ, чтобы измѣнить, какъ онъ сознается, весь строй имперіи» [1])? Дантонъ припомнилъ Лафайету, что въ личныхъ свиданіяхъ съ нимъ онъ не разъ высказывалъ мысли, согласныя съ тѣми, которыя теперь проводитъ Сіейсъ. «Я требую, сказалъ онъ, чтобы присутствующіе здѣсь депутаты, которымъ извѣстны мои отношенія къ Лафайету, опровергли меня, если я говорю что нибудь несогласное съ истиной» (многіе члены клуба встаютъ съ мѣстъ и подтверждаютъ сказанное ораторомъ). «Какъ понять, продолжаетъ Дантонъ, что король даетъ своему бѣгству то самое объясненіе, которое заставило васъ, господинъ Лафайетъ, содѣйствовать основанію вооруженныхъ корпусовъ изъ собственниковъ, заинтересованныхъ, какъ вы думали, въ поддержаніи порядка? Какъ объяснить, что вы надѣялись съ помощью ихъ содѣйствовать исчезновенію клубовъ друзей конституціи, составленныхъ на вашъ взглядъ изъ лицъ безъ имени и подкупаемыхъ для поддержанія анархіи?» Дантонъ обвиняетъ Лафайета и въ преслѣдованіи при содѣйствіи національной гвардіи газетъ и брошюръ, исходившихъ отъ защитниковъ свободы, и въ желаніи воспротивиться силою тѣмъ, кто 18 апрѣля старался помѣшать отъѣзду короля въ Сенъ-Клу. «Не будемъ предаваться иллюзіямъ, говоритъ онъ: бѣгство короля—результатъ обширнаго заговора. Оно сдѣлалось возможнымъ, только благодаря сообщничеству первыхъ чиновниковъ государства. И вы, господинъ Лафайетъ, вы, который своею головою отвѣчали за то, что король не оставитъ Франціи, неужели вы думаете, что одного вашего появленія въ этомъ клубѣ достаточно, чтобы снять съ васъ, всякую отвѣтственность! Одно изъ двухъ: или вы предали свою родину, или вы поступили, какъ дуракъ, клятвенно отвѣчая за человѣка, на котораго вы не могли надѣяться. Во всякомъ случаѣ вы доказали свою неспособность повелѣвать нами; Франція можетъ быть свободна и безъ васъ. Если бы свобода Францу-

---

[1]) Ibid., 534 стр.

зовъ зависѣла только отъ одного человѣка, это доказывало бы, что нація заслуживаетъ рабства и презрѣнія. Ваша репутація достигла антипода. Хотите сдѣлаться истинно великимъ, станьте снова простымъ гражданиномъ и не питайте болѣе справедливаго недовѣрія массъ».

Александръ Ламетъ встаетъ въ защиту Лафайета: «Я всегда считалъ его самой прочной опорой конституціи», говоритъ онъ. Ламетъ взываетъ къ необходимости положить конецъ раздорамъ и ненависти. «Только при единеніи можно достигнуть благополучнаго завершенія конституціи». «Меня спрашиваютъ, заявляетъ вслѣдъ за нимъ Лафайетъ, почему я пришелъ объявить о моемъ присоединеніи къ клубу якобинцевъ? Отвѣчу: потому, что въ этомъ клубѣ должны встрѣтиться всѣ добрые граждане, готовые сразиться за свободу въ такую тяжкую минуту, какъ настоящая. Всѣмъ извѣстно, что я первый сказалъ: народъ, желающій быть свободнымъ, будетъ свободенъ. Никогда я не имѣлъ въ этомъ большей увѣренности, чѣмъ теперь, послѣ того поучительнаго зрѣлища, какое сегодня представило населеніе столицы». За Лафайетомъ и Сіейсъ всходитъ на трибуну. Онъ заявляетъ, что его декларація — чисто кабинетная работа, не предназначавшаяся для распространенія въ публикѣ, и обѣщаетъ дать клубу при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ объясненія, которыя вполнѣ удовлетворятъ его. Въ этомъ же засѣданіи клубъ устанавливаетъ редакцію слѣдующаго адреса ко всѣмъ афиліированнымъ съ нимъ сообществамъ. «Братья и друзья! Король, подчинившись преступнымъ навѣтамъ, удалился отъ національнаго собранія. Это обстоятельство вмѣсто того, чтобы повергнуть насъ въ отчаяніе, породило въ насъ и всѣхъ согражданахъ необходимую смѣлость духа. Никакими безпорядками не ознаменовалось пережитое нами волненіе. Спокойная твердость оставляетъ насъ въ полномъ распоряженіи нашими силами. Онѣ имѣютъ въ виду защиту праваго дѣла: онѣ будутъ побѣдоносны! Забыта всякая рознь! Всѣ патріоты въ союзѣ. Нашимъ руководителемъ будетъ собраніе, а конституція нашимъ знаменемъ» [1]).

Содержаніе только что приведеннаго адреса какъ нельзя лучше

---

[1]) Ibid, стр. 534—538.

доказываетъ, что якобинцы оставались вѣрны программѣ конституціонной монархіи, что ихъ желанія не шли дальше тѣхъ, какія одновременно высказывало большинство собранія [1]. Но того же отнюдь нельзя сказать о клубѣ кордельеровъ. Протоколъ его засѣданія отъ 22 іюня 91 года открывается стихотвореніемъ, смыслъ котораго слѣдующій: «вспомните, что на Марсовомъ полѣ Людовикъ прине сънамъ клятву вѣрности. Измѣняя этой клятвѣ, онъ освобождаетъ насъ отъ нашей присяги. Если между французами найдется измѣнникъ, который вздумалъ бы сокрушаться о потерѣ нами королей и желалъ бы снова имѣть повелителя, да погибнетъ этотъ предатель въ мукахъ; пусть прахъ его будетъ разсѣянъ по вѣтру, имя же сдѣлается ненавистнѣе имени тирановъ», Свободные французы, составляющіе общество друзей правъ человѣка и гражданина, другими словами, клубъ кордельеровъ, значится далѣе въ протоколѣ, заявляютъ всѣмъ согражданамъ, что въ ихъ средѣ имѣется столько-же тираноубійцъ, сколько и членовъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности принесъ присягу поразить кинжаломъ всякаго тирана, дерзнувшаго напасть на наши границы, или тѣмъ или другимъ образомъ посягнувшаго на нашу свободу и конституцію [2].

«Граждане! писалъ одновременно Маратъ, бѣгство короля давно подготовлялось измѣнниками національнаго собранія...

---

[1]) Нельзя поэтому не признать ошибочной слѣдующую оцѣнку тайныхъ цѣлей якобинскаго клуба въ дни, слѣдующіе за бѣгствомъ короля. Она принадлежитъ тайному агенту Англіи, Francis, писавшему изъ Парижа 15 іюля 1791 дипломату Bland Burges (см. la Révolution française, revue publiée par Aulard, 1891, t. xx Janvier—Juin, Les papiers de Sir James Bland Burges): Король своимъ бѣгствомъ заставилъ якобинцевъ сбросить маску и провозгласить во всеуслышаніе ихъ странныя республиканскія доктрины даже въ стѣнахъ національго собранія. Хотя въ послѣднемъ большинство еще въ пользу сохраненія существующей конституціи, прибавляетъ онъ съ бо̀льшимъ правомъ, но есть основаніе опасаться, что верхъ скоро возьмутъ „бѣшенные“ (Bedlamites отъ Bedlam—названіе дома умалишенныхъ въ Лондонѣ), между которыми не мало людей ловкихъ и крайне подвижныхъ, дѣлающихъ все возможное, чтобы завербовать себѣ союзниковъ во Франціи и за-границей.

[2]) Révolutions de France, стр. 145 и 146, № 42.

Одно средство остается въ вашихъ рукахъ, чтобы избѣжать той бездны, въ которую вовлекли васъ ваши недостойные правители. Назначьте военнаго трибуна, неограниченнаго диктатора, который наложилъ-бы руку на главныхъ измѣнниковъ; поклянитесь ему въ нерушимой вѣрности и повинуйтесь ему съ религіознымъ уваженіемъ во всемъ, что онъ предпишетъ съ цѣлью освободить васъ отъ смертельныхъ враговъ» [1]).

Демуленъ въ свою очередь видитъ въ положеніи, созданномъ королю его декларацiей, залогъ потери имъ престола, и можетъ быть, жизни. Этотъ манифестъ, говоритъ онъ, доказываетъ, что Людовикъ XVI и его совѣтники настоящіе ослы; надо было по крайней мѣрѣ, о глупецъ! дождаться пріѣзда въ Брюссель! Ты сохранялъ возможность сказать—меня увезли, и тѣмъ самымъ ты удерживалъ за собою корону. Между тѣмъ какъ, говоря: я бѣгу по собственной волѣ, ты самъ мѣшаешь признанію твоего бѣгства похищеніемъ. Ужъ ты бы сказалъ: бѣгу, хотя и могу уйти свободно, пользуясь правами человѣка; я больше не король, не французъ, я—эмигрантъ. Такимъ образомъ, ты бы спасъ свою голову. Но теперь, когда, не оставивъ еще границы, ты заявляешь, что намѣренъ пойти на насъ войною, опасности подвергнута тобою и корона и жизнь? Неужели ты не чувствуешь, что подписываешь самъ себѣ приговоръ? Никто болѣе меня не склоненъ къ милости, такъ какъ никто лучше меня не знаетъ природы того животнаго, котораго называютъ королемъ. Я всегда говорилъ, что по природѣ своей король людоѣдъ (mangeur d'hommes); что физически невозможно, чтобы онъ не былъ аристократомъ; что такъ же нелѣпо требовать, чтобы онъ поступалъ въ духѣ деклараціи правъ, какъ ждать отъ рака, что онъ полезетъ впередъ, а не назадъ. Но такъ какъ имѣли наивность сдѣлать изъ короля часть политическаго тѣла, то приходится подвергнуть его строгости общественныхъ законовъ, объявляющихъ, что всякій поднявшій оружіе противъ націи, будетъ казненъ смертью. Нельзя избавить его также отъ законовъ человѣческаго рода, отъ права естественнаго, позволяющаго каждому убить нападающаго

---

[1]) Ami du peuple

врага. Несомнѣнно, что нація сочтетъ недостойнымъ мѣриться съ однимъ человѣкомъ. Я первый готовъ выстрѣлить на воздухъ. Но все же нужно, чтобъ нападающій просилъ у меня пощады, чтобы ему оказана была милость» [1]). Непочтительный тонъ, какимъ народныя газеты говорили о королѣ, проявился и въ распространяемыхъ по Парижу прокламаціяхъ. Въ одной изъ нихъ, наклеенной на стѣнахъ дворца, значилось: «граждане увѣдомляются, что изъ Тюльери бѣжалъ толстый боровъ. Кто встрѣтитъ его, приглашается вернуть его въ жилище. Онъ получитъ скромное вознагражденіе» [2]). При извѣстіи о задержаніи короля, кордельеры и сочувствовавшіе имъ журналисты не только не понизили тона, но еще открыто стали проповѣдывать необходимость провозглашенія республики. «Клубъ кордельеровъ, читаемъ мы въ издаваемой Кондорсэ Парижской хроникѣ, отпечаталъ и распространилъ въ формѣ афишъ постановленіе, которымъ объявляетъ, что національное собраніе сдѣлало Францію рабыней, установивъ наслѣдственность престола. Онъ требуетъ, чтобы самое имя короля было упразднено, и государство объявлено республикой» [3]). Вотъ самый текстъ этого постановленія. «Мы были рабами въ 89 году, сочли себя свободными въ 90; мы сдѣлались таковыми на дѣлѣ въ іюнѣ 91 года. Законодатели! распоряжаясь правами націи, которой вы являетесь представителями, вы надѣлили Людовика XVI излишнимъ авторитетомъ, вы упрочили тиранію, объявивъ его несмѣняемымъ, безотвѣтственнымъ и занимающимъ престолъ по наслѣдству, вы освятили рабство французовъ, провозгласивъ монархію. Добрые граждане возроптали. Послѣдовали горячія схватки. Но законъ былъ на лицо, и мы подчинились, ожидая нашего спасенія отъ успѣха знаній и философіи. Мнимый договоръ между націей, которая все отдаетъ, и частнымъ лицомъ, которое ничего не уступаетъ, продолжалъ быть соблюдаемъ до тѣхъ поръ, пока Людовикъ XVI не оказался неблагодарнымъ измѣнникомъ, и мы не вкусили отъ плодовъ собственнаго дѣла. Этотъ во-

---

[1]) Révolutions de France, № 82, стр. 156 и слѣдующія.

[2]) Ibid., стр. 179.

[3]) Chronique de Paris, № 174, IV vol., 33 іюля, 91.

воображаемый договоръ болѣе не существуетъ. Своимъ поступкомъ Людовикъ XVI отказался отъ престола. Онъ болѣе ничего не значитъ для насъ и можетъ только сдѣлаться нашимъ врагомъ. Такимъ образомъ, мы снова очутились въ томъ же положенiи, въ какомъ были послѣ взятiя Бастилiи. Мы снова свободны и свободны отъ короля. Остается теперь рѣшить, какая польза назначать новаго». Передавая содержанiе этой афиши, хроника говоритъ: «не трудно усмотрѣть, что клубъ кордельеровъ, этихъ новыхъ Сцеволъ, рѣшительно стоитъ за республику. Мужественный и строгiй Бриссо также склоняется въ ея пользу».

Но какъ отнесутся къ такой перемѣнѣ общественнаго мнѣнiя всесильные якобинцы? Найдетъ ли она въ нихъ поддержку, или отпоръ? Пойдутъ ли оба клуба за-одно, увлекая за собою послушное ихъ голосу большинство собранiя, или же якобинцы станутъ на стражу конституцiи, увлекутъ своимъ примѣромъ раздѣленное и неимѣющее болѣе всемогущаго, всѣми признаваемаго вождя, народное представительство? Отвѣты на эти вопросы мы найдемъ во внимательномъ изученiи протоколовъ якобинскаго клуба и тѣхъ отзывовъ, какiе даютъ намъ о засѣданiяхъ нѣкоторые изъ посѣтителей-иностранцевъ. Въ засѣданiи 22 iюня однимъ изъ предметовъ обсужденiя являются мѣры, принятыя муниципальными властями противъ разносчиковъ газеты «Orateur du peuple». Одни отстаиваютъ безусловность свободы печати, говоря, что въ народѣ начинаютъ слышаться голоса: «если бы мы повѣрили тому, что предсказывалъ Маратъ, мы бы не были доведены до настоящаго положенiя». Другiе, наоборотъ, высказываются въ пользу репрессiи, замѣчая, что «народный ораторъ» пишетъ ужасы про Лафайета и приглашаетъ гражданъ истребить нацiональную гвардiю. Въ интересахъ единенiя клубъ рѣшаетъ перейти къ очереднымъ дѣламъ. Но вотъ, на трибуну всходитъ Роберъ, членъ сообщества кордельеровъ и авторъ уже упомянутаго мною сочиненiя: «Республиканизмъ, примѣненный къ французской нацiи» [1]). «Я посланъ, говоритъ онъ, съ двумя другими членами клуба передать

[1]) Этотъ адресъ, напечатанный въ тотъ же день „народнымъ ораторомъ“, и былъ одной изъ причинъ открытыхъ противъ него преслѣдованiй.

вамъ его адресъ, требующій упраздненія монархіи». Крики неодобренія раздаются со всѣхъ сторонъ. «Вы друзья конституціи, говоритъ Ботиду, требуя перехода къ очереднымъ дѣламъ, а монархія признана конституціей». Все собраніе подымается какъ одинъ человѣкъ и высказывается въ пользу такого перехода. «Я объявляю, говоритъ одинъ изъ присутствующихъ, что адресъ кордельеровъ—актъ преступный «(je le regarde comme une sceleratesse). Слышатся аплодисменты. Ботиду требуетъ, чтобы впредь ни одна депутація не была принимаема отъ кордельеровъ, пока они не возьмутъ офиціально назадъ своего адреса. Новыя рукоплесканія. Въ то время, какъ между Дантономъ и сторонниками Лафайета продолжаются препирательства, въ результатѣ которыхъ клубъ принимаетъ рѣшеніе, что Дантонъ въ письменномъ видѣ изложитъ свои обвиненія противъ главы національной гвардіи, предсѣдатель Дюбуа де Крансэ внезапно прерываетъ пренія, чтобы объявить, что присланный національнымъ собраніемъ курьеръ извѣщаетъ: король задержанъ. «Браво! браво!» кричатъ со всѣхъ сторонъ, и залъ оглашается долго несмолкающими криками

Въ засѣданіи слѣдующаго дня (23 іюня) герцогъ Орлеанскій, представленный Монпансье и пятью другими членами, ходатайствуетъ о сокращеніи въ его пользу формальностей пріема въ виду его искренняго желанія сдѣлаться членомъ клуба. Это ходатайство, пущенное на голоса, вызываетъ нѣкоторое разнорѣчіе. Но Дюбуа де Крансэ спѣшитъ заявить, что для пріема не требуется ничего, кромѣ представленія. Тогда на трибуну всходитъ ближайшій приверженецъ герцога Орлеанскаго Лакло. «Задержаніе короля, говоритъ онъ, доказало намъ, что народъ департаментовъ солидаренъ съ парижскимъ населеніемъ. Остается теперь рѣшить, что дѣлать національному собранію по возвращеніи короля. Чистосердечно сознаюсь, что я лично ни на чемъ еще не остановился. Прошу собраніе поставить этотъ вопросъ на очередь». Предложеніе принято, и ораторы смѣняютъ другъ друга. Одинъ (Лепидоръ)—совѣтуетъ не вступать въ переговоры съ королемъ до окончанія конституціи, послѣ чего ему будетъ объявлено, на какихъ условіяхъ онъ можетъ остаться на тронѣ; другіе требуютъ отвѣтственности для всѣхъ,

кромѣ короля, и предупреждаютъ собраніе противъ тѣхъ, кто ради собственныхъ выгодъ объявляетъ короля лишившимся престола. Дантонъ видитъ въ этомъ своего рода вызовъ. «Какъ, говоритъ онъ, человѣкъ, котораго вы называете королемъ французовъ, поклявшись въ вѣрности конституціи, бѣжалъ, и вы говорите, что онъ не лишился короны! Но вѣдь онъ, клявшійся блюсти конституцію, оставилъ актъ, которымъ заявляетъ, что ищетъ средствъ къ ея низверженію. Пусть же собраніе представитъ ему этотъ актъ; если онъ признаетъ его, то что это будетъ означать, какъ не то, что онъ преступникъ или безумецъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не можетъ быть королемъ. Намъ нуженъ поэтому не регентъ, а совѣтъ, избранный не законодательнымъ собраніемъ, а департаментами. Пусть каждый департаментъ назначитъ по избирателю, а избиратели выберутъ десять или двадцать человѣкъ, возобновляемыхъ каждые два года и образующихъ изъ себя совѣтъ».

Въ ближаййшемъ засѣданіи ораторъ, предложившій посылку конституціонныхъ декретовъ на разсмотрѣніе департаментскихъ избирателей, не можетъ добиться того, чтобы собраніе выслушало его до конца. Монархизмъ все ярче и ярче выступаетъ въ преніяхъ, и въ устахъ Марата большинство членовъ клуба уже получаютъ прозвище усыпителей. «Я увѣренъ, пишетъ онъ, что члены собранія, основавшіе клубъ якобинцевъ, за исключеніемъ Робеспьера, тайные роялисты, только тѣмъ отличающіеся отъ «черныхъ», что къ ихъ принципамъ они присоединяютъ еще лицемѣріе. Они приняли обликъ патріотовъ, чтобы заслужить народное довѣріе и осадить народъ въ ту минуту, когда онъ обнаружитъ свою справедливую ярость противъ всѣхъ противниковъ революціи. Депутаты якобинцы не болѣе, какъ низкіе усыпители народа. Но въ клубѣ можно встрѣтить еще нѣсколько добрыхъ патріотовъ: Дантона, Лежандра, Фурнье; ихъ то и хотятъ всячески одурачить, провести и склонить на свою сторону эти усыпители [1])».

25 іюня клубъ выслушиваетъ однако предложеніе признать короля лишившимся престола. Авторъ его — нѣкій Симонъ,

---

[1]) L'Ami du peuple, 28 іюня 91 года.

инженеръ въ Бургундіи и членъ двухъ якобинскихъ сообществъ, дижонскаго и парижскаго. «Монархія», признанная конституціей, сказалъ онъ, продолжаетъ держаться независимо отъ присутствія или отсутствія, согласія или отказа того или другого чиновника. Все, чего требуютъ обстоятельства—это легальной замѣны оставившаго свой постъ агента. Своимъ незаконнымъ и безчестнымъ поведеніемъ первый монархъ міра разорвалъ свою связь съ существующей политической системой. Его надо признать умершимъ для монархіи и позаботиться о его замѣнѣ. Преступленія не ведутъ къ иной отвѣтственности, кромѣ личной. Если кто неповиненъ въ бѣгствѣ короля, такъ это, несомнѣнно, его малолѣтній сынъ. Національное собраніе должно поэтому, низложивъ Людовика XVI и обезпечивъ ему личную безопасность и достаточное содержаніе, провозгласить королемъ дофина и назначить ему совѣтъ или регента. Одновременно оно должно озаботиться назначеніемъ воспитателей, которые бы сдѣлали изъ него короля-гражданина»[1]). Въ засѣданіи слѣдующаго дня съ трибуны якобинцевъ слѣдуетъ предложеніе признать короля виновнымъ и одновременно простить ему преступленіе, не допуская однако къ дальнѣйшему занятію престола[2]). 27 іюня впервые слѣдуетъ болѣе или менѣе открытое предложеніе поставить во главѣ страны герцога Орлеанскаго. Данжу, говоря объ установленіи совѣта регентства совѣтуетъ назначеніе генеральнаго лейтенанта королевства; эту власть надо, говоритъ онъ, поручить тому, на кого указываетъ право рожденія. Такъ какъ оба брата короля и съ ними герцогъ Кондэ были въ рядахъ эмигтраціи, то трудно было понять это предложеніе иначе, какъ въ смыслѣ, благопріятномъ герцогу Орлеанскому. Что касается до короля, то ораторъ желалъ предать его суду. Приговоръ надъ нимъ долженъ быть постановленъ, говорилъ онъ, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ со стороны непріятеля[3]). Шамбонъ стоялъ за назначеніе одного только совѣта, члены котораго были бы выборными и отвѣтственными. Это соединило бы въ себѣ, думалъ онъ, пре-

---

1) Aulard., t. II, стр. 551 и 552.
2) Aulard., t. II, стр. 554.
3) Ibid., стр. 563.

имущества монархіи и республики. Одинъ изъ присутствующихъ перебиваетъ оратора говоря: вы хотите создать верхнюю палату. Шамбонъ объясняетъ свое предложеніе тѣмъ, что между членами королевской семьи нѣтъ человѣка, поведеніе котораго внушало бы достаточное уваженіе, чтобы поручить ему обширныя права регентства. Собраніе покрываетъ это заявленіе дружными аплодисментами. Жире Дюпрэ доказываетъ, что король долженъ быть судимъ, что его безотвѣтственность не равнозначительна безнаказанности. Дважды, говоритъ онъ, англичане представили примѣръ такого суда, и вы достойны слѣдовать по ихъ стопамъ. Собраніе требуетъ, чтобы рѣчь Жире была напечатана. Одинъ изъ ораторовъ заявляетъ, что у королевы надо отнять ея титулъ, и въ то же время говоритъ, что слѣдуетъ отказаться отъ мысли имѣть регента, такъ какъ завѣдомо извѣстно, что тотъ изъ принцевъ крови, который имѣлъ бы право на занятіе этого поста, никогда не согласится принять его [1]).

Орлеанская партія, испробовавъ свои силы и не нашедши для себя достаточной поддержки, отказывается такимъ образомъ отъ мысли о регентствѣ. 29 и 30 іюня, а равно и 1 и 3 іюля все еще продолжаются пренія по вопросу, открытому бѣгствомъ короля. Низложеніе, говоритъ Антуанъ, наименьшая изъ тѣхъ каръ, какая можетъ постигнуть чиновника, оставившаго свой постъ. Людовикъ XVI объявилъ войну конституціи; онъ потерялъ поэтому всякое право на наше довѣріе. Пришлось бы всегда хранить его подъ надзоромъ, но плѣнникъ не можетъ быть главою исполнительной власти въ обширной имперіи. Если представить королю конституцію на утвержденіе, онъ будетъ лгать снова. Надо поэтому низложить его и, низложивъ, держать взаперти. Безразлично, кто будетъ регентомъ. Достаточно того, что онъ будетъ назначенъ. Нѣтъ необходимости имѣть совѣтъ. Лучше держаться за конституцію, которая его не знаетъ. «Будемъ же имѣть короля, такъ заканчиваетъ Антуанъ свою рѣчь: въ теченіе нѣкотораго времени намъ еще нужно, чтобы одинъ человѣкъ стоялъ на такой высотѣ, которая бы заставила склониться предъ нимъ всѣ честолюбія». Карлъ Ламетъ видитъ въ этихъ словахъ личный

---

[1]) Ibid., стр. 564 и 565.

намекъ и требуетъ, чтобы ораторъ назвалъ тѣхъ, кого имѣютъ въ виду его обвиненія. Эти слова встрѣчены такимъ неодобреніемъ, что Ламетъ рѣшается уйти изъ засѣданія. Его выходъ сопровождается аплодисментами. Но вскорѣ онъ возвращается и его также встрѣчаютъ рукоплесканіями. Антуанъ спѣшитъ заявить, что не имѣлъ лично въ виду Ламета, но что считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать доносъ на коалицію, въ какую вступили дворяне и военные. «Почему, говоритъ онъ, со времени исключенія ихъ изъ состава будущаго собранія (благодаря декрету Робеспьера) не являются они на наши засѣданія, ища въ нихъ уроковъ равенства. Не забывайте, что нѣтъ бѣдствія хуже олигархіи». Редереръ, предвидя отказъ отъ регентства со стороны лица, призваннаго къ нему по рожденію (герцога Орлеанскаго), думаетъ, что можно ограничиться назначеніемъ одного только совѣта. Онъ будетъ имѣть ту выгоду, что, доказавъ возможность регентства безъ регента, пріучитъ французовъ къ мысли имѣть монархію безъ монарха. Карлъ Ламетъ обвиняетъ Редерера въ іезуитскихъ недомолвкахъ и объявляетъ его взгляды крайне опасными для друзей конституціи.

Перваго іюля враги монархіи снова дѣлаютъ попытку поднять въ клубѣ якобинцевъ вопросъ объ ея упраздненіи. «Теперь, когда тронъ фактически ниспровергнутъ, благодаря бѣгству короля, говоритъ Вареннъ, я не могу скрыть своего изумленія, видя, что ничего не дѣлаютъ для его упраздненія. Я намѣреваюсь поэтому поднять вопросъ о томъ, какой изъ двухъ образовъ правленія, монархическій или республиканскій, для насъ болѣе подходящій». Въ собраніи подымается страшный гамъ. «Конституція объявила, говоритъ президентъ, что правительство во Франціи должно быть монархическимъ; не подлежитъ поэтому обсужденію вопросъ о пріемѣ нами другого образа правленія. Всеобщее неодобреніе, какимъ встрѣчены ваши слова, доказываетъ, что вы уклонились отъ вопроса. Я не считаю возможнымъ оставить за вами право голоса». Только преступникъ можетъ сдѣлать подобное предложеніе, заявляетъ одинъ изъ присутствующихъ. Я требую исключенія оратора изъ среды якобинцевъ, восклицаетъ епископъ Альби, Ройе. Пора положить конецъ распространенію въ обществѣ взглядовъ,

выдаваемыхъ за якобинскіе и въ то же время столь чуждыхъ нашимъ сердцамъ. «Всѣ общества друзей конституціи свидѣтельствуютъ о своемъ уваженіи декретамъ національнаго собранія, но оно постановило, что Франція будетъ монархіей. Я требую, чтобы оратора призвали къ порядку». Не ожидая этого рѣшенія, ораторъ сходитъ съ трибуны и удаляется изъ засѣданія. Лакло въ тотъ же день возвращается къ дорогому орлеанской партіи проекту регентства. Онъ не хочетъ назначенія временнаго правительства, составленнаго изъ министровъ и членовъ комитетовъ. Не стоило, говоритъ онъ, избавлять страну отъ деспотизма одного человѣка, чтобы добровольно покориться двѣнадцати деспотамъ. Нужно поэтому назначить регента. Лакло въ то же время указываетъ на тѣ измѣненія, какія необходимо внести въ конституцію. «Исполнительная власть, говоритъ онъ, все сдѣлала, чтобы унизить себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Къ чему далѣе щадить ее? Необходимо, чтобы собраніе пересмотрѣло декреты, касающіеся функцій перваго чиновника въ государствѣ и въ особенности его цивиль-листа. Конституція лишена будетъ прочности, пока не рѣшенъ будетъ вопросъ, кто можетъ созывать гвардію. Лакло думаетъ, что это право не должно принадлежать ни королю, ни департаментскимъ властямъ, а одному только народу: назначеніе на военные должности въ томъ видѣ, въ какомъ оно установлено конституціей, вѣрное средство въ рукахъ короля къ созданію новаго военнаго дворянства. Но прежде всего надо отмѣнить цивиль-листъ—законное средство къ нелегальнымъ воздѣйствіямъ. Къ чему также настаивать, чтобы въ представительномъ образѣ правленія всѣ органы администраціи подчинены были министрамъ, которые въ свою очередь всецѣло въ рукахъ короля?» [1]). Въ глазахъ Лакло политическая свобода требуетъ, повидимому, безсилія исполнительной власти. Но такъ какъ предложеніе освободить войско и національную гвардію отъ всякой зависимости отъ короля и уничтожить іерархическое подчиненіе административныхъ властей главамъ исполненія идутъ у него рука объ руку съ предложеніемъ создать регентство, то невольно возни-

---

[1]) Ibid., стр. 573—575.

каетъ сомнѣніе въ томъ, не направлена ли вся его демократическая программа къ одной цѣли побѣдить тѣ сопротивленія, какія встрѣчала въ средѣ клуба кандидатура его патрона—герцога Орлеанскаго.

Третьяго іюля республиканцы снова дѣлаютъ попытку защитить свои взгляды въ средѣ якобинцевъ. «Національное собраніе, говоритъ Реаль, поставлено въ возможность слѣдовать голосу справедливости и разума; а между тѣмъ все же нельзя говорить о республикѣ, которая есть правительство будущаго. Приходится поэтому обсуждать вопросъ, не выходя изъ гипотезы монархіи. Но Людовикъ XVI еще король, такъ какъ его не судили. Нельзя, слѣдовательно, назначить ему преемника. Можно только отъ имени націи создать временнаго хранителя королевской власти. Кто же будетъ имъ? Повидимому, ближайшій наслѣдникъ, но сынъ Людовика XVI еще малолѣтній. Орлеанъ заявилъ о своемъ отказѣ. Конти, вѣроятно, обнаружитъ не меньшую стыдливость. Въ такихъ условіяхъ надо предоставить уполномоченнымъ отъ департаментовъ назначеніе такого хранителя». Дантонъ поддерживаетъ это предложеніе, говоря, что Франціи нужно не созданіе регентства, а наложеніе секвестра на королевскую власть, оказавшуюся вакантной. «Настоящимъ скандаломъ надо считать, что Людовика не допросили публично, что собраніе ограничилось назначеніемъ комиссаровъ, которые ждутъ по часамъ въ королевской передней» [1]).

Но рядомъ съ этими болѣе или менѣе прикрытыми заявленіями въ пользу временной народной диктатуры, а слѣдовательно, и фактическаго упраздненія королевской власти, раздаются въ средѣ якобинцевъ и откровенные призывы къ возстановленію монархіи съ тѣмъ характеромъ, какой дала ей конституція. Кудикъ беретъ на себя защиту Людовика XVI. Возражая тѣмъ, кто считаетъ бѣгство короля страшнымъ преступленіемъ, достойнымъ смерти или по меньшей мѣрѣ лишенія престола, Кудикъ говоритъ: «Братья и друзья! неужели вы не хотите понять, что Людовикъ XVI, не находя выбора между надеждами аристократіи и тайными ходами мятежниковъ, временно поте-

[1]) Ibid., стр. 577—579.

рялъ равновѣсіе? Почему не допустить, что очутившись на бурномъ морѣ, онъ ухватился за ту доску спасенія, какую представляла ему умирающая аристократія въ надеждѣ отстоять скипетръ и корону противъ агитаціи республиканцевъ. Кто изъ насъ посмѣетъ утверждать, что онъ самъ сохранилъ бы невозмутимость духа, попавъ въ подобныя же обстоятельства! До 21 іюня Людовикъ XVI оставался другомъ конституціи. Онъ временно поддался преступнымъ навѣтамъ, но онъ снова можетъ сдѣлаться вѣрнымъ долгу, разъ перестанетъ слушаться аристократовъ. Бѣгство должно было укрѣпить въ немъ увѣренность, что общественное мнѣніе дорожитъ конституціей. Что же касается до насъ, то прежде всего постараемся избѣжать ловушекъ, какія ставятъ намъ одинаково и аристократы, и республиканцы». Предлагая подвергнуть имущества эмигрантовъ секвестру, отозвать всѣхъ пословъ и замѣнить ихъ новыми, поручить національному собранію назначеніе королю совѣта, возобновляемаго каждые два года изъ выходящихъ членовъ палаты, Куедикъ въ то же время говоритъ противъ отнятія королевской власти у Людовика XVI. Аристократы могутъ желать этого, чтобы упрочить анархію, мятежники — чтобы осуществить свои смѣлые замыслы, но у истинныхъ патріотовъ не хватитъ духа для подобной жестокости. Оставимъ за азіатами привилегію низвергать своихъ деспотовъ и казнить ихъ смертью. Не будемъ терять изъ виду, что, лишая престола Людовика XVI, человѣка несомнѣнно добродѣтельнаго, и открывая путь къ регентству человѣку, сердце котораго лабиринтъ, мы предпринимаемъ весьма опасную игру [1]).

Въ засѣданіи 6 іюля по случаю обсужденія адреса отъ города Перпиньяна, собраніе снова объявляетъ себя сторонникомъ монархіи. Въ адресѣ открыто высказывалось сочувствіе республики. «Представители, значилось въ немъ, вамъ необходимо знать, каково состояніе общественнаго мнѣнія. Вотъ оно, чтобы быть римлянами, намъ недоставало только ненависти къ монархіи и

---

[1]) Aux amis de la constitution contre les Machiavels et les Cromwells modernes par Couedic, membre de la sociéte des amis de la constitutions. Paris. 1791, Aulard, том. II стр. 580—584.

изгнанія королей. Въ первой нѣтъ недостатка. Отъ васъ мы ждемъ осуществленія второго желанія. Въ томъ видѣ, въ какомъ организовано правительство во Франціи, король рѣшительно безполезенъ. Обойдемся же безъ него, и у насъ будетъ одной опасностью меньше: исчезнетъ человѣкъ, которому въ силу конституціи дано тридцать милліоновъ годового дохода, и который необходимо долженъ быть нашимъ врагомъ. Надо сознаться, что мысль надѣлить насъ богатымъ королемъ съ логической стороны не выдерживаетъ критики. Разъ является возможность избавить насъ отъ этой излишней тягости, почему не воспользоваться ею? Почему не провозгласить Франціи республикой? Едва прочитанъ этотъ адресъ, какъ всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ, требуя слова. Наконецъ, одному изъ присутствующихъ удается покрыть своимъ голосомъ остальные: я поставлю на видъ президенту, говоритъ онъ, что секретарь вмѣсто того, чтобы обѣщать намъ удовольствіе отъ чтенія только что доложеннаго адреса, поступилъ бы гораздо лучше, прочитавъ намъ слѣдующее постановленіе нашихъ регламентовъ: «вѣрность конституціи, готовность защищать ее, подчиненіе и уваженіе къ властямъ, ею созданнымъ, прежде всего вмѣняются въ обязанность членамъ клуба». Мы поклялись въ вѣрности конституціи, продолжаетъ ораторъ; но читать адресы, въ родѣ представленнаго, значитъ измѣнять нашей клятвѣ. Господа! я позволю себѣ напомнить вамъ, говоритъ президентъ Бушъ, кто мы и для чего мы здѣсь. Мы друзья конституціи и собираемся съ цѣлью поддержать ее, а не для того, чтобы читать антиконституціонныя посланія. Съ нѣкоторыхъ скамей слышатся знаки неодобренія, но вскорѣ сильные апплодисменты покрываютъ голосъ предсѣдателя: «еще разъ считаю долгомъ объявить меньшинству, что оно никогда не принудитъ меня къ уступкамъ!» Новыя рукоплесканія покрываютъ это заявленіе [1]). Въ засѣданіи 8 іюля монархическое кредо большинства нашло снова возможность проявиться по поводу предложенія Петіона судить короля и объявить его низложенымъ. Гупиль де Префельнъ заявляетъ, что это предложеніе равносильно проекту измѣненія конституціи. «Всѣ

[1]) Aulard, т. II, стр. 587 и слѣдующія.

благомыслящіе люди высказались противъ него, несмотря на расположеніе, какимъ республиканскія идеи пользуются въ этомъ собраніи». Заявленіе Префельна вызываетъ большое волненіе; слышится обвиненіе, что ораторъ приписалъ обществу взгляды, которыхъ оно не имѣетъ. Редереръ, нападая на низость «ползающихъ у ногъ короля монархистовъ», говоритъ, что они охотно называютъ анархистами, мятежниками и «даже республиканцами» тѣхъ, кто не идетъ за одно съ комитетами собранія въ податливости королю [1]).

Въ то время, какъ центральный клубъ якобинцевъ въ Парижѣ высказывалъ свою преданность конституціи и проводимымъ ею монархическихъ тенденціямъ, провинціальные клубы не всегда сохраняли уваженіе къ престолу и не прочь были поднять руку на самыя основы того политическаго порядка, какой создали учредительные декреты собранія.

Журналъ Демулена охотно воспроизводилъ на своихъ столбцахъ адресы, близкіе по направленію къ республиканскимъ манифестамъ кордельеровъ. 86 № «Революцій Франціи» печаталъ воззваніе отъ патріотическаго клуба Сенъ-Клодъ въ департаментѣ Юры, составленное 12 іюля. Въ немъ значилось между прочимъ, что интересы общественнаго спасенія, какъ и интересы свободы, подсказываютъ мысль, что монархъ, предавшій родину, не долженъ болѣе начальствовать надъ французами. «Если первый чиновникъ государства можетъ безнаказанно нарушать присягу, она сдѣлается пустой формальностью, необязательной ни для кого». «Мы требуемъ, прибавляли они, чтобы первичныя собранія 83 департаментовъ были призваны высказать свое мнѣніе по вопросу о низложеніи короля; мы требуемъ, чтобы вы придали новую форму правительству Франціи, болѣе отвѣчающую конституціи и свободѣ». Высказывая такимъ образомъ глухо свое сочувствіе республикѣ, петиціонеры прибавляютъ, что буде собраніе признаетъ нужнымъ тѣмъ не менѣе имѣть короля, къ нему надо приставить совѣтъ, члены котораго были бы избираемы и подлежали отставкѣ [2]). Еще рѣшительнѣе вы-

---

[1]) Ibid., стр 598.

[2]) См. № 86 Révolutions de France et de Brabant, стр. 53—55.

сказывались въ пользу республики члены якобинскаго клуба въ Пезена. «Образъ правленія во Франціи долженъ быть республиканскимъ, пишутъ они: со всѣхъ частей имперіи поднялись бы единодушныя ходатайства въ пользу его установленія, если бы существующая конституція не обезпечивала намъ его выгодъ. Всюду, гдѣ суверенитетъ народа удержанъ и гдѣ интересъ всѣхъ является высшимъ закономъ, существуетъ и республика. Различіе образовъ правленія зависитъ въ меньшей мѣрѣ отъ числа начальствующихъ, нежели отъ характера власти, имъ предоставленной. Наши несчастья раскрыли намъ глаза на всѣ неудобства наслѣдственной монархіи. Въ умѣ французовъ не сохранилось ни одного предразсудка. Вы можете предписать все согласное съ основными принципами политическихъ сообществъ. Это докажетъ не столько вашу смѣлость, сколько мудрость. Наслѣдственность престола перестала казаться французамъ необходимымъ зломъ. И вы не можете болѣе оставить въ конституціи зародышъ деспотизма, который рано или поздно поглотитъ ее. Природа представительнаго образа правленія требуетъ, чтобы должности всѣхъ высшихъ сановниковъ замѣщаемы были лицами, избранными народомъ. Но если имъ поручается распоряженіе собственностью гражданъ, то какъ можно мириться съ тѣмъ, чтобы случай рѣшалъ, въ чьи руки должно быть передано распоряженіе общественнымъ благополучіемъ? Нѣтъ правительства болѣе слабаго, какъ то, въ которомъ глава—скрытый врагъ существующаго устройства. Но наслѣдственная монархія рѣдко когда представляетъ примѣръ чего-либо другого. Что же остается вамъ сдѣлать, чтобы обезпечить торжество конституціи или, говоря точнѣе, чтобы завершить ее? Необходимо вернуть намъ не медля пользованіе правомъ, которымъ мы надѣлены природой, правомъ, которымъ пользовались наши предки, правомъ выбирать главу націи [1]). Манюэль, руководившій дѣятельностью якобинскаго клуба въ Монтаржисѣ, писалъ отъ его имени воззванія и постановленія, въ которыхъ, заявляя о готовности подчиниться общему рѣшенію и сохранить монархическую форму устройства, въ то же время

1) Révolutions de France et de Brabant, № 87, стр. 31—35.

не скрывалъ пристрастія своихъ товарищей къ республикѣ. «Общество друзей конституціи въ Монтаржисѣ, значится въ одной изъ его резолюцій, подчиняется всѣмъ декретамъ національнаго собранія, даже тому, который устонавляетъ наслѣдственность престола. Вспоминая въ то же время, что Карлъ VI подвергся интердикту націи въ то время, когда она еще не знала, что значитъ быть самодержавной, а слѣдовательно имѣть свою волю, клубъ умоляетъ общую всѣмъ мать (разумѣется центральный клубъ въ Парижѣ) выразить желаніе, чтобы всѣ издержки, вызванныя бѣгствомъ короля, пали прежде всего на цивильлистъ. «Пора, когда народы расплачивались за глупости королей, прошла». Въ памфлетѣ, озаглавленномъ: «Письмо къ якобинцу тѣснаго толка», Манюэль жаловался одновременно, что не позволено больше высказываться противъ монархіи, несмотря на то, что кажется невозможнымъ возродить націю при существованіи образа правленія, который, «по мнѣнію Монтескье, можетъ обойтись безъ добродѣтели». Въ «Письмѣ къ французскому патріоту» тотъ же Манюэль горько сѣтовалъ на то, что національное собраніе, сдѣлавшее столько чудесъ, упустило случай рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ великій вопросъ, «быть ли намъ подданными или суверенами» [1]. Въ другомъ воззваніи ко всѣмъ патріотамъ Манюэль спрашиваетъ, правда ли, что клятвопреступный Людовикъ все еще хочетъ править? Но какъ можетъ онъ быть королемъ свободнаго народа, онъ, рука котораго осквернитъ всякій законъ своимъ прикосновеніемъ. «Какая жалость, прибавляетъ онъ, что траурная колесница монархіи (такъ называетъ Манюэль карету баронессы Корфъ, въ которой Людовикъ XVI совершилъ свое бѣгство) не проѣхалась по всѣмъ провинціямъ! Неприкосновенный бы легко убѣдился въ такомъ случаѣ, что новая Франція не боится болѣе аркебузы Карла IX» [2].

Центромъ республиканскаго движенія была однако не провинція, а Парижъ. Госпожа Роланъ въ письмахъ къ Банкалю

---

1) Lettres de P. Manuel, un des administrateurs de 1789 sur la révolution (l'an troisième de la liberté), стр. 232, 237, 229.

2) Ibid, стр. 218.

передаетъ намъ настроеніе минуты, говоря: «Король и его семья отбыли. Это далеко не несчастье, разъ мы сохранимъ благоразуміе, энергію и единство. Масса населенія столицы чувствуетъ это, ибо она мыслитъ здраво и судитъ справедливо. Негодованіе противъ Людовика XVI высказывается со всѣхъ сторонъ. Ненависть къ королямъ сдѣлалась общей: слово республика слышится на каждомъ шагу. Народъ собрался въ секціяхъ. Многіе приняли рѣшеніе не расходиться. Нѣкоторые обнаруживаютъ большой энтузіазмъ. То же надо сказать и о братскихъ обществахъ. Мы бы вступили въ лучшую эпоху революціи, если бъ не организованная національная гвардія, если бъ не законъ о маркѣ серебромъ и не единеніе всѣхъ поддерживающихъ министерство депутатовъ. Настроеніе общественнаго мнѣнія прекрасно. Время самое подходящее. Но что сдѣлаетъ національное собраніе, это другой вопросъ. Все предвѣщаетъ печальный исходъ, и это меня глубоко огорчаетъ. Госпожа Роланъ объясняетъ далѣе, что̀ она разумѣетъ подъ этими печальными предвѣстіями. Въ національномъ собраніи, пишетъ она, вздумали потребовать отчета у Лафайета въ его поведеніи. Но Барнавъ и Ламетъ поднялись въ его защиту и не допустили голосованія. За послѣднюю недѣлю Ламеты примирились съ королевой; никогда не обнаруживали они такъ ясно своей внутренней связи съ д'Андре, Шапелье, Бометцомъ, какъ вчера (21 іюня). Можно было думать, что, увѣдомленные напередъ обо всемъ, они заранѣе установили планъ дѣйствій. Все постановленное собраніемъ ихъ дѣло. Ихъ партія предприняла все отъ нея зависящее, чтобы помѣшать Робеспьеру, Петіону и Бюзо высказать свое мнѣніе. И вотъ мѣры, принятыя собраніемъ. Всѣ министры удержаны, несмотря на то, что они, несомнѣнно, враги революціи и постоянно измѣняли ей. Все, что касается существеннѣйшихъ для насъ вопросовъ защиты и нападенія сосредоточено въ рукахъ комитетовъ, дипломатическаго и военнаго. Они призваны дѣйствовать заодно съ соотвѣтствующими членами министерства. Но развѣ предательская медлительность и болѣе чѣмъ подозрительное поведеніе этихъ комитетовъ не дали нашимъ врагамъ возможности подготовиться? Развѣ они не оставили нашихъ границъ безъ за-

щиты, не преслѣдовали солдатъ-патріотовъ (намекъ на суровое подавленіе мятежа полка Шато-Вье маршаломъ Булье, которому собраніе, по настоянію комитетовъ, рѣшило высказать свою благодарность). Тѣ же комитеты не сохранили ли за арміей никуда негодную организацію? Всѣ добрые граждане издавна жалуются на ихъ поведеніе. Общественное мнѣніе осудило ихъ. Ихъ слѣдовало бы наказать, если бы только было мыслимо въ настоящихъ условіяхъ добиться противъ нихъ правосудія. Прокламаціи, приглашающія насъ быть насторожѣ, стремиться къ единенію и высказывать довѣріе къ національному собранію, могутъ ли внушить послѣ этого необходимое спокойствіе и довольство»? Госпожа Роланъ не одобряетъ также поведенія клуба якобинцевъ. Барнаву и здѣсь удалось взять верхъ своею проповѣдью единенія. По его настоянію принято послать адресъ ко всѣмъ дружескимъ сообществамъ, адресъ, написанный въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ. Вы получите вскорѣ это благодушное обращеніе. Хорошо бы было, прибавляетъ авторъ письма, раскрывая намъ тотъ источникъ, изъ котораго вытекли упомянутые выше республиканскіе манифесты нѣкоторыхъ провинціальныхъ клубовъ, послать въ отвѣтъ на адресъ якобинцевъ изложеніе причинъ справедливыхъ опасеній, внушаемыхъ патріотамъ современнымъ ходомъ дѣлъ. Хорошо бы направить подобнаго же рода петицію непосредственно къ самому собранію, потребовать отъ него назначенія новыхъ министровъ и перемѣнъ въ личномъ составѣ комитетовъ. Мы несомнѣнно погибли, разъ не будетъ найдено средства освободить собраніе отъ его вредныхъ элементовъ и придать жизнь тому, что въ немъ есть здороваго. Но для этого необходимо, чтобы адресъ былъ представленъ одновременно всѣми первичными собраніями. Это единственный путь къ успѣху. Нельзя ли было бы также включить въ него требованіе о торжественномъ созывѣ всѣхъ первичныхъ собраній для голосованія вопроса, желательно ли дальнѣйшее удержаніе во Франціи монархическаго образа правленія. Нашъ общественный договоръ допускалъ существованіе короля. Но этотъ король самъ отказывается отъ условій, съ нимъ заключенныхъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что стороны, оставшіяся вѣрными договору, могутъ включить въ него

новыя статьи? Хорошо было бы распространить въ большомъ числѣ экземпляровъ маленькую инструкцію, способную истолковать народу его права и направить его дѣятельность. Переживаемый нами кризисъ можетъ окончиться только или уничтоженіемъ, или усовершенствованіемъ нашей конституціи. Какъ передать мнѣ вамъ, пишетъ та же Роланъ на слѣдующій день, всѣ волнующія насъ чувства. Вчера (т. е. 22 іюня) въ пять часовъ вечера въ сообществѣ Робеспьера и нѣкоторыхъ другихъ мы считали собя почти подъ ножомъ. Всѣ наши заботы направлены были къ тому, чтобы подвинуть народъ на великія рѣшенія, къ которымъ собраніе неспособно. Каждый думалъ только о томъ, какъ бы по мѣрѣ силъ послужить общественному спасенію въ ожиданіи поголовнаго избіенія, которое можетъ наступить съ минуты на минуту. Общественное мнѣніе, правда, было прекрасно настроено, но въ національномъ собраніи существовала опасная коалиція. Она, очевидно, имѣла союзниковъ и внѣ его стѣнъ. Со всѣхъ сторонъ открывались западни. Друзья свободы, подготовляя ея торжество, стараясь воспользоваться обстоятельствами, въ то же время ждали неминуемой гибели. Я отправилась на засѣданіе якобинцевъ. Оно было весьма многолюдно и открылось столь же торжественно, какъ наканунѣ. Не знаю, писала ли я вамъ, что клятва жить свободными или умереть возобновлена была всѣми присутствующими, ставшими по этому случаю на колѣни съ обнаженными шпагами въ рукахъ. Но этотъ благородный порывъ былъ все же ничто сравнительно съ откровенной и веселой бодростью народа. Тайные ходы клуба 89 года, посредничество министровъ и самое присутствіе Лафайета внушали невольное опасеніе. Внезапно является курьеръ за курьеромъ, принося извѣстія, что король и его семья задержаны небольшимъ пограничнымъ муниципалитетомъ между Шампанью и Лотарингіей. Что сдѣлаютъ съ нашими великими разбойниками? Мнѣ кажется, что слѣдовало бы наложить секвестръ на царственнаго манекена и начать процессъ противъ его жены. Но наше національное собраніе не годится для этого. Спѣшите же съ окончаніемъ выборовъ, и пусть все государство потребуетъ новаго представительства. Оно наложитъ послѣднюю печать на дѣло конституціи. Если къ несчастью те-

перешнее собраніе продлится, оно кончитъ несомнѣнно измѣной, оно продастъ насъ двору или объявитъ себя аристократическимъ сенатомъ. Слѣдовало бы воспользоваться великимъ народнымъ возбужденіемъ, чтобы призвать всѣхъ гражданъ къ дѣятельности и исправить недостатки нашей конституціи.

Вчера, пишетъ мадамъ Роланъ 24 іюня, во всѣхъ группахъ Пале-Рояля господствовало одно настроеніе: отовсюду слышались однѣ и тѣ же рѣчи. Вездѣ проявлялось глубокое презрѣніе къ личности короля. Всѣми чувствовались тѣ неудобства, какія связаны съ его возвращеніемъ, довольство, что оно нарушаетъ планы предателя и, повидимому, отдаляетъ ту войну, какую онъ намѣревался возбудить. Но ближайшее прибытіе въ Парижъ Людовика XVI разстраиваетъ всѣ надежды на установленіе республики. Желаніе обойтись въ будущемъ безъ короля, непониманіе средствъ, какими можно достигнуть этого исхода, смѣсь довѣрія и опасенія къ дѣятельности собранія, отъ котораго ждутъ крайне умѣренныхъ рѣшеній, какая-то нѣмая готовность подписаться подъ этими рѣшеніями, доказывающая недостатокъ правильной точки зрѣнія и надежды достигнуть своей цѣли, несмотря на всю энергію,—вотъ вамъ картина теперешняго настроенія Парижа. Послѣ обѣда рядъ депутацій отъ батальоновъ, судовъ и т. д. предсталъ предъ національнымъ собраніемъ, чтобы принести новую присягу въ вѣрности націи и закону. Поразительно то, что въ числѣ этихъ депутацій было и все Сентъ-Антуанское предмѣстье. Ужъ и не знаю, сколько тысячъ человѣкъ. Мужчины, вооруженные пиками, палками, женщины съ какимъ-то праздничнымъ видомъ. Выстроившись въ рядъ по шести человѣкъ въ линію, толпа заняла всѣ улицы, ведущія отъ предмѣстья къ Тюльери. Вошедъ въ собраніе по частямъ, петиціонеры клялись по своему быть вѣрными націи и оглашали воздухъ криками: «да здравствуетъ законъ и свобода! f. du roi! Да здравствуютъ патріоты, а прочіе пусть берегутся»! Музыка, приведенная толпою, играла въ это время Ça ira, многіе подхватывали припѣвъ, посылая къ чорту короля и аристократовъ. Пока длилась эта импозантная по своей тривіальной энергіи сцена, сцена, способная укрѣпить храбрость въ республиканцахъ, якобинцы проводили время въ презрѣнныхъ

спорахъ. Они принимали въ свою среду Орлеана, Шапелье и другихъ членовъ клуба 89 года, сокращая для нихъ формальности пріема. Они высказывали неодобреніе Роберу, прославлявшему республику. Они слушали Дантона, не находившаго возможнымъ предложить что-либо, помимо установленія регенства: въ это же время презрѣнный комитетъ конституціи, предатель Турэ, входилъ въ собраніе съ проектомъ декрета, обезпечивающаго безопасность короля до момента его соглашенія съ законодательнымъ корпусомъ и устанавляющаго кары для тѣхъ, кто посмѣетъ оскорбить его и т. п. Замѣтьте, прибавляетъ госпожа Роланъ, что Петіона услали навстрѣчу королю, что Бюзо едва выздоравливаетъ, что постоянство засѣданій, вызывающее страшную усталость въ депутатахъ, заставляетъ многихъ изъ нихъ отлучаться на цѣлые часы. Хорошо еще, что въ моментъ предложенія въ залу вошелъ Робеспьеръ. Онъ возсталъ противъ него со своей обычной энергіей, но его остановили и вслѣдъ затѣмъ отсрочили засѣданіе на нѣсколько часовъ. Что касается до насъ, слѣдуетъ приписка, то вотъ, что мы думаемъ и что говорили Бюзо въ полночь. Посадить короля снова на тронъ было бы безуміемъ и нелѣпостью. Признать его сумасшедшимъ—это то же, что принять въ принципѣ предложеніе о регенствѣ. Но сдѣлать это равносильно упроченію всѣхъ недостатковъ нашей конституціи въ такую минуту, когда ихъ слѣдовало бы исправить. Это значило бы также проложить путь къ междоусобіямъ. Кого въ самомъ дѣлѣ призываетъ къ регентству законъ наслѣдованія? Monsieur, Артуа, Кондэ или Орлеана? Но послѣдній не имѣетъ на него серьезныхъ правъ. Онъ порочень и всѣми презираемъ, онъ опозорилъ бы назначившихъ его въ глазахъ народа и поднялъ бы противъ нихъ провинціи. Подвергнуть Людовика XVI уголовному преслѣдованію было-бы, несомнѣнно, самой великой и справедливой мѣрой, но никто не въ силахъ ея провесть. А если такъ, то остается не столько наложить на него интердиктъ, сколько временно пріостановить отправленіе имъ королевской должности, точь-въ-точь какъ это дѣлаютъ съ недобросовѣстными чиновниками. Это минимумъ того, что заслужилъ нарушившій свои обязанности делегатъ націи. Отставивши отъ должности, надо будетъ держать его подъ

надзоромъ, открыть преслѣдованіе противъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ его бѣгству, обходясь въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, безъ королевской санкціи. Надо, наконецъ, въ видахъ сохраненія правильности дѣйствій и большей энергіи правительства назначить временнаго національнаго президента и предоставить ему исполнительную власть. Держась такого образа дѣйствій, легко убѣдить департаменты, которые далеко въ этомъ отношеніи отстали отъ Парижа, что король не необходимъ и что правительственная машина можетъ дѣйствовать и безъ него. А между тѣмъ пограничныя войска поставлены на военную ногу, а внутреннія снабжены провіантомъ; финансы приведены въ порядокъ; добрые граждане распространяютъ всюду свѣтъ своими писаніями; патріотизмъ столицы сообщается департаментамъ; подготовляется и проводится реформа конституціи, и республика установляется сама собой. Вотъ что мы считаемъ наиболѣе желательнымъ, вотъ что мы готовы были бы проповѣдовать съ крышъ, располагай мы трубнымъ голосомъ Стентора, и вотъ что мы не перестаемъ говорить вокругъ себя [1]).

Интересно сопоставить эти заявленія съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Революцій Франціи». Что надо было дѣлать? спрашиваетъ Демуленъ въ № 84 своего журнала. Надо было назвать преступленіе Людовика XVI его настоящимъ именемъ, а не лгать открыто, называя его похищеніемъ; надо было заточить его, произвесть ему допросъ немедленно, разлучить его съ женою, такъ какъ нельзя оставлять подсудимаго съ сообщниками, и передать его дѣло на разбирательство верховнаго національнаго суда въ Орлеанѣ. Такъ какъ королевская власть есть должность, которая подвержена случайности рожденія, которая не требуетъ ни опыта, ни искусства, которую можетъ осуществлять идіотъ, сумасшедшій, злодѣй; такъ какъ король не болѣе какъ нуль въ конституціи; такъ какъ онъ ничего не можетъ сдѣлать безъ подписи министровъ и въ дѣйствительности не болѣе, какъ значекъ, которымъ министры скрѣпляютъ свои бумаги: то почему не сказать монархистамъ того, что прохожій говоритъ скупцу, поте-

---

1) Lettres autographes de madame Roland, стр. 238,—255.

рявшему свое сокровище: «положите на мѣсто его камень, онъ сослужитъ вамъ ту же службу» [1]).

Одновременно Бриссо печаталъ слѣдующее изложеніе программы республиканской партіи: «два вопроса сильно возбуждаютъ интересъ патріотовъ,—отмѣнятъ ли королевскую власть, или, не отмѣнивъ ее, назначатъ королю избирательный совѣтъ? Республиканцы думаютъ, что надо теперь же отмѣнить королевскую власть. Это возможно безъ нарушенія декрета, сохраняющаго монархію, ибо, по остроумному замѣчанію Редерера, можно имѣть монархію и безъ наслѣдственнаго короля. Отмѣна королевской власти возможна еще потому безъ всякаго отступленія отъ законовъ, что тотъ, кто владѣлъ ею, нарушилъ свое слово, возсталъ противъ конституціи и тѣмъ самымъ отказался отъ престола, ставя насъ въ то же положеніе, въ какомъ мы были до декрета о наслѣдственной монархіи. Республиканцы думаютъ, что эта отмѣна необходима, такъ какъ послѣдствіемъ сохраненія монархіи можетъ быть только рядъ бѣдствій и безпорядковъ. Народъ мудрый, думаютъ они, налагаетъ на себя клеймо позора и кладетъ начало собственной гибели, сохраняя должность, отданную на произволъ случая, случая, который можетъ предоставить ее идіоту и преступнику, интригану и человѣку добродѣтельному. Они требуютъ отмѣны монархіи, такъ какъ королевская власть мишура, падающая большою тягостью на націю, такъ какъ она источникъ роскоши и продажности. Сбереженіе 35 милліоновъ для націи, платящей 200 милліоновъ годовыхъ процентовъ одного національнаго долга, дѣло не лишнее. Можно имѣть прекрасную исполнительную власть безъ короля, центръ національнаго единства безъ короля, очень дѣятельную иниціативу безъ короля. Вѣдь въ концѣ концовъ король постоянно стремится присвоить себѣ суверенитетъ націи, не подвергая себя въ то же время никакой опасности, никакой печали. Сохраняя короля въ настоящихъ условіяхъ, вы ввергаете націю въ анархію: вашему возстановленному королю никто не станетъ повиноваться; назначите другого короля, и люди станутъ драться между собою, чтобы возстановить прежняго. Не имѣйте больше ко-

---

[1]) См. стр. 241 и 242.

роля, и недовольные не въ состояніи будутъ примкнуть ни къ одному имени, и сами они сдѣлаются ненавистными для всего міра, какъ стремящіеся дать тирана націи, которая не хочетъ его. И какую пользу можно еще извлечь изъ власти, которая фактически упразднена уже два года, а юридически—послѣднія двѣ недѣли безъ всякаго ущерба для общества. Какая необходимость сохранять ее, когда опытъ доказалъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ грозитъ конституціи. Разъ народъ будетъ выбирать всѣ власти, онъ несомнѣнно будетъ питать къ нимъ довѣріе. Онъ будетъ повиноваться имъ съ радостью; современныя обстоятельства доказываютъ, что взаимное согласіе не имѣло другого источника, кромѣ взаимнаго довѣрія. Такимъ образомъ тѣ, кто боится анархіи отъ республики, впадаютъ въ глубокое заблужденіе [1]).

Чтобы понять причины, побудившія національное собраніе не только сохранить монархическую власть во Франціи, но и сдѣлать откровенную попытку къ примиренію ея съ началами революціи и тѣми учрежденіями, какія вызваны были ею къ жизни, намъ необходимо войти въ подробности того, что происходило въ это время въ средѣ и за стѣнами собранія, между вожаками отдѣльныхъ партій, между всѣми тѣми, кто не считалъ Францію подготовленной къ принятію республики, справедливо думалъ, что большинство населенія стоитъ за монархію, и въ то же время сознавалъ невозможность ея дальнѣйшаго удержанія безъ серьезныхъ перемѣнъ въ конституціи. Никто больше Малуэ не отвѣчаетъ этому представленію убѣжденнаго монархиста и не менѣе преданнаго сторонника политической свободы; никто больше его не стремился къ мирному рѣшенію того столкновенія, въ какое принципы 89 года привели народное представительство съ традиціонной властью; никто въ сильнѣйшей степени не соединялъ въ себѣ одновременно желанія сохранить конституцію и сознаніе невозможности ея торжества безъ урона для монархіи; никому поэтому не было такъ дорого внести въ нее измѣненія, допускающія усиленіе монархической власти, упроченіе консервативныхъ принциповъ и приближеніе ея къ

---

[1]) № 84 Révolutions de France, гдѣ приведено въ извлеченіи мнѣніе Бриссо, стр. 280—284.

классическому образцу англійской конституціи съ ея двумя палатами и преобладаніемъ землевладѣльческихъ интересовъ. «Ничего, пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, нельзя было придумать менѣе легальнаго, чѣмъ то, что было результатомъ всѣхъ нашихъ преній. Но для народа это были декреты, это была конституція, и вся ея нелѣпость не мѣшала тому, что, опираясь на ея текстъ и комментаріи, можно было вѣшать и перерѣзывать горло. Необходимо было поэтому всячески противодѣйствовать этой ежедневной фабрикаціи дурныхъ законовъ и постараться объ уменьшеніи ихъ числа. Надо было сдѣлать все зависящее, чтобы ограничить ихъ печальныя послѣдствія. Все это могло быть сдѣлано гораздо легче, если бы сто человѣкъ, принадлежащихъ къ числу лучшихъ депутатовъ, не покинули своего поста, или если бы оставшіеся въ собраніи умѣренные не воздерживались отъ голосованія въ тотъ самый моментъ, когда въ лагерѣ противниковъ чувствовалась необходимость измѣненій въ такъ называемыхъ основныхъ законахъ. Но и въ данныхъ условіяхъ перемостръ конституціи показался мнѣ средствомъ, которое надо было испытать» [1]). Въ своихъ мемуарахъ Малуэ подробно останавливается на тѣхъ переговорахъ, какіе повели къ сближенію его съ Барнавомъ. «Мнѣ извѣстны были, говоритъ онъ, его сношенія со дворомъ; я зналъ, что онъ сознаетъ свои ошибки и искренно желаетъ ихъ исправить. Но онъ вправѣ былъ всего бояться отъ якобинцевъ; я понялъ поэтому, что мнѣ не слѣдуетъ заявлять открыто, что мы дѣйствуемъ заодно». Въ первыхъ же бесѣдахъ Барнавъ постарался выяснить Малуэ, что, за исключеніемъ десяти, двѣнадцати человѣкъ, въ родѣ Петіона, Реубеля, Бюзо, Робеспьера, Дюбуа де Крансэ, всѣ такъ называемые сторонники конституціи желаютъ завершенія революціи и возстановленія королевской власти на болѣе широкой основѣ. Пересмотръ конституціонныхъ декретовъ можетъ послужить средствомъ для этого въ томъ случаѣ, если правая захочетъ принять въ немъ участіе и не станетъ возбуждать лѣвой противъ себя несговорчивой оппозиціей, однимъ словомъ, если она откровенно признаетъ важнѣйшіе принципы кон-

1) Mémoires de Malouet, т. II, стр. 151.

ституціи. Тогда возможно будетъ исключить изъ нея многое, не возбуждая особенныхъ опасеній со стороны демократовъ. Вскорѣ въ переговорахъ принялъ участіе и Шапелье. И тотъ, и другой стали требовать отъ Малуэ, чтобы онъ склонилъ монархическое меньшинство къ этой новой политикѣ, которая бы позволила ему критиковать съ большой рѣзкостью отдѣльныя постановленія конституціи, высказывая въ то же время готовность слѣдовать ей при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Союзники во многомъ держались сходныхъ воззрѣній; они одинаково жалали упраздненія клубовъ и репрессіи для тѣхъ, кого Малуэ называетъ «революціонной чернью» (canaille révolutionnaire). Переговоры кончились тѣмъ, что Малуэ обязался напасть на всѣ слабыя стороны конституціи при ея ближайшемъ пересмотрѣ въ собраніи. Шапелье долженъ былъ возразить ему съ рѣзкостью, покрывая его сарказмами и упреками, но оставляя безъ защиты тѣ декреты, которые по общему уговору желательно было измѣнить. По отношенію къ нимъ онъ долженъ былъ ограничиться заявленіемъ, что критика господина Малуэ совершенно безполезна, такъ какъ и безъ него комитетъ считалъ нужнымъ внести тѣ или другія перемѣны. Это заявленіе должно было сопровождаться предложеніемъ проекта новаго декрета, благопріятнаго установленію истинно монархическаго правительства [1]).

Вотъ каковы были тѣ частныя соглашенія, которыя должны были значительно измѣнить отношенія прежнихъ вожаковъ собранія къ королю. Ихъ вліяніе не замедлило сказаться и при обсужденіи тѣхъ послѣдствій, какія должно было имѣть бѣгство въ Вареннъ. Въ письмахъ графа Гувернэ къ маркизу Буле встрѣчаются на этотъ счетъ слѣдующія не безынтересныя подробности. «Въ первый и второй день, слѣдовавшіе за бѣгствомъ короля, обѣ стороны, правая и лѣвая, ограничились взаимнымъ наблюденіемъ другъ за другомъ. Народная партія была въ большомъ затрудненіи. Роялисты испытывали не меньшее безпокойство. Малѣйшая нескромность могла вызвать ярость народа. Всѣ члены правой хранили упорное молчаніе,

---

[1]) Ibid., стр. 152—154.

а лѣвая предоставила своимъ вожакамъ предложить мѣры безопасности, которыя прошли безъ возраженія. На второй день якобинцы приняли угрожающее положеніе, конституціоналисты же обнаруживали большую умѣренность. Они и тогда, и теперь, имѣли численное большинство надъ якобинцами. Конституціоналисты повели рѣчь о соглашеніи, о депутаціи къ королю. Двое изъ нихъ (разумѣются Барнавъ и Шапелье) предложили Малуэ открыть переговоры, которые должны были начаться на слѣдующій день, но пришло извѣстіе объ арестѣ короля, и о конференціяхъ не было больше рѣчи. Но такъ какъ мнѣнія членовъ коалиціи успѣли уже обнаружиться, то они поневолѣ навлекли подозрѣніе всѣхъ «бѣшеныхъ» (enragés). Барнавъ, оказавшій такіе знаки уваженія королю и королевѣ во время возвращенія ихъ изъ Варенна и заслужившій тѣмъ ихъ признательность, умѣлъ соединить вокругъ себя четыре пятыхъ лѣвой не только съ цѣлью спасти короля отъ ярости якобинцевъ, но и для того, чтобы вернуть ему часть его авторитета и надѣлить его средствами къ защитѣ этого авторитета, не выходя изъ предѣловъ конституціи. Что касается до этой послѣдней части проектовъ Барнава, то въ нее посвящены были только Ламетъ да Дюпоръ. Масса сторонниковъ внушала имъ не мало опасеній. Тогда какъ лѣвая или, вѣрнѣе, ея традиціонные вожаки дѣлали попытку къ сближенію съ монархистами, послѣдніе, по собственному заявленію одного изъ нихъ, не умѣли воспользоваться благопріятными для нихъ обстоятельствами и оказать поддержку своимъ неожиданнымъ союзникамъ». При извѣстіи объ арестѣ короля въ Вареннѣ, правая сторона на своихъ тайныхъ собраніяхъ постановила не принимать долѣе никакого участія въ дебатахъ собранія и въ его голосованіяхъ. Одинъ Малуэ былъ противнаго мнѣнія: онъ доказывалъ, что прямая обязанность правой воспротивиться мѣрамъ, посягающимъ на общественный порядокъ и основные принципы монархіи. Но всѣ его настоянія оказались тщетными. Правая продолжала стоять на своемъ и составила даже втихомолку актъ протеста противъ всего, что было сдѣлано. Малуэ въ свою очередь заявилъ, что будетъ продолжать свою оппозицію съ трибуны и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы

воспротивиться злу. Онъ считалъ, что не болѣе 35 или 40 человѣкъ поддались его вліянію и высказали готовность дѣйствовать съ нимъ заодно. О томъ, какъ благопріятно настроено было къ королю большинство депутатовъ, можно судить по слѣдующему. Въ то время, какъ Людовика XVI везли въ Парижъ, Турэ съ трибуны предложилъ опредѣлить порядокъ, въ какомъ будетъ установлена охрана короля. Глубокое молчаніе воцарилось между депутатами и въ публикѣ. Даже на скамьяхъ лѣвой всѣ казались смущенными, слушая чтеніе проекта. Президентъ уже собирался приступить къ голосованію, когда Малуэ негодующимъ голосомъ воскликнулъ: «Господа! что вы собираетесь дѣлать? Послѣ ареста короля вамъ предлагаютъ путемъ декрета посадить его въ заточеніе. Но къ чему поведетъ васъ подобный шагъ! Одумайтесь! Вы хотите заключить въ темницу короля»! Нѣтъ! Нѣтъ! раздаются голоса лѣвой, и члены ея въ волненіи поднимаются со своихъ скамей, крича: «мы не хотимъ, чтобы король былъ лишенъ свободы!» Декретъ былъ бы отвернутъ единогласно, если бы Турэ не поспѣшилъ сказать: «ораторъ плохо понялъ содержаніе и редакцію декрета. Подобно ему, мы далеки отъ мысли лишить короля свободы и предлагаемъ эти мѣры только въ интересахъ безопасности для его семьи» [1]).

Не безынтересно узнать, какъ смотрѣли на положеніе, принятое національнымъ собраніемъ по отношенію къ королю и его семейству, главнѣйшіе участники бѣгства въ Вареннъ, Марія-Антуанетта и сестра короля Елизавета. 30 іюля первая пишетъ своему брату: «обстоятельства весьма измѣнились. Національное собраніе прежде раздѣлено было на множество партій. Нельзя было надѣяться на возстановленіе порядка; съ каждымъ днемъ падало уваженіе къ законамъ. Король, лишенный всякаго авторитета, потерялъ даже надежду вернуть его при окончательномъ пересмотрѣ конституціи національнымъ собраніемъ, такъ какъ послѣднее съ каждымъ днемъ теряло уваженіе народа. Теперь мы имѣемъ гораздо больше довѣрія. Всѣ люди, располагающіе вліяніемъ, соединились и открыто высказываются въ

[1]) Mémoires de Bouillé, page 282.

пользу сохраненія монархіи, и возстановленія порядка. Попытки мятежниковъ отражены, и національное собраніе намѣрено воспользоваться вновь пріобрѣтеннымъ вліяніемъ въ королевствѣ, чтобы упрочить исполненіе законовъ и завершить революцію. Люди умѣренные, враждебные прежде къ его мѣрамъ, теперь идутъ съ нимъ заодно, такъ какъ они видятъ въ этомъ единственную возможность мирнаго пользованія тѣмъ, что революція оставила еще за ними. Всѣ сходятся въ желаніи положить конецъ революціоннымъ движеніямъ, овладѣвшимъ Франціей за послѣдніе два года. Этотъ естественный исходъ не дастъ, разумѣется, власти всей той силы, въ какой она нуждается, но онъ предупредитъ наступленіе большихъ бѣдствій. Быть-можетъ, со временемъ, когда пройдетъ опьяненіе, отъ котораго мы страдаемъ, сознана будетъ польза расширить авторитетъ и вліяніе короля» [1]). Письмо это, написанное, по вѣрному замѣчанію Фелье де Конша, открывшаго его въ вѣнскомъ архивѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Барнава, тѣмъ болѣе любопытно, что по содержанію своему вполнѣ объясняетъ причину того недовольства, какое главы эмиграціи, и прежде всего графъ Прованскій, начинали высказывать по отношенію къ королевѣ. Марія Антуанетта, по ихъ словамъ, все продолжала еще питать вѣру въ шарлатановъ [2]).

«Ясно, писалъ въ свою очередь Мерси д'Аржанто, что Тюльери находится въ сношеніяхъ съ тою частью національнаго собранія, которою руководятъ Ламеты и Барнавъ» [3]). Еще ранѣе, 14 іюля 91 года, сестра короля, Елизавета, въ письмѣ къ госпожѣ Режкуръ сообщала, что Дюпоръ, Ламетъ, Барнавъ, д'Андрэ, Лафайетъ—всѣ за монархію [4]). Тѣ же имена встрѣчаются и въ замѣткахъ Мерси къ тексту депеши, посланной секретаремъ австрійскаго посольства Блюммильдорфомъ. Мерси называетъ ихъ главами коалиціи и говоритъ, что, зная ихъ характеръ и нравственную неустойчивость, онъ не считаетъ возможнымъ пред-

[1]) Feuillet de Conches. Томъ II, стр. 179—181.
[2]) Письмо 6 авг. 91 г. Monsieur къ madame Elisabeth, ibid., стр. 204.
[3]) Ibid., стр. 208.
[4]) Ibid., стр. 159.

положить какія-либо добрыя намѣренія [1]). Уже третьяго іюля корреспондентъ польскаго двора предсказываетъ тотъ исходъ, какой будутъ имѣть современныя затрудненія. «Монархическій образъ правленія будетъ удержанъ, пишетъ онъ, собраніе окончитъ конституцію и предложитъ королю принять ее или отвергнуть» [2]). Въ новой депешѣ отъ 9 іюля онъ сообщаетъ слѣдующія подробности о томъ, какъ относится къ большинству національнаго собранія общественное мнѣніе парижа и провинцій: «Въ столичномъ населеніи, говоритъ онъ, точно такъ же, какъ и въ департаментскомъ, происходитъ сильное броженіе, очень затрудняющее представителей націи, которые въ общемъ склонны возвратить Людовику XVI все то, чѣмъ онъ пользовался до своего несчастнаго бѣгства. Можно сказать, однако, что они не вернутъ ему ни любви, ни довѣрія націи. Общественное мнѣніе сильно настроено противъ короля, и это обстоятельство весьма тягостно для собранія. Отдѣльныя партіи имѣли тайныя совѣщанія; 290 членовъ лѣвой подписали очень энергичный протестъ; утверждаютъ, что ихъ единеніе достигнуто, благодаря обѣщанію вознаградить подписавшихъ за предстоящую потерю ими 18 ливровъ въ день (размѣръ депутатскаго вознагражденія)» [3]).

Въ позднѣйшей депешѣ анонимный авторъ, продолжая свои обвиненія противъ депутатовъ, говоритъ: «Барнавъ и Ламеты поддерживаютъ теперь Монморена, который еще недавно былъ для нихъ bête noire. Этихъ трехъ депутатовъ называютъ королями четвертой расы. Наряду съ ними выдающуюся роль играетъ д'Андрэ. Со смерти Мирабо ни одинъ депутатъ не пользовался столь продолжительнымъ и столь сильнымъ вліяніемъ. Аристократы начинаютъ обвинять Марію-Антуанетту въ желаніи упрочить во Франціи королевскую демократію и провозглашаютъ ее источникомъ всѣхъ бѣдствій!» [4]) Подкрѣпляя эти обвиненія, графъ Гауеръ сообщаетъ въ депешѣ отъ 1 іюля, что Дюпоръ предложилъ устроить праздникъ федераціи 4 августа—срокъ, къ

---

1) Ibid., стр. 166.

2) De Lescure, стр. 536 и 537.

3) Ibid., стр. 538.

4) Письмо 9, 30 іюля, 6 авг. Ibid. 538—541.

которому надѣются окончить конституцію. Онъ имѣлъ въ виду достигнуть этимъ, такъ сказать, федеративнаго возстановленія короля въ его власти вслѣдъ за принятіемъ имъ конституціи. Но предложеніе не прошло, и это обстоятельство не обѣщаетъ въ будущемъ ничего добраго для интересовъ монархіи, такъ какъ въ собраніи число республиканцевъ все же несравненно меньше, чѣмъ въ странѣ [1]).

Національное собраніе, пишетъ одновременно баронъ Сталь, пользуется всѣмъ своимъ кредитомъ и всѣмъ своимъ авторитетомъ, чтобы сдѣлать положеніе короля возможно менѣе тягостнымъ; но народъ страшно возбужденъ противъ этого несчастнаго монарха и говоритъ о немъ съ презрѣніемъ, которое трудно себѣ представить [2]). «За послѣдніе два—три дня, пишетъ тотъ же дипломатъ, національное собраніе не подымаетъ больше вопроса о мѣрахъ, какія нужно принять по отношенію къ королю и къ королевѣ. Я думаю, что причина этому лежитъ въ надеждѣ, что народное возбужденіе постепенно упадетъ; но эта надежда едва ли основательна въ виду тѣхъ возмутительныхъ адресовъ, какіе ежедневно приходятъ изъ департаментовъ». «Положеніе національнаго собранія по отношенію къ королю и его семьѣ съ каждымъ днемъ становится болѣе затруднительнымъ, читаемъ мы въ депешѣ отъ 8 іюля; народъ настолько раздраженъ, что если бы въ настоящую минуту собраніе осмѣлилось сказать, что бѣгство не дѣлаетъ Людовика XVI неспособнымъ къ занятію престола, произошли бы большіе безпорядки, и повторились бы акты насилія по отношенію къ его величеству. Я думаю, что, несмотря на это, воля большинства депутатовъ все таки возстановитъ его во власти» [3]).

Частная корреспонденція миссъ Милесъ съ ея отцомъ подтверждаетъ приведенное уже свидѣтельство. «Думаютъ, что король будетъ низложенъ, пишетъ она 27 іюня, и на престолъ возведенъ будетъ его сынъ, къ которому на все время мало-

---

[1]) Стр. 101. The Despatches of. Earl Gower.

[2]) Correspondance diplomatique du baron Stael-Holstein, депеша 30 іюня, стр. 212.

[3]) Ibid. Депеша 6 и 8 іюля, стр. 213 и 214.

лѣтства приставятъ регента; народъ же хочетъ республики. Всѣ вывѣски въ родѣ—«парикмахеръ короля или королевы», «королевская лотерея»—и т. п. сорваны, и вскорѣ самыя имена монарховъ не будутъ больше упоминаться» [1]).

10 іюля виконтъ Пальмерстонъ, говоря о посѣщеніи имъ національнаго собранія, сообщаетъ слѣдующія небезынтересныя подробности. «Вопросъ дня, заноситъ онъ въ свой дневникъ, какія мѣры слѣдуетъ принять по отношенію къ королю, который со времени своего возвращенія сидитъ взаперти вмѣстѣ съ семьею. Онъ не разлученъ съ нею, но въ сосѣдней комнатѣ, двери которой отворены постоянно, помѣщается поставленный собраніемъ агентъ. Всѣ функціи короля временно пріостановлены въ силу декрета національнаго собранія и вплоть до новаго рѣшенія. Вопросъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять собранію въ настоящихъ условіяхъ, переданъ въ руки комитета, который дня черезъ два или три долженъ представить свой отчетъ. Говорятъ, что мнѣнія его членовъ, какъ и большинства собранія, благопріятны королю. Хотятъ предать забвенію случившееся и поставить короля въ прежнія условія, съ тою однако разницею, что теперь за нимъ будутъ лучше присматривать. Комитетъ, которому передано это дѣло, состоитъ изъ всѣхъ членовъ прочихъ комитетовъ и заключаетъ въ себѣ отъ восьмидесяти до девяноста человѣкъ. Въ немъ участвуютъ всѣ важнѣйшіе дѣльцы собранія. Изъ нихъ всего трое высказались противъ короля» [2]).

О раздраженіи, какое дѣятельность этихъ соединенныхъ комитетовъ и ихъ руководителя д'Андрэ, а также всемогущихъ въ собраніи Ламетовъ, вызывало въ республиканцахъ, можно судить по выходкамъ Камилла Демулена и жалобамъ госпожи Роланъ. «Въ то время, какъ Робеспьера держатъ въ сторонѣ отъ всякихъ комитетовъ и коммиссій, д'Андрэ назначаютъ коммиссаромъ для принятія королевской деклараціи. Къ нему присоединяютъ Дюпора, этого мошенника и честолюбца, сдѣлавшагося драгоцѣннымъ собранію съ тѣхъ поръ, какъ онъ выразилъ свою ненависть къ Робеспьеру, да еще Тронше, противъ котораго давно уже всѣ

1) Стр. 304, 305.

2) The Despatches of Lord Gower. Въ приложеніи The Diary of viscount Palmerston by Oscar Browning (стр. 286).

кричатъ; это монархическое тріо вполнѣ оправдало довѣріе національнаго собранія. Послушайте, что говорятъ эти низкіе царедворцы: явившись въ жилище королевы, мы услышали изъ устъ принцессы Елизаветы, что королева не можетъ принять насъ, такъ какъ она въ ваннѣ. Что эта женщина изъ желанія унизить французскую націю и обнаружить предъ нею высокомѣріе австрійскаго дома рѣшилась сѣсть въ ванну въ тотъ самый моментъ, когда ей объявили о приходѣ представителей самодержавнаго народа, этого можно было ожидать. Но какъ не высказать негодованія низости коммиссаровъ, которые добровольно становятся соучастниками уничиженія націи... [1]). О, недостойные представители! прибавляетъ Демуленъ въ обращеніи къ собранію, вы вполнѣ заслужили нашу ненависть; вы не перестаете призывать на свою голову кару, предписанную законами двѣнадцати таблицъ, постановлявшими — qui clienti fraudem fecerit, sacer esto! Если вы не уступите, наконецъ, волѣ народа, сказавшейся такъ рѣшительно въ голосѣ общественнаго мнѣнія, вы не унесете въ ваши жилища ничего, кромѣ позора и проклятія согражданъ [2]).

«О Мирабо! гдѣ ты? зачѣмъ я не повѣрилъ тебѣ, когда ты увѣрялъ, что Ламеты не болѣе, какъ ловкіе хитрецы, честолюбіе которыхъ разоблачитъ время, мошенники, которые воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы измѣнить свободѣ и нашему довѣрію; что родина такъ же мало вправѣ полагаться на нихъ, видя ихъ у якобинцевъ, какъ и дворъ, въ переднихъ котораго они прежде ползали такъ охотно. Почему я не повѣрилъ тебѣ, когда ты съ такимъ презрѣніемъ говорилъ о Барнавѣ, этомъ мелкомъ краснобаѣ, этой слабой струѣ тепленькой водицы, какъ называлъ его Мори, этомъ Барнавѣ, въ молодости еще испорченномъ до мозга костей и поразившемъ наглостью своего роялизма всѣхъ старыхъ хитрецовъ конституціоннаго комитета, всѣхъ ветерановъ цивиль-листа, самого даже Шапелье, который въ сравненіи съ нимъ кажется добродѣтельнымъ» [3]).

---

1) № 83 Révolution de France, стр. 205 и 206.

2) Ibid., стр. 217 и 218.

3) № 85, стр. 292.

Хотя не въ столь энергическихъ выраженіяхъ, но съ не меньшей строгостью судитъ и госпожа Роланъ о поведеніи національнаго собранія. «Выборы пріостановлены, пишетъ она 25 іюня. Собраніе издало объ этомъ приказъ, руководствуясь двумя мотивами, свидѣтельствующими одинаково о его слабости и деспотизмѣ. Одинъ лежитъ въ боязни, чтобы избирательныя собранія не вздумали вмѣшаться во внутреннюю политику и не представили бы ходатайствъ, похожихъ на приказы. Другой — въ нежеланіи имѣть готовыхъ замѣстителей, которые подъ вліяніемъ обстоятельствъ могли бы внезапно соединиться и соорудить, такимъ образомъ, новый алтарь противъ стараго. Но какъ могло собраніе рѣшиться такъ быстро на подобную мѣру? Декретъ прошелъ внезапно. Средствомъ къ тому была клевета, взведенная на Бриссо и Клавьера, признанныхъ главами республиканской партіи. Ихъ обвиняли въ томъ, что въ самый день голосованія декрета ими посланы были въ департаменты прокламаціи, имѣвшія цѣлью пробудить республиканскій духъ. Дѣйствительная цѣль этой клеветы было возбужденіе недовѣрія къ Робеспьеру, Бюзо и другимъ». «Я готова держать пари, пишетъ та же госпожа Роланъ еще до прибытія короля въ Парижъ, что Людовикъ XVI будетъ отлично принятъ собраніемъ и что мы подпадемъ подъ власть какого-то аристократическаго сената. Лафайетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ тѣсно сошелся съ честолюбивою частью собранія; они нуждаются другъ въ другѣ, чтобы управлять совмѣстно, а потому неудивительно, если Лафайетъ на все пойдетъ. Роберъ (уже упомянутый нами авторъ «Республиканизма, примѣненнаго къ Франціи») подвергся личнымъ оскорбленіямъ со стороны гвардіи. Ежедневно задерживаютъ разносчиковъ «Друга народа» и издаваемаго Маратомъ «Народнаго трибуна»; номера этихъ газетъ уничтожаются. Одновременно хотятъ и унизить короля въ общественномъ мнѣніи, и убѣдить, что онъ необходимая машина, что безъ него конституція не можетъ обойтись и что самъ онъ не представляетъ для нея никакой опасности. Умудряются проповѣдовать порядокъ, миръ, единеніе исключительно съ цѣлью разсѣять опасенія и остановить всякую дѣятельность. Не желаютъ допустить существованія другихъ общественныхъ силъ, кромѣ

тѣхъ, какимъ надѣются придать желательное направленіе. Такимъ образомъ народъ, который могъ бы воспользоваться современными событіями, ставящими его въ то же выгодное положеніе, въ какомъ онъ былъ 14 іюля 1789 года, народъ, который могъ бы вернуть свои права и усовершенствовать свою конституцію, теряетъ изъ виду эту цѣль. Всѣ его помыслы направлены только къ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ. Онъ подчиняется во всемъ національному собранію, въ которомъ господствуетъ интрига и любовь къ власти. Онъ — игрушка въ рукахъ горсти заговорщиковъ, которые хотятъ только усилить свое могущество и удовлетворить своимъ мелкимъ интересамъ; онъ обожаетъ свободу, отъ которой ему оставятъ одинъ внѣшній обликъ. Мы не замедлимъ перейти къ порядкамъ, которые, пожалуй, будутъ даже ниже англійскихъ. Я глубоко огорчена и чувствую такое же отвращеніе къ якобинцамъ, какое недавно питала къ одному собранію. Неужели болѣе внимательное наблюденіе за людьми вызываетъ въ насъ только презрѣніе?» [1]). «Представьте себѣ, пишетъ г-жа Роланъ 1 іюля, что наше никуда негодное собраніе намѣрено возстановить короля, что шайка Ламетовъ соединилась съ Лафайетомъ и дѣйствуетъ заодно съ комитетомъ конституціи и всѣми умѣренными, наконецъ, что черные готовы поддержать ихъ. Дѣлаются попытки посягательства на свободу печати. Вы знаете объ образованіи республиканскаго общества, долженствующаго издавать журналъ. Пенъ во главѣ его, и ему принадлежитъ редакція «программы», расклеенной сегодня утромъ отъ имени одного изъ членовъ собранія. Малуэ донесъ объ этой афишѣ, какъ вызывающей всю строгость законовъ. Въ собраніи поднялась буря. И только лаская чувства монархистовъ и говоря противъ республики и ея приверженцевъ, удалось убѣдить большинство въ необходимости дать свободное распространеніе даже такимъ «заслуживающимъ осмѣянія» взглядамъ. По этому примѣру вы можете судить о томъ, что ожидаетъ насъ въ будущемъ, если мы не сумѣемъ захватить руководительства законодателями. Это не мѣшаетъ тому, что въ Парижѣ открыто

---

[1]) Lettres autographes, стр. 256 и слѣдующія.

существуетъ два общества тираноубійцъ. Первое составляютъ кордельеры; второе—частныя лица, не пожелавшія назвать себя, чтобы сохранить тѣмъ большую свободу дѣйствій; мы знаемъ ихъ только по имени одного изъ нихъ, Лебренъ. Наконецъ, сегодня же «соціальный кружокъ» подвергаетъ публичному обсужденію вопросъ: необходимо ли сохранить королевскую власть. Этотъ кружокъ, вмѣстѣ съ кордельерами, единственный клубъ, рѣшающійся говорить открыто о такихъ вопросахъ. Якобинцы же подобно собранію впадаютъ въ конвульсіи при одномъ имени республики». И г-жа Роланъ, и ея другъ Лантенасъ думаютъ, что въ пропагандѣ республиканскихъ идей въ провинціяхъ лежитъ въ данныхъ условіяхъ единственный путь къ спасенію. Послѣдній полагаетъ, что время настало поднять агитацію въ пользу отмѣны депутатскаго ценза въ марку серебромъ, а также всѣхъ различій, какія существуютъ еще между гражданами активными и пассивными. Другое измѣненіе, также крайне желательное—это признаніе права выбирать депутатовъ изъ всѣхъ частей государства безразлично, а не исключительно жителей мѣстнаго департамента. «Мнѣ не удалось однако, жалуется Лантенасъ, склонить ни одного патріота къ предложенію этихъ реформъ. Слѣдовало бы составить въ этомъ смыслѣ петиціи отъ департаментовъ» [1]). «Надо, чтобы со всѣхъ сторонъ, пишетъ г-жа Роланъ, собранію были посланы адресы, но лучшее средство добиться этого — послать составителямъ готовые образцы» [2]).

Вопросъ, отъ котораго зависѣло сохраненіе монархіи и возстановленіе Людовика XVI на престолѣ, сводился прежде всего къ тому, слѣдуетъ ли распространить принципъ королевской безотвѣтственности и на тотъ частный видъ преступленія, какое собраніе видѣло въ рѣшеніи короля удалиться изъ Парижа. Если оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ отсутствіе свободы передвиженія для перваго сановника въ государствѣ совмѣстимо съ требованіями декларации правъ и могло ли поэтому собраніе считать короля преступнымъ за одно переселеніе его въ Монмеди, не можетъ быть ни малѣйшаго со-

[1]) Ibid., стр. 263.
[2]) Ibid., стр. 272.

мнѣнія, что конституціонное начало королевской безотвѣтственности нимало не покрывало собою личныхъ дѣйствій короля, принятыхъ безъ вѣдома и согласія министерства. Англійскій принципъ, въ силу котораго король не можетъ дѣлать зла, означаетъ только, что отвѣтственность за причиненное имъ зло, за его преступленія и проступки падаетъ не на него самого, а на его совѣтниковъ. Но въ такихъ актахъ, какъ тайное удаленіе изъ столицы, ни о чемъ не увѣдомленные совѣтники, очевидно, не могутъ быть въ отвѣтѣ. Дѣйствіе короля становится такимъ образомъ личнымъ актомъ, вызывающимъ личную отвѣтственность. Король дѣйствовалъ не какъ монархъ, а какъ частное лицо, и, подвергая его проступокъ карѣ закона, собраніе нисколько не поколебало бы силы того принципа, по которому всякій политическій актъ, предпринимаемый монархомъ, нуждается въ согласіи и налагаетъ отвѣтственность на его совѣтниковъ, а къ этому, какъ мы сказали, и сводится принципъ королевской невмѣняемости. Эти мысли являются въ настоящее время общепризнаннымъ труизмомъ, благодаря вѣковой практикѣ свободныхъ учрежденій въ большинствѣ государствъ континента. Но того же нельзя сказать о Франціи конца прошлаго столѣтія, которой еще были чужды основные принципы конституціоннаго порядка. Неудивительно поэтому, если даже, независимо отъ настроенія минуты и партійной борьбы, вопросъ о королевской отвѣтственности раздѣлялъ собою умы и вызывалъ разнорѣчіе даже въ средѣ тѣхъ людей, которые, повидимому, были поставлены въ наилучшія условія для его пониманія, благодаря своему знакомству съ англійскими политическими порядками. Истина заставляетъ насъ сказать, что сторонники послѣднихъ обнаружили въ этомъ случаѣ быть можетъ преднамѣренное нежеланіе проникнуть въ самый смыслъ того политическаго афоризма, на которомъ опирается начало королевской безотвѣтственности, афоризма, буквальное пониманіе котораго, очевидно, было бы равносильно признанію произвола и насилія исключительной привилегіей королей. Между Гупиль де Префельномъ, проводившимъ начало абсолютной безнаказанности всякаго королевскаго дѣйствія, и Бриссо, отрицавшимъ эту безнаказанность въ средѣ якобинцевъ, знатоку англійскихъ учрежденій не трудно

будетъ сдѣлать свой выборъ. Отрицая, по всей вѣроятности, преступность самого акта, онъ не преминетъ признать, что въ той гипотезѣ, что дѣйствіе короля на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ нарушеніе конституціи, тайна, съ которой оно было предпринято, и невозможность, благодаря ей, покрыть королевскую безотвѣтственность отвѣтственностью министровъ, необходимо обусловливали собою наказуемость самого короля.

Прежде чѣмъ подвергнуться обсужденію въ средѣ національнаго собранія, вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣлался предметомъ горячихъ преній въ засѣданіяхъ якобинскаго клуба.

Уже въ письмѣ отъ 9-го іюля госпожа Роланъ пишетъ, что заговорщики сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы сдѣлать невозможнымъ разсмотрѣніе клубами вопроса о королевской отвѣтственности. Но Петіонъ, несмотря на вызванную имъ бурю, очень разсудительно и съ большою ловкостью развилъ въ средѣ якобинцевъ ту мысль, что отвѣтственность необходимо должна быть признана за королемъ. Онъ посвятилъ собраніе въ тайные виды комитетовъ, которые хотятъ оперeть на принципѣ королевской неприкосновенности всю свою интригу. Эта неприкосновенность сдѣлалась лозунгомъ соединенія. Всѣ кричатъ о необходимости сохранить конституцію [1]). Рѣчь Петіона, какъ она передана въ протоколахъ клуба, заключала въ себѣ вѣрное замѣчаніе, что король неприкосновененъ только въ вопросахъ, касающихся управленія, такъ какъ въ этомъ случаѣ имѣются второстепенные агенты, принимающіе на себя всю отвѣтственность. Эта неприкосновенность немыслима, наоборотъ, когда дѣло идетъ о дѣйствіяхъ чисто личныхъ. Конституція, утверждаетъ онъ, предвидѣла случаи оставленія королевства, и, говоря это, Петіонъ, очевидно, разумѣлъ тотъ недавній декретъ, которымъ королю запрещалось удалиться отъ собранія болѣе, чѣмъ на пятнадцать лье. Но этотъ декретъ неполучилъ королевской санкціи и не вошелъ въ текстъ еще незаконченной конституціи. Гупиль де Префельнъ отвѣтилъ поэтому Петіону, что его предложеніе предать короля суду и отставить его послѣ суда отъ должности равносильно требованію измѣ-

---

1) Стр. 275.

нить конституцію [1]). Госпожа Роланъ замѣчаетъ по поводу этого: «нельзя быть болѣе слабымъ въ аргументаціи». Префельнъ, по ея мнѣнію, повредилъ своимъ поведеніемъ неправому дѣлу комитетовъ [2]). Вопросъ, поставленный на очередь въ засѣданіи якобинцевъ 8 іюля, былъ возбужденъ снова два дня спустя рѣчью того же Гупиля. «Національное собраніе, сказалъ онъ, преслѣдуя лицъ, участвовавшихъ въ бѣгствѣ короля, должно въ то же время устранить самого монарха отъ всякой отвѣтственности. Этого требуетъ принципъ неприкосновенности (de d'inviolabilité), признаваемый за главой исполнительной власти при всѣхъ формахъ правленія. Разумѣется, продолжалъ онъ, это можетъ повести къ безнаказанности преступленій, но нѣтъ такого человѣческаго учрежденія, которое было бы свободно отъ недостатковъ». Это заявленіе вызываетъ явные знаки неодобренія. «Но господа, восклицаетъ Гупиль, если эти истины еще не поняты и не включены въ нашу конституцію, это не доказываетъ ихъ безполезности. Нѣтъ свободной націи, въ которой бы законъ не считался выраженіемъ общей воли, но значитъ ли это, что даже въ Аѳинахъ рѣшеніе пяти тысячъ человѣкъ не было бы признано въ силу фикціи выраженіемъ общей воли? Вы видите изъ этого, что всѣми признанныя политическія истины не могутъ обойтись безъ фикціи. Но нигдѣ эти фикціи такъ не необходимы, какъ въ представительномъ образѣ правленія; такой именно фикціей и является та, на которой покоится королевская неприкосновенность» [3]). Виконтъ Пальмерстонъ, присутствовавшій на этомъ засѣданіи, даетъ слѣдующую оцѣнку рѣчи Гупиля. «Онъ говорилъ весьма пространно, неопредѣленно и безъ методы, а также крайне неосторожно; вся его аргументація опиралась на безусловной неприкосновенности короля во всевозможнѣйшихъ случаяхъ —положеніе, которое, очевидно, нимало не отвѣчаетъ теперешнему настроенію. Его слушали или, вѣрнѣе, не слушали съ негодованіемъ, и рѣчь его произвела замѣшательство, которое трудно описать» [4]). Вслѣдъ за Гупилемъ взошелъ на трибуну Бриссо.

[1]) Aulard, т. II, стр. 598.
[2]) Письмо отъ 9 іюля, стр. 275.
[3]) Aulard. Societé des Jacobins, т. II, стр. 606 и 607.
[4]) Diary of the second viscount Palmerston in France, july 6, August 31, 1791 (The Despatches—Oscar Browning, стр. 287).

Виконтъ Пальмерстонъ даетъ слѣдующую характеристику его ораторскихъ пріемовъ: «рѣчь Бриссо отличалась оживленіемъ, была полна декламаціи, которая по своему тону вполнѣ отвѣчала характеру присутствующихъ. Неудивительно поэтому, если они прерывали ее такими горячими апплодисментами, что я почти оглохъ въ этотъ вечеръ. Бриссо былъ очень рѣзокъ и запальчивъ, но аргументація его была слаба и нисколько не касалась критики основныхъ положеній его противниковъ, какъ-то: того вопроса, можно ли считать короля совершившимъ преступленіе потому только, что онъ удалился изъ Парижа, тогда какъ нѣтъ декрета или имѣющаго силу закона, который бы объявлялъ подобное дѣйствіе преступнымъ. Единственная мѣра, принятая собраніемъ въ этомъ направленіи, не представлена еще на санкцію короля, а слѣдовательно, онъ не можетъ въ силу ея подлежать въ законномъ порядкѣ наказанію или низложенію. Бриссо совершенно пренебрегъ этой стороной дѣла: но это не помѣшало его рѣчи вполнѣ удовлетворить аудиторію, и знаки одобренія, вырвавшіеся у сотенъ людей, присутствовавшихъ въ собраніи, доказываютъ кровожадность, овладѣвшую толпою и безконечно ненавистную всякому человѣку умѣреннаго образа мыслей». Свою оцѣнку Пальмерстонъ сопровождаетъ разсужденіемъ о ближайшихъ послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть такъ ясно сказавшееся настроеніе. Постановлено, говоритъ онъ, напечатать рѣчь Бриссо и распространить ее по департаментамъ, а это, разумѣется, не мало будетъ способствовать возбужденію умовъ. Общественное мнѣніе таково, что оно ставитъ національное собраніе въ крайне трудное положеніе. Можно ждать раскола между нимъ и національной гвардіей, съ одной стороны, и народомъ—съ другой. Разъ произойдетъ такой расколъ, а рано или поздно онъ не можетъ не совершиться, авторитетъ собранія погибнетъ безвозвратно, и его разгонятъ такъ же, какъ нѣкогда поступили съ англійскимъ парламентомъ, рѣшившимъ продолжать переговоры съ королемъ Карломъ.

Что же, спрашивается, заключала въ себѣ рѣчь Бриссо, чтобы вызвать такія опасенія? Не болѣе, какъ развитіе той самой теоріи королевской отвѣтственности въ случаѣ государственной измѣны, признаніе которой повело въ Англіи къ двоекратному

низложенію Стюартовъ, къ уголовному преслѣдованію и казни Карла I. Но эту теорію Бриссо комбинировалъ съ горячей защитою преимуществъ республиканскаго образа правленія, которая, очевидно, несмотря на умѣренный тонъ всей рѣчи, могла показаться угрозою для существующей конституціи. Наконецъ, рѣчь его содержала въ себѣ весьма рѣзкія нападки противъ тѣхъ государей Европы, которые замышляли коалицію противъ Франціи. Она являлась въ этомъ отношеніи предвѣстницей той фанатической агитаціи, какая предпринята будетъ Бриссо и его сторонниками жирондистами въ пользу войны и противъ которой будутъ безсильны благоразумныя увѣщанія Робеспьера. Вотъ, впрочемъ, нѣкоторые отрывки изъ этой рѣчи, надѣлавшей въ свое время столько шуму. Бриссо начинаетъ заявленіемъ о томъ, что, въ какомъ бы смыслѣ ни былъ рѣшенъ вопросъ о сохраненіи престола за королемъ, интересъ конституціи требуетъ установленія совѣта, члены котораго держали бы свои полномочія непосредственно отъ народа и поэтому внушали бы ему довѣріе. Очевидно, что созданіе такого совѣта предполагаетъ цѣлый переворотъ въ конституціи. Король, свободный дотолѣ въ выборѣ министровъ, долженъ будетъ подчиниться волѣ совѣтниковъ, поставленныхъ ему націей, и верховная исполнительная власть фактически перейдетъ въ руки лицъ, бывшихъ дотолѣ ея личными агентами. Непосредственно выбранное народомъ министерство располагало бы авторитетомъ даже большимъ, чѣмъ смѣняемый съ перемѣщеніемъ большинства кабинетъ, въ составѣ котораго одинаково участвуетъ король и народное представительство. Эта идея непосредственнаго избранія народомъ органовъ исполнительной власти заимствована Бриссо у американцевъ, и принятіе ея во Франціи ознаменовало бы упроченіе въ странѣ такой же сильной власти, какъ та, какую представляетъ въ Америкѣ власть президента. Но какую роль могъ бы играть при такихъ выбранныхъ народомъ министрахъ не участвовавшій въ ихъ избраніи король? Очевидно, никакой. Сами приверженцы Бриссо не заблуждались на счетъ послѣдствій, какія необходимо должна имѣть подобная мѣра, и еще раньше произнесенія его рѣчи, говоря о сочувствіи якобинцевъ проекту выборнаго совѣта при королѣ, госпожа оланъ Рсправедливо замѣчала,

что хотя они и приходятъ въ ужасъ отъ слова республика, но на самомъ дѣлѣ желаютъ ея. Вѣдь республиканскій образъ правленія тотъ, въ которомъ всѣ власти отправляются избранными націи въ теченіе извѣстнаго срока и подъ условіемъ отвѣтственности. «Мы станемъ поэтому неизбѣжно республикой, говоритъ она, если поручимъ исполнительную власть избранному совѣту» [1]). Это не мѣшало Бриссо утверждать, что его предложеніе клонится къ поддержанію конституціи, что тѣ, которыхъ называютъ республиканцами, самыя твердыя ея опоры. Такое положеніе можно было защищать, развѣ отправляясь отъ той мысли, какой Моррисъ даетъ выраженіе, говоря: «Забавно слышать, какъ нѣкоторые люди жалуются на успѣхи республиканской партіи; подумаешь, что творцы конституціи были монархистами» [2]). Республиканцы въ родѣ Бриссо только потому вправѣ были считать себя сторонниками конституціи, что эта конституція подъ названіемъ монархической была въ строгомъ смыслѣ слова республиканской. Назначеніе королемъ министровъ, всецѣло подчиненныхъ народному представительству, являлось съ этой точки зрѣнія вопіющей несообразностью; и ее-то и предлагалъ отмѣнить Бриссо, замѣчая, что только при выборѣ исполнительной власти народомъ возможно возстановленіе къ ней довѣрія, а слѣдовательно и внутренняго спокойствія и гармоніи властей. Весьма характерно то, что говоритъ Бриссо какъ о противникахъ, такъ и о защитникахъ республики во Франціи. Первые, какъ видно изъ его словъ, уже бросали въ будущихъ жирондистовъ то обвиненіе въ федерализмѣ, которое будетъ повторено затѣмъ Робеспьеромъ и всей партіей Горы. Республиканцы же въ свою очередь считали нужнымъ уже въ это время выгородить себя отъ подобнаго подозрѣнія, говоря приблизительно то же, что со временемъ сказано будетъ Бюзо. Вотъ буквальный переводъ этого мѣста: «Чего хотятъ тѣ, которые возстаютъ противъ республиканцевъ? Боясь анархіи, видя проявленіе ея въ шумныхъ собраніяхъ, они опасаются, они ненавидятъ демократію Аѳинъ и Рима. Они боятся дѣленія Фран-

---

1) Письмо отъ 1 іюня 91 года, стр. 268.

2) Diary and Letters, стр. 442.

ціи на республики; они хотятъ единой французской конституціи, конституціи представительной, и они правы, прибавляетъ отъ себя Бриссо. Чего желаютъ въ свою очередь тѣ, кого зовутъ республиканцами? Они страшатся, они отказываются въ равной степени отъ шумныхъ демократій Аѳинъ и Рима; они боятся также 83 связанныхъ федераціей республикъ; они хотятъ однохарактерной для всей Франціи представительной конституціи (constitution représentative homogène de la France entière)».

Нѣтъ, жирондисты рѣшительно не были ни чистыми демократами въ смыслѣ прямого участія народа въ дѣлахъ, ни федералистами. Они не были ими ни въ концѣ, ни въ началѣ своей дѣятельности, ни въ то время, когда Бюзо писалъ подобіе ихъ политическаго завѣщанія, ни въ то время, когда Бриссо впервые формулировалъ ихъ программу.

Но что же они были въ такомъ случаѣ?

«Это были люди, говорятъ ихъ противники, впервые пріучившіе насъ къ мысли, что политики могутъ поставить себѣ цѣлью исключительно краснобайство, что можно наполнить свое существованіе искуснымъ развитіемъ метафизическихъ принциповъ, годныхъ, самое большее, для академіи. Это были своего рода софисты древности, которые требовали восторга къ пустымъ фразамъ, которые всецѣло уходили въ округленные періоды» [1]). Приговоръ этотъ жестокъ, и если его нельзя признать вполнѣ несправедливымъ, то только потому, что своей оппозиціей людямъ и мѣропріятіямъ 89 года жирондисты давали поводъ думать, что они выступаютъ съ самостоятельной и во многомъ отличной отъ другихъ программой. На самомъ же дѣлѣ они были только наиболѣе послѣдовательными сторонниками конституціи 91 года. Они сознавали, что на созданныхъ ею основахъ немыслимо сохраненіе наслѣдственной королевской власти, что эта конституція по природѣ своей республиканская и должна поэтому завершиться установленіемъ избирательнаго совѣта, въ руки котораго перешла бы вся полнота исполнительной власти. Ни

---

1) René Levasseur, ex-conventionnel, Mémoires, t. I, pag. 272—274; t. II, pag. 282 (édition de Haumann).

въ одномъ изъ ихъ актовъ и ни въ одномъ изъ сдѣланныхъ ими заявленій не выступаетъ такъ рѣшительно эта ограниченность и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленность ихъ программы, какъ въ только что приведенномъ отрывкѣ изъ рѣчи Бриссо. Навязывая королю своихъ министровъ, своихъ Нарбоновъ и Дюмурье, своихъ Ролановъ и Клавьеровъ, возбуждая открытый мятежъ противъ монарха только потому, что онъ собственной волей рѣшился удалить изъ своего кабинета министра, республиканскій ригоризмъ котораго показался ему оскорбленіемъ, передавая всю полноту исполнительной власти вслѣдъ за низложеніемъ Людовика XVI въ руки солидарнаго и близкаго къ нимъ по взглядамъ министерскаго совѣта подъ главенствомъ того же Ролана, жирондисты только прилагали на практикѣ ту систему парламентскаго режима, которая требуетъ единодушія большинства народнаго представительства съ членами направляющаго политику кабинета. Они не давали еще того открытаго признанія принципу народнаго суверенитета, какой мы находимъ въ предложеніи Бриссо создать непосредственно назначаемый націей исполнительный совѣтъ. Въ этомъ предложеніи система жирондистовъ и вліяніе, оказанное на нее американскимъ образцомъ, выступаютъ всего полнѣе и рѣшительнѣе. Оно рисуетъ ихъ намъ сторонниками представительнаго образа правленія и теоріи раздѣленія властей, противниками той концентраціи политическихъ функцій въ рукахъ одного собранія, какое предполагаетъ примѣненіе требованій парламентаризма къ единой представительной камерѣ. Бриссо хочетъ независимости исполненія отъ законодательства и потому общаго обоимъ источника народнаго выбора. По всѣмъ этимъ причинамъ рѣчь его можетъ считаться такимъ же существеннымъ источникомъ для пониманія политическихъ тенденцій жирондистовъ, какими слѣдуетъ признать письма и мемуары госпожи Роланъ и написанное Бюзо «Обращеніе ко всѣмъ друзьямъ истины». Защита республиканской программы далеко, впрочемъ, не составляетъ главной задачи этой рѣчи. Она направлена непосредственно къ рѣшенію практическаго вопроса о томъ, можно ли и слѣдуетъ ли судить короля. Отправляясь отъ идеи равенства, открыто провозглашенной декларацiей правъ, и народнаго суверенитета, не по-

зволяющаго націи поставить кого-либо выше себя, Бриссо спрашиваетъ, на чемъ можетъ опираться воззрѣніе на королевскую безнаказанность. Неприкосновенный король-преступникъ, говоритъ онъ, не болѣе, какъ возмутительное чудовище. Бриссо оговаривается, что не имѣетъ въ виду конституціонной неприкосновенности короля,—неприкосновенности, которая освобождаетъ его отъ отвѣтственности за административныя дѣйствія. Это, конечно, фикція, но фикція не опасная, ибо всѣ подобныя дѣйствія должны быть контрасигнированы министрами; и народъ всегда можетъ поэтому имѣть подъ рукою человѣка, который служитъ ему порукой въ соблюденіи королемъ конституціи. Но эту неприкосновенность хотятъ распространить на всѣ внѣшніе и личные акты короля, хотятъ предоставить королю произволъ, позволить ему открытое нападеніе на права и безопасность гражданъ и свободу страны. Бриссо побѣдоносно устанавливаетъ тотъ взглядъ, что такой безотвѣтственности не допускаетъ не только американская, но и англійская конституція. Ссылаясь на авторитетъ Блакстона, онъ доказываетъ, что канцлерскій судъ въ защиту частныхъ интересовъ, уполномоченъ постановлять приговоры противъ короля правда, именуемые неподходящимъ терминомъ «милостей», но Локкъ, Сидней и Мильтонъ идутъ еще далѣе, показывая, что король при нарушеніи имъ конституціи можетъ быть судимъ и низлагаемъ народомъ; что его неприкосновенность не распространяется на преступленія противъ націи. За ссылками на писателей слѣдуетъ толкованіе тѣхъ конституціонныхъ началъ, въ силу которыхъ Стюарты устранены были отъ престола. Бриссо вспоминаетъ фактъ низложенія Іакова II въ 1688 году конвентомъ спеціально созванныхъ для этого депутатовъ и видитъ въ этомъ примѣръ для французовъ. Въ глазахъ современнаго читателя Бриссо значительно ослабляетъ свою аргументацію не нужными отступленіями касательно практики египтянъ и шейховъ ставить на мѣсто короля камень или коранъ, отступленіями, которыя къ тому же свидѣтельствуютъ только о глубокомъ его невѣжествѣ. Силу Бриссо составляютъ не эти брошенныя въ угоду райка выходки противъ королей, какъ не нужныхъ факторовъ политической машины, и не разглагольствованія о томъ,

что самъ іезуитъ Маріано признавалъ принципъ судебной отвѣтственности короля, провозглашая теорію тираноубійства. Она лежитъ всецѣло въ правильномъ пониманіи конституціоннаго принципа королевской безотвѣтственности и ея законныхъ границъ, а также въ ловкомъ сопоставленіи всѣхъ непослѣдовательностей національнаго собранія въ его отношеніяхъ къ королю. «Если король неприкосновененъ, говоритъ онъ, если онъ не можетъ быть судимъ или наказуемъ за преступленіе, то почему же наши противники вотировали его задержаніе и пріостановили его функціи? Развѣ то и другое не заключаетъ въ себѣ нормальнаго посягательства на его неприкосновенность? Надо поэтому или признать, что король не пользуется неприкосновенностью, когда дѣло идетъ о преступленіи противъ націи, или отпустить его на волю, если онъ неприкосновененъ. Мало этого, признать за нимъ право уголовнаго преслѣдованія членовъ національнаго собранія и всѣхъ тѣхъ, кто задержалъ его. Надо оставить за нимъ свободу итти, куда онъ вздумаетъ. Но гдѣ найдется человѣкъ достаточно смѣлый, восклицаетъ Бриссо, чтобы дать намъ подобный совѣтъ, зная, что послѣдствіемъ его примѣненія будутъ всѣ ужасы междоусобной войны. А къ этому именно и ведетъ насъ система абсолютной неприкосновенности, ибо какой французъ захочетъ повиноваться королю, презираемому и преступному, хотя и неприкосновенному?

— Нельзя, говорятъ члены комитетовъ, подвергнуть короля судебному преслѣдованію, не навлекая на себя мести со стороны иностранныхъ державъ.—Римляне, отвѣчаетъ имъ Бриссо, не имѣли обыкновенія вести съ непріятелемъ переговоровъ раньше сложенія имъ оружія. Бриссо совѣтуетъ французамъ послѣдовать этому примѣру. «Воины деспотизма, утверждаетъ онъ, не могутъ выдержать долго напора солдатъ свободы».

Въ этой великодушной увѣренности укрѣпляетъ его примѣръ древнихъ Аѳинъ; онъ пророчитъ своимъ соотечественникамъ новый Мараѳонъ и новые Саламины. Къ тому же онъ не вѣритъ еще въ возможность коалиціи. Люди всюду перестали быть орудіями личнаго честолюбія монарховъ. Интересъ послѣднихъ побуждаетъ ихъ всячески охранять своихъ подданныхъ отъ пропаганды идей, выраженныхъ въ деклараціи правъ. А война от-

крыла бы доступъ этимъ идеямъ въ ихъ собственный лагерь. Всюду также интересъ націй начинаетъ приниматься въ разсчетъ а какой національный интересъ можетъ побуждать англичанъ, голландцевъ или пруссаковъ вести войну съ французами? Бояться ли намъ нападенія со стороны Австріи? Леопольдъ остороженъ и миролюбивъ. Это признаніе цѣнно въ устахъ человѣка, который на разстояніи немногихъ мѣсяцевъ будетъ доказывать необходимость послать Леопольду ультиматумъ, какъ главному виновнику грозящаго Франціи нашествія.

«Стану я говорить о громахъ Рима, продолжаетъ Бриссо? Они страшны только для людей съ предразсудками, отнюдь не для народа-философа. Стоитъ ли упоминать о фанфаронствѣ сѣвернаго Донкихота (шведскаго короля Густава III). Онъ далеко не Густавъ Ваза и не Густавъ-Адольфъ; мы также не далекарлійцы и не русскіе. Нева не течетъ во Франціи» [1]). «Наши настоящіе враги, такъ заканчиваетъ Бриссо свою рѣчь,—не иностранцы, а тѣ, кто пользуется ихъ именемъ, чтобы запугать насъ. Наши враги всѣ, кто ненавидя другъ друга, тѣмъ не менѣе входятъ въ коалицію, чтобы обезчестить и разъединить націю, возстановивъ въ ней правительство, не пользующееся довѣріемъ и которымъ легко будетъ направлять. Наши враги тѣ, кто, торжественно проведши декларацію правъ, постепенно сокращаетъ всѣ дарованныя ею вольности; кто, провозгласивъ суверенитетъ націи, ставитъ выше ея неприкосновеннаго монарха, кто хочетъ сохранитъ за исполнительной властью чудовищный цивиль-листъ и видитъ въ подкупѣ необходимую пружину пра-

[1]) При всей безднѣ, раздѣлявшей политическія воззрѣнія эмигрантовъ отъ тѣхъ, выразителемъ которыхъ былъ Бриссо, они, повидимому, сходились съ нимъ въ пониманіи современныхъ имъ русскихъ порядковъ. Недаромъ же въ письмѣ графа Артуа къ Водрэлю мы находимъ слѣдующую характеристику Россіи въ царствованіе Екатерины Великой. «Ты не можешь составить себѣ понятія объ этой странѣ, не видавъ ее, пишетъ будущій король Карлъ X изъ Петербурга 25 марта 1793 года, народъ и солдаты въ ней превосходны, такъ какъ они—рабы. Но вельможи продажны, низки и алчны. Они лижутъ руки царскаго любимца (Платона Зубова); но этотъ любимецъ прелестенъ: онъ относится къ намъ какъ нельзя лучше» (Correspospondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois, томъ II, стр. 125).

вительства. Наши враги, наконецъ, всѣ, говорящіе намъ: забудьте націю и бойтесь иностранцевъ. — Но можетъ ли французъ подчиниться подобному страху? Если бы это было возможно, свобода сдѣлалась бы немыслимой. Надо быть трусомъ или дурнымъ гражданиномъ, чтобы говорить намъ объ иностранцахъ. Я предлагаю, чтобы всякій, рѣшившійся противоставить требованію справедливости и свободы страхъ чужеземцевъ, объявленъ былъ недостойнымъ французскаго имени и исключенъ изъ нашего сообщества и всѣхъ связанныхъ съ нимъ клубовъ. Я заканчиваю, наконецъ, предложеніемъ, чтобы абсолютная неприкосновенность короля, въ особенности въ случаяхъ преступленій противъ націи, объявлена была посягательствомъ на ея суверенитетъ, на законы и конституцію, и чтобы поэтому было признано, что король можетъ и долженъ быть судимъ» [1]).

Приверженцы Бриссо праздновали его побѣду, какъ торжество своей партіи. «Здѣсь въ 24 часа переживаешь столько же, сколько въ другомъ мѣстѣ въ десять лѣтъ,—пишетъ госпожа Роланъ Банкалю 11 іюля. Общественное мнѣніе складывается быстро среди бурь и царство справедливости уже близко. Бриссо убѣдилъ умы и наэлектризовалъ сердца. Онъ заставилъ всѣхъ желать того же, чего онъ желаетъ. Это не были апплодисменты, это были крики радости и восторга. Трижды присутствовавшіе поднялись съ своихъ мѣстъ, протягивая къ нему руки, бросая шляпы въ воздухъ, обнаруживая всѣ признаки неописаннаго энтузіазма. Да погибнетъ тотъ, кто, перечувствовавъ то, что мы перечувствовали, согласится еще носить цѣпи! Но этого быть не можетъ!» [2]). Не проходитъ однако и четырехъ дней, и госпожа Роланъ начинаетъ новое письмо словами: — «я съ трудомъ изображу вамъ, мой бѣдный другъ, всю горечь нашего положенія. Собраніе приступило къ обсужденію вопроса, что дѣлать съ королемъ, всего два дня назадъ, и не мало усилій потребовалось честнымъ людямъ, чтобы убѣдить его продолжить пренія до сегодняшняго дня. Праздникъ федераціи прошелъ

---

[1]) См. рѣчь Бриссо у Aulard. Томъ II, стр. 608—626; (Societé des Jacobins).

[2]) Lettres autographes, стр. 277.

тускло, несмотря на массу присутствующихъ. Ни одного крика въ пользу свободы. Доступъ къ Тюльери закрытъ народу. Непристойные происки не допускаютъ патріотовъ къ трибунѣ собранія. Само оно окружено кордономъ національной гвардіи. Братскія сообщества рѣшились было представить петицію собранію, но оно не захотѣло ея выслушать. — Пойдите и скажите президенту, что часть суверен̄наго народа требуетъ отъ своихъ делегатовъ, чтобы они ея выслушали—таково было заявленіе предводителя петиціонеровъ. Но оно не помѣшало тому, что чтеніе петиціи отложено до слѣдующаго дня. Собирается, правда, толпа на Марсовомъ полѣ, но Лафайетъ вооружаетъ всю свою гвардію; что можетъ сдѣлать противъ нее невооруженная толпа? Таковы послѣдствія раздѣленія народа на два класса, изъ которыхъ одинъ «пассивенъ». Коалиція въ собраніи такъ сильна, что не болѣе сорока депутатовъ стоятъ за правое дѣло. Робеспьеръ тщетно требовалъ отклоненія проекта комитета и прямой консультаціи первичныхъ собраній. Не позже, какъ сегодня, Франція покроется позоромъ, и положено будетъ начало новому рабству или самымъ страшнымъ междоусобіямъ. Въ эту самую минуту люди на жалованьи окружаютъ статую Генриха IV, украшая ее вѣнками. Если провинціи не спасутъ насъ, я не знаю, что съ нами будетъ» [1]). 13 іюля вопросъ о королевской отвѣтственности перешелъ изъ клуба якобинцевъ на обсужденіе національнаго собранія. Предсѣдательствовалъ Ламетъ, а докладчикомъ соединенныхъ комитетовъ былъ Мюгэ де Нанту. Предложеніе комитетовъ сводилось къ тому, чтобы объявить короля «не замѣшаннымъ въ дѣло» (hors de cause) въ силу его невмѣняемости. Петіонъ первый высказался противъ такого предложенія, развивая ту же мысль, что и въ средѣ якобинцевъ. На слѣдующій день (14 іюля) Ларошъ Фуко, Ліанкуръ» Дюпоръ и Барнавъ выступили въ защиту предложенія комитетовъ. Малуэ также одинъ изъ первыхъ записался въ число ораторовъ, и мы имѣемъ текстъ его рѣчи, которая однако не была произнесена, такъ какъ онъ уступилъ настояніямъ тѣхъ, кто справедливо доказывалъ, что въ данныхъ условіяхъ защиту короля слѣдуетъ вру-

---

[1]) Ibid., 15 іюля 91 года. Парижъ, стр. 279—283.

чить не завѣдомому монархисту, а несомнѣннымъ сторонникамъ конституціи [1]).

Въ числѣ лицъ, говорившихъ въ пользу преданія короля суду, были, разумѣется, главы будущихъ партій—жиронды и горы, важнѣйшіе представители того республиканскаго меньшинства, которое, по замѣчанію самого Малуэ, едва насчитывало 40 человѣкъ въ собраніи. «Господа! сказалъ Робеспьеръ въ той редакціи его рѣчи, которую приводитъ Гамель, я не буду возражать на тотъ упрекъ въ республиканизмѣ, который хотятъ направить противъ людей, отстаивающихъ дѣло справедливости и истины; я не требую также суроваго рѣшенія противъ частнаго лица (Людовика XVI), но я выступаю съ цѣлью отстоять священные принципы свободы противъ политики, исполненной макіавелизма и направленной къ полному ниспроверженію конституціи. Я не остановлюсь поэтому на вопросѣ, въ какой мѣрѣ народъ можетъ повѣрить тому, что короля такъ же легко похитить, какъ женщину. Я не стану спрашивать себя, была ли отлучка короля результатомъ безцѣльнаго путешествія или завершеніемъ давно начатой конспираціи, а также, доказываетъ ли оставленная Людовикомъ XVI декларація его искреннюю преданность революціи? Нѣтъ, я остановлюсь только на вопросѣ, какія границы имѣетъ королевская невмѣняемость». Установивши, подобно Петіону и Бриссо, что эта невмѣняемость примѣнима только къ правительственнымъ хотѣніямъ короля, покрытымъ отвѣтственностью министровъ, Робеспьеръ переходитъ къ вопросу, какое послѣдствіе можетъ имѣть сохраненіе власти за монархомъ, престижъ котораго навсегда потерянъ. Говоря, что интриганы желаютъ оставить за дискредитированнымъ правителемъ власть, чтобы легче повелѣвать его именемъ, Робеспьеръ высказываетъ общее убѣжденіе всѣхъ передовыхъ кружковъ Франціи. Неудивительно поэтому, если радикальная печать съ восторгомъ привѣтствовала его заявленіе: «обвиняйте меня, если хотите, въ республиканизмѣ, я объявляю себя противникомъ всякаго правительства, при которомъ власть въ рукахъ

---

[1]) Текстъ рѣчи Малуэ приведенъ въ приложеніи къ его мемуарамъ, томъ II, стр. 304.

заговорщиковъ (factieux)». Всѣ видѣли въ этомъ прямой намекъ на членовъ тріумвирата и послушное имъ большинство комитетовъ. Робеспьеръ называетъ себя адвокатомъ всѣхъ тѣхъ, кого обвиняетъ собраніе, защитникомъ трехъ тѣлохранителей, которые приняли участіе въ бѣгствѣ короля и едва не сдѣлались жертвой народной ярости,—защитникомъ воспитательницы королевскихъ дѣтей и самого даже маршала Булье, приславшаго изъ-за границы грозное письмо на имя національнаго собранія, въ которомъ между прочимъ говорилось о разрушеніи Парижа въ томъ случаѣ, еслибы королевской семьѣ причинено было какое-либо насиліе.

«Принципы, какимъ слѣдуетъ вашъ комитетъ, объявляя короля невиннымъ, говоритъ Робеспьеръ, очевидно, устраняютъ мысль о преступленіи; но гдѣ нѣтъ преступленія, тамъ не можетъ быть сообщниковъ. Господа! если слабостью надо признать пощаду виновнаго, то что, какъ не низкую несправедливость представляетъ жертвованіе слабымъ преступникомъ сильному. Надѣюсь, вы не считаете французскій народъ достаточно презрѣннымъ, чтобы упиться зрѣлищемъ казни нѣкоторыхъ второстепенныхъ жертвъ. Вы не можете допустить, чтобы онъ не чувствовалъ глубокой грусти при видѣ того, какъ его представители, слѣдуя обычной практикѣ рабовъ, жертвуютъ слабымъ сильному, изъ желанія безнаказанно упрочить несправедливость и тиранію». Это заявленіе покрывается аплодисментами. Робеспьеръ заканчиваетъ свою рѣчь, требуя отмѣны декрета, пріостановившаго выборы новаго представительнаго собранія, и признанія въ принципѣ, что націи дано будетъ высказаться на счетъ судьбы короля. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы всѣ предложенія комитетовъ были отвергнуты; на тотъ случай, если бы защищаемые имъ принципы не нашли одобренія собранія, онъ требуетъ по меньшей мѣрѣ того, чтобы французская нація не опозорила себя пристрастнымъ отношеніемъ къ сообщникамъ преступленія, которое всячески хотятъ скрыть. Несмотря на видимое сочувствіе, съ какимъ принятъ былъ конецъ этой рѣчи, несмотря на то, что Грегуаръ и Бюзо высказались въ томъ же смыслѣ, что и Робеспьеръ, и послѣдній пошелъ даже далѣе его, требуя немедленнаго суда надъ королемъ, національное собраніе

присоединилось къ мнѣнію своихъ комитетовъ, признало короля не подлежащимъ отвѣтственности и предало его сообщниковъ суду [1]). Это рѣшеніе, принятое окончательно 15 іюля, вызвало большое недовольство въ низшихъ слояхъ парижскаго населенія.

Парижъ, пишетъ Моррисъ въ своемъ дневникѣ, сегодня вечеромъ въ большомъ волненіи по случаю почти единодушнаго декрета собранія, которымъ объявлена безотвѣтственность короля. Замѣтно большое расположеніе къ мятежу, но національная гвардія въ сборѣ и такъ настроена, что ей не трудно будетъ предупредить бѣду. Самъ Моррисъ, повидимому, не могъ понять возможности добиться повиновенія королю, который, по его словамъ, рѣшительно палъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія [2]). «Партія недовольныхъ значительно возрастаетъ въ Парижѣ, отмѣчаетъ еще 14 іюля въ своемъ дневникѣ виконтъ Пальмерстонъ. Чернь недовольна намѣреніемъ освободить короля отъ суда. Большое броженіе происходитъ въ городѣ, и агитаторы стараются побудитъ народъ къ мѣрамъ, которыя бы заставили собраніе предать короля суду и подвергнуть его затѣмъ низложенію. Республиканскіе принципы открыто высказываются на улицѣ, и Пале-рояль — обычный центръ недовольныхъ политикановъ, наполненъ толпою, съ большимъ интересомъ слѣдящей за рѣчами мелкихъ ораторовъ, неугомонно проповѣдующихъ возстаніе. Но хотя толпа весьма значительна—аплодисменты рѣдки. Ораторы предлагаютъ обширную сходку на Марсовомъ полѣ, на которомъ должна быть подписана петиція или скорѣе требованіе, чтобы собраніе не рѣшало во-

---

[1]) Moniteur 91 года №№: 196 и 197, а также Гамель. Исторія Робеспьера. Томъ I, стр. 500—504.

[2]) Diary ant Letters, стр. 432. (T. I). „Всякая привязанность къ королю исчезла, пишетъ еще 25-го марта 1791 г. George Hammond, будущій англійскій посолъ въ Филадельфіи своему соотечественнику sir Bland Burges. Глупость короля, испорченность нѣкоторыхъ членовъ его династіи, все это внушило массѣ народа такое нерасположеніе къ престолу, что состояніе плѣненія, въ которомъ въ настоящее время находится Людовикъ XVI служитъ только предметомъ смѣха. (Révolution française, revue publiée par Aulard, t. XX, 1891, Janvier—Juin, Lettre de George Hammond à Burges, 25 Mars 1791).

[3]) Дюмонъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ, что редакцію республи-

проса о королѣ, не спросивши предварительно мнѣнія народа [1]). Это та самая, какую тщетно старалась представить лично депутація, явившаяся, какъ мы видимъ изъ письма госпожи Роланъ, 14 іюля къ дверямъ національнаго собранія. Гамель говоритъ, [2]) что Робеспьеръ, вышедши на встрѣчу петиціонерамъ старался убѣдить ихъ въ безплодности такой попытки, говоря, что собраніе уже успѣло высказаться въ смыслѣ, благопріятномъ королю. Кто были иниціаторы этой петиціи, можно судить по слѣдующему письму госпожи Роланъ. Вчера, 16 іюля, на Марсовомъ полѣ предложена была петиція, въ которой высказывается желаніе, чтобы судьба короля рѣшена была запросомъ къ 83 департаментамъ, которымъ, значится въ ней, и слѣдуетъ предоставить замѣну его въ конституціонномъ порядкѣ. Эта послѣдняя фраза, прибавляетъ госпожа Роланъ, вооружаетъ многихъ противъ петиціи,—догадываются, въ чемъ состоитъ ея тайный смыслъ и не хотятъ восшествія на престолъ младенца при регентствѣ герцога Орлеанскаго. Это регентство включено въ текстъ предложенія Лакло, партизана герцога.

Сегодня, т. е. 17, намѣреваются представить новую петицію съ ходатайствомъ о ближайшемъ созывѣ будущаго собранія. Ожидаютъ, что ее покроютъ своими подписями 100 тысячъ человѣкъ [3]). Дневникъ Пальмерстона довольно внимательно слѣдитъ за всѣми этими подготовленіями неминуемаго народнаго возстанія. Вечеромъ 15 іюля, т. е. въ самый день окончательнаго рѣшенія пишетъ онъ, очень рѣзкіе отзывы слышались въ толпѣ,

---

канскаго адреса взялъ на себя извѣстный американскій демагогъ Thomas Paine.

1) Стр. 290 и 292.

2) Стр. 505.

3) Письмо 17 іюля, Текстъ петиціи, предложенной къ подписи на Марсовомъ полѣ гласитъ буквально слѣдующее: лица, имена которыхъ слѣдуютъ, формально ходатайствуютъ передъ національнымъ собраніемъ, чтобы отъ имени народа оно приняло отреченіе Людовика XVI, отъ 21 іюня и озаботилось замѣщеніемъ его въ конституціонномъ порядкѣ. Они объявляютъ въ то же время, что не будутъ впредь признавать Людовика XVI своимъ королемъ, за исключеніемъ того случая, если большинство націи выскажетъ желаніе, противное ихъ петиціи.

(См. Bougeart. Les Cordeliers, стр. 370).

и жители не скрывали своихъ опасенiй на счетъ возможности мятежа. Въ собранiи якобинцевъ приняты были энергическiя резолюцiи и редактированы адресы ко всѣмъ клубамъ королевства съ приглашенiемъ дѣйствовать заодно. Толпы народа направились къ театрамъ съ цѣлью прiостановить представленiя. Кое-гдѣ удалось этого добиться. Въ другихъ мѣстахъ манифестанты были остановлены нацiональной гвардiей. Ночью повторились значительныя сборища въ саду Пале-рояля. Чтобы разогнать ихъ, приказано было корпусамъ гренадеровъ прогуливаться вдоль и поперекъ по саду тѣсными рядами, проходя именно тѣми мѣстами, гдѣ толпа была всего гуще. Это имѣло послѣдствiемъ постоянный перерывъ ораторовъ. На слѣдующiй день Пальмерстонъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: — столица остается въ томъ же положенiи, какъ и вчера; но на завтра, когда петицiонерамъ и народнымъ сообществамъ предстоитъ подписать петицiю на Марсовомъ полѣ, ожидается взрывъ. Нацiональное собранiе обратилось къ муниципальнымъ властямъ съ приказомъ принять всѣ мѣры къ сохраненiю спокойствiя.

17-е, въ самый день мятежа, Пальмерстонъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: рано утромъ произошли сборища на Марсовомъ полѣ. По несчастiю, было открыто, что два человѣка спрятались подъ тѣмъ алтаремъ отечества, на которомъ должна была лежать петицiя. Они запаслись провизiей и, повидимому, рѣшили провести тамъ цѣлый день. Ихъ открыли благодаря скважинамъ въ ступеняхъ, ведущихъ къ этому алтарю. Весьма вѣроятно, что они не имѣли въ виду другой цѣли, кромѣ возможности увидѣть вблизи все то, что готовилось, избѣгая въ то же время давки, да еще насладиться близкимъ зрѣлищемъ женскихъ ногъ, подымающихся по лѣстницѣ. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ инвалидъ съ деревянной ногою, но все еще молодой человѣкъ. Эта выходка обошлась имъ однако весьма дорого, такъ какъ толпа рѣшила, что они посажены подъ алтаремъ, съ цѣлью взорвать его на воздухъ со всѣми истинными патрiотами. Они были схвачены поэтому и препровождены въ участокъ. Но такъ какъ полицейскiе недоумѣвали, что имъ дѣлать, то толпа забрала арестованныхъ и казнила ихъ самовольно.

Парижская мэрія увѣдомлена была заранѣе, что большія скопища народа соберутся на развалинахъ Бастиліи и отправятся оттуда на Марсово поле [1]). Городскія власти собрались въ ратушѣ и рѣшили принять всѣ мѣры предосторожности къ предотвращенію этой сходки въ округѣ Бастиліи. Но оказалось, что въ этомъ округѣ и не предполагалось никакого подобнаго сборища. Когда до нихъ дошло извѣстіе объ убійствѣ, совершенномъ на Марсовомъ полѣ, они тотчасъ же направили туда нѣсколькихъ совѣтниковъ съ батальономъ національной гвардіи. Совѣтники вскорѣ вернулись съ извѣстіемъ о крайне печальномъ направленіи, какое приняло все движеніе. Они заявили,

---

1) Въ журналѣ, издаваемомъ профессоромъ Aulard, появилась въ 1890 году корреспонденція Бальи съ Лафайетомъ. Въ числѣ другихъ писемъ отпечатано между прочимъ слѣдующее: 16 іюля въ $^1/_2$ втораго ночи Бальи пишетъ Лафайету: Силлери только что былъ у меня, онъ сообщилъ мнѣ, что множество людей явилось вчера вечеромъ въ клубъ якобинцевъ и заявило, что намѣрены собрать большую сходку на Марсовомъ полѣ (Champ de la fédération). Здѣсь долженъ быть подписанъ адресъ на имя національнаго собранія. *Прошу васъ приготовиться къ пріему петиціонеровъ во всеоружіи* (Je vous prie de vous mettre en état de la recevoir (la petition) aves des forces suffissantes)... Не могли ли бы Вы выстроить кавалерію, стрѣлковъ и новобранцевъ съ пограничныхъ департаментовъ передъ собраніемъ и расположить пушки при входѣ въ улицы, ведущія къ дворцу (Тьюлери)? Отданный нами вчера приказъ уполномочиваетъ васъ въ случаѣ нужды сдѣлать призывъ къ оружію (à battre la générale); я возобновляю его снова. Чрезвычайное броженіе требуетъ и чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности. Будутъ они у васъ и собранію ничто не мѣшаетъ принять петицію и дать возбуждаемому ею вопросу то рѣшеніе, какое оно признаетъ полезнымъ.—Лафайетъ отвѣтилъ извѣщеніемъ, что его ближайшій помощникъ Gouvion не позже какъ черезъ часъ дастъ лично Бальи отчетъ во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, какія онъ приметъ для выполненія присланнаго ему приказа. Эти мѣры, какъ видно изъ личнаго донесенія Гувіона Бальи, состояли въ усиленіи національной гвардіи «par les forts de la Halle» du port au blé и другими. Такимъ образомъ муниципальныя власти заранѣе приготовились къ подавленію всякаго революціоннаго движенія, и, не разсчитывая вполнѣ, какъ слѣдуетъ изъ словъ того же Гувіона (il ne sait à quel point compter sur la troupe), на вѣрность войска, они заручились содѣйствіемъ тѣхъ самозванныхъ командъ, которыя доселѣ являлись готовымъ орудіемъ въ рукахъ всякаго организатора возстанія (Révolution française, Juillet 1890, стр. 74 и слѣд.).

что встрѣченная ими толпа несла головы убитыхъ на пикахъ и что въ Лафайета сдѣланъ былъ выстрѣлъ, къ счастью неудачный. Виновникъ былъ задержанъ, но отпущенъ по требованію самого генерала. Подошедши къ алтарю отечества, они увидѣли толпу людей, подписывавшихъ петицію противъ декрета 15 іюля. Національная гвардія ежеминутно подвергаема была оскорбленіямъ. Сами комиссары ратуши приняты были весьма скверно, и толпа рѣшила послать 12 депутатовъ въ городской совѣтъ. Еще до прихода комиссаровъ рѣшено было вывѣсить красное знамя — сигналъ къ объявленію военнаго положенія. Члены совѣта должны были въ полномъ составѣ отправиться на Марсово поле, предшествуемые военной силой. Узнавъ о прибытіи депутатовъ отъ петиціонеровъ, муниципалитетъ постановилъ выслушать ихъ; но они, при видѣ краснаго знамени, не дожидаясь рѣшенія, поспѣшили удалиться, чтобы увѣдомить обо всемъ собравшуюся на Марсовомъ полѣ толпу [1]). Совѣт-

[1]) Съ этимъ показаніемъ слѣдуетъ сопоставить свидѣтельство Fournier, одного изъ членовъ упомянутой депутаціи. Вотъ оно въ возможно точной передачѣ: «я спѣшу къ алтарю отечества и стараюсь водворить тишину, чтобы спокойно обсудить средства защиты противъ грозящей намъ опасности; въ эту минуту появляются четыре члена муниципалитета. — Господа, вы всѣ знаете меня, говорю я имъ; изъ всего, что я видѣлъ слѣдуетъ желаніе начать междоусобную войну и всѣхъ насъ перерѣзать. Члены муниципалитета просятъ предъявить имъ петицію. Прочитавъ ее, они объявляютъ, что, будь они частными лицами, они сами бы охотно подписали ее. Они обѣщаютъ немедленно отправиться въ ратушу и дать отчетъ въ добромъ порядкѣ и справедливости требованій, предъявленныхъ петиціонерами....» Фурнье въ свою очередь предлагаетъ назначить депутацію отъ толпы. Слѣдуетъ согласіе, и самъ онъ попадаетъ въ число двѣнадцати избранныхъ комиссаровъ. Въ предмѣстьи Грокалью (Grous-Caillou) комиссары встрѣчаютъ Лафайета, который приставляетъ къ нимъ конвой, въ сопровожденіи котораго они и достигаютъ ратуши. Здѣсь ихъ задерживаютъ въ одной изъ первыхъ залъ. «Внезапно, пишетъ Фурнье, появляется Бальи, крича: «насъ продали,надо развернуть красное знамя, объявить военное положеніе». Тщетно стараюсь я удержать кровожаднаго мэра; его вскорѣ отводитъ въ сторону начальникъ національной гвардіи въ секціи Бонъ-Нувель. — Мы погибли! говоритъ онъ ему, Лафайетъ убитъ на Марсовомъ полѣ. Бальи кричитъ, въ отвѣтъ: — «военное положеніе, военное положеніе!» — и кровавое знамя вывѣшивается у окна. Я едва успѣлъ увѣдомить обо всемъ

ники рѣшились поэтому пуститься въ путь. Было семь часовъ, когда они достигли Марсова поля, окруженнаго со всѣхъ сторонъ толпами зрителей. Въ то время, какъ они проходили по свободному пространству, ведшему къ «алтарю отечества», направо и налѣво стали слышаться крики—«долой байонеты! долой красное знамя!» Мэръ Бальи, остановившись у самаго входа въ ограду, приказалъ прочесть прокламацію о военномъ положеніи. Въ отвѣтъ на это изъ толпы брошены были камни и раздался выстрѣлъ. Онъ направленъ былъ противъ мэра, но ранилъ солдата, стоявшаго за его спиной. Не дожидаясь приказа, войска дали залпъ, но, повидимому, по воздуху, такъ какъ никто не былъ раненъ. Повелѣно было пріостановить пальбу и шествіе продолжалось по Марсову полю. Вокругъ «алтаря» не оставалось болѣе никого, и гвардія вмѣстѣ съ военной командой легко заняла его и все пространство, отдѣлявшее его отъ расположенныхъ амфитеатромъ скамей. Толпа занимала теперь эти скамьи и видя, что никто не былъ раненъ, продолжала бросать камни и стрѣлять изъ пистолетовъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ новый залпъ, болѣе серьезный, чѣмъ прежній, и кавалерія съ обнаженными шпагами бросилась на толпу. Трудно сказать, какъ велико было число убитыхъ, но наиболѣе заслуживающія довѣрія свидѣтельства говорятъ о 16 мертвыхъ и такомъ же числѣ оставленныхъ на мѣстѣ раненыхъ. Многіе солдаты также были поранены брошенными въ нихъ камнями, и трое убиты. Паника овладѣла теперь толпою. Всѣ обратились въ бѣгство, направляясь во внутреннія кварталы. Отсюда они грозятъ жестокой местью, огнемъ и мечемъ,

---

кордельеровъ и поспѣшилъ къ «алтарю отечества». Здѣсь я предложилъ разойтись.—Надо дождаться краснаго знамени,—послышался отвѣтъ одного изъ присутствующихъ. Знамя не замедлило явиться. Тогда нѣсколько оплаченныхъ мелкихъ негодяевъ, получившихъ инструкціи отъ разбойниковъ, стоявшихъ во главѣ муниципальнаго управленія, бросаютъ нѣсколько камней въ національную гвардію; изъ среды ихъ раздается выстрѣлъ; онъ служитъ сигналомъ для общей рѣзни. Жестокосердые, сатрлиты Лафайета, дѣйствуя подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, бросаются на народъ; всѣ ищутъ спасенія въ бѣгствѣ; но множество мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей убито по дорогѣ». (См. Mémoires secrets de Fournier l'Américain, стр. 48 и 53).

обѣщаютъ разогнать національное собраніе и убить Лафайета. Но на самомъ дѣлѣ ихъ пылъ значительно ослабъ во время бѣгства, и парижское населеніее такъ мало склонно было подчиниться ихъ навѣтамъ, что простыхъ карауловъ хватило, чтобы обезпечить полное спокойствіе въ теченіе вечера и всей слѣдующей ночи [1]). Другой очевидецъ событій Моррисъ даетъ о нихъ приблизительно тотъ же отчетъ. «Возвращаясь въ 7 часовъ отъ голландскаго посла, пишетъ онъ, я встрѣтилъ отрядъ національной гвардіи, сопровождаемый гражданскими властями. Нѣсколько времени спустя я рѣшилъ взобраться на возвышенность, чтобы быть свидѣтелемъ сраженія, но оно было окончено прежде, чѣмъ я успѣлъ подняться, такъ какъ на этотъ разъ милиція не захотѣла уступить толпѣ. Свалка началась, какъ и всегда, съ бросанья камней народомъ. Погода была теплая, и такъ какъ это было въ воскресенье, то на улицахъ оказалось много народу, высыпавшаго подышать воздухомъ и провести пріятно время, какъ это издавна въ обычаѣ въ праздничные дни. Но на этотъ разъ удовольствіе было нарушено: гвардейцамъ пришлось жариться на солнцѣ безъ возможности двигаться впередъ и, подобно индѣйскимъ пѣтухамъ, ждать избіенія камнями. Но это было уже слишкомъ. Національная гвардія не выдержала такого искуса и, не дожидаясь приказа, дала залпъ и положила на мѣстѣ дюжину или двѣ оборванцевъ. Остальные разбѣжались, какъ трусы. Если бы милиція рѣшилась ждать приказа, ее бы несомнѣнно успѣли перебить; но въ данныхъ условіяхъ все кончилось быстро. Съ тѣхъ поръ коекто былъ зарѣзанъ и два человѣка повѣшены на фонарѣ, какъ это здѣсь въ обычаѣ. Факты эти не нуждаются въ комментаріяхъ. Надѣюсь, что насъ оставятъ въ покоѣ нѣкоторое время» [2]). Альморо Пизани въ изданныхъ мною депешахъ говоритъ о тридцати раненыхъ и убитыхъ. «Паника сдѣлала остальное, прибавляетъ онъ. Но ярость по отношенію къ собранію и ненависть къ національной гвардіи все болѣе и болѣе возрастаетъ. Курьеры скачутъ въ провинціи и обратно съ порученіями, одни

---

1) См. стр. 293—296.

2) Стр. 436.

къ собранію, другіе къ мятежникамъ. Отъ провинцій зависитъ рѣшеніе этой великой тяжбы, въ которой рѣчь идетъ ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, будемъ ли мы имѣть въ ближайшемъ будущемъ гражданскую войну» [1]). О томъ глубокомъ отчаяніи, въ какое повергъ приверженцевъ республики исходъ «марсова побоища», можно судить по письмамъ госпожи Роланъ.—«Смерть и трауръ въ нашихъ стѣнахъ. Тиранія воцарилась на престолѣ, обагренномъ кровью. Она подымаетъ свой желѣзный скипетръ, и въ Парижѣ нѣтъ больше свободы ни для кого, какъ для національныхъ гвардейцевъ, желающихъ перерѣзать своихъ братьевъ». Въ своемъ описаніи кровавой расправы 17 марта, госпожа Роланъ настаиваетъ на томъ, что толпѣ не было сдѣлано троекратнаго приглашенія разойтись, какое въ такихъ случаяхъ предписывается закономъ. По всему Парижу, пишетъ она, стараются распространить терроръ. Караулы разставлены повсюду. Клубъ якобинцевъ окруженъ войсками и оставленъ только незначительный проходъ для членовъ. Палерояль наполненъ солдатами. Клевета пущена въ ходъ. Печатаются зажигательные адресы, которые выдаются за манифесты возставшихъ. Ежечасно выходятъ также брошюры, лживо приписываемые Робеспьеру, и преднамѣренно неточные отчеты о всемъ случившемся. Заговорщики національнаго собранія, подъ которыми я разумѣю, прибавляетъ госпожа Роланъ, господствующее большинство, собираются написать или, можетъ быть, уже написали во всѣ провинціальные клубы, чтобы возстановить ихъ противъ якобинцевъ и привлечь на свою сторону. Если департаменты подчинятся ихъ навѣтамъ, свобода погибнетъ, и мы снова будемъ порабощены, на этотъ разъ во имя конституціи. Никому не позволено больше высказывать своего мнѣнія. Вчера (т. е. 17 іюля) данъ былъ приказъ стрѣлять по всякому сборищу изъ пяти — шести человѣкъ. Кто рѣшался отнестись съ порицаніемъ къ случившемуся на Марсовомъ поле, задерживался и препровождался въ бюро національной гвардіи. Мы вскорѣ потеряемъ лучшихъ гражданъ и честнѣйшихъ писателей. Ихъ изображаютъ заговорщиками, такъ какъ всѣ прочія

---

[1]) Депеша 52, отъ 18 іюля 91 года.

продаваемыя на улицѣ газеты куплены коалиціей. Публика удалена изъ залы засѣданій національнаго собранія. Принимаются общія мѣры противъ печати и честному Петіону едва удалось добиться нѣкотораго смягченія ихъ суровости. Вмѣсто того, чтобы пойти открыто противъ якобинцевъ, придуманъ еще болѣе ловкій пріемъ—разрушить ихъ вліяніе, слившись съ ними. Предатель Фейдель предложилъ якобинцамъ въ интересахъ мира послать во вновь образовавшійся клубъ умѣренныхъ (такъ называемыхъ фельяновъ) депутацію съ предложеніемъ братскаго союза. Цивиль-листъ доставляетъ средства для подкупа журналистовъ. Монморенъ оплачиваетъ «Постильона», въ которомъ Ренье де Сенъ-Жанъ д'Анжели пускаетъ свои ядовитыя стрѣлы. На его иждивеніи издается «Патріотическій Аргусъ», редактируемый мерзавцемъ Морандомъ, вызваннымъ изъ Лондона, и продолжающимъ здѣсь свои обычныя дифамаціи и шпіонства. Монморенъ поддерживаетъ также «Друга Патріотовъ», издаваемаго депутатомъ Дюкенуа съ большимъ искусствомъ и желчью. Національное собраніе вотировало сегодня благодарность гвардіи. Многіе патріоты предувѣдомлены объ опасности ночевать въ собственныхъ квартирахъ; мы поставлены были въ необходимость пріютить семью республиканца Робера, которую мы видѣли всего разъ. Имѣется въ виду представить въ собраніе открытое обвиненіе противъ Робеспьера и предать его на судъ верховнаго національнаго трибунала въ Орлеанѣ»[1]). Показаніе госпожи Роланъ на счетъ опасности, грозившей въ это время патріотамъ, находитъ подтвержденіе и въ другихъ одновременныхъ источникахъ. Приказы о задержаніи были пущены противъ Дантона, Камилла Демулена, Фрерона, Лежандра, которые избѣжали ихъ только бѣгствомъ. Что касается до Робеспьера, то онъ нашелъ пріютъ въ домѣ столяра Мориса Дюплэ, съ семействомъ котораго отнынѣ такъ тѣсно будетъ связана его судьба[2]). Прежде, чѣмъ покинуть Парижъ, Каммилъ Демуленъ выпустилъ послѣдній номеръ своего журнала, который надо

---

[1]) Оба письма написаны 18 іюля, одно утромъ, другое вечеромъ. См. стр. 292—301.

[2]) Hamel, стр. 518–521.

прочесть, чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ опасеніяхъ, какія вызывало въ патріотахъ положеніе, созданное Франціи Марсовымъ побоищемъ. «Въ конституціонномъ комитетѣ, жалуется онъ, подготовляются декреты, задача которыхъ свести на ничто декларацію правъ и все то, что составляло доселѣ славу національнаго собранія. Въ комитетѣ разслѣдованій практикуется гнусная инквизиція, принимаются доносы противъ всѣхъ патріотовъ и разсылаются во всѣ стороны подъ самыми ничтожными предлогами новыя lettres de cachet. Все это, утверждаетъ Демуленъ, направлено къ тому, чтобы наполнить сердца ужасомъ и помѣшать публичному выраженію народныхъ желаній въ тотъ моментъ, когда конституція будетъ представлена на утвержденіе короля. Демуленъ предвидитъ возможность того, что королю дозволено будетъ внести измѣненія въ готовый текстъ конституціи, и старается раскрыть глаза своимъ соотечественникамъ, говоря, что королевское вето безсильно по отношенію къ учредительнымъ законамъ, и что Людовикъ XVI можетъ только принять или отвергнуть конституцію [1]). Одновременно съ прекращеніемъ журнала Демулена перестаетъ выходить и другой патріотическій листокъ «Народный Ораторъ». Фреронъ едва не былъ убитъ на Pont Neuf. Марату снова пришлось скрываться въ погребахъ; и «Другъ Народа», долженствовавшій появиться 21 числа, задержанъ въ типографіи и уничтоженъ. Шрифтъ разбитъ, и издательница, M-lle Коломбъ брошена въ тюрьму [2]). Напуганные якобинцы, по словамъ госпожи Роланъ, разбѣгались во всѣ стороны, ожидая военнаго занятія ихъ клуба. Одинъ думалъ скрыться на женской трибунѣ, но госпожа Роланъ принудила его удалиться, стыдя его за его трусость. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ преслѣдованій, клубъ 21 іюля посылаетъ депутацію къ національному собранію; глава ея обращается къ народному представительству съ слѣдующими словами. «Вотъ къ чему сводится наша profession de foi—уваженіе къ собранію представителей націи, вѣрность конституціи. Это даетъ намъ возможность,—прибавляетъ

1) № 87 Révolutions de France et de Brabant, стр. 10 и 11.
2) Boujart, Les Cordeliers, стр. 372 и 373.

ораторъ, пренебречь тѣми, кто изображаетъ разумъ, свободу и добродѣтель красками, воспроизводящими порокъ, произволъ и анархію» [1]). Виконтъ Пальмерстонъ рисуетъ положеніе, созданное якобинцамъ пораженіемъ народнаго возстанія на Марсовомъ полѣ, говоря, что входившіе въ составъ сообщества депутаты правительственной партіи выдѣлились и образовали свой собственный клубъ (клубъ фельяновъ). Въ этотъ клубъ рѣшено на первыхъ порахъ не принимать никого, помимо представителей. Но вскорѣ въ составъ его были допущены члены клуба 89 года, т. е., партія Лафайета и Сіейса. Якобинцы, прибавляетъ Пальмерстонъ, стремятся возсоединиться съ фельянами и предложили назначить отъ каждаго сообщества по двадцати человѣкъ, которые составятъ списокъ лицъ, подлежащихъ исключенію. Госпожа Роланъ даетъ намъ на этотъ счетъ слѣдующія дополнительныя подробности. «Якобинцы, пишетъ она 21 іюля, близки къ совершенному разложенію [2]) Они довели свою подлость до посылки депутатовъ къ Фельянамъ и совмѣстно съ ихъ делегатами должны выдѣлить изъ 1800 человѣкъ, входящихъ въ составъ ихъ клуба, 900 для присоединенія къ фельянамъ. Все остальное должно быть выброшено; какъ «нечистое» (impure). Общественное мнѣніе падаетъ съ каждымъ днемъ: оно уже на три четверти измѣнилось къ худшему. Мѣры, принятыя въ Парижѣ къ тому, чтобы настроить его въ смыслѣ благопріятномъ національному собранію, повторились и въ провинціи. Повсюду посланные національнымъ собраніемъ курьеры изображаютъ побѣду 17 марта, какъ торжество общественнаго спасенія. Наши безсмысленные буржуа открыто празднуютъ свое избавленіе отъ грабежа воображаемыхъ разбойниковъ». «Не знаю, прибавляетъ въ отчаяньи поклонница античной свободы, представляютъ ли ваши горы (департамента Юры) надежную защиту для того, кому дороги народныя вольности. Я отъ души желала бы этого для счастья Франціи. Я ничего не жду больше отъ этой испорченной столицы, гдѣ огонь низкихъ страстей истребляетъ лучшія сѣмена». Такимъ образомъ впервые заро-

---

[1]) Moniteur отъ 25 іюля.

[2]) Стр. 297 и 298.

ждалась въ госпожѣ Роланъ мысль, которая со временемъ выскажется съ гораздо большей силой и опредѣленностью въ переговорахъ ея и Лантенаса съ Барбару, и которая одна могла дать поводъ къ обвиненіямъ въ сепаратизмѣ, такъ сильно дискредитировавшимъ жирондистовъ и до нѣкоторой степени подготовившимъ ту катастрофу, въ которой погибла ихъ партія. Эта мысль сводилась къ признанію, что свобода, потерянная въ Парижѣ, можетъ быть сохранена на югѣ Франціи, и что ея друзьямъ нѣтъ болѣе надежнаго убѣжища, какъ перенести центръ агитаціи по ту сторону Луары. Вооружимъ Парижъ и сѣверные департаменты, говорилъ Роланъ Барбару, но если они погибнутъ въ неравной борьбѣ, перенесемъ статую свободы на югъ и оснуемъ гдѣ-нибудь колонію свободныхъ людей» [1]). Мы часто бесѣдовали съ Барбару и съ Серваномъ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ госпожа Роланъ, о прекрасномъ духѣ юга, объ энергическомъ поведеніи его департаментовъ и о легкости, какую представило бы основаніе здѣсь республики, если бы двору удалось восторжествовать на сѣверѣ и въ Парижѣ. Мы брали географическія карты и проводили на нихъ демаркаціонную линію. «Это будетъ нашимъ послѣднимъ убѣжищемъ, говорилъ Барбару» [2]).

Только что приведенные переговоры происходили годъ спустя послѣ описанныхъ нами событій. Пока, какъ видно изъ переписки госпожи Роланъ, надежды республиканцевъ опирались на возможности вызвать коалицію между якобинскими клубами всѣхъ департаментовъ. Въ этомъ смыслѣ высказывался Лантенасъ, но уже въ это время госпожа Роланъ возлагала особыя надежды на Марсель, говоря, что патріотизмъ и бодрость духа его жителей ставитъ этотъ городъ гораздо выше всѣхъ осталь-

[1]) Dauban, Mémoires de Barbaroux, стр. 336.

[2]) Mémoires de madame Roland (изд. Dauban), стр. 229, 230. Разговоры, о которыхъ идетъ рѣчь, относятся къ іюлю 1792 года. Имѣя въ виду, что контръ-революція сосредоточилась по преимуществу въ Вандеи и Нормандіи, т. е., на сѣверѣ Франціи, нельзя не признать нѣкоторой доли истины въ этихъ соображеніяхъ. Весьма вѣроятно, что если-бы коалиціи удалось восторжествовать надъ ополченіями, выставленными конвентомъ, послѣднимъ очагомъ противодѣйствія остались бы департаменты къ югу отъ Луары. Сами участники коалиціи, повидимому, раздѣляли подобное воззрѣніе.

ныхъ. Ея отношеніе къ Парижу уже тогда было отрицательнымъ. «Мнѣ крайне не нравится пребываніе въ этомъ городѣ, пишетъ она; его мѣстныя дѣла идутъ какъ нельзя хуже; его муниципальные комитеты не постановляютъ ничего, кромѣ вздора. Я только и мечтаю о томъ, какъ бы удалиться отсюда и воспользоваться возможностью уединенія».—Такимъ образомъ, республиканская партія не только была побита, но и сознавала свое пораженіе. «Постановленія національнаго собранія, писалъ 25 іюля венеціанскому сенату Пизани, выяснивъ и упрочивъ основы монархіи, опредѣлили собою и направленіе общественнаго мнѣнія. Подавленіе силою мятежниковъ, соединившихся на Марсовомъ полѣ, разсѣяло заговоры и повергло виновныхъ въ уныніе. Отвѣтные адресы, присылаемые муниципалитетами и департаментами, свидѣтельствуютъ о полномъ присоединеніи ихъ къ принципамъ, высказаннымъ въ декретахъ. Такимъ образомъ, національное собраніе поистинѣ выражаетъ снова духъ страны, и всѣ части государства получаютъ отъ него жизнь и направленіе. Военное положеніе продолжается. Якобинскій клубъ своимъ недавнимъ заявленіемъ о готовности подчиниться волѣ собранія потерялъ всякій кредитъ. Большинство его членовъ ушло къ фельянамъ; немногіе оставшіеся не дерзаютъ сходиться. Что касается до провинціальныхъ клубовъ, то они или въ полномъ смятеніи, или въ рѣшимости пойти заодно съ національнымъ собраніемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается теперь вся власть. Народные представители оттягиваютъ срокъ своего распущенія. Они занимаются обсужденіемъ декретовъ по второстепеннымъ вопросамъ, оставленнымъ ими прежде для будущихъ собраній. Ихъ поведеніе ясно обнаруживаетъ желаніе продлить свое существованіе. Всѣ люди умѣреннаго образа мыслей одобряютъ подобное рѣшеніе въ виду того, что обстоятельства, въ которыхъ находится государство, требуютъ присутствія политической власти, которая бы надѣлена была достаточною суммою авторитета и знаній, чтобы сдѣлать возможнымъ объединеніе вокругъ нея всѣхъ силъ страны. Надо совершенно подавить тѣ элементы смуты, какіе якобинцы сумѣли внести въ избирательныя собранія и вліяніе которыхъ могло бы сказаться на составѣ будущаго представительства».

ГЛАВА VI.

Завершеніе конституціи и пріемъ ея королемъ.

Какъ же, спрашивается, воспользовалось собраніе своимъ успѣхомъ для завершенія конституціи? Прямымъ послѣдствіемъ достигнутой общими усиліями побѣды было сближеніе всѣхъ ея ближайшихъ участниковъ. Лафайетъ и Ламеты, разъединенные за послѣднее время, снова пошли рука объ руку; такъ какъ одновременно послѣдовало соглашеніе послѣднихъ со дворомъ и его защитниками въ собраніи, то неудивительно, что и Лафайетъ вовлеченъ былъ въ интриги, цѣлью которыхъ было измѣненіе конституціи въ духѣ, благопріятномъ интересамъ короля и всѣхъ консервативныхъ элементовъ общества. О тѣхъ обязательствахъ, какія приняты были Лафайетомъ въ этомъ направленіи, мы можемъ судить по депешѣ графа Эстергази къ шведскому королю отъ 30 августа 91 г. [1]). Разсказывая о своемъ свиданіи съ Лафайетомъ у графини Шатлэ, съ вѣдома и согласія короля еще въ 1790 году, Эстергази сообщаетъ, что Лафайетъ говорилъ ему о готовности сохранить за Людовиковъ XVI и полное распоряженіе арміей, и назначеніе судей, и весьма значительный цивиль-листъ, и право войны и мира.

Эти предложенія изложены были впослѣдствіи самимъ Лафайетомъ въ особомъ документѣ для представленія королю. Но прежде, чѣмъ вручить его монарху, Лафайетъ выразилъ желаніе повидаться съ королевой. Это свиданіе не состоялось въ

---

1) Feuillet de Conches, томъ IV, стр. 38.

виду того, что при обсужденіи способа назначенія судей Лафайетъ постарался не быть въ собраніи въ моментъ голосованія. Эстергази объясняетъ это отсутствіе сознаніемъ, что большинство не на сторонѣ начальника гвардіи и что онъ поэтому не въ состояніи выполнить своихъ обѣщаній. Можно было бы, пожалуй, обнаружить недовѣріе къ искренности намѣреній Лафайета или къ точности ихъ передачи Эстергази, если бы у насъ не было другихъ одновременныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что бездна, отдѣлявшая взгляды Лафайета отъ взглядовъ Мунье или конституціонной партіи, была далеко не такъ велика, какъ это старались представить нѣкоторые современники, въ томъ числѣ Моррисъ.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ Лафайетъ своему другу Латуръ Мобуру въ августѣ и сентябрѣ 1789 года. «Виконтъ Ноаль предложитъ вамъ планъ милиціи, который я считаю дурнымъ, такъ какъ онъ сосредоточиваетъ значительную военную силу внѣ рукъ короля. Я намѣренъ, будь сказано между нами, ратовать противъ него въ собраніи». Если Лафайетъ не высказывается въ пользу абсолютнаго вето, то только потому, что считаетъ относительное болѣе сильнымъ орудіемъ въ рукахъ короля. «Впрочемъ, говоритъ онъ, я не придаю большого значенія этому вопросу, важность котораго всѣ преувеличиваютъ. Надо только, чтобы король имѣлъ право отказать въ санкціи въ продолженіе двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ собраній. Но если затѣмъ двѣ трети голосовъ новаго собранія предложатъ ему тотъ же законъ, ему необходимо дать свое согласіе. Если такое предложеніе будетъ принято, право отказа сдѣлается весьма сильнымъ орудіемъ въ рукахъ короля и въ то же время не возстановитъ противъ насъ, его защитниковъ, тѣхъ, кто не хочетъ слышать о вето абсолютномъ».

Лафайетъ боится, чтобы Мунье не отчаялся, видя свой неуспѣхъ въ этомъ вопросѣ; онъ всячески старается убѣдить его не отказывать въ дальнѣйшемъ содѣйствіи своимъ талантомъ и своими добродѣтелями. «Какое значеніе, пишетъ онъ, можетъ имѣть вето абсолютное, которымъ король никогда не пользуется».

Всего дальше онъ отъ мысли унизить королевскую прерогативу. «Не дѣлайте излишнихъ уступокъ, пишетъ онъ Мобуру.

Если исполнительная власть будетъ унижена, революція не принесетъ ожидаемыхъ плодовъ».

Лафайетъ совѣтуетъ искать соглашенія съ Мунье и предлагаетъ отправиться въ Версаль для переговоровъ съ нимъ.

«Я готовъ, пишетъ онъ, скорѣе согласиться на тридцать абсолютныхъ вето, нежели допустить рознь и междоусобія». Лафайетъ не является также противникомъ второй камеры. Онъ желаетъ, напротивъ того, установленія сената, напоминающаго собою американскій. Сенатъ этотъ долженъ быть составленъ изъ делегатовъ, назначенныхъ на шесть лѣтъ провинціальными собраніями. Чтобы избѣжать, однако, всякаго упрека въ федерализмѣ, онъ требуетъ, чтобы число провинцій, а соотвѣтственно и провинціальныхъ собраній, было весьма значительно, напримѣръ, 60 или 80, и чтобы эти собранія были поставлены въ тѣсную зависимость отъ исполнительной власти. «Лучше, пишетъ онъ, дать исполнительной власти излишекъ силы и вліянія (un pouvoir éxecutif un peu trop fort), нежели допустить существованіе между провинціями одной слабой федеративной связи; это было бы то же, что дробить Францію на куски».

Въ устройствѣ провинціальной администраціи Лафайетъ остается вѣренъ идеѣ физіократовъ. Онъ хочетъ прямого подчиненія мѣстной автономіи сильной исполнительной власти. Онъ стоитъ также за ея свободу въ распоряженіи арміей и внѣшней политикой. «Не допустите, пишетъ онъ Мобуру, чтобы права короля были ограничены во всемъ, что касается войска и иностранной политики. Если исполнительная власть будетъ унижена и провинціи не раздѣлены будутъ на мелкіе подчиненные ей административные округа, Франція погибнетъ».

Лафайетъ далекъ также отъ мысли сосредоточить всю полноту законодательной власти въ рукахъ народной камеры. «Никакъ не соглашайтесь на то, чтобы представительство составлено было изъ одной палаты или чтобы верхняя включала въ себѣ тѣ же элементы, что и нижняя. Ей необходимы большее постоянство, большая серьезность (gravité), большій декорумъ. Эти различія и это представительство ею особыхъ интересовъ необходимы для установленія того равновѣсія, надъ которымъ напрасно смѣются. Послѣ десятилѣтняго опыта Аме-

рика принуждена признать эту истину». Лафайетъ, какъ мы видѣли, готовъ былъ установить шестилѣтній срокъ для членовъ сената, но онъ согласенъ и на дальнѣйшія уступки, на признаніе сената пожизненнымъ. Иниціатива законовъ будетъ принадлежать нижней палатѣ, но сенатъ будетъ надѣленъ вето срокомъ по меньшей мѣрѣ на одинъ годъ [1]). Зная, каково было всегдашнее отношеніе Лафайета къ вопросу объ организаціи исполнительной власти и пожизненному сенату, понимаешь причину, по которой въ адресѣ Сіейса къ департаментамъ имя начальника національной гвардіи фигурируетъ на ряду съ тѣми, которые желаютъ установленія верхней камеры; понимаешь также, почему Лафайетъ долженъ былъ относиться сочувственно къ сближенію Ламетовъ со дворомъ и всячески содѣйствовать мирному возстановленію давно нарушеннаго согласія между королемъ и націей, между консервативными элементами общества и народною толпою. Это не мѣшало ему оставаться противникомъ англійской періи и направлять почти одновременно упреки Маллэ дю-Пану за его упорное желаніе установить во Франціи «англійскій образъ правленія и своего рода палату лордовъ» [2]). Хотя обстоятельства благопріятствовали интересамъ той партіи, которой Маллэ въ это время былъ центромъ, но швейцарскій республиканецъ какъ и французскій монархистъ, повидимому, не обольщалъ себя надеждою на счастливый исходъ. Его письма отъ іюля мѣсяца 1791 года къ Мунье крайне интересны, такъ какъ дополняютъ картину того внутренняго состоянія партій, какое было создано бѣгствомъ короля и желаніемъ національнаго собранія сохранить монархію вопреки народнымъ требованіямъ.

Маллэ не скрываетъ своего пессимизма, говоря: «время писаній прошло, можно было бы собрать всѣхъ мудрецовъ не только нынѣшняго, но и прошедшихъ столѣтій, и не измѣнить этимъ народныхъ заблужденій. Общественное мнѣніе руковод-

---

[1]) Письма Лафайета къ Мобуру напечатаны Мортимеръ-Терно въ приложеніи къ I тому его Исторіи террора (Histoire de la terreur, Paris 1868 г., томъ I, стр. 434—440).

[2]) См. письмо Маллэ дю-Пана къ Мунье отъ 11 іюля 1891 года (Autour d'une révolution par d'Herisson), стр. 193).

ствуется теперь не указаніями благоразумныхъ и свѣдущихъ людей, а взглядами всѣхъ грубыхъ невѣждъ и предателей. Народъ слушаетъ только эти органы преступленія и бреда. Они одни царствуютъ и въ секціяхъ, и въ клубахъ, и въ комитетахъ, и въ собраніи. Чѣмъ большій вздоръ они говорятъ, тѣмъ большимъ пользуются кредитомъ».

Направивши такой комплиментъ по адресу народныхъ вожаковъ, Маллэ дю-Панъ также строго относится и къ партіи, отождествлявшей свои интересы съ интересами короля. «Ихъ невѣроятное ничтожество, пишетъ онъ, завершаетъ собою картину того позорнаго ничтожества, въ которомъ находится Франція. Надо быть свидѣтелемъ всего безстыдства этихъ бубновыхъ валетовъ, этихъ монархическихъ разбойниковъ (pourfendeurs), чтобы оцѣнить должнымъ образомъ страшное вырожденіе французовъ. Повѣрите ли, что выдающіеся члены правой и представители стараго дворянства, желая избѣжать опасности и скрыть свою трусость, имѣли низость громко заявлять, что король, своимъ бѣгствомъ поставившій ихъ въ опасность быть зарѣзанными, не заслуживаетъ больше преданности.

«Малуэ, прибавляетъ онъ, одинъ сумѣлъ сохранить свое достоинство, одинъ рѣшился говорить открыто; никогда онъ не заслуживалъ большаго уваженія».

Маллэ дю-Панъ относится также весьма строго къ нелѣпой выходкѣ маршала Булье, приславшаго собранію письмо, полное угрозъ. «Ихъ праздность, говоритъ онъ, еще болѣе усиливаетъ неразсудительность, наглость и жестокость его заявленій».

Маллэ жалуется, что тактика руководящихъ Парижемъ людей— всячески унижать короля, подавляя въ то же время проявленія народной ярости. Въ этомъ смыслѣ приказано было поступать при въѣздѣ Людовика XVI въ Парижъ, и приказъ выполненъ до мелочей. Самого короля и его семью держатъ въ тяжкомъ заточеніи. Дверь въ королевскую опочивальню открыта. Когда королева расположится ко сну, подымаютъ завѣсу ея кровати, чтобы убѣдиться въ ея присутствіи. Два раза кордельеры посылали депутацію съ этою цѣлью.

«Вотъ каково правительство, благодѣяніями котораго мы поль-

зуемся, прибавляетъ авторъ письма, оно допустило подобный обыскъ!» Безъ всякой нѣжности относится Маллэ и къ тому большинству національнаго собранія, которое хочетъ закончить конституцію, представить ее королю и добиться или ея утвержденія, или отреченія отъ престола. Для него это не болѣе, какъ наглые интриганы, продажные и плоскіе, которые сознаютъ сами, что ихъ конституція не можетъ держаться, и только притворяются, что любятъ ее, въ надеждѣ обезпечить себѣ теплыя мѣстечки и побольше награбить денегъ изъ цивиль-листа.

Если вѣрить ему, «масса недовольныхъ въ настоящее время мечтаетъ только о возстановленіи стараго порядка; если дать имъ ходъ, они не прочь будутъ вернуть Францію къ абсолютизму. Такимъ образомъ, замѣчаетъ онъ, у насъ есть только выборъ между ужасами анархіи безъ короля, съ массой (департаментскихъ и муниципальныхъ) республикъ, и силою произведенной контръ-революціей, возстановляющей прежній деспотизмъ. Кто жаждетъ послѣдней, устремляетъ свои взоры на Кобленцъ. Тамъ находятся дѣйствительные вожди, тамъ заря спасенія. Въ такихъ условіяхъ я лично не вижу ничего, кромѣ мрака и залога будущихъ бѣдствій» [1]. Съ Маллэ дю-Паномъ повторяется то же, что съ большинствомъ вожаковъ побѣжденныхъ партій. За вѣхами они не видятъ лѣса, за недостойными, быть можетъ, предводителями враждебнаго имъ теченія той здоровой массы, которою оно поддерживается и отъ которой зависитъ во всякое время удалить своихъ незаслуживающихъ довѣрія вождей и обезпечить торжество собственнаго дѣла подъ руководствомъ новыхъ.

Люди, не принимавшіе прямого участія въ собраніяхъ, ограничивавшіеся ролью стороннихъ наблюдателей, были поставлены въ лучшія условія для вѣрной оцѣнки и правильныхъ предсказаній. Венеціанскій посолъ Альморо Пизани гораздо ближе стоитъ къ истинѣ, когда говоритъ, что въ экзальтаціи народныхъ умовъ лежитъ дѣйствительная сила страны и надежнѣйшій оплотъ ея отъ внѣшнихъ нападеній. «Не возможно долѣе обманываться и нѣтъ мѣста для сомнѣнія, что во всѣхъ частяхъ Франціи,

[1]) Ibid., стр. 193 - 203.

благодаря печати, рѣчамъ, проповѣдямъ, клубамъ, одинаково водворился духъ свободы. Каждый крестьянинъ имѣлъ случай убѣдиться, что, неся теперешніе налоги, онъ платитъ гораздо меньше, чѣмъ прежде подъ игомъ феодальнаго права и фискальныхъ вымогательствъ. Къ тому же всѣ зовутъ его свободнымъ, и одно это имя сообщаетъ ему ту же гордость, какую прежде давало возведеніе въ дворянское достоинство. Такимъ образомъ, иллюзія и дѣйствительность содѣйствуютъ, каждая въ неравной мѣрѣ, тому, чтобы сдѣлать его неустрашимымъ. Отъ Альпъ до Пиренеевъ, начиная съ банкировъ и торговцевъ и спускаясь до низшихъ слоевъ населенія, установилось повсюду въ массахъ въ теченіе одного какого-нибудь мѣсяца единство духа и общность стремленія къ поддержанію добытой свободы. Одного привело къ этому чванство, другого—зависть, третьяго—энтузіазмъ, четвертаго—интересъ. Собирая со всѣхъ сторонъ мнѣнія благоразумнѣйшихъ людей, я нахожу, что даже между умѣренными аристократами большинство думаетъ, что близкая къ завершенію конституція скорѣе падетъ рано или поздно благодаря собственнымъ недостаткамъ, нежели будетъ низвергнута внѣшней силой» [1])—Этой то-здоровой части населенія и сознанію той отвѣтственности, какую несутъ передъ нею ея уполномоченные, и надо приписать, что несмотря на интриги и коалиціи, несмотря на незначительность меньшинства, едва насчитывавшаго 40 человѣкъ, проектъ контръ-конституціи, задуманный Мирабо и проводимый нынѣ Малуэ и Барнавомъ, окончился полной неудачей, и конституція 91 года въ ея окончательномъ видѣ не только не уклонилась, но, наоборотъ, приблизилась къ тѣмъ началамъ народнаго суверенитета и равенства, какія провозглашены были декларацiей правъ.

Но какія причины повели къ неуспѣху тѣхъ комбинацій, которыми меньшинство правой въ союзѣ съ партіей тріумвирата надѣялось достигнуть усиленія исполнительной власти и упрочить перевѣсъ землевладѣльческихъ элементовъ устройствомъ пожизненнаго сената?

---

[1]) Депеша къ сенату отъ 1-го августа 91 года въ сдѣланномъ мною изданіи венеціанскихъ депешъ о французскій революціи.

Предоставимъ слово ближайшему виновнику всѣхъ этихъ интригъ—Малуэ. Пусть самъ онъ разскажетъ намъ причины своей неудачи. «8-го августа,—пишетъ онъ,—послѣ предварительнаго уговора съ главами коалиціи Барнавомъ и Шателье, приводя въ исполненіе напередъ условленный планъ дѣйствій, я взошелъ на трибуну. Рѣчь, произнесенная мною въ этотъ день и письма о конституціи, адресованныя комитету собранія, которыя я не замедлилъ напечатать, принадлежатъ къ числу тѣхъ моихъ сочиненій, которыя всего болѣе успокаиваютъ мою совѣсть. Въ теченіе четверти часа собраніе слушало меня въ глубокомъ молчаніи, съ такимъ вниманіемъ и интересомъ, что якобинцы обнаружили безпокойство.

Готье де-Біозо первый прервалъ меня, говоря: «Господа! да вѣдь то, что намъ предлагаютъ ни больше, ни меньше, какъ контръ-революція». Въ собраніи поднимается страшный шумъ, и Шапелье, боясь, по всей вѣроятности, прослыть моимъ соучастникомъ, требуетъ слова и предлагаетъ лишить меня его, такъ какъ я посягаю на самыя основы конституціи; слово отнято у меня и я принужденъ оставить трибуну. Когда впослѣдствіи я попрекнулъ Шапелье за его поведеніе, онъ отвѣтилъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Добровольное молчаніе, на которое обрекло себя монархическое меньшинство (правая), заставило большинство депутатовъ потерять всякую вѣру въ возможность примиренія и вызвало въ нихъ новыя опасенія по отношенію къ королю. Въ виду постояннаго роста нелѣпѣйшей эмиграціи, поддерживаемые и распространяемые аристокаратами слухи о ближайшей коалиціи державъ встрѣчали довѣріе якобинцевъ, умѣвшихъ извлечь изъ нихъ пользу и внушить ими народу чувство ужаса и жажду мести. Сторонники конституціи находились въ тягостномъ положеніи. Якобинцы всячески старались подорвать къ ней довѣріе; привязанность къ учрежденіямъ становилась предметомъ упрековъ, чѣмъ-то недостойнымъ. Нивеляторы обвиняли друзей конституціи въ дурныхъ намѣреніяхъ, въ аристократическихъ заговорахъ. Въ такихъ-то условіяхъ послѣдовали ея окончательное обсужденіе, моя рѣчь и отвѣтъ Шапелье».

По собственному сознанію Малуэ никогда еще въ національ-

номъ собраніи не заявляемо было такого полнаго и систематическаго протеста противъ всѣхъ основъ новаго государственнаго устройства во Франціи, какъ тотъ, какой заключало въ себѣ его слово и тѣ два письма къ членамъ конституціоннаго комитета, которыя онъ обнародовалъ вскорѣ затѣмъ.. Намъ необходимо познакомиться съ этими документами, какъ съ послѣднимъ выраженіемъ тѣхъ взглядовъ, къ торжеству которыхъ направлены были всѣ усилія сторонниковъ конституціонной монархіи по англійскому образцу.

Малуэ начинаетъ съ заявленія, что если бы конституція могла осуществить всѣ тѣ обѣщанія, какія она содержитъ въ себѣ, никто бы не былъ преданъ ей больше его самого, такъ какъ, за исключеніемъ добродѣтели, ничто такъ не дорого ему, какъ свобода и равенство. «Но когда я анализирую, — продолжаетъ онъ, — декларацію правъ и вызванныя ею послѣдствія, я нахожу въ ней источникъ пагубныхъ заблужденій для большинства людей, которые не должны имѣть другого представленія о суверенитетѣ, кромѣ того, что ему надо подчиняться, и другого представленія о равенствѣ, кромѣ того, какое даетъ единство закона. Природа не рождаетъ людей равными, а общество, воспитаніе, промышленность усиливаютъ и увеличиваютъ неравенство. Я нахожу поэтому, что простодушные и необразованные вовлекаются декларацiей въ печальное заблужденіе. И вы сами спѣшите отступить отъ нея, признавая и устанавливая неравенство правъ (избирательныхъ)... Вы постарались, возвращаясь къ тому, что существовало двадцать вѣковъ назадъ, приблизить народъ къ суверенитету. Вы постоянно порождаете въ немъ стремленіе къ самодержавію и въ то же время не надѣляете правомъ осуществлять его. Если бы вы ограничились заявленіемъ, что суверенитетъ въ народѣ, нельзя было бы не согласиться съ вами, но пришлось бы въ то же время поспѣшить съ делегаціей этого суверенитета, безъ чего онъ не осуществимъ. Но говоря, что суверенитетъ принадлежитъ народу и делигируя только отдѣльныя права его, вы высказываете принципъ и ложный, и опасный. Онъ ложенъ потому, что народъ въ полномъ составѣ, въ своихъ первичныхъ собраніяхъ, не можетъ даже схватить

смысла того, что вы признаете принадлежащимъ ему по праву. Вѣдь вы сами запретили ему всякое обсужденіе. Принципъ вашъ опасенъ, ибо трудно держать въ подчиненномъ положеніи подданнаго того, кому вы непрестанно твердите, что онъ—суверенъ. Въ разгарѣ страстей народъ захочетъ осуществленія самаго принципа и отброситъ тѣ выводы, какіе вы дѣлаете изъ него. Этого не было бы въ томъ случаѣ, если бъ, провозгласивъ суверенитетъ народа, вы передали осуществленіе его королю и законодательному собранію. Такова ваша первая ошибка, но за нею вы поспѣшили сдѣлать и другую. Вы объявили, слѣдуя Руссо, что законъ есть выраженіе общей воли. Но Руссо говоритъ также, что эта общая воля неотчуждаема и не допускаетъ представительства. Вы же установили представительный образъ правленія—единственный, который подобаетъ обширному государству. Ваши представители не связаны повелительнымъ мандатомъ, а первичныя собранія лишены вами права прямого обсужденія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что положеніе Руссо, справедливое въ его гипотезѣ, совершенно ложно въ вашей. Вы только вводите имъ въ заблужденіе народъ, заставляя его думать, что его воля—законъ, что онъ можетъ предписать ее, а это имѣетъ своимъ послѣдствіемъ существенное ослабленіе законодательной власти. Это даетъ возможность частнымъ волямъ при нѣкоторой смѣлости и дерзости подыматься до угрожающей высоты общей воли».

Въ организаціи властей, какъ она проведена конституціей, Малуэ не видитъ достаточной гарантіи естественныхъ и гражданскихъ правъ. «Человѣка, говоритъ онъ, влечетъ къ общему благу разумъ, и уклоняютъ отъ него страсти. Конституція обязана усилить слабѣйшій изъ этихъ импульсовъ—разумъ и ослабить страсти. Для этого ей необходимо пользоваться содѣйствіемъ тѣхъ, у кого издавна установившаяся привычка направляетъ волю въ сторону общаго блага. Но въ комъ, какъ не въ собственникахъ, нуждающихся всего болѣе въ порядкѣ и защитѣ, встрѣчается въ равной степени такое стремленіе? Наилучшая организація правительства поэтому та, въ которой собственники одни имѣютъ вліяніе (dans lequel les propriétaires seuls influent), ибо, имѣя съ несобственниками общіе интересы безопасности

и личной свободы, они сверхъ того склонны еще къ сохраненію имущественнаго строя.

«Они, разумѣется, не все общество, но они его стволъ и корень, призванный давать пищу вѣтвямъ и править ими. Только злоупотребляя абстрактнымъ принципомъ политической свободы, безъ всякой выгоды, а напротивъ ко вреду народа, можно распространить за предѣлы класса собственниковъ право прямого воздѣйствія на государственныя дѣла, ибо въ такомъ случаѣ сильнѣйшій изъ импульсовъ, приводящихъ людей въ дѣйствіе, импульсъ страстей, частныхъ интересовъ, пріобрѣтаетъ широкое вліяніе и, наоборотъ, тотъ, который ведетъ къ общему благу, поставленъ въ условія относительнаго неравенства и политическаго безсилія. Но недостаточно предоставленія законодательной власти избраннымъ народомъ собственникамъ, необходимо еще принять мѣры, устраняющія необдуманность и незрѣлость рѣшеній. Съ этой точки зрѣнія вотированіе законовъ единой камерой представляетъ гораздо меньшую гарантію, нежели послѣдовательное обсужденіе ихъ людьми, имѣющими, если не противоположные, то разные интересы и воззрѣнія. Я думаю поэтому, что устройство законодательнаго корпуса изъ одной палаты, при существованіи ценза въ марку серебромъ, не представляетъ собою достаточнаго обезпеченія для обѣщанныхъ французамъ естественныхъ и гражданскихъ правъ. Но можетъ быть эту гарантію мы найдемъ въ другой верховной власти,— въ королѣ?

«Нѣтъ! отвѣчаетъ Малуэ, ибо функція его не состоитъ, какъ вы думаете, исключительно въ одномъ направленіи исполнительной власти,—власти, зависимой отъ законодательства въ силу министерской отвѣтственности. Монархическая власть въ свободномъ государствѣ можетъ принесть пользу только тогда, когда она надѣлена самостоятельностью, позволяющею ей служить противовѣсомъ и останавливать узурпацію законодательнаго корпуса; а для этого необходимо надѣлить ее правомъ не только отказывать въ своей санкціи законамъ, но и отсрочивать и распускать собраніе, дѣйствія котораго клонились бы къ ниспроверженію основныхъ принциповъ конституціи. Но этихъ правъ вы не оставили за королемъ; не трудно доказать, что въ его рукахъ

нѣтъ ни одного средства къ защитѣ своей прерогативы и независимости. Законодательный корпусъ, благодаря постоянному надзору за административными совѣтами и праву обвиненія ихъ членовъ—дѣйствительный центръ всѣхъ властей. Расширяя, какъ ему вздумается, начало отвѣтственности и перенося въ свое вѣдѣніе или, вѣрнѣе, въ вѣдѣнье своихъ комитетовъ направленіе отдѣльными дѣйствіями администраціи, онъ можетъ овладѣть всѣмъ управленіемъ и не допустить вмѣшательства короля. Монархъ, такимъ образомъ, въ постоянной и весьма дѣйствительной зависимости отъ собранія, которое къ тому же присвоило себѣ значительную часть исполнительной власти, какъ-то: детальную организацію арміи и всѣхъ публичныхъ должностей, распредѣленіе почестей и наградъ, распоряженіе военной силой въ томъ случаѣ, когда резиденція короля совпадаетъ съ резиденціей собранія. Какая возможность найти въ такомъ распредѣленіи властей то равновѣсіе, къ которому вы, повидимому, стремились?» Малуэ критикуетъ также тѣ постановленія конституціи, которыя сосредоточиваютъ дѣятельную администрацію въ рукахъ коллективныхъ органовъ, перенося въ совѣты и директоріи департаментовъ дѣйствительную власть, тогда какъ за ними слѣдовало удержать только контроль за дѣятельностью назначаемыхъ королемъ агентовъ: «вы добровольно лишили себя той наилучшей организаціи управленія, которая ставитъ надзоръ рядомъ съ дѣятельностью, и провѣрку издержекъ вслѣдъ за ихъ производствомъ» [1]).

Малуэ нападаетъ и на тѣ статьи конституціи, которыя перечисляютъ случаи потери королемъ власти, говоря, что примѣра имъ не представляетъ ни одно государство въ Европѣ. Обращеніе всѣхъ активныхъ гражданъ въ милиціонеровъ кажется ему равносильнымъ обращенію націи въ постоянную армію, а это непримиримо съ безопасностью, порядкомъ и внутреннимъ спокойствіемъ. Опасность въ данномъ случаѣ еще возрастаетъ отъ того, что муниципальныя власти уполномочены, независимо отъ

1) Буквально: „vous vous êtes privés de la meilleure forme d'administration qui puisse exister, celle qui place la surveillance à coté de l'action, et l'inspection des dépenses à la suite de leur éxecution.

короля, прибѣгать къ содѣйствію вооруженной команды. Но какъ можетъ общественное спокойствіе, восклицаетъ Малуэ, быть поставлено въ зависимость отъ попустительства, слабости и страха избранныхъ народомъ чиновниковъ? Необходимо, прибавляетъ онъ, чтобы исполнительная власть подъ своею отвѣтственностью, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи, одна распоряжалась военною силою, одна имѣла право прибѣгнуть къ ней въ интересахъ общественной безопасности». На этомъ мѣстѣ рѣчь Малуэ была прервана, и онъ успѣлъ только заявить, что не намѣренъ своимъ голосомъ поддерживать конституціи, противной изложеннымъ имъ принципомъ [1]). Въ письмахъ къ конституціонному комитету Малуэ только подробнѣе развиваетъ тѣ же взгляды, доказывая, что конституція практически не примѣнима, что безъ разложенія общества немыслимо прямолейное осуществленіе принциповъ естественнаго права, какъ они изложены въ декларапціи; что сама эта декларація возможна лишь въ зарождающейся гражданственности, занимающей ограниченную территорію и только что произведшую раздѣлъ земель въ собственной средѣ [2]).

Въ депешѣ отъ 8 августа 91 года, Пизани увѣдомляетъ венеціанскій сенатъ о томъ, что давно ожидаемая работа комитета окончена, и великая хартія, носящая названіе французской конституціи,—сдѣлается на дняхъ общимъ достояніемъ. Отказываясь отъ личной оцѣнки, онъ передаетъ тѣ разнообразнѣйшіе толки, какіе она вызываетъ во Франціи. «Въ общемъ, пишетъ онъ, впечатлѣніе самое благопріятное. Принципы естественной справедливости, равенства, свободы, которые всегда, во всѣ столѣтія и повсюду питали и увлекали собою умъ толпы, до такой степени проникли въ текстъ конституціи и такъ украсили ее собою, что не могутъ не произвести сильнаго восторга въ чувствительныхъ душахъ и умахъ, мало склонныхъ къ критикѣ. Немногіе способны разсуждать о томъ,

---

[1]) Opinion sur l'acte constitutionnel commencée et interrompue dans la séance du lundi 8 août 91 г. (Mémoires de Malouet, томъ II, стр. 164—178).

[2]) Ibid., Lettres au comité de constitution, стр. 176 и слѣдующія.

въ какой степени эти принципы проведены въ организаціи самаго правительства, въ комбинаціи отдѣльныхъ его частей и взаимномъ подчиненіи различныхъ видовъ власти. Еще меньшее число французовъ способно принять въ разсчетъ характеръ націи, ея неудержимость и измѣнчивость, съ которыми должно бы было сообразоваться и политическое устройство. Этимъ объясняется, что большинство довольно конституціей, а недовольные руководствуются только тѣмъ соображеніемъ, что она наноситъ уронъ ихъ интересамъ. Тѣ же, которые видятъ внутренніе недостатки установленной ею организаціи, весьма немногочисленны. Да и сами они сознаются, что, каковы бы ни были ея пороки, все же лучше послѣ трехъ лѣтъ внутреннихъ конвульсій и безпорядковъ остановиться на какой-нибудь формѣ государственнаг устройствѣ,—формѣ, которую можно будетъ исправить со временемъ, нежели не имѣть никакого организованнаго правительства. Въ теченіе настоящей недѣли, прибавляетъ Пизани, конституція поступитъ на обсужденіе національнаго собранія, и всѣ на столько увѣрены въ томъ, что она пройдетъ безъ серьезной оппозиціи, что въ самый день начатія дебатовъ рѣшено снять запрещеніе немедленнаго созыва избирательныхъ собраній. 25 августа должны собраться снова избиратели каждаго департамента, а 5 сентября кончены будутъ всѣ выборы, и новые депутаты немедленно съѣдутся въ Парижъ и вступятъ въ отправленіе своихъ функцій. На очереди стоитъ вопросъ о томъ, какъ поступить, чтобы вернуть королю ту свободу и достоинство, безъ которыхъ признаніе имъ конституціи не можетъ имѣть даже внѣшняго вида свободнаго рѣшенія. По предложенію Лафайета, принятіе этихъ мѣръ предоставлено соединеннымъ комитетамъ. Самъ по себѣ вопросъ въ высшей степени затруднителенъ. Вполнѣ и истинно свободный король внушаетъ опасеніе новаго бѣгства или народнаго возстанія, вызваннаго одинаково въ столицѣ и въ провинціяхъ однимъ страхомъ такого поступка; не имѣющій же свободы король дѣлаетъ ничтожнымъ самый актъ признанія конституціи. Мало этого, если король приметъ конституцію всецѣло, въ народѣ, который и безъ того уже относится къ нему съ недовѣріемъ, это признаніе будетъ объяснено необходимостью подчиниться обстоя-

тельствамъ; съ другой стороны, если онъ представитъ возраженія и откажется отъ принятія, неизбѣжны новыя замѣшательства и новые безпорядки [1]). Переходя въ ближайшей депешѣ къ описанію самихъ преній, вызванныхъ обсужденіемъ текста конституціи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступилъ изъ комитета, Альмаро Пизани говоритъ о многихъ горячихъ дебатахъ. Первымъ на очередь поставленъ былъ вопросъ о квалификаціи, какую конституція даетъ королю, объявляя его представителемъ націи, а не просто первымъ должностнымъ лицомъ въ государствѣ, какъ это дѣлали дотолѣ декреты собранія. Перевѣсъ взяли тѣ, кто находилъ подобное обозначеніе болѣе согласнымъ съ достоинствомъ, силою и величіемъ націи и справедливо думалъ, что нельзя унизить короля до положенія высшаго чиновника. Горячія пренія возбудилъ затѣмъ вопросъ о размѣрѣ прямого обложенія, дающаго право быть избирателемъ, выборщикомъ и депутатомъ. Прежде было постановлено, что для послѣдняго необходимо платить ежегодно марку серебромъ. Нельзя сказать, чтобы подобное требованіе гарантировало фактъ сосредоточенія въ рукахъ депутата значительнаго состоянія. На самомъ дѣлѣ оно предполагаетъ всего навсего платежъ одновременно съ движимости и недвижимости 52 франковъ, которые въ свою очередь свидѣтельствуютъ о ежегодномъ доходѣ съ собственности или же съ аренды въ 250 франковъ и о наличномъ имуществѣ въ 8 или 10 тысячъ франковъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ отъ избирателей требовался платежъ прямой подати только въ размѣрѣ трехдневнаго заработка, что въ результатѣ повело бы къ составленію избирательныхъ собраній изъ лицъ почти неимущихъ, то многіе сочли бы большой для себя побѣдой, прибавляетъ Пизани, установленіе для выборщиковъ земельнаго ценза въ 40 «журно» (площадь, какую одинъ плугъ можетъ вспахать въ сорокъ дней). Они готовы были бы въ такомъ случаѣ отказаться отъ всякаго дополнительнаго ценза для депутата.

Это предложеніе, которое, говоритъ венеціанецъ, сводилось на дѣлѣ къ вопросу, будетъ ли депутатъ и выборщикъ пла-

---

1) Депеша отъ 8 авг. 91 года за № 55.

тить каждый десятью франками больше или меньше, настолько успокоило умы, что послѣ трехъ дней, потерянныхъ въ нескончаемыхъ препирательствахъ, отсрочено было рѣшеніе до момента, когда окончено будетъ обсужденіе всей конституціи. А между тѣмъ внутренняя и тайная вражда партій и вожаковъ между собою продолжается, недовѣріе растетъ и усиливается страхъ внутренняго разложенія и внѣшней войны. Правая, боясь умалить достоинство короля, еще раньше рѣшила отказаться отъ всякаго участія въ дебатахъ. Въ настоящее время разъединеніе проникло и въ лѣвую; республиканское меньшинство отдѣлилось отъ большинства умѣренныхъ демократовъ, благопріятныхъ монархіи. Это разъединеніе является отраженіемъ того, какое сказалось въ клубѣ якобинцевъ, часть котораго образовала изъ себя самостоятельный клубъ (фельяновъ), имѣетъ своихъ корреспондентовъ, обвиняетъ противниковъ въ жертвованіи свободой анархіи, получая въ замѣнъ упрекъ въ монархизмѣ и тайныхъ сношеніяхъ съ эмигрантами [1]). Вотъ уже двѣ недѣли, какъ партіи сохраняютъ выжидательное положеніе. Окончено разсмотрѣніе конституціи, пишетъ Пизани 22 августа, но собраніе оттягиваетъ со дня на день рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, по которымъ сказалось разногласіе. Всѣ его дѣйствія отличаются крайней медлительностью; такимъ образомъ, все отсрочивается моментъ представленія конституціи королю. А между тѣмъ слухъ идетъ, что за послѣднія двѣ недѣли Людовикъ XVI ежедневно цѣлые часы работаетъ въ своемъ кабинетѣ. Разнообразнѣйшія мнѣнія высказываются по вопросу о томъ, что составляетъ предметъ его письменныхъ упражненій. Одни думаютъ, что онъ излагаетъ свои соображенія на счетъ конституціи, другіе—что онъ сочиняетъ собственный текстъ учредительныхъ законовъ. Несомнѣнно пока только одно, и я имѣю на этотъ счетъ положительныя данныя: король въ прямой корреспонденціи съ иностранными государями, въ частности со своими ближайшими родственниками—испанскимъ королемъ и императоромъ. Въ какомъ направленіи происходитъ эта переписка, можно судить по тому, что испанскій посолъ

---

[1]) Депеша 15 авг. 91 года.

Фернандо Нуньецъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ испросилъ у своего двора отпускъ, по желанію короля отложилъ свой отъѣздъ и ждетъ изъ Мадрида разрѣшенія остаться [1]). Недѣлю спустя Альморо Пизани, увѣдомляя, что интересующій всѣхъ вопросъ о представленіи конституціи королю еще не рѣшенъ, и что собраніе старается выиграть время, внося въ конституцію дополнительныя статьи, переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ двухъ декретовъ, въ обсужденіи которыхъ прошла, по его мнѣнію, совершенно безплодно прошлая недѣля. Обоимъ суждено будетъ играть значительную роль въ эпоху законодательнаго собранія, когда партіи постараются избрать ихъ точкою отправленія, однѣ—для нападокъ на монархію, другія—для попытки оживленія упраздненнаго учредительнымъ собраніемъ дворянства. Не измѣняя собою общаго характера тѣхъ учрежденій, какими надѣлила Францію революція, они тѣмъ не менѣе должны быть упомянуты, такъ какъ имъ суждено было служить послѣднимъ яблокомъ раздора между партіями, сдѣлаться той мишенью, съ которой начата была атака монархической конституціи 91 года законодательнымъ собраніемъ. Первый имѣетъ въ виду надѣлить короля особымъ отрядомъ личныхъ тѣлохранителей, второй—опредѣлить права, которыми будутъ пользоваться принцы крови. Сверхъ почетной гвардіи, составленной изъ мѣстной милиціи, король получаетъ корпусъ тѣлохранителей, всецѣло отъ него зависящихъ. Издержки на содержаніе этого корпуса покрываются цивиль-листомъ. Личный составъ его не долженъ превышать 1800 человѣкъ; изъ нихъ двѣ трети составляетъ инфантерія, одну треть кавалерія. Долгіе и жаркіе споры, говоритъ Пизани, вызвали также вопросъ, слѣдуетъ ли признать право активнаго гражданства за принцами крови. Во время дебатовъ графъ Орлеанскій заявилъ съ трибуны, что скорѣе откажется отъ тѣхъ преимуществъ, какія даетъ ему рожденіе, нежели отъ права активнаго гражданства. Только на второй день послѣ открытія преній рѣшено было, что члены королевскаго дома будутъ имѣть право активнаго гражданства; но въ то же время они устранены отъ всѣхъ избирательныхъ дол-

---

[1]) Депеша 22 авг. 91.

жностей, муниципальныхъ и департаментскихъ администрацій, судебныхъ, епископскихъ постовъ и т. п. Другая статья, вызвавшая не меньше толковъ и споровъ, опредѣляла ихъ титулы. Послѣ долгихъ дебатовъ рѣшено было, что къ ихъ христіанскому имени будутъ присоединены всего на всего слова—французскій принцъ, такъ что титулы: король, наслѣдственный принцъ и французскій принцъ будутъ единственными наименованіями для лицъ королевской крови. На ряду съ этими декретами второстепенной важности собраніе рѣшило также такъ долго волновавшій его вопросъ объ избирательномъ цензѣ для депутатовъ. Оно высказалось по этому поводу въ полномъ соотвѣтствіи съ предложеніями конституціоннаго комитета. Депутатскій цензъ былъ отмѣненъ, и въ то же время постановлено, что выборщики должны имѣть въ городахъ собственность или пользованіе съ доходомъ, равнымъ двухсотдневному заработку, если населеніе города свыше 6000 душъ, и полуторастадневному, если оно ниже. Тотъ же цензъ признается достаточнымъ и въ селахъ. Наемъ квартиры въ городѣ, аренда и половничество въ деревнѣ, объявлены основаніемъ къ праву быть выборщикомъ. И въ городахъ свыше 6000 душъ квартирная плата должна равняться доходу 150 рабочихъ дней; въ остальныхъ достаточно заработка ста дней. Половничество и земельная аренда сообщаютъ тѣ же права въ томъ случаѣ, если цѣнность сданнаго половнику или фермеру имущества равняется доходу четырехсотъ рабочихъ дней. Что касается до простыхъ избирателей, то ихъ цензъ остается прежнимъ—платежъ прямого налога, равнаго доходу трехъ рабочихъ дней. Каждыя шесть лѣтъ законодательный корпусъ опредѣляетъ минимумъ и максимумъ деннаго заработка, въ предѣлахъ которыхъ департаментскія власти въ правѣ рѣшить, какой доходъ будетъ признаваемъ въ отдѣльныхъ округахъ выраженіемъ средней величины этого заработка. [1]) Отмѣной депутатскаго ценза въ марку серебромъ учредительное собраніе обязано агитаціи Робеспьера. Въ рѣчи, произнесенной имъ еще 20 ап-

[1]) См. текстъ конституціи 3 сент. 91 г., титулъ III, секція 2, параграфы: 1, 2 и 3.

рѣля въ клубѣ кордельеровъ и содержаніе которой изложено нами въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, Робеспьеръ, по словамъ его біографа Гамеля, представилъ полную теорію всеобщаго права голосованія. Общественное мнѣніе на столько считало его піонеромъ этой идеи, что въ адресѣ «неимущихъ друзей конституціи» просьба отмѣнить декретъ о маркѣ серебромъ обращаема была непосредственно на его имя. «Робеспьеръ, значилось въ немъ, Бога ради, добейся отмѣны мерзостнаго декрета о маркѣ!» [2]) Въ виду этихъ настойчивыхъ требованій «комитеты, конституціонный» и «пересмотра конституціи», сочли нужнымъ принять на себя иниціативу отмѣны депутатскаго ценза. Въ засѣданіи 11 августа Турэ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложеніе отъ ихъ имени. Но, отмѣняя марку серебромъ, онъ высказывался въ то же время заодно съ комитетами въ пользу установленія добавочного ценза для выборщиковъ. Этимъ цензомъ долженъ былъ служить платежъ прямого налога въ размѣрѣ, равномъ доходу сорока рабочихъ дней. Робеспьеръ возсталъ противъ этого предложенія. «Какое значеніе, сказалъ онъ, можетъ имѣть для насъ отмѣна феодальнаго дворянства, если взамѣнъ его вы создадите новое болѣе реальное, надѣленное исключительными политическими правами. И что мнѣ въ томъ, если, по вашему приказу, не будетъ больше ни титуловъ, ни гербовъ, разъ вы повелѣваете мнѣ оказывать довѣріе исключительно классу людей, вами вызванныхъ къ жизни!». Имѣя въ виду пристрастіе современниковъ къ примѣрамъ, заимствованнымъ изъ классической древности, Робеспьеръ ставитъ вопросъ, какое положеніе могъ бы занять во Франціи честный Аристидъ, который послѣ долгаго завѣдыванія финансами Аѳинъ не оставилъ достаточно средствъ для погребенія? «Очевидно, ему не было бы мѣста въ избирательныхъ собраніяхъ». Но на ряду съ Аристидомъ, этимъ классическимъ примѣромъ честнаго служенія народу, Робеспьеръ не можетъ не привести другого современнаго героя, также послужившаго на

---

[2]) Adresse de la Société des Indigens Amis de la constitution à Robespierre, député à l'Assemblée nationale. Смотри Les Oeuvres de Robespierre éditées par Laponneraye, т. I, стр. 181.

пользу народовластія, но только въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. «Слѣдуй мы принципамъ вашихъ комитетовъ, говоритъ онъ, мы невольно покраснѣли бы при мысли о постановкѣ нами статуи Руссо,—вѣдь онъ не платилъ марки серебромъ. Когда же вы научитесь, наконецъ, уважать достоинство человѣка въ каждомъ, кто не носитъ печати безчестія? Неправда, что надо быть богатымъ, чтобы дорожить своей родиной. Законъ долженъ оказывать защиту особенно слабымъ. Справедливо ли послѣ этого отымать у нихъ всякое участіе въ его созданіи?» Робеспьеръ заканчивалъ рѣчь требованіемъ надѣлить правомъ голоса всякаго гражданина, рожденнаго или поселившагося во Франціи, гражданина, не обезчещеннаго по суду. Онъ желалъ устранить всякое различіе между правомъ выбирать и быть выбраннымъ. [1]) Хотя предложеніе Робеспьера, послѣ новыхъ рѣчей Бомеца и Барнава, было отвергнуто и собраніе остановилось на мысли установить вышеупомянутый цензъ для выборщиковъ, но всеобщее право голосованія съ этого времени сдѣлалось общимъ требованіемъ всей радикальной партіи. Оно нашло себѣ признаніе однако не раньше, какъ годъ спустя, послѣ событій десятаго августа. Конституція 1793 года дала ему законную санкцію.

Если въ вопросѣ объ избирательномъ цензѣ Робеспьеръ явился проводникомъ новыхъ идей, къ торжеству которыхъ стремится современная парламентская демократія, то въ вопросѣ о призывѣ министровъ въ собраніе, вопросѣ, поднятомъ еще, какъ мы видѣли, Мирабо, онъ выступилъ одностороннимъ доктринеромъ и рабскимъ послѣдователемъ теоріи раздѣленія властей. Комитетъ «по пересмотру конституціи» предложилъ собранію въ серединѣ августа дать министрамъ совѣщательный голосъ во всѣхъ вопросахъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Гамель, взгляды котораго не идутъ далѣе воззрѣній его героя, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе, занятое имъ

---

[1]) Hamel приводитъ рѣчь Робеспьера въ той передачѣ, какую даютъ ей газеты Point du jour и Courrier de Provence. Она полнѣе той, какую мы находимъ въ Moniteur отъ 13 авг. 91 г. Сп. Hamel, том. I, стр. 538, 539.

при обсужденіи этого вопроса. «Предложеніе это, по мнѣнію Робеспьера, заключало въ себѣ глубокое нарушеніе принципа раздѣленія властей, серьезное посягательство исполнительной власти на власть законодательную; оно чревато было послѣдствіями. Развѣ министры, не говоря о вліяніи, какое даетъ краснорѣчіе, не могли оказать пагубнаго воздѣйствія съ помощью интригъ и подкупа, раздачи мѣстъ и всякаго рода милостей». Робеспьеръ желалъ поэтому отклонить пренія постановкой предварительнаго вопроса. Его предложеніе поддержано было Петіономъ и Ланжюинэ, но собраніе, послушное голосу Карла Ламета, высказалось въ смыслѣ комитета. Считая это рѣшеніе случайнымъ, Робеспьеръ въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ въ клубѣ якобинцевъ воззваніе къ членамъ лѣвой, предлагая имъ явиться на слѣдующій день въ собраніе и заявить протестъ противъ принятой статьи. Но воззваніе это, повидимому, не было услышано и право министровъ присутствовать на засѣданіяхъ законодательнаго корпуса и требовать въ нихъ слова было допущено конституціей.

Въ то время, какъ въ средѣ депутатовъ происходили эти дебаты, королевская семья продолжала оставаться въ прежнемъ заточеніи. О настроеніи, переживаемомъ ею въ теченіе августа, можно судить по письмамъ Маріи Антуанеты къ императору Леопольду и къ графу Мерси, а также и по частной корреспонденціи сестры короля Елизаветы съ графиней Бомбель и госпожей Решкуръ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой переписки; онѣ покажутъ намъ, въ какомъ душевномъ состояніи была принята королемъ конституція 91 года, и насколько можно считать искреннимъ его обязательство «хранить ее и слѣдовать ей». Въ донесеніи Мерси Аржанто императору Леопольду отъ іюля мѣсяца 91 года значится, что графу Ферзену, тому самому, который подготовилъ бѣгство въ Вареннъ, удалось получить прямыя извѣстія изъ Парижа о «дѣйствительныхъ видахъ» несчастныхъ монарховъ, объ установленномъ ими планѣ дѣйствій и о томъ, чего именно они ждутъ отъ своихъ друзей для улучшенія своей участи. «Послѣднее, говоритъ Мерси, сводится къ тому, чтобы дружественныя и союзныя съ Франціей державы на конгрессѣ приняли мѣры, способныя водворить поря-

докъ въ государствѣ и упрочить въ немъ королевскую власть. Чтобы обезпечить успѣхъ своимъ переговорамъ съ вожаками партіи необходимо имѣть подъ рукой внушительную военную силу. Слѣдовало бы держать ее на такомъ разстояніи отъ границы, чтобы навести подобающій страхъ на французскую демократію, не побуждая ее въ то же время къ преступленіямъ и убійствамъ [1]). Съ большимъ интересомъ слѣдила королевская семья изъ своего заточенія за тѣмъ оборотомъ, какой принимали событія съ момента подавленія республиканскаго движенія, проявившагося на Марсовомъ полѣ. Въ письмахъ къ госпожамъ Решкуръ и Бомбель Елизавета упоминаетъ о прекрасномъ настроеніи національной гвардіи, которая стоитъ за строгое исполненіе закона и желаетъ всячески избавиться отъ тѣхъ «гезовъ» («gueux»), которые въ настоящее время даютъ тонъ всему [2]). Со времени марсова побоища возстановлено спокойствіе и армія санкюлатовъ въ полномъ пораженіи. Тайнымъ шрифтомъ Елизавета приписываетъ: поведеніе графа Артуа заслуживаетъ довѣрія всѣхъ его родственниковъ. Она высказываетъ надежду, что иностранныя державы поддадутся его настояніямъ и помощь придетъ такимъ образомъ извнѣ. Если король подпишетъ конституціонную хартію, не разстроены ли будутъ этимъ планы иностранныхъ государей? «Я отъ души желаю, чтобы онъ заговорилъ подобающимъ ему языкомъ. Но откровенно говоря, я боюсь наступленія той минуты, когда королю придется дѣйствовать. У насъ нѣтъ ни одного человѣка съ головою, на котораго можно было бы положиться. Ты поймешь, къ чему это можетъ повести. Я трепещу при одной мысли объ этомъ. Остается только поднять руки къ небу, ожидая его милости» [3]). Нѣсколькими днями позже Елизавета высказываетъ большія надежды на благопріятный исходъ переживаемыхъ королевской семьей затрудненій. Предвидя возможность вскрытія письма по дорогѣ, она выражается крайне туманно и образами: «къ счастью эпидемическая болѣзнь, отъ

---

1) Feuillet de Conches, томъ II, стр. 170.
2) Письмо отъ 18 іюля 91. Ibid., стр. 172.
3) Ibid., т. III, письмо 28 іюля 1891 г., стр. 417.

которой страдаетъ онъ и всѣ его собратья, затягивается. Но говорятъ: у кого есть время, тотъ не потерялъ еще надежды на жизнь» [1]). Между тѣмъ королевская семья ищетъ совѣта и помощи отовсюду. 5 августа 1791 года графъ Ламаркъ въ письмѣ къ Мерси Аржанто увѣдомляетъ его, что королева уполномочила Пеленка, бывшаго секретаря Мирабо, составить письменный проектъ того поведенія, какого долженъ держаться король въ настоящихъ условіяхъ [2]). Одновременно Моррисъ по собственной инниціативѣ составилъ проектъ довольно энергической рѣчи, какую король долженъ былъ держать по случаю пріема имъ конституціи. Къ сожалѣнію, эта рѣчь не включена имъ въ его мемуары, но легко догадаться, каково было ея содержаніе, по слѣдующему заявленію, сдѣланному имъ при прочтеніи текста конституціи: «Американскій секретарь Шортъ спрашиваетъ меня сегодня, что я думаю о конституціи? отвѣчаю ему: она смѣхотворна» [3]).

На ряду съ Моррисомъ и Бöркъ принялъ на себя роль добровольнаго совѣтника французскаго престола. Чрезъ посредство Мерси Аржанто онъ направилъ королевѣ письменный мемуаръ, смыслъ котораго сводится къ категорическому отказу принять конституцію. «Съ того самаго момента, когда начались безпорядки, пишетъ онъ королевѣ, ваше поведеніе привлекло къ вамъ восторженное вниманіе всей Европы. Но одинъ неосторожный шагъ можетъ сдѣлаться причиной того, что скорбь и позоръ составятъ дальнѣйшій удѣлъ вашей семьи». Именемъ Бога Бöркъ заклинаетъ королеву не имѣть ничего общаго съ измѣнниками, не слушаться ихъ тайныхъ навѣтовъ, направленныхъ къ тому, чтобы погубить друзей короля и монархіи и вручить всю власть надъ націей въ руки ея злѣйшихъ враговъ. Виновники того общаго бѣдствія, какимъ въ глазахъ Бöрка является французская революція, не могутъ искренно желать, чтобы власть короля и націи были возстановлены. «Если бы таково и было ихъ дѣйствительное стремленіе, не отъ нихъ за-

1) Ibid., т. II, письмо 27 іюля 1891 г., стр. 176.
2) Ibid., т. II, стр. 203.
3) Diary and letters, стр. 440.

виситъ сообщить своимъ обязательствамъ прочность и устойчивость. Они располагаютъ достаточнымъ кредитомъ, чтобы вредить вамъ, и никакимъ, чтобы быть вамъ полезными. Если король приметъ конституцію, вы оба погибли безвозвратно. Его именемъ будутъ пользоваться, чтобы проводить преступныя намѣренія. Интриганы могутъ сказать вамъ, что люди подобны другъ другу, что Барнавъ, Ламеты, Шапелье, Лафайетъ стоятъ другихъ, и что ничто не мѣшаетъ воспользоваться ими. Но помните, что минута, когда вы вступите съ ними въ переговоры, будетъ моментомъ потери вами всякаго вліянія и кредита. Ваша настоящая роль весьма проста; вамъ нужна не ловкость, а твердость; она одна можетъ спасти васъ» [1]). Къ этимъ совѣтамъ Мерси Аржанто присоединяетъ свои собственные, нѣсколько иного рода. — «Мысль Бёрка, говоритъ онъ, справедлива въ принципѣ, но она опасна на дѣлѣ. Иноземная помощь сведется на ничто, если Англія не раздѣлитъ риска съ другими державами. Ея нейтралитета недостаточно, а между тѣмъ трудно думать, что она пожелаетъ отказаться отъ него. Мой совѣтъ поэтому — не спѣшить, и направить всю свою твердость на то, чтобы выиграть время» [2]). Къ тому же приблизительно сводятся и совѣты императора Леопольда. Заявляя въ письмѣ къ Маріи-Антуанеттѣ, что дѣло христіаннѣйшаго короля—дѣло всѣхъ королей, мудрый монархъ спѣшитъ прибавить: «меня радуетъ извѣстіе, что предводители большинства высказываютъ намѣренія, осуществленіе которыхъ въ главныхъ чертахъ составляетъ мое искреннѣйшее желаніе. Но чтобы французская конституція могла считаться выраженіемъ воли короля, необходимо, чтобы ему была предоставлена полная свобода принять ее». Предвидя возможность обнародованія его посланія, Императоръ старается высказать въ немъ мысли, усвоеніе которыхъ послужило бы къ упроченію королевскаго авторитета. «Обширное государство, какъ Франція, не можетъ управляться по подобію мелкихъ республикъ. Это изолировало бы ее

---

1) Réflexions de M. Burke, pour être envoyées à la renne de France. Feuillet de Conches, т. II, стр. 244.

2) Ibid , стр. 243.

въ Европѣ. Необходимо, чтобы конституція обезпечила вліяніе землевладѣльческихъ классовъ въ управленіи, въ приведеніи законовъ въ исполненіе, и установила бы такую систему организаціи и подчиненія властей, которая бы обезпечивала общественное спокойствіе. Таковы будутъ надежнѣйшіе признаки истинно легальной конституціи. Король не можетъ быть лишенъ авторитета съ помощью противорѣчивыхъ или не допускающихъ примѣненія законовъ. Онъ не можетъ оставаться плѣнникомъ среди собственнаго двора, игралищемъ партій и жертвою всѣхъ эксцессовъ нетерпящей подчиненія черни. [1]) «Но что думала о принятіи или непринятіи конституціи сама Марія-Антуанетта? Отвѣтъ на это даетъ намъ ея письмо къ Мерси Аржанто: «мы накануне того момента, пишетъ она 16 августа, когда, наконецъ, представлена будетъ на наше утвержденіе конституція. Сама по себѣ она такъ чудовищна, что нельзя допустить, чтобы она долго продержалась. Но можемъ ли мы рисковать отказомъ въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся. Нѣтъ»... Если бы король вздумалъ представить замѣчанія или требованіе измѣненій, это доказало бы, что въ общемъ онъ одобряетъ новый порядокъ вещей, но этого именно и не желаетъ королева, которая хочетъ сохранить за своимъ мужемъ возможность въ удобный моментъ признать свои обязательства недѣйствительными и свое согласіе несвободнымъ. «Наша прямая задача усыпить ихъ, внушить имъ довѣріе къ намъ, чтобы лучше отразить всѣ ихъ козни» [2]). Тайный корреспондентъ польскаго двора, передавая о толкахъ, ходящихъ по городу, приписываетъ королевской семьѣ двѣ недѣли спустя слѣдующіе виды. «Въ настоящую минуту, когда конституціонный актъ долженъ поступить на разсмотрѣніе короля, увѣряютъ, что разоблачено нѣсколько проектовъ. Первый состоитъ въ слѣдующемъ: король приметъ конституцію, представивши предварительно возраженія противъ декрета, запрещающаго ему выбирать министровъ изъ среды собранія. Думаютъ, что на счетъ этого возраженія состоялся уго-

---

[1]) Ibid., стр. 219.

[2]) Il ne s'agit pour nous que de les endormir et de leur donner confiance en nous pour les mieux déjouer après. (Ibid., т. II, стр. 221 и 228).

воръ съ главными членами конституціоннаго комитета, которые всѣ мѣтятъ въ министровъ. Другой проектъ менѣе извѣстный и болѣе опасный, состоитъ въ томъ, что король предложитъ депутатамъ подписать конституцію. Думаютъ, что въ этомъ случаѣ правая, и не только она, но и партія коалиціи, откажутъ въ своей подписи, и конституція окажется такимъ образомъ дѣломъ меньшинства. Съ этимъ проектомъ ставятъ въ связь и другой, хранимый еще въ большемъ секретѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что король, пользуясь своей свободой, удалится въ Брюссель для независимаго обсужденія тамъ представленнаго ему акта. Говорятъ, что ему наняли уже квартиру въ этомъ городѣ. Надѣются, что въ этомъ случаѣ къ королю присоединится вскорѣ и большинство національнаго собранія, т. е. аристократы и партія коалиціи». Но сообщая всѣ эти роскозни, важныя для характеристики того общаго недовѣрія и тѣхъ опасеній, какія вызывало наступленіе рѣшающаго момента для судебъ новаго порядка во Франціи, цитируемый нами авторъ говоритъ: «есть основаніе думать, что король приметъ конституцію въ 24 часа со времени ея представленія и не покидая Парижа. Таково по крайней мѣрѣ обѣщаніе, сдѣланное имъ тѣмъ, кто всего болѣе отстаивалъ его интересы въ національномъ собраніи». [1]) Съ какимъ опасеніемъ слѣдили за исходомъ событій готовыя къ коалиціи державы и подстрекавшіе ихъ на смѣлый шагъ эмигранты, можно судить по тому, что личное свиданіе императора и прусскаго короля въ Пильницѣ было устроено какъ разъ въ то время, когда конституція должна была поступить на утвержденіе Людовика XVI. Правда, переговоры въ Пильницѣ далеко не носили того угрожающаго характера для внутренняго спокойствія Франціи, какой старались придать имъ эмигранты. [2]) Но уже то обстоятельство, что результатомъ этого свиданія было изданіе деклараціи съ обращеніемъ къ королю Франціи, въ глазахъ эмиграціи должно было содѣйствовать принятію Людовикомъ XVI смѣлаго рѣшенія — отказать въ утвержденіи кон-

---

[1]) Письмо изъ Парижа 2 сент. 91 г., de Lescure, томъ II, стр. 545.

[2]) См., что говоритъ объ этомъ Сорель во II томѣ его, «Европа въ эпоху французской революціи, стр. 231 и слѣдующія.

ституціи. Если бы, пишетъ по этому случаю Водрэль графу д'Антрегу, у короля и не хватило духа, Пильницкая декларація все же принесетъ ему существенную пользу, такъ какъ монархи объявляютъ въ ней, что согласіе на конституцію можетъ быть исторгнуто у Людовика XVI только силой и само по себѣ недѣйствительно. [1]) Сорель, высказываясь въ томъ же направленіи, что и Зибель, какъ нельзя лучше оттѣняетъ желаніе того, кого во Франціи считали душою коалиціи, я разумѣю императора Леопольда, не вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны и дать Людовику XVI возможность спасти жизнь и престолъ личнымъ соглашеніемъ съ вожаками революціи. «Марія-Антуанетта, пишетъ онъ, пользуясь изданной Арнетомъ перепиской королевы съ графомъ Мерси, чрезъ посредство французскаго посла Ноаля, вручила императору письмо, въ которомъ объявляла, что все измѣнилось къ лучшему во Франціи, что конституція должна быть представлена королю и что, давши на нее свое согласіе, онъ обезпечитъ себѣ свободу и возможность итти рука объ руку съ большинствомъ собранія». Это то самое письмо, текстъ котораго приведенъ нами выше. Оно, какъ мы сказали, составлено было подъ непосредственнымъ вліяніемъ Барнава и доказываетъ тѣсное единеніе двора съ партіей коалиціи. Одновременно, пишетъ Сорель, королева предупреждала Мерси, что не слѣдуетъ придавать значенія ея письму или вѣрить хотя бы единому слову въ немъ; что это ея ловушка, цѣль которой усыпить тюремщиковъ; что истинныя ея намѣренія остаются прежними и что, ожидая отъ короля отвѣта, успокаивающаго собраніе (этотъ отвѣтъ приведенъ нами выше), она въ то же время надѣется, что императоръ продолжитъ начатые имъ переговоры въ интересахъ вмѣшательства во французскія дѣла (письмо отъ 31 іюля и 1 августа 91 года). Леопольдъ, какъ значится въ журналѣ Ферзена, ни на минуту не усомнился въ дѣйствительныхъ желаніяхъ сестры. Онъ только нашелъ удобнымъ сдѣлать видъ, что заблуждается на счетъ смысла ея писемъ. Онъ увидѣлъ въ этомъ вылазку изъ затрудненія и воспользовался ею.

---

[1]) Correspondance intime du Comte de Vaudreuil et du Comte d'Artois (томъ II, стр. 25) par Leonce Pincaud.

Онъ постарался убѣдить себя, что при содѣйствіи времени и съ нѣкоторою ловкостью Людовикъ XVI не только спасетъ свою жизнь, но и внѣшнія аттрибуты власти. Большаго онъ не желалъ для своего зятя. Можно даже утверждать, что ни одна развязка наступившаго кризиса не отвѣчала въ большей степени его политикѣ; онь боялся только покушенія на жизнь членовъ королевской семьи. Леопольдъ готовъ былъ помириться съ Франціей, доведенной до политическаго ничтожества Польши. Такой исходъ вполнѣ входилъ въ виды австрійской дипломатіи, и доказательство этому Сорель находитъ въ депешѣ австрійскаго министра Кауница къ прусскому совѣтнику Кобенцелю, отъ 8 іюля 91 года. [1]) Послѣдствіемъ этого было то, что Леопольдъ не только продолжалъ давать въ письмахъ къ сестрѣ благіе совѣты на счетъ необходимости соглашенія, но и постарался обратить, по справедливому замѣчанію Маллэ дю-Пана, Пильницкую декларацію въ августѣйшую комедію [2]). Тогда какъ эмигрировавшіе изъ Франціи принцы крови заявляли, что въ случаѣ Людовикъ XVI силою принужденъ будетъ подписать конституцію, «которую сердце его отвергаетъ, а долгъ короля запрещаетъ принять», всѣ государи Европы готовы будутъ протестовать въ самой торжественной формѣ противъ этого акта, «по существу своему ничтожнаго». Пильницкій манифестъ своими оговорками, приводившими въ восторгъ Кауница и успокоивавшими Леопольда, оговорками, въ которыхъ выраженія — «тогда и въ этомъ случаѣ» — избавляли отъ необходимости немедленнаго дѣйствія, являлся скорѣе выраженіемъ общаго недовольства, испытываемаго монархической Европой при видѣ торжества революціи, нежели угрозой фактическаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи. [3]) Сущность его сводилась къ заявленію, что возстановленіе порядка и королевской власти имѣетъ большое значеніе для всѣхъ европейскихъ правительствъ. Прусскій король и австрійскій императоръ говорили о своей готовности призвать всѣ европейскіе дворы къ коопераціи въ этомъ дѣлѣ. Если ихъ попытки ока-

[1]) См. Sorel, L'Europe et la révolution française, томъ II., стр. 243.
[2]) Mallet du Pan. Mémoires et correspondances, стр. 254, т. I.
[3]) См. Sorel, стр. 263.

жутся удачными, тогда и въ этомъ случаѣ они приступятъ къ активному вмѣшательству. «Тогда и въ этомъ случаѣ, писалъ Леопольдъ Кауницу, для меня законъ и пророки. Если Англія не пойдетъ съ нами заодно, случая не существуетъ» [1]).

Въ то время, какъ прошенные и непрошенные совѣтники смущали совѣсть Людовика XVI, ставя ему на видъ, что пріемъ конституціи равнозначителенъ будетъ съ его стороны измѣнѣ долгу и основнымъ обязанностямъ короля, самъ онъ, по словамъ Малуэ, тайнымъ образомъ совѣщался съ депутатами различныхъ партій, обходя однако якобинцевъ. Король старался сообразовать свое поведеніе съ обстоятельствами и той высшей цѣлью внутренняго замиренія, которую, повидимому, съ этого времени и до самаго заточенія въ Темпль постоянно имѣла въ виду его личная политика. Аббатъ Мори и Казалесъ со свойственнымъ имъ краснорѣчіемъ, говоритъ Малуэ, представили королю вѣскія основанія противъ утвержденія имъ конституціи. Всѣ ихъ возраженія были безспорны, но не отвѣчали ни обстоятельствамъ, ни характеру монарха. Съ другой стороны,—партія, благопріятная конституціи, въ лицѣ Лафайета, Ламета, Барнава, Дюпора, Турэ, подавала голосъ въ пользу безусловнаго ея принятія. «Что касается до меня самого, прибавляетъ Малуэ, я доводилъ до свѣдѣнія короля, что въ моихъ глазахъ конституція выражала общую волю собранія и націи, и что Его Величество найдетъ болѣе неудобнымъ отвергнуть ее, нежели принять. Въ то же время я совѣтовалъ ему заявить, что, обязуясь выполнить конституцію, насколько это будетъ въ его силахъ, онъ считаетъ нужнымъ призвать вниманіе теперешняго и будущаго законодательнаго корпуса на ея несовершенства. Между людьми мыслящими, прибавляетъ Малуэ, я нашелъ столько же критиковъ, сколько и защитниковъ моего взгляда. Король склонялся къ нему, но находясь всецѣло въ рукахъ конституціоналистовъ, онъ въ концѣ концовъ подчинился ихъ волѣ [2])».

---

1) Siebel, Histoire de l'Europe pendant la révolution française, стр. 311, томъ I.

2) Мемуары Малуэ, стр. 160 и 161, томъ II.

Прежде, чѣмъ предоставить королю утвержденіе созданнаго революціей новаго порядка, вожаки національнаго собранія остановились на мысли—упрочить его продолжительность запрещеніемъ будущимъ совѣтамъ націи вносить ранѣе опредѣленнаго срока какія бы то ни было измѣненія въ текстъ учредительныхъ законовъ. Бросая взглядъ на прошлое, видя, съ какою быстротою пала во Франціи двѣнадцати вѣковая монархія, національное собраніе, говоритъ Альморо Пизани [1]), не могло не прійти къ тому заключенію, что съ равной и еще съ большей легкостью падетъ новая конституція при первомъ торжествѣ враждебной ей партіи. Чтобы предупредить такой исходъ, представленъ былъ рядъ проектовъ, высказано было множество разнообразнѣйшихъ политическихъ принциповъ. Но многіе изъ нихъ разлетѣлись какъ прахъ, при сопоставленіи ихъ съ великой аксіомой, положенной въ основу конституціи,—аксіомой, гласящей, что суверенитетъ принадлежитъ націи, что онъ неотчуждаемъ, и что право измѣнять и реформировать правительство никогда не можетъ быть потеряно ею. Въ виду этого, послѣ трехдневнаго обсужденія рѣшено было принять слѣдующій декретъ. «Національное собраніе объявляетъ, что народъ имѣетъ неотчуждаемое право измѣнять свою конституцію. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что интересъ націи требуетъ чтобы измѣненія производились съ помощью тѣхъ средствъ, какія предоставлены самой конституціей, и касались только тѣхъ статей, неудобства которыхъ раскрыты будутъ опытомъ, собраніе постановляетъ, что измѣненія могутъ быть сдѣланы только спеціально созванным для ревизіи представительствомъ и при томъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Пересмотръ возможенъ тогда, когда три ряда слѣдующихъ другъ за другомъ собраній выразятъ желаніе измѣнить текстъ той или другой статьи. Ближайшее собраніе совершенно лишается такого права. Изъ слѣдующихъ затѣмъ первыя два могутъ заняться ревизіей только въ послѣднюю сессію, а третье—въ концѣ первой или началѣ второй. Пренія по этому вопросу подчиняются тѣмъ же правиламъ, что и прочіе дебаты, но принятыя собраніемъ рѣшенія не подлежатъ санкціи короля. Че-

[1]) Депеша 5 сентября 91 года.

твертое по времени собраніе можетъ начать ревизію конституціи, но для этого оно должно быть предварительно увеличено въ своемъ составѣ присоединеніемъ 249 дополнительныхъ депутатовъ отъ департаментовъ. Собраніе, призванное для ревизіи, не должно считать въ своихъ рядахъ депутатовъ предшествовавшаго. Добавочные члены составляютъ съ обыкновенными единую камеру. Они должны покинуть собраніе немедленно послѣ исполненія ими той задачи, для которой они призваны, т. е., реформы отдѣльныхъ статей конституціи [1]). Предложеніе восполнить конституцію постановленіями о порядкѣ ея измѣненія исходило отъ друга и единомышленника Мирабо, Фрошо. Робеспьеръ желалъ связать съ этимъ право ревизіоннаго собранія нарядить слѣдствіе о томъ, не приступило ли законодательное своихъ полномочій. Это предложеніе не нашло поддержки, и устройство національнаго конвента декретировано было въ приведенной выше формѣ и съ упомянутыми нами полномочіями.

Въ засѣданіи 1 сентября послѣ двухъ часового чтенія окончательнаго текста Бомецъ предложилъ проектъ декрета, состоящаго изъ слѣдующихъ трехъ статей: 1) собраніе должно назначить депутацію изъ 60 человѣкъ для представленія конституціи королю. 2) Король долженъ сообщить, какія мѣры онъ считаетъ желательными въ интересахъ своей безопасности и для обезпеченія своего достоинства и свободы. 3) Если король удовлетворитъ желанію французовъ и согласится утвердить конституцію, онъ самъ долженъ назначить день и опредѣлить порядокъ, въ какомъ принято будетъ имъ торжественное обязательство соблюдать ее. При обсужденіи этихъ предложеній Робеспьеръ не преминулъ подчеркнуть, какое представленіе руководимая имъ радикальная партія имѣетъ о дѣйствительномъ характерѣ конституціи въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ окончательной редакціи комитетовъ и собранія. «Обезпечьте намъ,—сказалъ онъ,—мирное пользованіе хотя бы тѣми обломками, какіе конституція оставила отъ нашихъ прежнихъ дѣ-

---

1) См. текстъ конституціи 3 сентября 91 г. титулъ 7. (Faustin Hélie. Les constitutions de la France, стр. 293).

кретовъ». Предвидя возможность новыхъ измѣненій согласно предложеніямъ короля, онъ объявилъ, что въ этомъ случаѣ французамъ не останется другого исхода, какъ «принять цѣпи или оружіе». Замѣчая, что Дюпоръ угрожаетъ ему взглядомъ и жестами и собирается взойти на трибуну, Робеспьеръ замѣтилъ президенту: «скажите господину Дюпору, чтобы онъ пересталъ оскорблять меня, если хочетъ остаться со мной рядомъ»; вслѣдъ за тѣмъ, переходя самъ къ нападенію, Робеспьеръ сказалъ, что въ собраніи не останется человѣка, достаточно низкаго, чтобы допустить возможность новыхъ уступокъ въ пользу двора. «Я предлагаю, чтобы каждый изъ насъ поклялся, что не дозволитъ никакихъ сдѣлокъ съ исполнительною властью касательно тѣхъ или другихъ постановленій конституціи, подъ страхомъ обвиненія въ измѣнѣ родинѣ!» [1]) Послѣ этого трудно было, разумѣется, королю, даже при содѣйствіи коалиціи, разсчитывать на возможность какихъ бы то ни было перемѣнъ въ представленномъ ему законопроектѣ. Хотя предложеніе Робеспьера и не облечено было въ форму декрета, но аплодисменты, какими оно было встрѣчено и которые сопровождали оратора и при появленіи его въ тотъ же вечеръ въ клубѣ якобинцевъ, не оставляли сомнѣнія, что общественное мнѣніе Франціи отнесется весьма несочувственно ко всякимъ новымъ попыткамъ «контръ-конституціи».

Заблаговременно увѣдомленный о прибытіи назначенной президентомъ депутаціи, Людовикъ XVI принялъ ее въ торжественномъ засѣданіи, окруженный министрами и придворными. Альморо Пизани даетъ намъ слѣдующее описаніе самаго порядка, въ какомъ конституція была представлена королю. Депутація направилась во дворецъ поздно вечеромъ при свѣтѣ факеловъ, предшествуемая корпусомъ кавалеріи и сопровождаемая національною гвардіей, пѣшею и конною. Во главѣ ея шелъ Лафайетъ, окруженный генеральнымъ штабомъ парижской гвардіи. Безчисленныя толпы народа покрывали всѣ улицы и площадь, ведущую къ Тюльери. Толпа хранила глубокое молчаніе. Король принялъ депутацію стоя въ залѣ совѣта [2]). Говоря отъ

[1]) Hamel, Historie de Robespierre. Томъ I, стр. 548 и 549.

[2]) Депеша отъ 5 сентября 91 года.

имени ея, Террэ сказалъ: «Депутаты націи предъявляютъ вашему величеству къ принятію французскую конституцію, освящающую неотчуждаемыя права народа, упрочивающую достоинство престола и возрождающую правительство и имперію». Король, принявши, какъ говоритъ Пизани, бывшій очевидцемъ этой сцены, довольный и даже веселый видъ, прочелъ слѣдующій отвѣтъ: «Я разсмотрю конституцію, которую національное собраніе уполномочило васъ представить мнѣ, и извѣщу его о моемъ рѣшеніи возможно скоро, насколько позволитъ мнѣ трудность вопросовъ такой глубокой важности. Я намѣренъ остаться въ столицѣ и дамъ начальствующему надъ парижскимъ гарнизономъ приказы, нужные для моей охраны». Прочитавъ этотъ отвѣтъ, король передалъ текстъ его собственноручно Турэ, и депутація удалилась въ прежнемъ порядкѣ. Пизани прибавляетъ, что во дворцѣ возстановленъ тотъ же церемоніалъ, что и до 24 іюня, дня бѣгства короля въ Вареннъ; утромъ послѣдовало королевское levée или пріемъ по выходѣ изъ постели; всѣ присутствовавшіе на немъ не замѣтили въ Людовикѣ XVI и Маріи Антуанеттѣ никакой перемѣны, или точнѣе, «нашли короля довольнымъ и въ веселомъ настроеніи духа, а королеву—сохраняющей обычное достоинство, любезность и обходительность».

Характеризуя общее настроеніе народа, Пизани говоритъ о рѣдкомъ терпѣніи, съ какимъ нація переноситъ потерю 20% на промѣнѣ бумажныхъ денегъ, рѣдкость не только золота и серебра, но даже мѣдной монеты. Повсюду рынки стѣснены недостаткомъ мелкаго чекана, крестьяне не находятъ покупателей, и ихъ продукты портятся и пропадаютъ. И все же, какъ это ни странно, несмотря на общія сѣтованія, всѣ вѣрятъ, что зло преходящее и что прелестная, святая конституція и свобода стоятъ того, чтобы перенесть безропотно всѣ эти разорительныя и тягостныя невзгоды. Такъ выражаются крестьяне и горожане по деревнямъ и базарамъ, а парижане на рынкахъ и въ лавкахъ, такъ думаютъ всѣ, даже женщины. Фанатизмъ доходитъ до крайности. Надежды, высказываемыя чернью, не имѣютъ границъ и, повидимому, несокрушимы. Хорошо, если ожиданія увѣнчаются успѣхомъ, иначе новое разочарованіе неми-

нуемо поведетъ къ новому взрыву народной ярости [1]). Присоединяя къ ближайшей депешѣ отъ 12 сентября текстъ самой конституціи, Пизани говоритъ о разнообразіи мнѣній, высказываемыхъ на ея счетъ, благодаря различіямъ партій. Одни, говоритъ онъ, находятъ, что ею разрушенъ королевскій авторитетъ, и видятъ доказательство этому въ преобладаніи законодательнаго корпуса и постоянномъ противодѣйствіи, какое департаменты могутъ оказать требованіямъ хорошаго управленія, другіе, наоборотъ, думаютъ, что конституціей открытъ доступъ къ установленію со временемъ неограниченнаго деспотизма, такъ какъ ниспровергнуты всѣ барьеры, служащіе къ умѣренію власти, благодаря отмѣнѣ всѣхъ промежуточныхъ стадій, а именно высшаго духовенства и дворянства. Такъ какъ король поставленъ лицомъ къ лицу съ народомъ, то думаютъ, что въ скоромъ времени власть попемѣнно станетъ переходить изъ рукъ мятежной черни въ руки абсолютнаго деспота. Опытъ, прибавляетъ отъ себя Пизани, доказалъ уже, что всякій, кто придерживался опредѣленной и неизмѣнной системы, всегда успѣвалъ подчинить себѣ толпу. Наконецъ, есть и такіе, которые находятъ все прекраснымъ въ новой конституціи, и такіе, которые, наоборотъ, считаютъ, что все въ ней никуда не годится. Пока происходятъ всѣ эти толки, конституція продолжаетъ лежать на столѣ Его Величества.

Прошло уже десять дней со времени ея представленія, и никто не знаетъ еще навѣрно того числа, когда король явится въ собраніе заявить о ея принятіи. Никто не сомнѣвается однако, что онъ утвердитъ ее, и любопытство вызываетъ только вопросъ о томъ, какими разсужденіями будетъ сопровождаться съ его стороны это принятіе, въ чемъ проявится его дѣйствительное отношеніе къ ней. Министры или ничего не знаютъ на этотъ счетъ, или хранятъ обо всемъ упорное молчаніе. Депеша оканчивается заявленіемъ, что двѣсти человѣкъ, принадлежащихъ къ партіи аристократовъ, подписали протестъ противъ всего, что за послѣдніе два года сдѣлано противнаго стариннымъ принципамъ и старинному порядку государственнаго

[1]) Депеша отъ 5 сент. 1891 года.

устройства. Выраженія, въ которыхъ составлено это заявленіе, такъ энергичны, что многіе члены духовенства, принадлежащіе къ той же партіи, не сочли возможнымъ присоединиться къ нему, и изъ нихъ сто человѣкъ составили самостоятельный протестъ, выражающій тѣ же принципы, но не допускающій тѣхъ послѣдствій, какія аристократы связываютъ съ ихъ нарушеніемъ [1]).

Текстъ протеста, составленнаго депутатами правой стороны, сохранился въ національной библіотекѣ въ Парижѣ; онъ носитъ слѣдующее заглавіе: «Декларація части депутатовъ на генеральныхъ штатахъ Франціи касательно принятія королемъ конституціоннаго акта». Подписавшіеся, значится въ этомъ документѣ, объявляютъ, что не могутъ считать свободнымъ актомъ утвержденіе, данное королемъ, такъ какъ его силой вернули во дворецъ, временно лишили власти, объявили плѣнникомъ и поставили въ альтернативу отреченія или признанія. Если бы послѣднее и было поистинѣ свободнымъ, прибавляютъ манифестанты, оно бы только увеличило наше горе, не колебля въ то же время тѣхъ религіозныхъ и политическихъ принциповъ, которыхъ французскіе короли не могутъ покинуть и признанія которыхъ ихъ подданные вправѣ требовать настойчиво. Декларація помѣчена 15 сентября 1891 года [2]).

Послѣ десятидневнаго ожиданія, читаемъ мы въ депешѣ Пизани отъ 19 сентября, внезапно въ прошлый вторникъ, рано поутру, хранитель печати въ мундирѣ и съ соблюденіемъ требуемыхъ формальностей предсталъ предъ національнымъ собраніемъ и заявилъ, что принесъ съ собою письмо короля, которое и передалъ въ руки президента. Изумленіе и рядомъ съ нимъ нетерпѣніе узнать содержаніе королевскаго посланія не замедлили сказаться во всѣхъ присутствующихъ. Посланіе заключало въ себѣ три части: попытку доказать послѣдовательность собственнаго поведенія, мотивированное, хотя и полное принятіе конституціи, наконецъ, просьбу дать амнистію за все случившееся во все время революціи одинаково членамъ той и

[1]) Депеша отъ 12 сент. 1891 года.

[2]) Biblioth. nationale, Mss., 7003. Suppl. fr. 6252. Текстъ декларації воспроизведенъ барономъ Малуэ въ примѣчаніяхъ къ мемуарамъ его дѣда (т. II, стр. 161).

другой партіи, ея сторонникамъ и противникамъ. Глубочайшее молчаніе, въ какомъ выслушано было королевское обращеніе, доказывало, говоритъ Пизани, съ какимъ вниманіемъ слушающіе отнеслись къ этому акту. Но когда прочтено было то мѣсто, въ которомъ Людовикъ XVI говоритъ не только о пріемѣ конституціи, но и о желаніи защищать ее отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, молчаніе смѣнилось внезапными и громкими криками—«да здравствуетъ король!» Выраженія восторга были такъ сильны и такъ продолжительны, что слышались во всей окрестности. Народъ, занимавшій сосѣднія улицы и прилегающій садъ Тюльери, ничего не зная, сбѣжался на эти крики. Спокойствіе скоро было возстановлено и чтеніе продолжалось, но прежніе и даже болѣе продолжительные возгласы раздались, когда прочтены были слѣдующія слова королевскаго адреса: «Такъ какъ я отвѣтственъ только передъ націей и не передъ кѣмъ другимъ, то разъ я отказываюсь отъ какихъ бы ни было возраженій, никто не въправѣ высказывать жалобъ». Съ этого момента и до конца чтенія не прекращались аплодисменты—хлопанье въ ладоши и стукъ ногами—однимъ словомъ, всѣ признаки конвульсивной, крайней радости. По окончаніи чтенія Лафайетъ предложилъ выразить королю довольство собранія, декретировавши общую амнистію. Предложеніе было принято немедленно и передано въ комитетъ для редакціи. На слѣдующій день изданъ былъ декретъ, въ которомъ обѣщалось 1) полное помилованіе и прекращеніе всѣхъ процессовъ, поводъ къ которымъ дала революція. 2) Отмѣна всѣхъ законовъ, касающихся паспортовъ и эмигрантовъ. Послѣ этого было постановлено, что депутація въ 60 человѣкъ должна немедленно отправиться во дворецъ и выразить королю благодарность за его посланіе и принятіе имъ конституціи, удовлетворившее желаніямъ націи. Депутація принята была королемъ, который выслушалъ обращенную къ нему рѣчь и далъ на нее короткій отвѣтъ. Въ этотъ моментъ вошла въ комнату королева съ дѣтьми. При входѣ ихъ король обратился къ депутаціи со словами—«вотъ вамъ моя жена и мои дѣти, которыя раздѣляютъ мои чувства».—Королева поспѣшила прибавить: «мы пришли сюда для того, чтобы вы могли убѣдить собраніе и націю отъ нашего имени,

что не имѣемъ и никогда не будемъ имѣть чувствъ, которыхъ бы не раздѣлялъ король».

На слѣдующее утро, въ среду, король отправился въ собраніе, королева съ дѣтьми помѣщалась на особой трибунѣ. Повторилось прежнее стеченіе народа; прежніе аплодисменты, прежніе крики: «да здравствуетъ государь» Когда Людовикъ XVI вернулся во дворецъ, все собраніе съ президентомъ во главѣ отправилось выразить ему свою признательность. Король принялъ ихъ въ большой залѣ совѣта и выслушалъ съ удовольствіемъ новыя выраженія благодарности. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и предписано устройство празднествъ во всемъ королевствѣ. Въ воскресеніе—день обнародованія въ Парижѣ конституціи, были пущены воздушные шары, устроены фейерверки, освѣщены Елисейскія поля, освобождены изъ тюремъ мелкіе должники и отслужены въ церквахъ молебны. Муниципалитетъ въ полномъ составѣ явился выразить свою признательность королю. Въ субботу Людовикъ XVI проѣхался верхомъ по улицамъ и всюду встрѣченъ былъ громкими привѣтствіями народа. Во время иллюминаціи Елисейскихъ полей толпа была громадна. Она расположилась въ рощѣ, занимавшей широкое пространство, со всѣхъ сторонъ открытое и усѣянное площадками для танцующихъ, а также маленькими павильонами для ужина. Кто насчитываетъ 400 тысячъ присутствующихъ, едва ли впадаетъ, по словамъ Пизани, въ большое преувеличеніе. Съ наступленіемъ ночи и въ самый разгаръ праздника и всеобщаго веселья король и королева, сопровождаемые немногими гвардейцами въ сообществѣ Лафайета, показались среди толпы. Внезапность ихъ появленія и довѣріе, съ которымъ они, почти беззащитные, предстали среди народа, вызвали сильнѣйшій энтузіазмъ, продолжавшійся не только во все время ихъ присутствія, но съ нѣкоторыми перерывами въ теченіе всей ночи.

Завтра, пишетъ Пизани, королева отправится въ оперу, въ которой мѣста уже теперь продаются за большія деньги, такъ какъ всѣ желаютъ ее видѣть.

Изъ писемъ принцессы Елизаветы мы узнаемъ о томъ энтузіазмѣ, съ какимъ принята была королева, и который повто-

рился и на слѣдующій день при посѣщеніи ею французской комедіи [1]).

Ярость и чувство мести, овладѣвшіе аристократическою партіей, по словамъ Пизани, представляли рѣзкій контрастъ народному восторгу. Враждебность и интрига владѣютъ также душами республиканцевъ, прибавляетъ онъ, и недовѣріе вноситъ смуту и безпокойство въ умы многихъ членовъ господствующей партіи. Кто внимательно прочтетъ вторую часть королевскаго посланія, извѣщавшаго о принятіи конституціи, найдетъ нѣкоторое основаніе къ такому недовѣрію. Несмотря на тонкости и прикрытія, нетрудно найти въ ней отголосокъ всякаго рода королевскихъ декларацій и зародышъ новыхъ протестовъ. Король объявляетъ, что не участвовалъ въ созданіи конституціи, по собственному выбору; онъ объявляетъ, что находитъ ее недостаточною для обезпеченія цѣлей правительства и единства имперіи; онъ протестуетъ, говоря, что не беретъ на себя никакой отвѣтственности за нее и дѣлаетъ видъ, что самое принятіе носитъ характеръ чего-то временнаго, имѣетъ въ виду сдѣлать возможнымъ опытъ примѣненія конституціи и позднѣйшую апелляцію къ народу съ цѣлію ея исправленія. Всего этого не замѣтили на первыхъ порахъ или не хотѣли замѣтить. Но время

---

1) Feuillet de Conches. Томъ II, письмо 25 сентября 91 года. Томъ IV, письмо 22 сент., стр. 100. Изъ этихъ писемъ видно, что Елизавета отправлялась на всѣ эти торжества противъ воли.

Въ дневникѣ Морриса мы читаемъ: «18 сентября, въ пять часовъ, отправляюсь въ оперу. Даютъ Кастора и Полукса. Король и королева здѣсь. Ихъ принимаютъ съ горячими аплодисментами; партеръ воспротивился всякимъ другимъ привѣтствіямъ, кромѣ тѣхъ, какія были направлены въ королевскую ложу". 10 октября тотъ же Моррисъ пишетъ друзьямъ въ Америку: Въ итальянской оперѣ слышались только крики: да здравствуетъ король, королева, королевская семья! Государь! да здравствуетъ ваше величество! Одинъ патріотъ вздумалъ закричать: да здравствуетъ нація, но его голосъ тотчасъ былъ покрытъ. Замѣтьте, что титулы—государь (sire) и величество (majesté) запрещены собраніемъ и что тотъ самый народъ, который кричитъ да здравствуетъ король, высѣкъ недавно знакомую мнѣ герцогиню, услышавъ только послѣднія слова ея демократическаго: заявленія; «не надо кричать, да здравствуетъ король». Это случилось въ день возвращенія Людовика XVI изъ Варена. Моррисъ, стр. 454, 462 и 463.

обнаружить, какіе тайные виды скрываются подъ этими «многочисленными и густыми покровами». Вся почти правая высказала свое недовольство, храня глубокое молчаніе въ теченіе послѣднихъ дней. При появленіи короля въ собраніи, весьма немногіе изъ этой партіи оказались въ числѣ присутствующихъ; но какъ мало значенія приписывается ихъ оппозиціи, можно судить по тому, что протестъ, подписанный двумя стами членовъ правой, не обратилъ на себя пока ни малѣйшаго вниманія. А между тѣмъ во всѣхъ журналахъ воспроизводится текстъ отвѣта, даннаго императоромъ Леопольдомъ и королемъ прусскимъ братьямъ Людовика XVI. Въ достовѣрности его, прибавляетъ Пизани, никто не высказываетъ сомнѣнія, даже члены дипломатическаго корпуса. Отвѣтъ этотъ, отчасти вызванный самимъ французскимъ дворомъ и его полномочнымъ агентомъ, барономъ Брэтелемъ, разстраивалъ планы графа Прованскаго, желавшаго немедленнаго назначенія его подъ предлогомъ плѣна короля временнымъ правителемъ (lieutenant du royaume [1]). Недовольство эмиграціи австрійскимъ дворомъ доходило до того, что въ письмахъ къ графу Артуа, Водрэль открыто говорилъ объ «имперскихъ свинствахъ», радовался ненависти, какую Леопольдъ внушаетъ въ Прагѣ, и успѣхамъ вѣнской демагогіи, и высказывалъ надежду, что спасеніе придетъ съ сѣвера отъ Екатерины [2]). Но въ то же время эмиграція не скрывала своего отчаянія по случаю пріема королемъ конституціи. «О, боги! какой позоръ! какое несчастье!» восклицалъ склонный къ откровенности Водрэль въ письмѣ къ д'Андтрегу отъ 28 сентября 1891 года.

Его отчаяніе сказывалось въ выраженіяхъ, въ родѣ слѣдующаго: «я готовъ на все и жду всего безъ слабости и страха, почти безъ сожалѣній, и знаете, почему? потому что смерть кладетъ всему конецъ. Я предвижу ее не только безъ ужаса, но даже съ радостью. Эти ужасныя времена породили желаніе

---

[1]) См. письмо Леопольда къ графу Артуа, хранящееся въ московск. архивѣ иностр. дѣлъ отъ 5 сент. 91 г. Feuillet de Conches, т. 2, стр. 280.

[2]) См. письмо изъ Вѣны отъ 20 октября 1891 года. Correspondence intime. T. II, стр. 29.

смерти» [1]). Это не мѣшало братьямъ короля печатать открытый протестъ противъ принятія конституціи Людовикомъ XVI и разсылать его во всѣ концы Европы, въ томъ числѣ къ Екатеринѣ съ заявленіемъ, что вѣрность королю и любовь къ родинѣ заставляютъ ихъ раскрыть глаза монарху и заявить предъ лицемъ всего міра одушевляющіе ихъ принципы и чувства [2]).

Многіе, пишетъ Пизани, заинтересованы въ томъ, чтобы выдать это письмо за апокрифъ, но распространеніе его между эмигрантами Фландріи не позволяетъ сомнѣваться въ его подлинности. Король и въ тайномъ, и въ явномъ письмѣ, старался убѣдить своихъ братьевъ въ серьезности мотивовъ, побудившихъ его къ принятію конституціи. Онъ высказывалъ надежду, что своимъ поведеніемъ они положатъ конецъ дальнѣйшимъ опасеніямъ. Эти опасенія, прибавлялъ онъ, производятъ дурное вліяніе на общественное мнѣніе [3]). Къ этимъ соображеніямъ король въ открытомъ посланіи, составленномъ съ вѣдома національнаго собранія, прибавлялъ: «народъ любитъ конституцію, такъ какъ это слово вызываетъ въ низшихъ классахъ представленіе о независимости, а въ тѣхъ, кто стоитъ немного выше, идею равенства. Мои подданные ждали конца конституціи, чтобы быть совершенно счастливыми» [4]). 30-го сентября, по поводу завершенія собраніемъ его дѣятельности, Людовикъ XVI въ торжественной рѣчи прибавлялъ къ этому заявленію обѣщаніе проявить бдительность и твердость въ исполненіи конституціи и воспрепятствовать всякимъ ея искаженіямъ [5]). Но въ то же время королева, заявляя въ одномъ письмѣ, болѣе или менѣе офиціальномъ, на имя брата Леопольда, что съ момента принятія конституціи народъ вернулъ королю и его семьѣ свое довѣріе [6]), въ болѣе секретной перепискѣ съ Мерси Аржанто на-

[1]) Письмо отъ 28 сент. 1791 года. Ibid., стр. 27.
[2]) Письмо 14 сент. 1891 года. Feuillet de Conches. Томъ II, стр. 322.
[3]) Письмо 25 сент. 1891 года по копіи Московск. архива. (Feuillet de Conches (т. II, стр. 364).
[4]) Ibid., стр. 328 тома II.
[5]) Feuillet de Conches. Томъ IV, стр. 477.
[6]) Ibid , Томъ II, стр. 405, письмо 4 окт. 1791 года.

стаивала на необходимости скорѣйшаго созванія въ Ахенѣ конгресса державъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи французской монархіи [1]), а Мерси, истолковывая императору дѣйствительныя намѣренія французскаго двора, говорилъ, что король принялъ конституцію только для того, чтобы лучше извлечь всѣ выгоды изъ контръ-революціи, которую онъ считаетъ неизбѣжной. Одновременно и въ письмахъ сторонниковъ англійскихъ учрежденій, и въ тайныхъ мемуарахъ, доставляемыхъ отъ имени королевы имперскому двору [2]), высказывались жалобы на успѣхъ, достигнутый республиканцами при выборахъ въ новое законодательное собраніе. Маллэ дю-Панъ говорилъ о будущихъ депутатахъ, какъ объ отбросѣ страны и вожакахъ анархіи [3]). Королева, не прибѣгая къ столь энергическимъ выраженіямъ, объявляла составъ новаго собранія въ тысячу разъ хуже прежняго [4]); а въ тайномъ мемуарѣ, написанномъ въ октябрѣ 1891 г. для вѣнскаго двора говорилось о преобладаніи въ новой камерѣ республиканской партіи и о ея намѣреніи низвергнуть монархію и водворить систему федеративныхъ республикъ [5]). Одновременно Моррисъ писалъ о будущемъ собраніи, какъ о проникнутомъ глубоко республиканскими и демократическими принципами [6]); тайный же корреспондентъ польскаго двора сообщалъ, какъ о событіи—о внезапномъ пріѣздѣ Дантона изъ Лондона и о намѣреніи его издать мемуаръ, разоблачающій всѣ козни вожаковъ монархической коалиціи и въ частности Дюпора [7]).

Наконецъ, въ день закрытія національнаго собранія парижская чернь впрягалась въ экипажъ Робеспьера и Петіона, возлагала на ихъ головы дубовые вѣнки и привѣтствовала ихъ кликами: «вотъ они истинные друзья народа, вотъ они неподкупные законодатели» [8].)

---

1) Письмо 28 сент. 1791 года. Ibid. T. II, стр 385.
2) Брюссель, 9 окт. 1791 года. Ibid. T. II, стр 418.
3) D'Hérisson. Antour d'une révolution, стр. 199.
4) Feuillet de Conches (Письмо къ Мерси отъ 28 сент.), стр 385 тома II
5) Ibid , T. II, стр. 423 и 425.
6) Diary and Letters, отъ 28 сент 1791 г. T. I, стр. 457.
7) De Lescure, стр. 549 (Томъ II, депеша отъ 10 сент. 1791 г.)
8) Hamel, т. I, стр. 553 (Hist. de Robesp.).

Можно было сомнѣваться, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы призывъ, сдѣланный Неккеромъ къ новому собранію, былъ услышанъ, чтобы его проектъ усиленія исполнительной власти и созданія пожизненнаго сената нашелъ ожидаемую поддержку [1]. Съ другой стороны, трудно не признать, чтобы издавая свое сочиненіе «о причинахъ, помѣшавшихъ французамъ сдѣлаться свободными» въ тотъ самый моментъ, когда законодательное собраніе санкціонировало молчаливымъ согласіемъ первые акты насилія парижской черни надъ королемъ, т. е. въ іюлѣ 92 года, Мунье не обнаружилъ своей обычной проницательности. Говоря, что во всякомъ государствѣ, въ которомъ верховная власть безъ ограниченій принадлежитъ одному простонародью, немыслима ни политическая, ни личная свобода, глава французскихъ доктринеровъ одновременно произносилъ осужденіе надъ конституціей 91 года и предсказывалъ ближайшее наступленіе террора и деспотизма комитета общественнаго спасенія [2].

---

[1]) См. предисловіе къ сочин. Неккера „Du pouvoir executif dans les grands états".

[2]) См. Recherches sur les causes qui ont empêché les français de devenir libres (Томъ I, стр. 8).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Надо читать*
6	31	не измѣненъ	неизмѣненъ
13	примѣчаніе 1-е	Poiut	Point
14	примѣчаніе 1-е	qu	qui
21	21	во едино	воедино
28	8	представителямици	представителями націи
32	3	Трелье	Третье
39	23	ниспроверженія	ниспроверженіе
51	16	отмѣ нѣзаконовъ	отмѣнѣ законовъ
53	9	конртреволюціи	контрреволюціи
59	2	опредѣленія	опредѣленіе
63	23	Францію	Франціей
64	1	эти	это
67	19	имѣетъ	имѣть
71	7	служатъ	служитъ
72	примѣчаніе 2-е	l'Europe la	l'Europe et la
73	15	венціанскаго	венеціанскаго
76	10	неосуществительность	неосуществимость
76	34	обиды	обиду
78	примѣчаніе 1-е	fransaise	française
80	31	какъ фанатика	какъ на фанатика
101	22	выступаютъ	выступаетъ
107	примѣчаніе 2-е	VIII	III
111	28	а	на
112	20	нимъ	нею
112	33	воспротивиться	противиться
115	2	авантюристовъ	авантюристахъ
123	14	заслуживала	заслуживало
123	14	отданной	отданнымъ
126	16	По его отпечатанію	По отпечатаніи
127	20	считаетъ	считать
138	5	ея	его
152	4	Шателье	Шапелье

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Надо читать.*
154	11	Бозенваль	Безенваль
155	8	денежныхъ бумагъ	бумажныхъ денегъ
165	11	время окрестили	время они окрестили
172	44	кто	что
165	13	вмѣстѣ съ тѣмъ	однако
174	10	Маллэ де Пана	Маллэ-дю-Пана
188	примѣчаніе 1-е	Cordelières	Cordeliers
192	3	прошло	проникло
197	20	о	а
204	примѣчаніе 1-е	напечатанныя	напечатанное
204	примѣчаніе 1-е	проникли	проникло
207	17	къ своему брату	къ деверю
207	18	качествомъ сердца графа Артуа	качествамъ его сердца
214	6	что благодаря, одной	что, благодаря одной
217	8	Революціи	Революцій
218	30	впечатленіе.	впечатлѣніе“
219	14	манифестаціяхъ, въ	манифестаціяхъ въ
219	14	пользу послѣдовав-шихъ	пользу, послѣдовав-шихъ
219	17	не рѣдкіе	нерѣдкіе
219	31	Оно	Она
219	34	И	Но
220	13	дурного.	дурного“.
222	примѣчаніе 1-е	Rallacorte	R. alla corte
229	7	прине сънамъ	принесъ намъ
229	примѣчаніе 1-е	національго	національнаго
230	2	ващи	наши
235	26	эмигтраціи	эмиграціи
238	23	военные	военныя
240	32	оно,	оно:
241	30	меня къ уступкамъ!“ Новыя рукоплесканія покрывають это звяленіе.	меня къ уступкамъ!“ Въ засѣданіи 8 іюля
254	26	отношенія	отношеніе
255	5	численное большинство	численный перевѣсъ
256	22	для его семьи“	его семьи“
257	23	д’Аржанто	Аржанто
267	8	d’inviolabilitè	l’inviolabilité
273	20	короля правда	короля, правда
274	1	Маріано	Маріана
283	примѣчаніе 1-е	маниципальныя	муниципальныя

Забѣлинъ, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зиберъ, Н. И. Соч. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883 г. Ц 4 р. 50 к.

Іодла. Исторія этики. Перев. подъ редакц. *Влад. Соловьева.* Т. I. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Игерингъ. Борьба за право. Пер. *П. Волкова.* М. 1872 г. Ц. 75 к.

Каррьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Перев. *Е. Корша.* М. 1874 г. Ц. 16 р.

Ковалевскій, М. Происхожденіе современной демократіи. М. 1895 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглеръ. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша.* 2 ч. М. 1870 г. Цѣна 10 р.

— Руковод. къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева.* М. 1870 г. Ц. 7 р.

Куно-Фишеръ. Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы, въ 2 частяхъ. Пер. *И. П. Разсадина.* М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціусъ. Исторія Греціи. II и III т. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсака.* М. 1880—83 г. Ц. 9 р.

Лавелэ. Балканскій полуостр. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева.* Ц. 6 р.

Лампрехтъ, К. Исторія германскаго народа. Пер. *П. Николаева.* М. 1894 г. Т. I и II. Ц. по 4 р. Т. III Ц. 3 р.

Левитовъ, А. И. Собраніе сочин. Съ порт. автора, грав. въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его *Ф. Д. Нефедова.* 2 тома. М. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лессингъ, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Разсадина.* М. 1883 г. Цѣна 3 р.

Лёббокъ. Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Перев. *А. П. Павлова.* М. 1893. Цѣна 1 р. 50 к.

Лотце. Микрокозмъ. 3 тома. Перев. *Е. Корша.* М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Перев. *В. Чаева.* М. 1873 г. Ц. 6 р.

Магаффи. Исторія классическаго періода греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовскаго.* М. 1882 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена римской имперіи. Пер. *М. Корсака.* М. 1879 г. Ц. 2 р.

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. М. 1890 г. Т. I. Ц. 2 руб.

Моммсенъ. Римская исторія. III т. Ц. 16 р. 50 к.

Морлей, Дж. Руссо. Пер. съ англ. *В. Н. Невѣдомскаго.* 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Дидро и энциклопедисты. М. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. М. 1895 г. Ц. 3 р.

Мауреръ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *Е. Корша.* М. 1880 г. Цѣна 2 р. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія въ 2 томахъ. М. 1894 г. Ц. 3 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Парксъ. Исторія Австраліи, въ 2 ч. Пер. *В. Невѣдомскаго.* М. 1894 г. Ц. 3 р.

Пелисье. Литературное движеніе въ XIX ст. Перев. *Ю. Доппельмайера.* М. 1896 г. Цѣна 2 р.

Пешель, О. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана.* М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. М. 1878 г. Цѣна 2 руб.

Риль, А. Теорія науки и метафизики. М. 1888 г. Ц. 2 р.

Саади-Ширази. Гюлистанъ (Цвѣтникъ розъ). Съ персидскаго подлинника. Пер. *И. Холмогоровъ.* М. 1882 г. Ц. 1 р.

Столповская А. Очеркъ исторій культуры китайскаго народа. Ц. 3 р.

Страбонъ. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенко.* М. 1879 г. Ц. 10 р.

Суриковъ. Стихотвор. Полное собр. съ портр. автора, факсимиле и біогр. *Н. А. Соловьева-Несмѣлова.* Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Ц. 3 р.

— Стихотворенія. Изданіе третье. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тьюкъ, Х. Духъ и тѣло. М. 1888 г. Пер. *П. Викторова.* Ц. 2 р. 50 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. 3 т. М. 1886 г. Ц. 9 р. 50 к.

Токвиль, А. Воспоминанія. Пер. *В. Невѣдомскаго.* М. 1893 г. Ц. 2 р.

Тренделенбургъ. Логическія изслѣдованія, въ 2 том. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэнъ. Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Файфъ. Исторія Европы XIX ст. Т. III. М. 1890 г., Ц. 2 р. 50 к.

Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. М. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фиске, Д. Открытіе Америки. Пер. *П. Николаева.* М. 1892. Въ 2 т. Ц. 4 р.

Фойгтъ, Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. П. Разсадина.* 2 тома. М. 1884 г. Ц. 6 р. 50 к.

Фрикенъ. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисун.). Ч. I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

— Итальянское искусство въ эпоху Возрожд. М. 1891 г. Въ 2 ч. Ц. 4 р.

Фриманъ. Историческая географія Европы, съ картами. Перев. подъ редакціею *И. В. Лучицкаго.* М. 1892 г. Въ 2-хъ том. Цѣна 6 р.

— Методы изученія исторіи. Пер. *П. Николаева.* М. 1893 г. Ц. 2 р.

Фулье, А. Исторія философіи. Пер. *П. Николаева.* М. 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М. 1895 г. Ц. 3 р.

Шекспиръ. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера.* 9 частей. Цѣна 10 р.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики. Перев. *Э. Циммермана.* Т. I, III и IV (IV-й т. въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Ц. за три т. 17 р. 50 к.

Экономическая библіотика: 1) *Смитъ А.* Ц. 1 р., 2) *Рикардо.* Ц. 1 р., 3) *Милль.* Ц. 1 р, 4) *Мальтусъ.* Ц. 1 р., 5) *Бентамъ и Юмъ.* Ц. 1 р. 6) *Сэ и Бастія.* Ц. 1 р. 7) *Кенэ.* Ц. 1 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Лампрехтъ. Исторія германскаго народа. Т. III. — **Викторовъ, П.** Ученіе о личности. Т. II.—**Грегуаръ.** Исторія Франціи. Т. 4. — **Ковалевскій, М.** Конецъ аристократическихъ правительствъ. — **Библіот. экономист.:** *Сисмонди, Леплэ, Кэрисъ, Родбертусъ, Шмоллеръ.* — **Белохъ.** Исторія Греціи. Т. I. — **Брандесъ.** Фердинандъ Лассель. — **Гаспари.** Исторія итальян. литер. Т. II. — **Герцбергъ.** Исторія Византіи. — **Годла.** Исторія Этики. Т. II. — **Лансонъ.** Исторія французской литературы. Т. I. — **Трайль.** Обществен. жизнь Англіи. Т. II. — **Рамбо.** Всеобщая исторія. Т. II.

